ПЕРВОЕ ТВОРЕНИЕ

ПАДЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕГО

Яков Крекер

ПЕРВОЕ ТВОРЕНИЕ

ПАДЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕГО

НОЙ И СУД НАД МИРОМ

I.ОТКРОВЕНИЕ БОЖИЕ В ВЕТХОЗАВЕТНИЙ ПЕРИОД

1. Что такое откровение Божие?

> "Господь Бог сказал, - кто не будет пророчествовать?"
>
> Амоса 3,8

> "Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне..."
>
> Евреям 1,1

Несмотря на свой путь уничижения, Библия не потеряла еще своего посланничества. Она говорит и будет говорить, пока не завершится ее последняя миссия среди человечества. Люди и народы, которые сознательно пытались не подчиняться ее духу и откровению, доказали только, что человек не в состоянии приобресть без ее света ни живого общения с Богом верою, ни истинного к ближнему и творению.

Библия в своем откровении Бога желает, чтобы ее расценивали как "живое Слово", а не как "священную книгу". Она желает, чтобы ее не только читали, она хочет, чтобы ее и слушали. Откровение ее стремится говорить с нами так же, как оно говорилось некогда с апостолами и пророками. Ведь сегодня имеются в Церкви Христовой широкие круги, которые "потеряли" Ветхий Завет вместе со словом откровения. Они потеряли его не только как "священную книгу", но и как "живое Слово". Как бы строго и официально ни признавали люди эту Книгу, они все же пренебрегают ее духом и силой ее откровения, превознося над ними. Полагают, что способность человека размышлять должна заменять современному человеку откровение Божие.

К тому же следует заметить, что содержание откровения ветхозаветных Писаний до такой степени "потеряно" для современности, что об этом никак нельзя умолчать здесь. Нас же занимает единственно вопрос, каким образом та полнота откровений Божиих, которая содержится в ветхозаветнем каноне, способна оказаться для нас таким откровением, посредством которого оплодотворится наша внутренняя жизнь, определится наше мировоззрение, упорядочится образ нашей жизни и оживут наши ожидания спасения и будущего.

Тот, кто вообще не способен верить в возможность

откровения Божиего в природе, в истории, в мировых событиях и в жизни водимых Богом личностей, тот твердо верит и тому, что периоды истории, предшествовавшие нашему христианскому летоисчислению, не лишены были откровений Божиих. Конечно, величайшее и самое совершенное откровение оказалось уделом человечества в личности Иисуса. То, что принес нам "Сын", того не могли принести нам ни Моисей, ни пророки. Только Сын засвидетельствовал об "усыновлении" и оказался в слове и в деле воплощенным Евангелием Отца, дарованным миру. Однако поскольку закон и пророки, мир и история еще до Него восприняли в себя Божественное и вечное, они уже оказались для мира вестниками откровения Божиего.

В нашем ветхозаветном каноне в особенности закон, пророки и история хотят говорить с нами как откровение Божие. Оно стало в них словом и плотью и создало нечто новое в истории. Для того, кто признает историчность патриархов, предания о возникновении Израиля, кто признает полномочия пророков в служении, для того, кто верою воспринимает содержание Псалмов, так и останутся загадкой возникновения, существование и свет их, если он не попытается отнести все это к откровению Божиему. Все попытки сослаться на другие источники, которые объяснили бы тайны их историчности, их силы и их служения, сами будут лишать себя своеобразия.

Только Бог и Его откровение, а не человек и его мыслительные способности помогут нам понять ту жизнь с ее свидетельством, с которой мы встречаемся в Писаниях ветхозаветного канона. С одной стороны, эта жизнь столь естественна, столь посюстороння, столь человечна и все-таки столь совершенно иная, как и жизнь тех личностей и народов, которые в своем духе не находят уже места для вновь творящих Божественное откровение сил. Как ни верно то, что, например, происхождение и история Израиля, с одной стороны, носят облик других семитских народов, с другой стороны, однако, это совсем не один и тот же образ. В его отцах веры, в его истории, в его пророках часто заключено нечто столь загадочное, необъяснимое, пророческое, что выходит даже за пределы исключительно человеческого, исторического, народного и что указывает на более высокие источники его. В жизни этого народа происходило бесконечно много такого, что было каким-то ущербным, несовершенным, временно ограниченным и связанным, и все же, как откровение Божие, характерным образом выделяло Израиля из среды соседних народов в силу его отношений к Богу, его мировоззрений, его религиозной и общественной жизни, а также в силу его ожиданий

будущего.

То, что так обогащало некогда жизнь отдельных личностей и всего народа Божественным светом, внутренней силой, преданным служениям, то же способно ныне послужить и нам и привести к тому источнику, из которого закон и пророки черпали свой свет. Потому что каждый ручеек в творении Божием свидетельствует своей жизнью о том источнике, который питает его. Если же мы слышим в Писаниях Ветхого Завета, как шумит такой поток более высокой жизни, подобного которому по содержанию и приблизительно нельзя найти в древней мировой литературе, то для нас это лишь доказательство существования более высокого источника, который питает его.

Вечное способно происходить только от вечного. По своей сущности, как мы уже сказали, Израиль-Иуда, как народ, стоял не выше других семитских народов. Если в среде этого народа мы и обнаружим посредников и представителей этого потока, то все же никогда источника его не достигнем. Сокрытые области источников, которые питают содержание откровения Ветхого Завета, расположены не в развитой религиозности израильско-иудейского народа и не в пророках - носителях его истории. Эти области источников гораздо более высокой природы. Израильский народ вместе со своими пророками всегда был лишь получателем пророчеств, но никогда не был творцом своих откровений. Поскольку они Божественны по своему содержанию, поскольку они Божественны и по своему происхождению. Бог всегда являлся вдохновителем, а Израиль был только Его пророком. Не вера Израиля создала себе Иегову, как своего Бога откровения, а Бог откровения создал Себе в вере Израиля человеческого носителя и посредника для Своего Божественного откровения.

Какова же сущность всякого откровения Божиего? - Самосообщение Бога людям. Предвечная жизнь и сущность Бога является откровением и самосообщением Бога. То, что носит в Себе Бог в неисчерпаемой полноте Божественной жизни и мира, утешения и энергии, радости и праведности, Он хотел бы в Своей любви сообщить и тем, которые готовы были бы в своей человеческой сущности и смертности приобресть благословение Божественным и вечным. Отсюда и все его стремление войти в неомраченное общение с родственными Ему по духу существами. Он хочет искупить такие существа и привлечь их в общение с Самим Собою, чтобы они могли оказаться получателями, а он мог бы быть для них Даятелем. Вот поэтому во все времена Бог ищет себе таких людей, которым он мог бы доверять сокровенное Его души и что Он носит в Себе как жизнь. Очи Его

обозревают землю, чтобы явить Свою силу тем, которых "сердце вполне предано Ему" /2 Пар. 16,9/.

Бог дает, а человек получает; процесс этот немыслим без общения человека с Богом, хотя и может совершаться только посредством откровения. В самом начале истории спасения не было еще дела, а было только слово. Сперва откровение произнесло свое слово, а только затем уже ответила вера. Сперва милосердие Божие должно было снизойти в тьму и скорбь человека и с помощью своей творческой силы пробудить в нем веру, которая способна превратить человека в получателя Божественных благ. Потому что живая вера, благодаря откровению, всегда рассматривала себя как субъект его, оставаясь в то же время объектом, постоянно зависящим от содержания и силы откровения.

Во всех спасительных действиях, вытекающих из избавления и приводящих к избавлению, Бог в Своем откровении всегда был первопричинным субъектом, а человек, благодаря своей вере, - воспринимающим объектом. Сперва прозвучало слово Бога, а затем уже появилась Церковь верующих; сперва появился свет свыше, а затем уже толкующий его пророк; сперва прозвучало призвание Божие, а затем уже появился избранный народ. Вот поэтому откровение, благодаря своей всемирной миссии, стало призванием человека, как воплотившееся слово, чтобы вовлечь его в жизнь в Боге и в сферу Его избрания. Призвание - это временное явление, избрание же - вечное назначение и высшая цель Божественного откровения для человека.

Бог творил. Это было первое - и человек предстал пред Богом как Его творение. Бог сказал. Это было второе, - и человек предстал пред Творцом как Его дитя. Однако отношения между Богом и Его чадом совершенно иные, гораздо выше тех, которые существуют между Творцом и Его творением. Вот об этих отношениях и тосковал Бог. Потому что Бог есть Дух и жизнь. Однако жизнь, лишенная возможности самоотверженной передачи жизни, всегда является внутренним одиночеством, притом не только для человека, но и для Бога. Вот поэтому Бог никогда не молчит продолжительное время. Он от века Бог откровения. Как только Он начинал говорить, всегда появлялся свет и в творении, и в жизни человечества, даже в его падшем состоянии.

Продолжительное молчание Божие повергло бы человечество в вечную тьму и смерть. Вот поэтому тот факт, что Бог хранит мир, является не чем иным, как продолжающимся творческим актом Божиим. Царство Божие проявляется исторически в

качестве постоянно простирающегося вперед откровения Божиего. Даже самые мрачные времена истории никогда не в состоянии принудить Бога к длительному молчанию. Если Он временами молчит, тогда говорят суды Его, внося смерть и погибель в человечество и творение. Если являющийся свет Его был до сих пор всегда сильнее тьмы, то и та жизнь, которую Он дарует, всегда была могущественнее смерти. Вот поэтому после даже самой мрачной ночи наступает час, когда слово Божие становится плотью и как откровение пребывает среди нас. Когда исполнялось время, Он всегда посылал Своих пророков. Они должны были возвещать о том, что, прежде всего, ожидает мир, если он не пожелает принять откровения /Амоса 3,7; Дан. 2,22 и 30/.

Когда Иисус пребывал среди нас, Отец Его мог говорить с Ним посредством воробья на крыше или цветка на поле. Так, многие молящиеся Ветхого Завета были вдохновляемы на создание своих псалмов и хвалебных песнопений просто дивным господством Божиим в природе и в мировых событиях своей эпохи. Павел слышал своими обостренными общением с Богом ушами воздыхания не только своего народа и тогдашнего древнего мира, но и стенания всякой твари. Он видел ее нынешнюю скованность; он слышал, как она, словно изнемогая в муках рождения, с тоскою ожидает освобождения от гнева смертности посредством откровения сынов Божиих. Ибо настроенное на спасительную весть Божию ухо воспринимает и во всякой области порабощенной твари вопль об избавлении.

Даже история мира стремится быть в своей глубочайшей сущности и в своем объеме историей Божественного откровения для тех, которые способны видеть в ней сокровенное, но целеустремленное господство Божие. Несмотря на ночь истории, они должны тем не менее знать, что позади всех явлений, сил, форм жизни, законов природы и водительства стоит Бог с Своим неисследимым планом спасения, чтобы повести все творение навстречу его вечному избавлению и грядущему господству Бога. Он видит, что во всем космосе господствует не слепая необходимость природы, в великих мировых событиях - не ряд бесцельных случайностей, в пестроте жизни народов - не неконтролируемое нечто, а в нынешнем существовании отдельных личностей - не поддающееся осознанию неразумие. Он знает, что позади всего находятся творческие жизненные силы Того, Который посредством Своего живого слова хочет искупить все творение Себе в Свой храм, а человека - в истинное подобие Себе. Потому что Бог достаточно велик для того, чтобы снова вовлечь в сферу

Своего искупления падшее творение.

Однако получение откровений Божиих всегда было сопряжено с каким-то определенным восприятием Бога. Правда, средства, которые Бог избрал для того, чтобы открываться Своим рабам, были различны и многообразны. Моисею Господь явился в первый раз в терновом кусте. Но это откровение привело к призванию Моисея в пророки. Исайя пережил то же призвание, но в видении. Иеремия, очевидно, исключительно внутренне был охвачен непреодолимой уверенностью, что Бог, несмотря на его юность, хочет доверить ему слово к Своему народу. Какие бы внешние события или душевные внутренние переживания ни содействовали тому, чтобы открываться Своим рабам, все средства, которыми Бог когда-либо пользовался ради этой цели, по своему существу всегда обладали второстепенным значением. Он никогда не сочетал ожиданий Своих пророков с подобными средствами. Когда Моисей научился понимать своего Бога и без тернового куста, Господь уже никогда не общался с ним таким путем. Позже Он говорил с ним уже, как друг говорит с другом. Потому что друзья Божии понимают своего Бога и без тернового куста.

Необходимо, однако, заметить, что чем ближе находился пророк к своему Богу, чем восприимчивее было его ухо к словам Божиим, тем непосредственнее становились отношения между Богом и человеком. Чем обильнее мера Духа, благодаря которой пророк считал, что Бог облагодетельствовал его, тем непосредственнее было его общение с Ним. Исайя стремился каждое утро, как ученик, открывать свое ухо для слов Божиих /Ис. 50,4/. Чем дальше находился пророк от Бога, тем грубее были те средства, с помощью которых Бог открывался ему. Вот поэтому еще и сегодня проявляется глубоко укоренившаяся в христианстве обильная символика и стремление сохранять внешность особенно там, где сущность христианского благочестия отличается недостатком святости и искренности.

Подвергнув точному исследованию средства откровения, обнаружим, что Бог всегда избирал их таким образом, чтобы они, прежде всего наиболее соответствовали внутренней настроенности и духовному пониманию отдельных пророков Божиих. Сосуд откровений Бог всегда воспринимал в истории в таком виде, в каком Он встречал его. Он не задавался вопросом, кем был пророк прежде по своей сущности; Его интересовало другое: во что способны будут превратить пророка Его благодать и Его дух. Так или иначе, но самым решающим всегда был тот факт, что пророк воспринимал своего Бога в совершенно определенных областях как откровение. Илия и

Иеремия получали поручения, не выполнить которых они отныне уже не решались. Амос и Исайя учились толковать в свете Божием великие события мировой истории; делать это не в состоянии были ни священники, служившие в храме, ни даже государственные мужи. Иезекииль и Иоиль приобретали перспективное видение, чтобы видеть приближающееся в будущем спасение; это делало их способными пробуждать в душе народа надежды, которых отныне не в состоянии были уничтожить или погубить никакие страдания трудного времени. Поэтому величайшие эпохи страданий Израиля могли превратиться лишь в час рождения высочайших ожиданий народа.

Следовательно, истинные пророки Божии не являлись как получатели и носители Божественных откровений личностями, которые бездушно получали и далее передавали то, что доверяла им вечность. Каждое откровение рождалось в них в величайших муках, теснейшим образом сочетаясь отныне со всей их жизнью. Пророк погибал, если он сознательно отказывался от полученного откровения Божиего и того поручения, которое было сопряжено с ним /Иона 1,12/. Подобно тому, как человек вынужден жить естественной жизнью, в которую он вошел через рождение, так и истинный пророк Божий считал себя обязанным двигаться и проявлять себя в сфере тех Божественных истин, в которую он вошел посредством своих внутренних восприятий Бога.

Поэтому он говорил о великом и Божественном, о котором ему предстояло возвещать, как о пережитом. Он никогда не говорил о тех откровениях, которые не были непосредственно доверены ему Богом. Он в той лишь степени всегда считал себя пророком, в которой считал себя уполномоченным для этого, благодаря прямому откровению, решаясь повиноваться поручению Божиему. Истинный пророк никогда на обладал откровением Божиим в смысле некоторого личного достояния, которым он мог бы лично распоряжаться. Он не владел этим откровением, он получал его. Тайна его служения и его проповеди состояла в его зависимости от Бога. По своей сущности он не был пророком, а лишь в той только степени, в какой он от случая к случаю был облагодетельствован полученным откровением Божиим.

Прямую противоположность этому составляли лжепророки. Они "воровали" слово Божие и далее передавали то, что никогда не доверялось им как откровение. Они говорили, но в силу полномочий других рабов Божиих. Вместо того чтобы самим внимать словам Божиим, ухо их прислушивалось к устам народа. Вот поэтому провозглашаемая ими весть

сообразовалась с волей народа. Они ходили вслед за своим народом, вместо того чтобы, как священники Божий, идти впереди своего народа, направляя его и руководя им. Они никогда не предстояли пред Богом перед тем, как пророчествовать своему народу. Вот поэтому жизни их и свидетельству их недоставало внутреннего авторитета и удостоверения посланников Божиих.

Единственное удостоверение истинных пророков Божиих состояло исключительно в их длительном, постоянном призвании, которое они получали в своей человеческой немощи и в своей зависимости от Бога, но на основании Его вдохновения. В своей внутренней жизни они составляли ту пророческую стражу, когда человек молчал, а говорил лишь Бог. Как бы ни был шум голосов их эпохи, как бы громко не говорили политики и религиозные деятели их эпохи, им ведома была та тишина /Аввак.2,1; Пс. 72, 17; 84,9/, когда духовное ухо слышит лишь то, что говорит Бог. В этой тишине они приобретали ту ориентацию, которую не могли бы им дать ни культовое служение в храме, ни господствовавшая государственная политика. Обостренное и просветленное светом Божиим око их приобретало дальнозоркость, совесть их - нежность, а суждения их - вещественность и справедливость, посредством которых они высоко возносились над общей ориентацией своего времени. Откровения Божии вовлекали их в область суждений Самого Бога.

В получаемой от Бога ориентации пророки становились неуязвимой совестью мира. Ибо, хотя они, как духовные личности, головами своими возносились выше облаков, все же обеими своими ногами они стояли на земле. Хотя своими просветленными сердцами они жили в сфере явлений вечности, священническая душа их все еще двигалась в сфере социальных и политических событий своего народа и времени. Несмотря на то, что дух их, настроенный на получение откровений, пытался постичь вечный совет Божий, телом своим они жили в совершенно определенное мгновение истории. Полученный от Бога свет составлял содержание их миссии /Лук.8, 16-18/. Вот поэтому правда их судила ложь эпохи. Проповедь их предлагала народу путь к жизни и путь к смерти. Высказываемые ими служения требовали полного преобразования господствовавшего образа мыслей и настроений в культовом служении и в государстве. То, что эпоха их считала спасением и жизнью, для них это было равносильно смерти и погибели. Они теряли надежду там, где современники их торжествовали победу. Следовательно, они были мужами постоянных внутренних конфлик-

тов. Свет спасения, который они видели и предлагали, другие отвергали как источник всякого зла /3 Цар.18,17/. В то время как сами они ошибались в своем народе, народ их ошибался в своих пророках, в их восприятии и понимании жизни, а также в их мировоззрении.

История Иисуса, как Логоса, в Его уничижении во все времена была историей откровения. Одни поняли Его и приняли ради собственного спасения и спасения мира, другие отвергли Его, но уже для собственного осуждения. Это откровение в состоянии были понимать всегда лишь те, которым Бог даровал дуновение Своего Духа и которых Он обогатил Своим смыслом. Глубже всего воспринимали дух Писания те, которым Бог помог понять прочитанное.

Чтобы вообще оказаться в сфере, доступной людям, временные формы Божественных откровений всегда стремились явиться в некотором очеловечении Божественного. Как только вечность вторгается во временное, она вынуждена принять формы временного. Логос Божий должен стать плотью, чтобы, как явленное Слово, быть в состоянии говорить с нами. Все Божественное должно очеловечиться, чтобы мы оказались в состоянии понять его, как откровение.

Все это привело к тому, что весь наш религиозный и метафизический мир понятий особенно сильно выражается в образах и притчах, которые принадлежат посюсторонней жизни. Присутствие воплотилось для нас в храме. Полную внутреннюю отдачу Богу мы называем жертвой. Вдохновение Духом Святым мы называем огнем свыше. Истинные ученики Христовы во всей своей совокупности являются для нас телом Воскресшего и храмом Духа Святого. Даже для определения Бога Отца и Сына Его Иисуса Христа Священное Писание пользуется самыми различными именами. Однако если Писание и называет Бога Элохим, или Эль-Шаддаи, или Адонаи, или Ягве /Иегова/- Господь Саваоф, то все же ни одно из этих понятий не отражает сущности Божией во всей ее Божественной полноте. Это же относится и к имени Иисуса. Иоанн Креститель называл Его Агнцем Божиим - и все же Он был бесконечно большим, нежели агнец. Иисус называл Самого Себя светом миру, хлебом жизни, истинной виноградной лозой, добрым пастырем. И все же Он был бесконечно больше того, что способны выразить все эти понятия и притчи. Для Павла Он Кириос - Первенец всего творения, Первенец из умерших, Глава Церкви. Однако все эти понятия выражают лишь вполне определенные стороны личности Христа и Его Божественной плеромы.

Это же касается и народа Божиего и Церкви Христовой. В

мои юные годы я столкнулся с двумя вопросами, которые оказали решающее влияние на всю мою жизнь. Один из них гласил: "Кем является для него Христос?" Тогда мне стало ясно, почему в Священном Писании, как Отец, так и Сын и Дух Святой носят различные имена. Ни одно из понятий нашего мира временности и преходимости не в состоянии вполне выразить того, чем хотят быть для нас Отец, Сын и Дух Святой во всей Их полноте. К тому вопросу примкнул с течением времени и другой: "Кем же ты являешься для Христа?" Тогда-то я понял, что все наши понятия для определения учеников Иисусовых является не чем иным, как временными притчами, которые должны уяснить нам наше истинное отношение к Христу.

Отсюда и формы, которые Бог всегда избирал в Своей теофании, бесконечно многообразны и изменчивы и образуют лишь материальное тело для вечного Духа. Чтобы явить Свое присутствие, Бог явился Моисею в терновом кусте, на молитву Илии ответил огнем, а храм Соломона наполнил облаком. Однако никогда Он не ограничивался этими формами в явлении Своего присутствия. Эти формы бесконечны, как бесконечен Бог; Он всегда избирал лишь те, посредством которых человек с течением истории мог глубже всего понять Его.

Вот поэтому многие из этих форм носили временный и местный характер; некоторые из них были позднее полностью упразднены посредством более чистых и более высоких форм; многие из них совершенно исчезли. Чтобы уяснить всем поклоняющимся израильтянам, что Господь пребывает в среде Своего народа, что Он хочет быть близок к призывающим Его, все богослужение этого народа было сопряжено с храмом, как с местом обитания Бога на земле. Когда же гораздо позже самарянка спросила "Сына", сидящего у колодца Иакова, где же, собственно, место поклонения Богу, в Самарии или в Иерусалиме, Иисус ответил самарянке: "Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу..., но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине" /Иоан. 4,21-23/.

Этого местного и временного характера форм откровения, к сожалению, слишком часто не замечают и забывают о нем. Вот поэтому человек всегда наделял формы характером вечности и убивал дух откровения. Так и возник однажды в Израиле тот бездушный культ жертв, против которого время от времени с такой остротой и в силу полномочий Духа выступали истинные пророки Божий.

В конечном итоге человек в состоянии и далее

культивировать внешние формы откровения, которые продолжают жить, однако, уже без духа откровения. Формы и исповедания могут быть весьма древними и без духа. Благо, во времена Иисуса говорили: "Отец у нас Авраам". И новый мир признает апостольское христианство, однако в своей общей массе он не живет по духу апостолов и пророков. Люди создают святое, но потеряли Освящающего. Носят милость пророков, не имея уже души пророков. Люди заботились о "святом" храме, не чувствуя потери освящающего присутствия живого Бога. Они склонятся перед крестом вместо того, чтобы склониться перед Распятым. Возникла религия, которая учила нас искать Бога и служить ему, не приводя нас, однако, в то общение с Богом, где Бог силен найти нас и помочь нам служить Ему. Внешняя форма духа должна была заменить его внутреннюю силу.

Вот поэтому с течением истории Бог допускал, чтобы суды Его сокрушали те формы, которые грозили однажды превратиться в длительное препятствие между Богом и человеком. Ибо откровение не зависит от плотской воли человека, оно не зависит и от священных мест и времен, от исторически сложившихся церквей и вероисповеданий, если даже Бог по Своей благодати и пользовался ими порою и везде. Но оно сопряжено, нерасторжимо сопряжено с Духом Божиим, Который должен излиться на всякую плоть. Бог вынужден был уничтожить храм и культ, как только они похитили у человека доступ к Нему, чтобы Народ Его жил без Его присутствия и без внутренней отдачи Духу Его.

Собственно, Бог никогда не был против формы. Первое, что пытался создать Дух в первые дни творения, проявилось именно в том, что с каждым новым днем Он создавал новые формы жизни, сочетая их друг с другом в определенной гармонии в органические соединения. Так создал паривший над хаосом Дух Божий Себе телесную форму в космосе. Без тела не может быть жизненного выражения души, немыслимо и выражение духа. Глубочайшее мышление человека окажется бесплодным, если оно не может быть сообщено ближнему языком организма.

Там где форма в своем многообразии, соответствуя бесконечному многообразию духовной жизни, являлась не чем иным, как духовно-телесным воплощением духа, там она всегда являлась весьма ценной для Бога и находилась под Его Божественным благословением. Ибо "телесность", т.е. воплощение духа, является и остается целью всех путей Божиих. В этом мире материальности и временности, где всякая жизнь обусловлена местом и временем, жизнь способна выражаться лишь посредством духовно-телесного тела. Там где дух и форма об-

разуют органическое живое единство, там не должно умерщвлять тела. В противном случае исчезнет и дух, который пребывает в этом теле, в этом организме и посредством которого он находит свое выражение. Форма без духа всегда была мерзостью для Бога. "К чему Мне множество жертв ваших?" - велит Он сказать Своему пророку, приносящему жертвы Израилю /Ис. 1, 11-15/.

Однако всякое очеловечивание Божественного является, в свою очередь, некоторым удалением или сокрытием Бога от человека. Ни одно слово, ни один образ, ни одна притча, ни одно понятие, относящееся к эпохе минувшего, не в состоянии вполне раскрыть перед нами вечное и Божественное. Итак, всякое раскрытие Божественного с помощью человеческих форм всегда являлось и одновременным сокрытием Божественного посредством человеческого. Хотя храм и символизировал присутствие Божие в среде Его народа, молящийся израильтянин, желавший встретить своего Бога, видел только храм и жертвенники, священные покрывала и сосуды, но не видел шехины - славы Божией. Следовательно, все материальное в состоянии быть символом, но никак не может составлять сущности Божественного. Бог величественнее всякого символа, жизнь Его обильнее всех форм и языка человечества.

Имеется только один сосуд, который в состоянии вместить Бога в Его Духе и в Его откровении - это дух человека, который однажды окажется вполне искупленным. Настроенный понимать Бога и поклоняться Ему, он становится храмом, где можно поклоняться Богу и Его подлинной сущности в Его величии и славе. Здесь воспринимается Бог в Его обновляющей и освящающей силе, здесь вступают в живое общение с Ним, как это может практиковаться лишь среди родственных по духу существ. Здесь можно видеть образ Божий, как это случилось однажды с Моисеем; здесь знакомятся с домостроительством Божиим /Числа 12,7-8/. Ибо только человек, как образ и подобие Божие, достаточно велик, чтобы воспринимать Бога в Его величии, в Его спасении и в Его силе, так что он начинает в своем мышлении, в своем характере, в своем служении и в своей -надежде носить истинный образ своего Отца.

Не маловажным элементом является и подлинное назначение и цель Божественного откровения. И то и другое, может быть, можно выразить с помощью трех основных понятий: избавление /спасение/, общение и служение. Всякое откровение Божие желает оказаться спасением для человека. Всякий раз, когда Бог не молчит ради человека и начинает говорить, человек всегда оказывается перед делом своего избавления. Во всяком

откровении открываются для человека врата к Богу. Оно стремится даровать ему то, чего у него нет; оно стремится быть для него творческой силой, которую он тщетно искал бы в самом себе. Потому что откровение стремится всегда избавлять, освобождать, подымать из состояния исключительно земной человечности с ее падением и вовлекать нас в Божественную сущность. Бог - это спасение; поэтому только спасение и способно исходить от Него через Его откровение. Воспринимает ли его человек как прощение или как просветление, как утешение или как покой и мир, во всяком откровении Божием заключено для него что-то избавляющее.

Даже откровения судов Божиих должны означать для человека в гораздо большей степени избавление, нежели наказание. Они всегда направлены лишь против того, что препятствует человеку находить в Боге свое избавление. Они являлись насильственным вторжением во внутренние противоречия человека и времени против Бога; они уничтожают посредством милосердия Божиего все то, что человек создал в собственном духе ради своего собственного мнимого спасения.

Поэтому нет в ветхозаветном каноне книги, весть которой не была бы избавлением, которое посредством своего откровения не проникло бы в историю человечества. Содержащиеся в отдельных книгах и полученные человеком откровения Божий возвещают нам всегда о какой-то стороне избавления, которое уже пережил человек или пережить которое он призван. Правда, перед нами начертан весь мрачный задний фон падения, заблуждений, вражды против Бога, греха и смерти в его историческом развитии и в его проявлениях. Откровение Божие никогда не умалчивало истинного образа, который носит человек в своей душе, в своем мышлении, в своей жизни. Оно никогда не одобряло и не оправдывало жизни, которая содержит внутри себя смерть и погибель. Ибо как и Сам Бог, так и всякое откровение Бога в первую очередь является светом, который светит и во тьме. Этот свет проникает в глубочайшие тайны человеческого бытия и безоговорочно обнажает самые сокровенные источники, из которых вытекает всякое отдельное зло с своими последствиями, проявляющимися в истории. Вполне последовательно поэтому, что всякое откровение спасения в человеке проявляется прежде всего как выявление человеческого греха, бессилия и нищеты.

Итак, наш библейский канон уже в первых главах Бытия начинается избавлением, которое звучит и в последней книге Библии, выражаясь в совершенном господстве Божием для спасения всего творения. Аллилуйя Апокалипсиса Иоанна мыслимо

только на основании предыдущих откровений, дарованных через апостолов и пророков. Господство Божие видимо только там, где откровение Божие еще прежде оказалось в состоянии говорить и избавлять.

Поэтому книги Библии говорят гораздо меньше о тех действиях, которые заложены в человеческих возможностях, а гораздо более о "деле Божием, которое превосходит все человеческие возможности". Не способность к развитию влечет человека к Богу, а возможность приобщиться к избавлению Божиему является его пребывающим Евангелием, его откровением. Это откровение совсем не предлагает того, что человек добр по своей сущности, но оно может и хочет избавить каждого, кто зол и скверен, как только он раскроет себя навстречу его свету и его спасению. Оно не ожидает спасения, а приносит спасение туда, где прежде господствовали разрушительные силы погибели. Такова мировая миссия откровения Божиего.

Это избавление приводит к общению с Тем, от Кого оно исходит. Возлюбленный становится любящим. Душа его пробуждается для Того, Кто избавил его. Это великий поворот, который ведет к новой жизни. Избавленный человек "не спит более сном отвердевания своего "я", он "пробужден единственно Одним и для Одного". Это святая односторонность возлюбленных, сепаратизм облагодетельствованных, это отчужденность избавленных от мира. Уста открываются, однако, не только для Бога; ухо начинает слышать, однако, только то, что говорит Бог; душа начинает чувствовать, однако, только биение пульса Божиего для дела личного спасения.

Ибо истинное избавление мыслимо только в пределах общения с Искупляющим. Откровение Божие избавляет человека, но не для того, чтобы затем предоставить его самому себе даже с совокупностью полученных им от Бога даров. Спасение его заключается не в уже полученном, а в постоянном получении. Человек, вовлеченный откровением в сферу спасения, не должен успокаиваться отдельными полученными дарами; успокоение его только в Боге. Предоставленный самому себе вместе с полученными прежде благословениями и искупленный даже человек вновь становится по своей сущности лишь связанным рабом. Правда, всякое откровение прежде всего приводит Бога к человеку, но затем оно влечет уже человека к Богу. Оно не хочет быть в жизни человека преходящим, а длительным, постоянным явлением. Подобно тому как человек до сих пор жил внушениями своего собственного духа, так отныне он должен руководствоваться светом и энергией, которые заключены

для него в общении с Богом. Не становясь Богом и не восходя к Богу, как учит мистика, но все же должен составлять одно целое с Богом и общаться с Богом в духе усыновления и жить лишь в сфере того, что принадлежит Отцу.

Едва ли имеются страница библейского канона, которая не знакомила бы нас с теми личностями и с тем народом, которые состояли в общении с Богом. Да, Библия является историей, т.е. она исполнена историей, но история ее является только рамками для несравненно более высокого, что Библия должна сообщить нам. Она говорит нам об общении с Богом, в которое вовлекается человек посредством откровения. Вот поэтому Библия в своем содержании сообразно отличается от всех других учебников истории и литературных явлений прочей мировой литературы.

Откровение Божие становится избавлением, избавление же Божие благословляет для общения, а общение с Богом вдохновляет далее для служения. Речь избавленных должна быть не только светом, но и, в свою очередь, благовестием; жизнь же искупленных является не только ожиданием пред Господом, но и свидетельством перед ближними. В общении раскрываются их уста, однако, только для Бога; ухо их слышит только слова Божий; душа их чувствует только собственное блаженство вблизи Бога. Тот, кто открыл себя для Всевышнего, должен будет открывать себя однажды и для самого высокого - для толкования откровений Божиих и для других. Кто находится в общении с Богом, вынужден, в свою очередь, открывать себя и для мира, обращаясь к нему с речью, и мир должен открыться для него, когда он будет вовлекать его в свое избавление. Таким образом, общение уничтожает сепаратизм избавленных и посылает их в мир, как вестников Божиих. Отвечавшие до сих пор только Богу начинают отныне говорить с помощниками своей веры и служат им тем, что сами получили от Бога. Внимавшие словам Божиим начинают внезапно слышать вопль своего народа и потому готовы стать жертвой ради избавления мира. Любившие до сих пор только себя начинают любить ближних, как самих себя, пытаясь вовлечь их в то избавление, которое избавило нас вначале как возлюбленных, превратив нас затем в любящих.

Итак, всякое спасение Божие возникает благодаря откровению, живет откровением и становится откровением. Ибо не святое наслаждение, а священническое служение является зрелым плодом, высшим результатом облагодетельствованного человека в его общении с Богом. Да, Бог в самом начале служит человеку, вовлекает его в общение с Собой, делает его при-

частником Своего Духа и Своей природы, вводит его во всю полноту более высокого мира, - но с единственным намерением, что человек однажды послужит человеку. Авраам должен был получить благословение, чтобы быть в благословение для всех народов земли. Как друг Божий, Моисей должен был оказаться избавителем и вождем своих братьев. Призванный быть избранным рабом Божиим Израиль должен был проявить себя пророком для мира. Когда Богу было благоугодно явить Своего Сына Савлу из Тарса, Савл понял, что ему предстоит быть вестником Иисуса Христа среди народов.

И в Своем творческом, и в Своем искупительном деле Бог является для нас бесконечностью. Человек видит, что и он вовлечен в это дело, если только он вошел уже в связь с Ним. Труд Божий сообщает жизни помилованных направление, и мир сможет видеть однажды творческую и побеждающую мир силу Божию даже на почве человеческой немощи. Сила Божия превращает дело для Бога в дело для мира. Дух Божий вдохновляет возлюбленного, и он становится пророком и апостолом Евангелия любви. Общение с Богом раскрывает перед помилованным всю полноту Его спасения, и он несет весть об этом в мир, и эта весть значительнее всякой погибели мира. Таково служение тех, которые посредством откровения достигли избавления, а через избавление - общение. Поэтому мировая миссия откровения является программой служения искупленных.

Для того, кто способен воспринимать великие принципы Библии как откровение Божие, Священное Писание не является более убивающей дух буквой, а становится для него духом и жизнью. Кто ищет в Священном Писании Бога, тот вскоре обнаружит и в своей жизни, что Бог ищет его и хочет быть для него Богом откровения и спасения. Несмотря на свою семитскую внешность. Библейский канон является для него не только израильско-иудейской национальной литературой, а той единственной Книгой человечества, в которой собраны и изложены величайшие и высочайшие откровения Божий в истории человечества. Если человек, подобно Самуилу, однажды и сочтет, что это был голос человека, голос народа, который призвал его, то в один прекрасный день душа его все же поймет, что это голос гораздо более Высокого, и, охваченная Богом, она ответит в глубочайшем смирении и в священном почтении: "Говори Господи, ибо слышит раб Твой" /1 Царств 3,10/.

2. Каковы ветхозаветные эпохи?

"Который сделался я служителем
по домостроительству Божию, вверенному мне для вас, чтобы исполнилось слово Божие, тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его".

Колос. 1,25-26

Я считаю, что принципиальное освящение следующего вопроса послужит многим для того, чтобы приобресть более всеобъемлющее и более глубокое понимание ветхозаветных Писаний. Это вопрос:

Каковы ветхозаветные эпохи?

Каждому сведущему в истории известно, что ни всеобщие события, ни спасательные действия Божий не принимали в течение тысячелетней истории прямолинейного течения. И те и другие представляют собой в крайнем случае лишь различные, хотя и параллельно протекающие эпохи. По своему глубочайшему существу, они в своей основе отличаются друг от друга, однако совершенно отделить их друг от друга нельзя. Как вопль и дух, так и они теснейшим образом соединены друг с другом, совместно образуя великое историческое течение событий. Ной с его переживаниями так и остался бы для нас совершенно непонятным, если бы мы не поняли эпохи развития Каиновой культуры. История Израиля в еще большей степени оставалась бы для нас тайной, если бы не была обрамлена историей различных соседних народов. Ветхозаветные общины эпохи после Вавилонского племени можно понять только на основе тех исторических катастроф, которые потрясли весь тогдашний культурный мир, не остановившись даже перед святилищем Израиля и его теократическим государством. Временным миссионерским полем для спасательных действий Божиих всегда был наш мир вместе с его паданием и его историей.

Одна линия истории с ее отдельными и сменяющими друг друга периодами говорят о человеке и его развитии, вторая же говорит о Боге и об Его откровении. Первая изображает мир человека с его вожделенным раем и переживаемым адом, вторая - мир Божий с его избавлением от этого ада для но-

вого воскресения. Именно в этом отношении так существенно отличается мир истории Библии от всех других исторических произведений мировой литературы, потому что он "с определенной и неумолимой логикой своей взаимосвязи возносит нас над нами самими" /по Карлу Барту: "Слово Божие и богословие"/.

Это собрание Священных Писаний, которые хотят дать нам исчерпывающие ответы на глубочайшие вопросы о Боге и человеке, является в своей исторически-человеческом возникновении чадом одного народа, а именно израильско-иудейского народа. Сокровище Иафета родилось от чресл Сима. Нет ни одной книги в нашей Библии, которая первоначально не принадлежала бы этому народу, отцом которого был Авраам. Каждый Псалом, каждая историческая книга, каждое собрание пророков и закона являются чадами этого народа и наследием евреев и дышат духом веры отцов их.

Эти величайшие достояния рода Сима превратились в величайшее наследие мировой истории. Именно те исторические народы, которые использовали духовные принципы этого наследия для окончательного основания своего благополучия и созидания, навсегда остаются творцами и носителями нового будущего. Напротив, вся древность, не обладавшая родственной религией откровения, хотя и не исключала себя из шатров Сима, все же по своему существу погибла безвозвратно. Единственным живым языком ее является язык ее еще не погибших пирамид, ее мест погребения и развалин, которые возвещают пронесшимся над ними тысячелетиям с их поколениями и народами вечно юную истину: "Не хлебом одним живет человек". Без откровения нет будущего, без Божества только все более и более созревающее зверство, та непреложная предварительная ступень всякого анархизма, который в свое время тщательно осуществит завершающую гибель существующего мирового порядка. Там, где в историческом развитии все существующее не всегда превращается во внутреннюю реформацию, вдохновляемую более высоким откровением, там однажды все существующее непременно встретит свой пагубный конец. Суды Божий, к сожалению, всегда говорили там, где должно было бы пророчествовать более высокое благоразумие и предлагать борющейся эпохе программу нового будущего. Анархизм всегда являлся не чем иным, как окончательным крушением народа, который уже не способен более находить в самом себе тех нравственных сил для того, чтобы изнутри извергнуть смертоносный элемент своей прежней культуры и политики, чтобы затем снова обновить их.

Итак, в основе всякого всемирно-исторического движения всегда находилось ядро, содержавшее Божественный принцип жизни. Даже в тех случаях, где оно не нашло своего действительного выражения в истории, и там необходимо предполагать, что подлинно движущим и решающим в развитии человечества был религиозно-божественный элемент. Соблюдаемое на основе более высокого откровения поколение Богу, сочетавшееся с нравственной борьбой против господствовавшего эгоизма, всегда составляло решающее основание для будущей истории мира. Да, можно утверждать, что и в социальном, и в культурном отношениях всегда выше других подымались те народы, которые в своей общей жизненной сущности ближе всего находились к сущности библейского откровения. Они располагали теми нравственными силами, которые проявлялись достаточно сильно, чтобы преодолевать разрушающие течения времени и чтобы приблизить новое будущее для спасения истории. Вот поэтому Евангелие не в состоянии принести избавления нашему времени, которое видит свои высшие блага в захвате земель и свое единственное будущее в оправдание самолюбия, в провозглашении грубой силы народа. После этой характеристики внутреннего течения всеобщей истории мы в состоянии несколько ближе подойти к особому освящению библейских периодов. Зададимся прежде всего вопросом:

Как возникло понятие библейских эпох?

Оно теснейшим образом сопряжено с ожиданием спасения поздним иудейством и в своем полном выражении является чадом иудейской эсхатологии. Даже ветхозаветному канону не чуждо понятие определенных эпох, заключающихся в рамках великих мировых событий. Об этом свидетельствует хотя бы. все чаще встречающаяся формула: "От века и до века" /1Па-рал. 16,36; Неем. 9,5; Пс. 89,2; 102,17; 105,48/. Правда, она встречается только в отдельных Псалмах и в некоторых ранних книгах. Однако в апокрифической и псевдоэпиграфической литературе поздней эпохи после Вавилонского пленения, а также в Новом Завете эта формула приобретает свое подлинное значение.

По своей сущности древнееврейское понятие века /вечности/ выражает не меньшее и не иное, как бесконечность. Производное от "сокрывать", это слово содержит следующий смысл: "Он начинает там, где заканчивается сфера нашего восприятия". Это понятие содержит, как мы можем представить себе это, все трансцендентное и сверхвременное. Однако уче-

ние об определенных и органических мировых периодах, сменяющих друг друга с течением великих мировых событий, в большей степени принадлежит эпохе после Вавилонского плена и находится в теснейшей взаимосвязи с израильско-иудейскими ожиданиями будущего.

В ветхозаветных Писаниях, как может казаться, ожидание спасения было направлено скорее в сторону земной жизни. На основании пророческих видений евреи тосковали прежде всего о наступлении всеобщего господства Божиего прежде всего для Израиля, а затем уже и для всего мира. Ожидающие были твердо уверены, что более узкой ареной этой теократии с ее универсальным спасением может быть только Палестина с Иерусалимом, как ее духовным центром. Это господство Божие будет прежде всего означать внутреннее очищение и возрождение всего народа, а затем уже оно сочетается с далеко простирающимися надеждами на политическое освобождение. Господство Божие должно сокрушить всякое иго, которое другие народы возложили на спину избранного раба Божиего.

Вот поэтому с такой тоской ожидали пришествия власть имеющего Мессию, Царя из дома Давида, Который должен будет выполнить все то, что Бог обещал касательно будущего в деле спасения, обещанного Своему народу. Этот Мессия и Царь соберет рассеянных в изгнании и возвратит их, как голубей, в селения их. Иерусалим вознесется тогда до единственного в своем роде блеска; тогда начнется избавление святой земли от проклятия бесплодия, благодаря чему расцветет по всей земле никогда еще не существовавшее прежде благоволение нового общения с Богом.

Эти центральные мысли ветхозаветного ожидания спасения были восприняты поздним иудейством эпохи после Вавилонского пленения, однако, к сожалению их теснейшим образом сочетали с надеждами трансцендентной природы. Вопрос о воскресении всех усопших, размышления о продолжительности существования нынешнего мира и его последующей гибели, изображение приближающегося суда над миром и появление отдельных личностей пред судейским престолом Божиим, возможность будущего блаженства и будущей погибели, небесный Иерусалим и горящее серою огненное озеро - все это было внесено в общий образ живых суждений о будущем и занимало ожидающую с тоской избавления душу иудейских общин, находящихся в рассеянии. Боролись еще и за проникновение к такому познанию, которое касается того, что в великом будущем, несущем с собой спасение, речь пойдет о гораздо большем, нежели только нынешнее Царство Божие на палестинской земле. Вот поэтому

эсхатология, начиная уже с того времени, не занималась преимущественно и единственно вопросом израильско-иудейского народа, а все более и более переходила от национального к наднациональному и космическому, охватив, наконец, и весь будущий мир.

Наряду с этой дальнозоркостью все более и более места требовало то мнение, что грядущее время спасения может "созидаться только на вполне новой почве и из исключительно нового материала". Благодаря этому мнению образовалась та зияющая пропасть во взглядах, которая существует между преходящим сейчас и вечным некогда, между погибающим старым и грядущим новым. На основании этого познания и сопряженных с ним размышлений возникло учение о двух зонах /о двух веках/, для обозначения которых пользуются выражениями: нынешний век и грядущий век.

Всеобщее положение мира той поры с его господствующими несправедливостями во всех областях социальной и политической жизни было таково, что в каждой великой исторической катастрофе люди с крайним напряжением ожидали конца прежнего и наступления нового зона /века/. Происходило, однако, все совершенно иначе. Да, мировые события и внутреннее напряжение души ожидающих народов содействовали тому, чтобы это дело Божие могло оказаться историческим событием, которое Павел описывает следующими словами: "Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего /Единородного/, Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление" /Гал. 4,4-5/ Как ни велико было это событие и как ни велико было спасение миру, сопряженное с пришествием Иисуса, однако все еще не наступал ожидаемый с таким напряжением конец прежнего зона /века/ и все еще не начинался совершенно новый век. И та эпоха должна была, в свою очередь, постичь то же, что так часто приходилось постигать израильскому благочестию в своем ожидании спасения, а именно, что в ходе истории Бог толковал слова Своих пророков часто совершенно иначе, нежели люди представляли себе это в своей тоске, вчитываясь в пророческие слова.

С момента пришествия Иисуса миновало почти две тысячи лет, которые все еще принадлежат первому эону. Как ни велики были духовные благословения, которые сочетались для мира с личностью Иисуса Христа и Его Евангелием, все еще не наступало время того ожидаемого совершенно нового зона. Мы ожидаем его в терпении. Великое течение истории все еще совершается в общих рамках нынешнего эона. Однако Христос

разделил этот зон на два великих периода откровений: на ветхозаветный и на новозаветный. Характерную сущность первого периода определяет Послание к Евреям как речь Божию через пророков; типическую сущность второго - как речь Божию через Сына. Павел называет время, начиная с момента пришествия Иисуса, просто "днем спасения", временем того принятия спасения, которое пророки усматривали и ожидали с такой искренностью /2 Кор. 6,1-2/. В рамках наших нынешних рассуждений размещается, однако, исключительно ветхозаветный период откровения. Но можно ли говорить в пределах этого периода о каких-то отдельных эпохах? На это ответит нам, может быть, второй вопрос. Он гласит:

Каким образом определить период времени библейской эпохи?

В этом вопросе уже заключена предпосылка для того, что внутри всего общего ветхозаветного периода откровения можно различать еще разные эпохи. Число их зависит от той точки зрения, глядя с которой пытаются разделить великий спасительно-исторический процесс первых четырех тысячелетий. Мы исходим из предпосылки, что у отдельных эпох в их рождении, в их внутреннем характере и в их закате при всем их различии имеется все же что-то общее. Это законы и принципы, которые позволяют все же что-то общее. Это законы и принципы, которые позволяют начаться новому, вдохновляя и оплодотворяя в течение определенного времени весь период, пока плоть в своем историческом развитии не станет опять сильнее духа и пока она не приготовит ему своей Голгофы. Ведь Христос в Своей личности в конечном итоге пережил то же, что до сих пор с самого начала переживало всякое откровение Божие: пророк становился священником, священник - жертвой, а жертва - воскресением.

Там, где видимым образом совершается крушение старого, где пробуждаются первые начала новых сил, расположены великие перекрестки истории - перекопы от умирающего к новому периоду. Мы называем их поворотными моментами. Однако их нельзя отнести к какому-то определенному календарному дню. Ибо переход от умирающей эпохи к рождающейся всегда был таким постепенным, в силу чего очень часто всякий поворотный момент охватывал собой промежуток в несколько десятилетий и даже больше. Умирающая эпоха часто обладала еще таким запасом сил и такой видимостью жизни, что только немногие способны были видеть в ней печать суда и смерти, которую она тайно носила еще на своем челе. Внезапное крушение эпохи

всегда представлялось для большинства современников неожиданностью. Оно приходило, "как тать ночью". Только потом начинали сознавать, в каких иллюзиях жили люди и как сами они готовили себе гибель своим ложным отношением к жизни.

С другой стороны, все великие начала, которые вводили новое, опять-таки были столь неясны, а пробуждающиеся принципы казались столь зачаточными, что большинство не могло ни предположить, ни предвидеть, что этим началам предстоит быть духовными и вдохновляющими силами грядущей истории.

Эти обстоятельства усложняют подробное описание отдельных эпох и точное определение их продолжительности во времени. Поскольку в Библии изложен исторический ход ветхозаветных спасительных действий, мы полагаем, что сможем разглядеть определенные внутренние и внешние законы, которые дадут нам возможность разделить целое на определенные периоды. Может быть, нам помогут в этом и следующие предположения и факты.

Мы решаемся на аналогию и хотим сказать, что, во-первых, у каждой эпохи очень много внутреннего сходства с отдельными творческими днями Бытия. Те всегда начинались вечером и заканчивались утром. Таков метод Божий. Дух Его носился над хаосом, и слово Его повелело быть свету во тьме. Сотворение, откровение, избавление - в этом святом триединстве всегда совершалось господство Божие и в великих мировых событиях. Это триединство является решающим и в отдельных исторических периодах ветхозаветных спасительных действий, как мы увидим это еще и позже. Из хаоса - гармония и красота, из падения избавление, из смерти воскресение и жизнь - эти действия Божий всегда превращали вечер и утро в творческий день. Не материал по своей сущности обусловливал Бога в Его творческих действиях, а тот факт, что благодать Его окажется в состоянии сделать из этого материала для будущего. Если промежуток дня заканчивался мрачной ночью страстной пятницы, то все же он создавал условия на своей же почве для наступления пасхального утра грядущего дня, превращал его в начало нового периода. Наш конец и конец мира всегда являются началом Божиим.

Затем можно установить, что всякая эпоха начиналась всегда чем-то новым, однако, после завершения своего развития, после своей зрелости с течением времени она опять погибала в судах. Одно из самых тяжелых открытий, которое я в свое время сделал при изучении Ветхого Завета, состояло в том, что мне пришлось обнаружить на основании первой главы пророка Даниила, что до сих пор в ходе всей истории Иерусалим,

как целое, всегда в какой-то момент находил свой конец в Вавилоне. То, что в истории начиналось духом, в свое время заканчивалось плотью и передавалось плоти для суда. Иерусалим, который внутренне превращался в Вавилон, должен был найти свой суд в Вавилоне.

Правда, каждый новый период начинался новыми принципами духа и жизни. В самом начале они были оплодотворяющей и движущей силой становящейся эпохи, вдохновляли, формировали и образовывали то новое, которое в самом начале представлялось сильнее времени и смерти. Однако наступал в свое время день, когда сотворение начинало торжествовать над творческой силой, плоть - над духом, форма - над содержанием, ортодоксальность - над пророчеством. И в библейском ходе истории каждая эпоха, как и каждый отдельный творческий день, заканчивались вечером. Этот вечер заканчивал каждый период потрясающими словами: "Распни, распни Его!" Это последнее решение периода и введение той ночи, которую один только Бог в состоянии сменить новым утром.

Однако еще нечто третье можно наблюдать в библейском ходе истории. В каждую эпоху созревал святой остаток, который не погибал в судах, но который в свое время Бог превращал в основание и в носителя новой эпохи. То, что в ходе развития и в катастрофах для других означало неизбежную погибель, для него было избавлением. Одно и то же историческое событие погубило египтян и избавило израильтян. Чтобы спасти гораздо более величественное будущее, Бог допустил, чтобы в судах потопа погиб мир Каиновой культуры и в семействе Ноя, построившего жертвенник всесожжения на обновленной земле, началось новое. Отверженный прошлым становится пророком для будущего. Проданный своими братьями Иосиф становится во время бедствий избавителем всего своего рода.

Именно этими великими указателями будем руководствоваться тогда, когда позднее попытаемся разделить общее течение ветхозаветной истории на отдельные периоды. Однако прежде чем мы приступим к попытке подобного разделения, нам необходимо для четкого уяснения каждого отдельного периода, эпохи, ответить себе еще на один вопрос. Он звучит так:

Какой внутренний характер отличает каждую библейскую эпоху?

Начало новой эпохи никогда не означало возвращения к прошедшему. Не реакция и реставрация, а реформация и прогресс были теми творческими жизненными принципами, которые двигали ею. Там, где Бог творит историю, Он никогда не возвращается к осужденному. Там, где человек все же это делал, он никогда не в состоянии был завершить новое, которое оказалось бы в итоге значительнее погибшего. Будущее Божие никогда не заключалось в возвращении к осужденному прошедшему. Оно всегда покоилось в том новом, которое только Он в состоянии совершить. Вот поэтому Его пророки всегда были мужами вечно нового. И чем более эпоха открывалась навстречу Его новым творческим действиям, тем более она возрастала внутренне в силе и жизни, в познании и спасении, превосходя все предшествовавшее. Она получила новое от вечности, поэтому она вносила вечное и новое будущее и в его преходимость.

Только эпохи, отличавшиеся скудностью Божественной энергии и творческой силы, существовали воспоминаниями об осужденном прошлом. В недрах своих ни одна из эпох не могла бы найти сил для того, чтобы рождать подлинно новое. Лишь в той степени, в какой Бог посредством Своего света мог доверить пророкам эпохи более высокое, люди располагали силами творить новое будущее. Вот поэтому, если эпохе не доставало этих просветленных Богом и помилованных Им носителей нового будущего, она всегда превращалась в время бедствий в истории человечества. Ибо там, где молчали пророки, там говорили книжники; там, где отсутствовало откровение, жили традицией; там, где не действовали более творческие силы Божественной жизни, там топтались на месте в бесплодном служении мертвой ортодоксальности и законности.

Особенно яркий пример этой захватывающей истины мы обнаруживаем в эпохе, непосредственно предшествовавшей Христу. Начиная пророком Малахией, все более и более угасало то великое время в иудейском народе, в котором выражалось живое общение Бога с народом посредством личностей, толковавших Его слово. Умолкли уста пророков, но начали говорить книжники. Когда-то служило народу для его связи с Богом то, что Он неизменно производил по Своей благодати и по Своему благоволению к народу обещанное прежде. Теперь же исполнения и законные обязанности составляли решающую базу для общения с Богом. Но именно в этих обязанностях и выразилась вся нищета времени, лишенного пророков. Жизнь прошлого рассматривали как ортодоксальность, а не как истину нынешнего общения

с Богом. Такие времена могут быть обильны познанием, но всегда неизменно бедны истинной жизнью. То, что прежние поклонения пережили некогда в своем общении с Богом, возводится обычно в закон; то, что было некогда проявлением силы Божией, превращается в такие времена в предмет религиозных обязанностей.

Поэтому мы еще раз подчеркиваем, что внутренний характер всякой новой библейской эпохи отличается тем обстоятельством, что начало ее никогда не является возвращением к тому, что прежде подверглось осуждению. Если бы это было иначе, тогда все мы все еще жили бы, несмотря на свое познание и избавление, несмотря на свою культуру и свое познание, в сфере древности. Однако каждая новая эпоха возвещает нам о новой последующей истине. Завершение ее окончательно сокрушает в судах лишь то, что оказалось длительным препятствием для наступления Царства Божиего в будущем. Бог бесконечен с Своих действиях. Царство Его является очевидностью Его Божественных действий в творении. Все то, что вовлекается в Его действия, что руководствуется и определяется Его Духом, принадлежит в своем послушании и в своем служении сфере жизни Его Царства. Наоборот, все то, что с течением времени сознательно отвергает влияние свыше, что сообразуется только с собственной сущностью, однажды безнадежно погибнет, благодаря внушениям своего же собственного духа. Суды могут господствовать только там, где они находят в жизни, в ее общей сущности, в культуре то горючее, которым может питаться пламя их. Ад может существовать лишь там, где он находит в человеке и в направлении его духа что-то внутреннее родственное себе.

Общий характер каждой новой эпохи всегда обнаруживал новую истину Божию. И в откровении совершились переходы от ясности к ясности, от познания к познанию, пока не наступила та полнота времени, которая явила нам Сына Божиего как совершенное откровение Божие. Поэтому каждая эпоха с свойственным ей светом была лишь подготовкой для грядущего, которое призвано к тому, чтобы явить миру еще больший свет.

Свет вовлекал в свою собственную сущность все более широкие круги своего же света. Так, например, в Каинову эпоху носителями Божественной жизни и Божественного откровения являлись только отдельные личности Сифова рода: Авель, Енох, Ной. Однако, начиная призванием Авраама, носителями этого же Божественного откровения становились уже семьи. Начиная же посланничеством Моисея и избавлением израильского народа из египетского плена, весь Израиль призывался

к тому, чтобы быть пророком того откровения, которое Бог хотел сообщить всему миру для его же спасения.

Поэтому, как ни мрачны были отдельные эпохи, как ни сильно сопротивлялись некоторые из них полученному свету, подвергая себя в итоге, благодаря новым преступлениям, новым судам, грядущему Царству Божиему нельзя уже было ничем воспрепятствовать в его победном шествии. Оно приближалось; наконец, пришел: и Тот, Кто, как Наследник этого Царства, в силу полномочия Своего Отца мог сказать: "Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие" /Матф. 12,28/.

Итак, не расположены ли на перекрестках истории различные переходы от умирающей эпохи к воскресающей, где гибнет культура прошлого в исторических катастрофах, но где пробуждаются новые принципы жизни, которые, благодаря своему вдохновению, оказываются достаточно сильными, чтобы создать новое будущее? И не оказался ли избавленный человек после своего падения величественнее плотского человека до его падения? Не оказалась ли жизнь Авраама и его потомков после вавилонского смешения языков гораздо богаче верою, нежели Ноево благочестие до падения Вавилона? Не был ли опыт народной жизни Израиля и его законности после судов над сынами Иакова в Египте гораздо объемнее, нежели жизнь веры Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа до порабощения в Египте? Не оказалась ли жизнь иудейского народа после Вавилонского изгнания гораздо свободнее от всякой склонности' к идолослужению, нежели жизнь израильского народа до пленения? Не подготовило ли все это того часа, когда смог явиться Тот, Который освободит человека в его общении с Богом от всякой законности и Который сможет поставить его исключительно на почву благодати и усыновления? Действительно, и эпохи древней истории мира в той степени, как они видны в ветхозаветном каноне, свидетельствуют посредством своих полных перемен событий о том, что Царство Божие постепенно приближалось к человечеству и что каждый грядущий день вместе с своей жизнью являлся более славным, нежели все то, что погибало в катастрофах от прежнего дня. После этих общих изложений зададимся вопросом:

Какие эпохи можно различать в ветхозаветный период откровения?

В качестве ответа предлагается попытка разделить историческое течение Божиего плана спасения в том виде, как он представлен нам в ветхозаветном каноне, на отдельные периоды времени. Мы надеемся, что эта попытка, которая по сути

дела может быть лишь чем-то весьма приблизительным, окажется все-таки особенно полезной тем, которые хотели бы получить легко воспринимаемый образ общего содержания Ветхого Завета.

1. Эпоха первых начал

Она началась восстановлением первого творения и закончилась судом над падшим человеком и изгнанием его из рая. Отдельные акты и события его изображают нам почти что с классической аналогией все те великие принципы падения, избавления и завершения, которые должны будут позднее выработаться в истории человечества и земли. В первых главах книги Бытия отражается в принципе великий ход грядущей истории мира.

2. Эпоха Каинового развития истории

Она началась двумя прототипами человеческого настроения сердца - Каином и Авелем; она объемлет весь период развития Каинового развития истории и заканчивается судами потопа. На заднем плане ее виден Ной в своем сепаратизме, который не подвергся судам, хотя и пережил суд над миром, и над которым после потопа засияла радуга завета жизни и обетования в тех облаках, которые принесли с собой смерть и погибель всякой плоти.

3. Эпоха веры

Она объемлет промежуток времени от призвания Авраама и до судов, постигших сыновей Иакова в Египте. В жизни веры главных носителей этой эпохи обнаруживаются все существенные характерные черты, которые в состоянии явить призванная Богом, служащая Богу и оказавшаяся в благословение миру жизнь. В послушании Авраама, в общении Исаака и в страданиях и господстве Иосифа заложены основания для того, в силу чего Авраам мог быть назван для всех последующих времен отцом веры. Ибо пребывающее в жизни этих патриархов вытекало из их веры, из их правильной настроенности по отношению к дарованному им откровению.

4. Эпоха закона

Она берет свое историческое начало в выходе Израиля из Египта и объемлет собой все обильное развитие этого народа

вплоть до крушения его теократического государства, начиная наступлением Навуходоносора. Это на редкость богатый период своим изображением порабощения Израиля, затем его последующим избавлением, странствованиями Израиля, изображением его родины, жертвенного культа, его священнического служения и его царства. Вся полнота судов, и милости, которую способен пережить мир, обнаруживается здесь в пределах одного народа. Это глубокое восприятие Бога навсегда сделало Израиля первородным среди народов.

5. Эпоха пророческого откровения

Эта эпоха в своих первых началах уходит глубоко в прошлое, а своим завершением простирается далеко в грядущее. Она знакомит нас с теми своеобразными личностями в Израиле-Иуде, которые были подлинными носителями его истории и будущего. Ибо израильско-иудейская история и будущее определялись не священниками и царями, а пророками. Они предвидели погибель там, где другие видели только жизнь; они ожидали наступления нового там, где другие считались еще с величием суда и погибели. Таким образом, они подымали душу своего народа над всеми тяжестями и скорбью настоящего и направляли взор ее на открывающее перед нею Царство Божие, которое, как они видели, все более приближалось к человечеству после каждого суда.

6. Эпоха иудейского народа

Эта эпоха наиболее сокрыта от нас, но она выполнила свою величайшую миссию, приготовив время и почву для пришествия обещанного Миссии. Она охватывает собой время, начиная угасанием библейского пророчества во дни Малахии и кончая днями Иоанна Крестителя. Хотя она так и остается не познанной нами глубоко, в период ее совершились те события, которые оказали решительное влияние на всю последующую историю спасения.

Когда Моисей увидел однажды в пустыне горящий терновый куст, он подошел ближе к этому необычайному явлению с вопросом: "От чего куст не сгорает?" Когда же Бог увидел его, Он обратился к нему из среды горящего куста: "Моисей! Моисей!" Моисей сказал тогда: "Вот я!" И тогда раскрылась перед Моисеем тайна горящего куста.

Имеются терновые кусты и в пустыне мира: космогонии, исторические труды, литературные произведения, начертанные на папирусе и пергаменте, на глиняных табличках и мраморе - все они богаты сведениями об ушедших эпохах и погибших народах, об угасших культурах и религиях. Но они потеряли уже свой прежний огонь. Но вот один терновый куст горит и поныне. Он горит и не сгорает. Что же питает его, небеса или ад, что пламя его не угасает?

И мы хотим подойти, приступить к этой тайне истории, к этому жертвеннику, на котором пламенело откровение, передаваясь от эпохи к эпохе, пока не явился Тот, Кто мог сказать: "Я свет миру!" Мы обнаружим тогда, что тайна его вечного огня - речь Божия.

Кто подойдет к нему, тот, как Моисей, и в нашем двадцатом столетии внезапно услышит из вечности что-то весьма непосредственное и личное, что обращено только к нему: Моисей, Моисей! Пусть пройдут сорок лет, проведенные в пустыне с стадами овец, тем не менее и сегодня исторгнется из души всех ищущих Бога один ответ: "Вот я!" Тот, кто слышал Бога, говорящим только из Книги, как из тернового куста, кто сам стоял пред Богом, тот и сегодня возвратится в определенный момент к своим воздыхающим братьям с новой вестью. Книга станет откровением, а просвещенный откровением - пророком.

II.ПЕРВОЕ ТВОРЕНИЕ И ЕГО ПАДЕНИЕ

1.Библейские предания

"Верою познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое".

Евреям 11,3

О божественно великом следует говорить и по божественному величественно. Только тогда мы окажемся в состоянии осознать его в его сверхмировой глубине, в его вечной силе, в его истинном свете и в его временных спасительных действиях. На это способен, однако, человек только в том случае, если он получил для этого свет. В самом себе, в своем интеллекте он тщетно будет искать тот образ и ту форму, с помощью которых он сможет воспринять вечное и сверхмировое, чтобы затем облечь это в такие временные понятия и притчи, посредством которых можно будет познавать и обретать это

божественно великое.

До сих пор был только Один, Кто вполне был в состоянии изобразить нам это вечное и великое. Это был Иисус, пророк из Назарета. В Нем был Дух Отца, дарованный Ему не мерою /ср. Иоан. 3,34 и Пс.11,2/. В Нем Божественное стало плотью и кровью, а во всех Его словах и притчах обнаружилась слава Отца, полная благодати и истины. Он носил в Себе вечность, поэтому Он и принес нам вечное. Он был откровением Божиим, поэтому в Его Евангелии все формировалось таким образом, чтобы раскрыть Божественное и чтобы Он мог даровать Себя людям. Он двигался в сфере жизни Царства Божиего, поэтому повсюду в Его действиях обнаруживалось царственное господство Божие. Он был избавлением, поэтому Он и принес избавление в сферу жизни и смерти пленников смерти.

И до Него, и после Его появлялись личности, которые были исполнены тем же Духом Отца, и они возвещали нам вечное по мере и харизме своего духа. Просвященные Богом, они становились пророками в истории. Чем ближе был к ним Бог, чем жизнь их способна была воспринимать вечное, тем обширнее становилось поле зрения их духа, тем глубже было познание их всего Божественного, тем естественнее и яснее, светлее и осязаемее становились перспективы непосредственно грядущего и далекого будущего.

И происхождение первого творения оставалось бы для человека тайной, если бы оно не было явлено ему посредством Божественного откровения. До сих пор все попытки постичь его покоились исключительно на почве человеческих спекуляций и вещественных исследований, цель которых состояла в том, чтобы приподнять покров таинственности, который невидимая рука простерла над первоначальным возникновением мира. Человеческие труды по истории и космогонии, несмотря на то, вытекали ли они из богатого и прогрессивного знания современности или из спекулятивной мифологии древности, никогда не выходили за пределы предположений о существовании праматерии и иманентной этой праматерии творческой силы. Мир: небо и земля - является в них одновременно творческим субъектом и сотворенным объектом, творческой душой и предметом сотворения.

Но вот луч света Божиего проникает через эту тьму и вписывает на вечные времена это фундаментальное предложение в мир: "В начале сотворил Бог /Элохим/ небо и землю".

Эти сведения воспринимаются более, чем только как "догма" или только как "картина творения", как это представляет Гердер в своей "Древнейшей истории рода человеческого". По-

следнему библейское сообщение о сотворении не представляется историей сотворения в ее великих и в ее Божественных творческих принципах, а только художественным изображением таинственного возникновения сотворенного. Поэтому он и говорит: "Комментарий Божий к первым главам Бытия парит в утреннем воздухе". Утро каждого отдельного дня представляется ему как символ на утро происхождения мира. Но правильно замечает ему уже состарившийся Франц Делич, говоря, что "поэтической утренней прогулки не достаточно" для того, чтобы понять все то, что совершилось в самом начале как творческий акт Божий. Как ни сильно врезалось в наши человеческие понятия и представления сообщение о сотворении, чтобы мы могли понять его, все же заметим, что на основании откровения Божиего это сообщение не рисует, а рассказывает, не поэтизирует, а сообщает. И первый творческий акт и час рождения первых мировых явлений оно излагает в несравненно прекрасном предложении: "В начале сотворил Бог небо и землю".

Больше и большего мы не в состоянии сказать о возникновении первого творения. Оно существует и существует для нас как великий доисторический творческий акт Божий. Тяжелее окажется для нас вопрос, через кого даровано нам откровение о Божественном происхождении первого творения. Едва ли может быть речь о каком-то откровении, относящемся к тому именно моменту; оно даровано было провидцу более поздней эпохи Израиля. Автор повествования о сотворении должен был воспринять его как священное наследие великого прошлого своего народа.

Содержание повествования о сотворении гораздо более древнее, нежели народ евреев, который в своих лучших сынах многократно свидетельствовал о себе как о пророке Божием в период древней истории. Об этом свидетельствуют нам космогонии других народов с их мифологическими сказаниями о сотворении. В сказаниях этих утеряна чистота и величие первоначального откровения о возникновении первого творения, превратившись в миф, повествующий о фантастических приключениях, но в некоторых из этих сказаний о сотворении живут все же еще отдельные звуки и представления, весьма родственные Библейскому отчету о сотворении.

Вавилонская космогония сообщает нам, что в начале все было тьмой и водой; по финикийскому сказанию, первая человеческая пара родилась от Колпии - божественного дыхания - и от его жены Баав, т.е. ночной материи /по Францу Деличу, "Бытие"/.

Эти и другие отзвуки сопоставленных сказаний древних народов о сотворении с Библейским отчетом о сотворении позволяют предполагать, что все они произошли однажды из общего источника, из самых первых преданий. Мы полагаем, что эти первые предания следует искать в общении первого человека с Богом, как с Творцом и Отцом. Если человек, как образ и подобие Божие, был призван еще до падения к тому, чтобы господствовать над существующим творением, даже над самыми отдельными частями его, то очевидно, что в нем уже пребывал дух усыновления, который по своим полномочиям оказался величественнее всего сотворенного. Посредством этого духа человек оказался способным познавать и называть вещи в соответствии с их сущностью, несмотря на их бесконечное многообразие. Внешне господствовать в Божием можно лишь в тех областях, где внутренне человек является господином существующих вещей. Итак, первый человек на основании своего общения с Богом и в соответствии с своим внутренним величием духа был облагодетельствован и уполномочен для того, чтобы читать и толковать подлинную печать и настоящую сущность отдельных вещей, а также органическую взаимность всего творения.

Но вот эту харизму человек потерял в своем падшем состоянии. Грех закрыл перед ним книгу природы. Только искупление и связанное с ним избавление в состоянии вновь снять с нее печать. Некогда вполне избавленный человек, как говорит Павел /Рим. 8,19-22/, окажется в состоянии самостоятельно избавлять стенающую ныне и ожидающую тварь. Поэтому она с тоскою ожидает откровения этих искупленных сынов Божиих. Откровение их в полномочии и славе вполне искупленной жизни окажется избавлением и для творения. Только люди, обретшие мир с Богом и восстановившие гармонию с Творцом, будут обладать полномочиями вновь ввести потерявшее покой творение в вечную субботу и в мир с Богом.

Между падением и совершенством простирается длительный во времени прогресс нашего познания природы. Однако оно не в состоянии устранить разделяющей стены, которую грех воздвиг между природой и человеком.

Если уже нынешняя геология полагает, что она в состоянии определить последовательность творческих периодов на основании горообразований и найденных представлений доисторического животного и растительного мира, установив первоначальное существование неорганического мира, а затем восходя от бесцветочных растений и беспозвоночных животных к органическому миру и человеку, "то не гораздо ли более спо-

собен был первый человек своим неомраченным и незаблуждающимся взглядом рассмотреть, раскрыв самого себя, способ возникновения мира и соответственно выразить истину полученного впечатления" /Франц Делич, "Бытие"/.

Там же где недостаточно было подобных размышлений, основанных на внутренних духовных полномочиях, чтобы понять происхождение и сущность творения, там не было ничего более легкого, нежели то, чтобы родственный по духу Творцу человек попросил Отца о раскрытии глубочайших тайн творения - и Он раскрыл их человеку на основании непосредственного откровения. Подобно тому, как всякий истинный отец и педагог радуется тому, если он в состоянии ввести своего подрастающего сына соответственно его умственному разумению, которое он приобретает, в весь свой мир познаний, то не гораздо ли более радуется этому Бог откровения, являющийся источником всякого отцовства.

Подобное расположение оказалось далеким для нас потому, что мы потеряли истинное представление о доверительном и неомраченном общении с Богом. Даже то, что многообразно толковалось нам в нашей христианской проповеди в качестве единственно возможного отношения человека в Богу, так часто отвергало то нежное дыхание, которое покоится на всяком истинном общении Отца с сыном. Только для людей, которые через Сына вновь обрели путь к усыновлению в своих отношениях с Богом, доверительное общение с Богом становится реальной действительностью, так что это общение для них становится более прочным и является более определенным, нежели все то, что в жизни устанавливается посредством абстрактных теорий и научных гипотез.

Итак, мы полагаем, что источник общего познания следует искать в общении первого человечества с Богом. Это познание, безусловно, было гораздо более объемным по содержанию и более всеобъемлющим, нежели все то, что сообщается нам ныне в повествовании о сотворении. Откровение Божие всегда было бесконечно богаче, нежели то, что достойное доверие устное или письменное предание способно было сохранить для нас. Бог так же бесконечен в Своем откровении.

Человек всегда был способен только для того, чтобы усваивать себе маленькие отрезки этой бесконечности и воспринимать их на время как откровение. Глядя на переданное нам в первой главе Бытия, вспоминается слово ученика, которым заканчивается Евангелие от Иоанна: "Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг" /Иоанна

21,25/.

Необходимо также предположить, что это предание прошло через огромный период истории, предшествовавший потопу, пока - хранимое в душе Ноем, Авраамом и последующими мужами - не было изложено автором повествования о сотворении в его нынешнем состоянии на древнееврейском языке. Едва ли можно допустить, что общение первого человека с Богом совершалось на древнееврейском языке. Естественно, что повествование о сотворении вступило в мир вместе с человеком, изгнанным из рая, но тогда еще он обладал другой языковой формой, нежели нынешняя, посредством которой изложено предание в книге Бытие. Первоначальный текст уничтожил Сам Бог посредством смешения языков после потопа, "а сущность оставшихся воспоминаний вступила затем в новый прогресс мышления и выражения".

Перед лицом этих фактов по праву возникает вопрос, не бесконечно ли многое потеряно для нас из чистой объективности первоначального повествования и не является ли теперь в нем доминирующим "субъективный элемент воззрений, человеческих раздумий, фантазии". Мы полагаем, что можем ответить на эти вопросы с помощью нескольких предложений Франца Делича: "Сообщаемое в первой книге Бытия является вытекающим из источника Божественного откровения преданием об объективном фактическом происхождении творения. Это предание, прежде чем оно достигло автора Бытия 1,1, возможно, подверглось некоторым метаморфозам. Однако то, что на своем длинном пути оно в существенном осталось прежним, подтверждается для нас существенным созвучием сказаний о сотворении, с разных концов земли. Если же мы опасаемся того, что на длинном пути оно ушло от источника чистоты, богатства, свежести, то гарантией для нас является Божественность Торы: из повествований о сотворении заимствовано здесь так много истинного и воспроизводится оно тем же Духом, Который обучал первых людей тайне творения. Все это объективная истина, хотя и является только преломлением своей первоначальной райской формы". /По Францу Деличу, "Бытие"/.

Вместе с принятием такого предания нам необходимо решить вопрос, зависит ли в совсем возникновении библейское повествование о сотворении от сказаний о сотворении и от мифов семитских и других соседних народов. Вне всякого сомнения тот народ евреев, который оставил нам этот библейский текст, находится в тесных культурных взаимосвязях с непосредственно окружающими его соседними народами, например, с финикийцами, египтянами, халдеями. Но в том, что

в период его ранней истории превратило его в "избранный народ" и в загадку древней мировой истории, а именно в своем сознательном отношении веры с живым Богом, Израиль был совершенно независим в силу оказавшегося его уделом откровения Божиего от своего религиозного окружения.

Тот кто знаком с историей религии не только в теории, но и на основе сравнительной науки религии, тот знает, что более высокие ступени познания и более глубокое общение с Богом никогда не были результатом исключительно человеческого развития. Примитивные религии никогда не развивались в более высокие. Все более высокое и Божественное всегда возникало только на основе откровения. По своей внутренней сущности даже самый благочестивый человек не превзойдет самого себя. Божественное только тогда становится очевидным, когда прежде получено действительно Божественное. Какой бы интеллектуальной, мистической и этической ни была религия, ей всегда свойственна законная ортодоксальность, а не живое и более высокое развитие. Мистика индусов, фатализм магометан, косность жизни некоторых церквей и сегодня по сути дела является тем же, чем они были сотни лет назад. Они могут до смерти фанатически отстаивать старое, но они не в состоянии действовать творчески и от духа рождать новое.

Это совсем не говорит о том, что древний Израиль не обладал многим, даже слишком многим в своем отношении к Богу, тем, что так было свойственно жизни вне Бога и что характерно было его языческому окружению. Однако высочайшее достижение Божественных откровений Израиля не было языческим вином в израильских мехах, а Божественной жизнью в человеческих формах познания.

Это же следует отнести и к взгляду на библейское повествование о сотворении. Среди всех прочих космогонии других народов оно занимает особое место, благодаря своей величественной простоте, внутренней правдивости и вещественной трезвости. В сравнении с другими мифами о сотворении повествование Бытия свободно от всяких мифологических спекуляций и облачений и от всякой национальной ограниченности.

Бог Израиля не является результатом творения, а вот сотворение Израиля является результатом дела живого Бога. Напрасно будем искать в Библейском повествовании аналогичную вавилонским, финикийским и египетским мифам теогонию. Там где сияет его свет, там угасает свет мифологических спекуляций. Творческие действия Божий не производят очеловеченных богов, а подобных Ему по образу и подобию людей,

которые в соответствии с благородством своей души и характером своего призвания принадлежат к народу Божиему.

Как далеки повествования книги Бытия о сотворении от всего мифологического; им чужды, например, мифологические черты, в соответствии с которыми возникновение мира является не чем иным, как результатом "взаимно переменных отношений в рождении и борьбе" богов друг с другом. Соседние народы Израиля рассматривали, например, своих богов исключительно в существующих силах природы, отожествляя их с отдельными силами и явлениями природы. Смотря по своим действиям, они были для них или благословляющими божествами или враждебными драконами и страшными ужасами и демонами. Так, например, вавилонский Тиамат был чудовищем первоначального хаотического состояния. Книга закона Манус повествует нам о том, что семя первоначальных вод сформировалась в золотое яйцо. Брама находился в этом яйце в полнейшем спокойствии в течение целого года. Затем оно лопнуло, формируя из обеих половин небо и землю.

Вавилонский миф повествует о том, что Вил или Мардук рассек пополам, т.е. победил и умертвил жену Тиамата, а затем из двух половин ее трупа создал небо и землю. После этого своего творческого дела он сам отсек себе голову. Боги собирали падавшие капли его крови и смешивали их с землей. Затем они месили образовавшуюся глину и формировали из нее людей. Члены бога Озириса бог-творец египтян якобы формировал на кружале горшечника. Эребос и Нике вместе родили Эфир и Химеру, что фактически должно было означать не что иное, как мифологическую передачу мысли о том, что свет и день произошли из тьмы и ночи.

В этих мифах и сказаниях совсем не слышно шума источников нашего библейского повествования о сотворении, потому что это источники гораздо более высокой природы, а потому и гораздо более высокого содержания. Они заключены для нас в откровении Божием. Творец говорит о Своем творческом деле языком тех людей, которые, благодаря своему духовному росту и духовному родству с Ним, способны познавать и воспринимать Его великие творческие акты. И Его творческий акт должен быть, в свою очередь, для них откровением - откровением Его силы и величия, Его мудрости и полноты жизни, Его праведности и любви, Его гармонии и бесконечности.

Всякий раз, когда в истории появлялись люди, которые решались приложить свое внутреннее ухо к устам Божиим, они учились понимать нынешнее творение Божие таким образом, что способны были слышать в малейших и в величайших проявлениях

и формах существования его отзвук вести: "В начале сотворил Бог небо и землю". Чем дальше, тем острее глаз их обнаруживал, что вся вселенная является не чем иным, а только "отражением величия Предвечного в земной материи". Вышедшие в чистоте из рук Всевышнего творческие дела являлись для них материальным выражением мыслей Божиих, образами истинного, доброго, прекрасного, облеченными в земную оболочку. Они познавали то, чего не видели другие, а именно, что все сотворенное носит несомненный отпечаток источника бесконечного потока жизни. "Священный порядок в творческом процессе, единство в обильно расчлененном многообразии, дивная гармония в царстве окрасок как и в формировании кристаллов и звезд", - все это превращалось для их внимающего уха в тысячеголосое свидетельство столь целесообразного и целесознательного господства Божиего не только в мировом творении, но и в нынешних мировых событиях.

Если наше уважение уже к творцу человеческого художественного произведения возрастает в той мере, чем глубже мы в состоянии постичь мысль его в замысле и исполнении его произведения, то не гораздо ли более трепещет наша созерцательная вера в исполненном преклонения поклонении и радости, когда самое могучее из произведений искусства, вселенная, превращается для нее в храм Божий, в котором в несравненной гармонии и красоте звучит псалом серафимов: "Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его" /Ис. 6,3/.

Глаз, который обнаруживает в действиях Божиих славу Божию, преображается. Душа, которая верою сознательно живет в сфере Духа своего Бога и чувствует дыхание Его любви, освобождается от уз более низкого рабства, становится другом Богу и приобретает благородство вечности. Она возрастает в своем подобии в той мере , в какой она все более приступает к сущности всех сущностей, к самому Богу, и в своей взаимосвязи с ней находит корень жизни от Бога.

Когда благородный естествоиспытатель Исаак Ньютон покинул здешний храм Божий и Творец его переместил его в Свой совершенный храм, оставшимся бренным останкам его предоставили место в Вестминстерском аббатстве в Лондоне среди великих земли. Однако значительно большей частью для него было, когда на его начертали слова: "Всемогущего Бога величие он прославлял в своей философии; простоту Евангелия он проявлял в своем хождении". Неизгладимое впечатление произвела эта жизнь на Англию, на мир: в храме своего Бога он был как дома и слышал в нем хвалебную песнь творения.

"Все огромное творение является побеждающей гармонией во славу Господа миров, - говорит д-р А.Н.Бонер в своем "Космосе", - только сердце, которое сторонится любви Предвечного, образует в ней паузу". Такому сердцу недостает вдохновения для божественного Псалма - оно поет свою собственную песнь, песнь о славе человека.

Однако, как только душа возвратится домой, она сразу почувствует, как в ней несравненно все, что в Библии, в творении, в жизни народов и в мировых событиях, в благочестии и поисках, отразится вечным Псалмом поклонения Тому, Кто является Господином всего. Пусть религия и наука тысячекратно изгоняют из жизни церквей и народов "Бытия" с его Божественным откровением, пусть они погребают его в покрытых пылью шкафах научных архивов, возвратившийся к Богу и Его откровению поет в вечно обновленной силе воскресения древний Псалом откровения, Псалом сотворения: "В начале сотворил Бог небо и землю".

2. Божественное происхождение

> "В начале сотворил Бог небо и землю".
> Бытие 1,1

Не мир сотворил себе своего Бога, а Бог сотворил Свой мир, превратив его в арену Своих действий и откровения Своего вечного величия и искупления. В начале сотворены Богом небо и земля - в этих трех охватывающих мир и зоны выражениях описывает первоначальное откровение весь космос и относит все сотворенное к Богу, как к источнику всякого происхождения. Элохим /Бог/ - первое подлежащее Библии, бара /сотворил/ - первое сказуемое ее, небо и земля - ее объемлющее дополнение - это поистине космогония, как ее можно рассматривать и понимать с точки зрения Бога. "В начале сотворил..." Мы полагаем, что можно допустить, что то начало бесконечно удалено от известного нам исторического начала нашей нынешней земли. Какие соображения побуждают нас принять это допущение, будет подробно освещено в следующей главе. Здесь же мы хотели бы только, поскольку это доступно нам, обратить внимание на Божественное происхождение творения.

Если Писание говорит здесь о начале, то оно хочет указать нам не на вечность материи, а единственно на первоначальное происхождение времени. Посредством

древнееврейского понятия "начало" наше внимание обращается не на какой-то космический пункт, где Бог начал творить и создавать, а единственно на тот момент времени, когда начались Его великие творческие действия. Ибо корень слова "глава", который в древнееврейском языке лежит в основе понятия "начало", означает "тот орган, из которого исходят все внешние и внутренние побуждения". Итак, в понятии "начало" выражается исключительно и единственно понятие начала "временного" движения, но не движения, сопряженного с каким-то "местом".

Установление этого факта обладает гораздо большим значением, нежели это может казаться на первый взгляд. Таким образом отрицается вечность мировой материи, а высочайший принцип творения относится не только к Образователю, но и к первоисточнику всего сотворенного. Бог является не только Строителем, но и Творцом всей мировой материи. Отрицание этой истины решительно приведет к отрицанию нравственной свободы в Боге, а также к отрицанию Его подобия, человека.

Если Бог не является Источником мировой материи, то все спасение человека в конечном итоге заключается не в Боге, а в мире. Принцип всякого избавления заключался бы тогда не в творческом и освящающем одушевлении и превращении материи в более высокую форму существования, а также не во внутреннем жизненном родстве с Богом, а в возвращении всех более высоких образов жизни к первоначальной сущности мировой материи. Опыты тысячелетий учат нас, однако, тому, что вся тварь, чем выше она духовно стоит, тем менее она находит свое окончательное удовлетворение, т.е. разрешение своей глубочайшей тоски и своих стремлений, в материи и в формах ее жизни. Человек никогда не способен обрести своего подлинного покоя в человеке, тем более в материи. При всем своем богатстве, посредством которого природа готова благословить всякую более высокую жизнь, человек только тогда находит свою настоящую родину, когда он обретает ее не в сотворенном, а в Творящем.

Невозможной поэтому оказалась бы и конечная цель всякого избавления, если бы Богу и всем сотворенным Им одушевленным и живым существам предстояло еще прийти в течение тысячелетий, преодолевая всякие заблуждения, борьбу, страдания и всякое напряжение, в совершенную гармонию с первоначальной материей. Нет, цель и назначение всякого избавления расположены в противоположном направлении, а именно: все сотворенное достигнет, путем избавляющей творческой силы Божией блаженной, т.е. покоящейся в действиях Божиих, гармонии с

Ним, как с Творцом. Природа и тварь, человек и мир ангелов чувствуют поэтому инстинктивно, что все избавляющие силы заключены для них не в материи и ее богатстве, а в Боге и в Его откровении.

Родственное ищет родственное, и только в нем одном оно способно обрести покой. Наше же глубочайшее родство восходит к Богу, а не к материи. Последней лишь в той степени даровано блаженное существование, если оно будет двигаться в пределах вечных законов и форм жизни, которые установлены Богом для ее сохранения и избавления. Всякое отклонение от них приводит к уничтожению или к хаосу: это ад и для исключительно материального мира.

Так как источник мировой материи находится в Боге, то и она обладает способностью приобщиться к избавлению. Чем более свободен дух и законы, которые владеют им, тем более он допускает вовлекать себя в законы более высокой жизни. Находясь под господством их, он становится способным развить совершенно новое богатство блеска и форм. У Христа, например, было тело из той же плоти и крови, как и у нас. Но вот однажды это тело было так преображено светом более высокого мира, вышнего мира, как будто оно уже перестало принадлежать этой земле. Это преображение совершилось как посредством внешних сил, так и посредством духа изнутри. В телесном Иисусе проявлялся Дух "Сына", Который сознавал, что составляет одно с "Отцом". Живя в Духе Отца, Он оказался поэтому в состоянии уйти однажды в сферу света Того, "Который обитает в неприступном свете" /Тим. 6,16/.

Ибо то, что произошло с телом Иисуса на горе Преображения, в принципе может произойти со всякой материальной формой жизни мира. Когда Бог пожелал открыться Моисею, избрав терновый куст в пустыне в качестве осязаемого воспринимаемого средства, чтобы вступить в связь с Моисеем, этот куст горел, как горит огонь, и все же не сгорал. Если бы материальный мир не обладал способностью облечься в избавление, тогда Писание не могло бы говорить о "новом" небе и о "новой" земле. Там, где в Писании приподнимается перед нами покров, скрывавший будущее совершенство, там обнаруживается, что не только избавленный человек, но и вся тварь, и весь материальный мир достигают добровольной зависимости и блаженной гармонии с Богом, так что все становится отражением Его славы, и Он может быть все и во всем. Господство Божие в Царстве Божием - это заключительный акт и окончательное торжество искупления и сопряженного с ним избавления в нынешнем творении.

Эти внутренние взаимосвязи как в состоянии падения, так и в состоянии избавления между человеком и творением позднее получает свое гораздо более четкое выражение. Здесь следует только указать, что и мировая материя находит свои источники в Боге, а потому вместе с высшим существом творения - человеком - способна приобщиться к избавлению. Подобно тому как внутренне отошедший от Бога человек мог увлечь творение в свое падение и смерть, так и нашедший дом и избавленный человек способен ввести его в вечное искупление и в покой /субботу/ Божий. Избавленный Христом человек будет избавлять то, что некогда через него повверглось в падение.

В начале "сотворенный Богом мир не является, учитывая все свои возможности, самым лучшим, а единственно хорошим". Он не мог быть сотворен лучше, потому что он был абсолютно хорошим. Если бы это было не так, тогда он не был бы повинен в своем падении, тогда повинен был бы в падении Творец, Который не оказался в состоянии сотворить его лучше. Когда всемогущество свободной воли Творца сотворило мир, Он воодушевил его для самосохранения имманентными силами и приспособил его для новообразований бесконечно многих более высоких форм и образов жизни. И все же могущественная воля Божия в своем общем творении создала себе не стенающее угнетенное царство рабов. То, что произошло от свободной воли Творца, должно также обладать или носить в себе свободу Творца. Поэтому Бог заложил в весь космос ту меру свободы, в пределах которой с тех пор все сотворенное носит в себе способность становиться бесконечно лучше или бесконечно хуже того состояния, в котором оно покинуло творческие руки Божий.

Эта свобода возрастает естественно интеллигенции сотворенного существа. Чем ближе оно находится к Самому Творцу, тем больше мера этой свободы. В неорганической жизни она носит скорее характер пассивности. В органической же жизни она все более и более переходит в инстинктивную и сознательную активность. В человеке она становится поэтому душою сознательной свободы воли, из которой вытекает затем всякое решение. Ибо эта свобода не является существенной особенностью тела и его материи, а свойством духа и души, подлинной личности человека.

Исключительно пассивной свободе тела свойственна двойная способность. Это тело или предоставляет пребывающему в нем духу возможность освящать его и определять себя для благословляющих действий, или же оно увлекается в область беско-

нечных уничижений с их бедствиями, в которой движется душа ушедшего от Бога человека. Является ли тело ангелом или дьяволом, все зависит от того, живет ли в нем ангел или дьявол.
Потому что мыслящая душа, подлинная личность человека, в любом отношении отличается от его тела. Состояние всех тел представляет собой только атомистическое множество, и соответственно этому свобода его исключительно пассивной природы. Сущность же их души и всех ее функций не является материальным множеством, а внутренним неделимым единством. В нормальном человеческом теле имеется свыше семи миллионов отдельных клеток крови, а число элементарных клеток всего его тела превосходит миллиарды. Это неизмеримое множество тела находится под руководством и определениями единой воли души. Сама по себе душа является неделимой единицей существа, а потому она и не подвергается уничтожению /по д-ру А.Н.Бонеру, "Космос"/.

Однако, хотя сущность души представляет собой неделимое единство, она все же вседейственна в своем теле и одновременно способна на такую деятельность, которая далеко выходит за пределы тела. В то время как все органы тела обладают определенными пределами своей возбудимости и восприимчивости, у души в отношении своей восприимчивости фактически нет границ. Вот поэтому, благодаря этой своей способности, душа может сознательно воспринимать как Божественное, так и противобожественное, как вечное, так и преходящее, как небо, так и ад. Тот или иной выбор и составляет ее свободу. Не инстинкт, не тесный аффект, не похоть или не желание, не животные побуждения составляют подлинную основу и силу человеческой воли, а единственно нравственное хотение души: "Только душа хочет, тело же жаждет".

К сознательному согласованию с волей Божией человек, как правило, приходит после весьма болезненного жизненного опыта. Только открытие, что внушение его собственной воли и его окружения всегда приводят его к решениям, которые всякий раз готовят ему западню и новое падение, пробуждает в его душе непреодолимое стремление и тоску по избавлению от падения. Человек только тогда добровольно открывается Избавителю, когда начинает сознавать, что его собственная воля не в состоянии избавить его.

Поэтому Христос может оказаться Избавителем и Спасителем внутренне обанкротившегося человека. Он может быть Целителем больного и Избавителем порабощенного, который со-

знает свое рабство. Но прежде, однако, должно совершиться падение человека в пределах нравственной свободы. И вот тот факт, что Бог силен восстановить его посредством искупления и избавления после падения и даровать ему жизнь, которая окажется гораздо богаче и выше той, что прежде подверглась падению в своей нравственной свободе, - это одна из глубочайших тайн Божественной благодати, которая в своей избавляющей силе бесконечна, как и Сам Бог.

Если выше мы так сознательно отрицали предвечность мировой материи и если все сотворенное относили к Богу, как к источнику всякого бытия, то в допущенном и принятом прежде нами ниже следующее только еще больше укрепит нас. По мнению самых сведущих исследователей языка, глагол "сотворил" может выражать только одно - "сотворил, создал из ничего". Таким образом, в этом слове имеем указание не на какую-то имманентную материи творческую силу, а единственно на суверенные действия Божий. Поэтому только Бог, а не человек может быть всегда подлежащим при этом глаголе. Он определяет не только творческие акты и искусство образования, которое свойственно художнику, когда он молотом и резцом создает из блока мрамора художественное произведение своей души, но он никогда не предполагает - как в случае других глаголов: делать, образовать - наличие материала или материи, из которой могло бы возникнуть творимое. Вот поэтому понятие "творить" в речевом употреблении всегда ограничивается только первоначальной деятельностью Бога и Его творческим делом.

Чрезвычайно отличающим эту деятельность Божию является тот факт, что в древнееврейском языке все родственные понятию "творить" корни слова всегда выражают "стремление излить наружу, выход из чего-то внутреннего и из состояния связанности". Поэтому и здесь определяется посредством понятия "сотворить" тот факт, что в самом начале у Бога были мысли что-то сотворить, которые позднее превратились в творческий акт. Ведь перед сотворением мира, вселенной все то, чему предстояло быть сотворенным, существовало прежде всего внутри, в мыслях Творца. Только творческие действия Божий осуществили все то, что прежде покоилось в мыслях Божиих.

Однако эти творческий действия Его всегда были свободным действенным хотением Божиим. Небо и земля стали существовать, но не потому, что Бог имел в виду небо и землю, свет и жизнь, а потому, что Он сказал: "Да будет!" Так был призван к существованию весь космос с его бесчисленными во-

инствами сил. Все существующее, все движущееся является поэтому результатом Его добровольных действий и живого языка образов Его мудрости и величия. Как ни различны в своих понятиях царства природы и духа, оба они происходят из одного и того же корня, и в Боге источник их существования. Также и образы природы в своей бесконечной полноте и в своем обильном многообразии форм свидетельствуют о вечных законах того Царства, в котором подлинно управляет и господствует Творец. Существование их является воплощением мыслей и слов Его Духа.

И продолжающееся существование явившегося, бытие всего сущего тоже не является лишь необходимым следствием однажды призванного к бытию. Павел говорит: "Ибо Им /Сыном/ создано все..., все Им и все для Него создано" /Колос. 1, 16/. А в послании к Евреям он добавляет еще, что Отец поставил Сына наследника всего: "Которого поставил наследником всего, через Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его, держа все словом силы Своей. .." /Евр. 1,2-3/. Не потому, что мир был однажды сотворен, он является ныне несущим основания своего продолжающегося существования; он существует потому, что Бог почел сотворенное Им однажды "хорошим", а потому и навсегда определил его в наследие Своему Сыну.

Итак, история сотворения понуждает нас уже первым своим предложением: "В начале сотворил Бог небо и землю", -в первую очередь понимать не Бога из творения, а творение из Бога. На бытие его, на продолжающееся существование его словами "сотворил" и "сказал" навсегда положена печать добровольного осуществления мыслей Творца.

"Познавать и усваивать сердцем не Бога как Творца неба и земли, а небо и землю как творение Божие, со всеми последствиями этого сотворения" - это великое откровение, которым хочет послужить нам вся праистория.

Наряду с всяким остро акцентируемым возникновением творения, благодаря творческим делам Творца, откровение никогда не превозносят Творца посредством Его же творения. Оно представляет сотворенный мир в его бытии и продолжающемся существовании как самостоятельный объект перед его Творцом и Мастером, Хранителем и Управителем. Бог остается для творения навеки Божественным "Я", а оно для Бога - только навеки сотворенным "ты".

Вот поэтому и прекрасно, что первое откровение возвышает в качестве первого в начале нашей Библии не человека, а Бога. Понятие, которым она пользуется для определения Бога, -

Элохим. Это множественное число древнесемитского слова Эл, этимологическое значение которого еще не установлено точно. Большинство исследователей языка относят корень этого слова к понятию "сильный", "могущественный", поэтому и Элохим означает "Сильный", "Всемогущий". Мы не осмеливаемся решать вопроса о том, в какой степени посредством множественного числа первого определения Божиего должна выражаться идея более поздней Троицы. Несомненно лишь то, что имя это, хотя оно употреблено в форме множественного числа повсюду, где оно относится к единому истинному и живому Богу, всегда сочетается с глаголами и прилагательными, употребленными в форме единственного числа. Там же, где это же слово употребляется для определения языческих "богов и господствующих", определяемые эти подлежащим части предложения сохраняют форму соответствующего множественного числа.

Не следует упустить и того факта, что Бог, говоривший позднее: "Нет Бога, кроме Меня" /Втор. 32,39/,- и еще позднее: "Я Господь, и нет иного" /Ис. 45,5 и 22/,- чаще всего говорит в книге Бытия во множественном числе. Он говорит: "Сотворим человека по образу Нашему" /Бытие 1,26/, - еще: "Вот, Адам стал как один из Нас". В момент строительства вавилонской башни Он сказал: "Сойдем же, и смешаем там язык их" /Бытие 11,7/. Тому же пророку, которого Он пытался призвать посредством видения к Своему служению, Он позволяет слышать вопрос: "Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?" /Ис.6,8/.

Этот факт побудил христианское богословие искать уже в этом первом понятии Бога сокрытую троичность Бога.

Однако исследователи новейшего времени, как О. Прокш, видят в этих оборотах речи только "плюралис маестатис" /множественную форму для возвеличения/. Прокш говорит, что гораздо важнее обратить внимание на тот факт, что это понятие обладает характером существительного и единственного числа и что Эл всегда выражает силу Божию, направленную против Адама, против человеческого /Ис. 31,3; Осии 11,9/, против плоти /Бытие 6,3/, против всякой силы, проявляемой вопреки Богу всем творением.

Благодаря этой силе Божией произошли "небо и земля". В этих словах предлагается формула возможностям усвоения и познания человека, посредством которой может быть выражена в качестве единого целого не поддающаяся всецелому осознанию человеком вселенная /универсум/. Потому что для нас,людей, вселенная составляет вместе с Богом бесконечность. При всем нашем интеллектуальном превосходстве над

материальным, над тварью, при всем прогрессе нашего познания природы и нашем техническом овладении миром вся вселенная, космос, так и остается для нас тайной. Наш вооруженный глаз не в состоянии измерить ее далей, наша человеческая мера не объемлет ее пространства, наше время не в состоянии исчислить ее вечностей.

Неизмеримым поэтому для нашей человеческой силы восприятия является как по протяженности, так и по времени космическое Царство Божие, которое Бытие описывает формулой "небо и земля". И все же вся вселенная стремится быть не чем иным, а только жизнью во славу мудрости и любви и отражением величия Предвечного в земной материи. "Небеса проповедуют славу Божию" /Пс.18,1/. Сделаем только один шаг на пути через вселенную - и нашим очам предстанут огромные солнца, которые в тысячи раз и более превосходят сияние и величину нашего солнца. Не только отдельные звезды, но и бесчисленные скопления звезд рассеяны чечевидцеобразными группами, как семена вечности, по безбрежным полям вселенной и посылают свой свет из своих безымянных далей в область нашего солнца.

Один только Млечный Путь, светящееся мерцание которого восхищало на протяжении тысячелетий потоком своего света глаз человечества, охватывает, как драгоценный, унизанный сверкающими алмазами пояс, небесный свод. В действительности он и не является не чем иным, как небесным поясом, бесчисленные солнца которого соединяет внутренняя связь. И все же глаза наших новейших подзорных труб обнаружили совершенно новые сонмы миров позади Млечного Пути с его неизмеримыми морями звезд, светящиеся световые туманности, которые являются не чем иным, как сиянием миллионов солнц, которые хотят посылать свой свет нам из бесконечных глубин вселенной.

Не удивительно, что великий Ньютон, внутренне охваченный и побежденный зрелищем этих небесных миров, всякий раз обнажал свою голову, когда произносил имя Божие. Потому что всякому, кто, подобно ему, на крыльях света пересекает пространства небес, чтобы измерить их царства, чтобы исследовать их порядок, чтобы послушать гармонию их звуков и законов, чтобы подсчитать такт их сил и движений, - тому ясно, что эта гармоническая постройка бесконечных небесных миров хочет славить творческие мысли и богатство Духа Того, Кто от вечности был Строителем их. "Поднимите глаза ваши на высоту небес, и посмотрите, кто сотворил их? Кто выводит воинство их счетом? Он всех их называет по имени", -

восклицает пророк Исайя /Ис. 40,26/, обращаясь к своему потерявшему мужество народу. Поистине небеса проповедуют славу Божию, а океан света струит от престола Его величие Его!

Если верно, что нашим исследователям удалось видеть, как в нашем небесном мире света угасали многие прежде светившие звезды начинали внезапно светить, то таким образом только и подтверждается тот факт, что бесконечный поток вечного созидания пронизывает вселенную и владеет ею. Где же начало этого творческого потока жизни? Где источник этого неисчерпаемого света? Где найти нам тот очаг, из которого вылетают все эти небесные искры, чтобы вечно светить, где горница той силы, которая призывает к жизни мириады новых миров? На эти вопросы на вечные времена отвечает книга Бытие словами: "В начале сотворил Бог небо и землю".

Как и пространство вселенной с неподдающимся учету числом ее тел, так и время действия света, который мы воспринимаем из самых отдаленных областей космоса, являются величинами, которых не может назвать ни один язык, которых не в состоянии усвоить себе никакое человеческое представление. И если даже мы оказались бы в состоянии представить себе эти мириады земных лет до и после нашего рождения, то все же и тогда мы нигде не нашли бы предела вечного творческого и благословляющего господства Бога, Которого библейское повествование о сотворении возвышает до подлежащего всего творения.

Тем не менее конечность и ограниченность составляет существенность всех этих небесных тел и светил. Как и самые малые существа нашего земного мира, так и они по своему образу и развитию носят в себе печать конечности. Потому что все сотворенное конечно. Бесконечным в действительности не может остаться ничто из того, что мы видим в вещественном мироздании. Даже самый сильный световой луч проходит в конечном времени конечные пространства. Пусть в числе, которое выражает количество, величину и расстояние самых отдаленных миров, будет содержаться еще столько же цифр, сколько содержится в нем ныне, всякое определенное число является все же конечной величиной.

Наряду с этой конечностью все мировые тела, как члены космоса, носят печать обусловленности и зависимости. Даже самое отдаленное светило является только членом другой системы, и все эти безымянные небесные тела, взятые во всей своей совокупности, являются отдельными членами целого, общего. Подобно тому, как у каждого отдельного тела или даже у совокупности тел имеется свой центр тяжести, который

удерживает в равновесии все члены единого целого, так центр тяжести имеется и у вселенной. Даже самые отдаленные области ее, как и всякая солнечная пылинка, подчинены единому общему центру тяжести и невидимой связью притяжения масс прикованы к целому.

Неопровержимым поэтому является факт, что все члены вселенной соединяются в одно гармоническое целое. В соответствии с этим все пронизывающим законом мириады миров формируются и группируются в миллионы систем. Ни один из этих миров не может существовать независимо, сам по себе. У всех у них только обусловленное, относительное существование. Подобно камням в огромном своде, каждый утверждает и несется другим. Каждый нуждается в другом для своего существования и зависит от общего порядка целого. Да, мы наблюдаем бесконечную полноту новых форм и видов, но все они подчинены единому центральному и верховному закону созидания и существования.

Таким образом, единая творческая и благословляющая воля проникает и овладевает всеми силовыми и сердечными точками вселенной. И в тех неизмеримых пространствах, где всякие земные масштабы теряют смысл своих услуг, где огромные миры-великаны уменьшаются в поле нашего зрения до точек, господствует воля Одного, Предвечного, действия Которого являются законом природы нынешнего притяжения, цель Которого - жизнь целого.

Этот жизненный центр вселенной, из которого, как удары пульса, как биение сердца, исходят все точки, от которого зависит всякое появление и всякое исчезновение, в котором Дух обрел свои вечные корни и свою возвышенную цель, Библия называет небесами небес - престолом Божиим. Он является общим центром всех миров. Б этих мирах всякая жизнь с ее вечными законами подобна единой симфонии, которая воспроизводит великое "Аллилуйя" в храме Божием; однако смертное творение не в состоянии вполне осознать Его, Самого Бога.

Ибо все творение смертно, а Творец бесконечен. Все миры не в состоянии объять Его величия. Он проходит их. Он меняет их облик. Для Его творческого всемогущества нет расстояний. Как душа вездесуща в теле, так Дух Божий вездесущ во вселенной. Его святая воля совершается в одно мгновение времени и в самом укромном уголке, как и в самых отдаленных мирах. "Ни один волос не упадет с вашей головы, ни один воробей не упадет с крыши без воли нашего Отца Небесного", - сказал однажды Иисус, как Сын и Наследник этого

Творца. Хотя Бог, глядя на творение, представляется Вечно-Другим, тем не менее, Дух Его вездесущ во вселенной и определяет законы творения. Он бодрствует над событиями мировой истории, Он отвечает на воздыхания согбенных и на молитвы праведных. "Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, - Святый имя Его: Я живу на высоте небес и во святилище, и также с сокрушенными и смиренными духом, чтоб оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных" /Ис. 57,15/.

От него не могут убежать нечестивые, даже если они сознательно попытаются удалиться, как Каин, от лица Господнего. Ибо "возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя" /Пс. 138, 9-10/. Все действия человечества заносятся пред Ним, как в книгу, и ни одно проклятие не превращается пред Ним в благословение, никакое постыдное дело не прикроется невинностью и тьма не превратится в свет. От Него не ускользнет даже самый тихий псалом творения, самая маленькая жертва любви, самый глубокий вопль страха души и самое сокровенное воздыхание праведника.

И все же все сотворенное - это только подобие. Потому что видимое здание мира - это только проходящая тень того неземного Царства Божиего, которое расположено по ту сторону материального. Подобно тому, как подлинная личность человека гораздо значительнее его материального тела, так и потустороннее Царство Божие гораздо величественнее материального космоса. И наш дух призван к тому, чтобы быть одним членом этого непреходящего Царства Божиего. Родина и будущее его не в материальном космосе, а в вечном Царстве Божием. Как дыхание вечности, он тоскует по вечности и является сознательно ищущим или несознательно блуждающим пришельцем, пока не найдет Бога, а с Богом и своей родины. Искупленный Христом, он в состоянии наследовать с Ним то, что Сын, как Наследник, получил уже в небесах одесную Отца.

Это бесконечно больше, нежели одно только будущее блаженство. Если славы нынешнего космоса ни осознать, ни облечь ее в слова, то чем же окажется то новое творение, храмом и метрополией которого не сможет быть ни одно солнце или какое-то другое светило, потому что Бог и Агнец будут светом его! Подобно тому, как серафим стоит у престола Божиего с покрытым лицом, потому что не может выносить сияния Его величия, так и мы, удивляясь, стоим у врат вечности, а наша душа, поклоняясь, ликует навстречу Отцу светов: "Свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его{" /Ис.

6,3/. Как ни мало мы в состоянии постичь в настоящее время из полного содержания и объема того Аллилуйя, которое своим победным звуком раздается нам навстречу из Откровения Иоанна, там, в вечности, оно станет полной действительностью во всех областях. Око окажется последним ответом Божиим на воздыхания всех, которые когда-либо учились молиться у Христа:

"Да святится имя Твое;
да приидет Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле,
как на небе" /Матф.6,9-10/.

3. Доисторическое падение*

"Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою".
Бытие 1,2

В предыдущей главе мы двигались в превознесенном храме Божием творения. В этом вселенском светлом святилище и наша земля была некогда одним из соответствующих светил, существование которого необходимо было для совершенства всего храма Божиего и его назначения. Она была названа "Землею"; это название "по своему арабскому и халдейскому значению указывает на нижнее, на более низкое в противоположность небесам, как высокому, пребывающему на высоте". Очевидно, такое соотношение не было все-таки первоначальным, так как земля двигалась в тех же районах света, что и остальные светила всего творения.

----

* Мое предположение о доисторическом падении нашей земли подвергалось нападкам критики. Как ни благосклонно она выражалась о некоторых из моих прежних выводов, здесь, как она утверждает, она вынуждена видеть исключительно спекулятивное, а потому и неоправданное предположение. Я должен сказать, что во всех пре- и по- исторических вопросах необходимо соблюдать крайнюю скромность. Прежде всего, не следует превращать личного допущения, принять которое, как полагает автор, он обладает полным правом, в догму для других. Однако, несмотря на критические замечания, существует нечто, что побуждает меня все же придерживаться этого замечания, - и это аналогия. Если очень глубоко заглянуть в жизнь отдельных лично-

стей и народов, как это мне удалось, тогда можно понять тайну хаоса. Даже сама природа в своем падшем состоянии не создавала хаотической жизни. Никакое нормальнее рождение не создает людей в состоянии хаоса. Однако, что в состоянии сделать этот нормальный человек, что может сделать весь народ, даже народы целого периода времени, если они отдают себя на произвол духу упадочничества и разложения, оставаясь в своем падшем состоянии? Там где евангелие анархии становится программой будущего, там это только вопрос времени - и человечество создает себе вместе с своей культурой и цивилизацией дом умалишенных, где безумие отдельных личностей превратит всю жизнь в хаос.

Если же теперь я воспользуюсь этим опытом жизни мира народов в качестве аналогии и приписываю хаотическое состояние первобытной земли предшествующему ее падению, то такое допущение не окажется вне всяких возможностей. Поскольку я обладаю правом исключительно интеллектуальным способом вовлечь доисторическое в сферу человеческого понимания, то допущение о доисторическом падении земли вписывается в общий образ творения.

И все же Бытие, изобразив нам посредством такого фундаментального предложения: "В начале сотворил Бог небо и землю", - все первоначальное творение как шедевр вечной творческой силы Божией, продолжает свой отчет: "Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною".

Здесь мы опять останавливаемся перед новой тайной. Мы не решаемся допустить, чтобы в самом начале земля, находясь в состоянии хаоса, могла оказаться соответствующим членом того совершенного мира света, который в качестве "неба и земли" вышел из рук Бога Творца и Художника в несравненной красоте и гармонии. Там, где Бог является Творцом и Веятелем, дело Его отражает не только своим внешним сиянием и своей полнотой форм и красоты и славу своего Создателя, но оно обнаруживает в самой внутренней своей целесообразности, сплоченности гармонию всего Его дела. Бог, не мыслящий хаотически, не может сотворить ничего хаотического. Невозможно, по нашему мнению, чтобы земля, которая была "безвидна и пуста", в глубинах которой царствовала тьма, оказалась материальным воплощением мыслей того Творца, Которого мы знаем как Отца светов, как Бога жизни и Господа славы. И в Своих делах Бог является тем же, чем Он является по Своей сущности: совершенной целесообразностью и гармонией.

Мы согласны с Ф.Бетексом, что словами: "Земля же была безвидна и пуста", - начинается вторая глава Библии. Первая закончилась объемлющим мира и зоны предложением: "В начале

сотворил Бог небо и землю". Она предоставила нам космогонию, которую могла дать только откровение. Только откровение в состоянии выразить божественно-великое по божественному величественно. Откровение описывает с помощью одного предложения все то, что люди не в состоянии были бы изобразить и представить в течение вечностей. И доисторическое, трансцендентное, небесное оно облекает в понятия и представления, которых мы не в состоянии ни предположить, ни понять; нам не постичь, как Бог сотворил небеса небес с всеми воинствами их, с иерархически организованными властями, с сонмами ангелов и служебных духов, вместе с престолами, княжествами, властями и сферами света.

С теоцентрической точки зрения и в библейском освящении напрашивается нам предположение, что изображенное с помощью "тогувабогу"* (евр. - "страшная пустота") состояние земли находится в самом решительном противоречии с сущностью Божией и с Его действиями. Не желая растеряться в спекулятивном и гностическом, мы полагаем, что можем предположить, что изображенное в стихе 2 состояние земли можно отнести к падению, которое далеко выходит за пределы нынешнего исторического существования нашей земли.

У падения всего творения имеется весьма много родственного с всяким падением в любой другой области, так что мы в состоянии прийти к определенным выводам касательно сущности падения земли, судя по причинам и явлениям единичных падений. Более всего знакомо человеку его собственное падение. Даже и те, что сознательно отказываются от ориентировки, которую им предлагает Библия, вынуждены согласиться, что едва ли существует более соответствующая психология падения, нежели та, которая изложена здесь в словах книги Бытие: "Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною".

Творец, Бог всякой жизни, - и земля-пустыня: образ смерти и бесплодия, потому что она лишена существенных условий для всякой жизни и роста, потому что она потеряла свои источники, силу и красоту жизни. Пустыня живет только тем, что имеет. Она не получает росы небесной, она лишена общения и не оплодотворяется, отсюда ее бесплодие и пустота. Но такова именно сущность всякого падения. В падении совершается то отделение, которое способствует разложению и смерти; человек лишается всех более высоких условий и сил, посредством которых он становится единственно способным решать нравственные и духовные задачи, которые заключены в его призвании ради его спасения.

Это состояние не означает прекращения бытия, а лишь те

нормальные связи и соотношения между творением и Творцом, человеком и Богом, в пределах которых единственно могут содержаться гармония, сила и будущее всего творения. Если творение изолирует себя в своем дальнейшем существовании, ограничиваясь собственной жизнью, то в своем отделении от Бога и в своем самоутверждении, вопреки всему остальному творению, оно создает самому себе свой собственный ад. Это смерть в противоположность той жизни, к которой Творец призвал все творение на основе Своего творческого акта.

Как бедна, пуста и даже дика жизнь человека и человечества, когда теряются связи ее с ее источником, с Отцом света, с творческой силой Его Духа! Человек так скоро пресыщается всем своим, всем собственным, и в какой полноте красоты представляется ему тогда мир! Превратившись в пустыню, душа его в один прекрасный день начинает вопиять к Богу, к живому Богу, так как ни в себе, ни в окружающем творении она не может найти того, что поистине способно сделать ее жизнь богатой и счастливой.

В какие бездны постоянно погружается человек, который потерял свет Божий и Его назначение и который ищет свое спасение и свое будущее в самом себе! Чем глубже его падение, тем более разобщенной становится его жизнь, тем более мятежным становится мир его чувств, тем мрачнее вся сфера его духа, которая владеет и которая скрывает в себе всю оказавшуюся такой неудержимой его жизнь. Все его существование становится каким-то загадочным, бесцельным - его стремление и труд, безнадежным - его будущее: он оказывается игрушкой в руках жестокой судьбы, которой, лишившись спасения, он отдает себя на произвол. Хаотическое состояние!

Если таковы именно типические черты падения в жизни человечества, тогда мы в состоянии отнести состояние "тогувабогу" доисторической земли к родственному случаю. Бог, являющийся Богом света и порядка, не создает состояния "тогувабогу", понятие и значение которого не исчерпывается понятием "безвиден и пуст" /"безвидна и пуста"/. Даже выражение хаос не всецело и вполне отражает все то, что стремится высказать эта формула. Мы встречаем оба эти понятия и в некоторых других местах Библейского канона; чаще всего они определяют состояние самого дикого опустошения. Так, например, захватывающим образом описывает пророк Исайя наступающее хаотическое состояние, которое предстоит пережить Едому и его великому государству. Едом с Восором в изображении пророка названы представителями тех государств, ко-

торые меч Исава превратил в творцов своего национального существования, т.е. для которых плотская мышца оказалась драгоценнее всякого нравственного права, которые не внимают "устам Торы", а только языку холодного расчета, которым вопль страха слабых и мольба угнетенных уже решительно ничего не говорят. Эти государства с их культурой и национальными достижениями должны подвергнуться суду, который пророк изображает захватывающими словами. Над их культурой и над их достижениями "протянута.... вервь разорения и отвес уничтожения". "Никто не останется там из знатных ее, кого можно было бы призвать на царство, и все князья ее будут ничто. И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником - твердыни ее; и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов" /Ис. 34,11-13/.

В главе 45 книги того же пророка перед нами начертана другая картина. Очевидно, речь здесь о том могучем впечатлении, которое произведет возвращение Израиля из изгнания на другие народы. Чтобы показать, что водительство Божие сосредоточивается на судьбе Сиона и что это именно водительство произвело этот поворот в истории, пророк предоставляет слово Богу: "Израиль же будет спасен спасением вечным в Господе ; вы не будете постыжены и посрамлены во веки веков. Ибо так говорит Господь, сотворивший небеса, Он - Бог, образовавший землю и создавший ее; Он утвердил ее; не напрасно сотворил ее: Он образовал ее для жительства; Я -Господь, и нет иного. Не тайно Я говорил, не в темном месте земли; не говорил Я племени Иакова: "напрасно ищете Меня: Я Господь, изрекающий правду, открывающий истину" /Ис. 24,1; 41,29; 44,9; 49,4; 59,4; Иерем. 4,23/.

Сам Бог свидетельствует здесь о том, что Он сотворил землю не для того, чтобы она была "безвидна и пуста", а также о том, что потомки Иакова не должны искать Его в пустыне. Он не творит ничего дикого, пустынного, суетного, а только совершенное, предопределенное для существования и благополучия. И если в книге Исайи сказано, что вся совокупность народов "как ничто" перед Ним /Ис. 40,17/, то сказано это потому, что они, вместо того чтобы соответствовать цели своего божественного призвания и назначения, сознательно воспротивились Ему, поставив себе под власть и водительство своего собственного духа. Все, что они в состоянии противопоставлять в своем положении Богу и его Божественному управлению миром, вся власть, сила и энергия для построения своего будущего и своего счастья, - это только "тогувабогу".

Вот три отличительные признака состояния "тогувабогу": "безвидна и пуста", "тьма", и "бездна". Не составляют ли они самого яркого противопоставления "жизни", "свету" и "порядку", в которых воплотились действия Божии? В творении Божием нельзя отделить друг от друга этих понятий, они органически сплелись с каждым отдельным из Его творения. Там где господствует жизнь, там и свет, и, наоборот, там, где господствует смерть, там и тьма. Как в неорганическом, так и в органическом мире свет сопряжен с теплотой.

Это же можно отнести и к другим двум понятиям. В еврейском слове "тегом" как будто два значения. Одно из них "бездна" /Пс. 41,8/, "великая бездна" /Пс. 77,15/. Другое значение - это "глубина" /Иова 38,16/. Между двумя этими понятиями существует определенное родство. Оба они чаще всего выражают в Писании определенную противоположность небесному, светлому, совершенному. Вот поэтому на языке образов Библии как раз море с его бушующими волнами используется в качестве подобия всего противобожественного на земле. Оно является символом мятежных и враждебных Богу сил, а шум его является образом мятежа и борьбы против праведных Всевышнего. В Апокалипсисе Даниила, например, из моря появляются четыре зверя /Дан. гл. 7/; эти звери являются не чем иным, как последовательно сменяющими друг друга мировыми державами, которые пытаются установить мир среди беспокойных народов. Ибо от мира, от его противных Богу бездн, от бушующей борьбы сражающихся друг с другом сил пророческое видение не может ожидать другого исторического образа, кроме мировых держав с их хищнической душой.

И провидец на Патмосе тоже видит "выходящего из моря зверя" /Откр. 13,1/, т.е. новую мировую державу, которая возвышается из волн бушующих народностей. Пророк Исайя тоже сравнивает нечестивых, но обладающих силой и властью граждан мировых держав с разбушевавшимся морем, которое никак не в состоянии и воды которого выбрасывают только ил и грязь /Ис. 57,20/.

Из внутренней сущности мира и царств его раздается, как следствие, время от времени нарастающий гул против существующего Царства Божиего и против наступления его. Ибо порядок Божий - это смерть для хаоса, жизнь света - это гибель для тьмы, господство Бога - это крушение мировых держав. Поэтому и Откровение Иоанна ожидает, что после окончательной победы Бога и Агнца над всеми областями сил тьмы минует земля, и моря уже не будут /Откр. 21,1/.

Там где господство Божие определяет жизнь и времена, там

не остается более места и времени для алчности и беспокойного мятежа хищных образов мира. В Царстве Божием господствует жизнь и мир. Дисгармония - это сущность тьмы, смертельное состояние враждебного Богу развития, борьба сил и духа народов, живущих без Бога, это - "тогувабогу" земли, как падшего творения Божиего.

Это предположение о доисторической катастрофе нашей земли вследствие постигших ее судов, как мне кажется, совпадает и с исследованиями геологии и палеонтологии. И та и другая требует как для формирования земной коры, так и для образования гор гораздо больше периодов времени, нежели те, которые указаны нам в шестидневном деле творения. Если даже предположить, как это делают некоторые толкователи, что в каждом отдельном творческом дне речь идет о творческом периоде, ибо у Бога тысяча лет, как один день, и один день, как тысяча лет, то и тогда это только обозначения определенных промежутков времени, которые не могут объяснить результатов исследований. Эти же требуют гораздо больших промежутков времени.

Предыдущая глава привела нас уже к тому выводу, что свобода материального мира исключительно пассивна. Она обладает способностью быть лишь тем, во что превращает ее владеющий ею дух. Чем выше сущность духа, одушевляющего ее, тем она выше подымается и тем более воплощает богатство мыслей и красоту форм, которые определяют и формируют ее. Если бы мы теперь предположили, что состояние "тогувабогу" земли не было первоначальным, а как последствие какой-то катастрофы, то последняя не могла исходить от самой себя. Она была очевидно, только сострадающей долей, благодаря падению владеющих землей более высоких духовных существ, которые вовлекли ее в свое падение.

Павел ведь свидетельствует в восьмой главе своего послания к Римлянам о нынешней твари, о нынешнем творении, которое с надеждой и тоской ожидает откровения сынов Божиих. "Потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего /ее/, - в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих" "Рим. 8,20-21/.

Так как человека в его нынешнем состоянии падения еще не было на той доисторической земле, то сам собою возникает вопрос, кто вызвал эту катастрофу. До сих пор на этот вопрос всегда находили только один ответ: эта катастрофа была вызвана падением сатаны. Христос, Сын Отца, через Которого и для Которого все было сотворено, называет его человеко-

убийцей "от начала" /Иоан. 8,44/. Сатана воплощает в себе доисторическое падение, и потому пророк называет его упавшей с неба денницей, сыном зари /Ис.14,12/. Можно утверждать, что это место из книги пророка Исайи прежде -всего относится к царю Вавилонскому. Но в богословии в этом изображении падения царя Вавилонского одновременно усматривается и другой образ, который соответствует и падению сатаны.

Велик Люцифер, что даже архангел Михаил "не смел произнесть укоризненного суда" против него; он упрямо появляется вместе с сынами Божиими перед Предвечным, чтобы нападать на праведных. По остаткам его власти и царства можно судить о величии "бога века сего", у которого власть смерти и который гордо заявляет Сыну Божиему: "Мне дарованы все царства земли и слава их, и я даю их, кому хочу!" - и Христос не противоречит ему.

Эта падшая утренняя заря в своем огненном знамени владеет не только легионами отпавших ангелов и их князьями: Вельзевулом, Ваалом, Маммоной, Молохом - этими "начальствами, мироправителями тьмы века сего" /Ефес.6,12/, но он является также, поскольку Бог попустил ему это, царем миллионов на земле. Он непрерывно клевещет на нас пред Богом /Откр.12,10/ по причине наших грехов, потому что это его дело. Он требует "просевать нас как пшеницу" /Луки 22,31/. Он внушает нам даже во время нашей молитвы скверные мысли и тяжелейшие искушения. "Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных" /Ефес.6,12/. До своего падения он был одним из тех высокооблагодетельствованных ангельских князей, который и других ангелов увлек в свой мятеж против Божественного порядка; вследствие этого они потеряли свое княжество и вынуждены были оставить свои обители /Иуды 6/.

Мы полагаем поэтому, что, не раздумывая, должны примкнуть к тому огромному числу представителей богословской науки, которые убеждены, "что наша земля в своем первоначальном состоянии была доверена тому, кто в Священном Писании назывался до своего падения Люцифером, а после него - сатаной или диаволом, и что в следствии его мятежа суды справедливости Божией превратили первоначальную землю в хаос, в "тогувабогу".

Эти предположения, без сомнения, обладают величайшей важностью для нашего понимания Библейского повествования о сотворении. Они позволяют нам увидеть дивные спасительные намерения Божий в сотворении человека. От вечности из-

бранный и предопределенный во Христе к усыновлению человек, очевидно, призван был к тому, чтобы восстановить ту гармонию, которая была нарушена падением части ангельского мира. Однако после того, как пал и человек, избавление могло совершиться только посредством единородного Сына, полного благодати и истины. Павел пишет, глядя на всеобщее дело спасения, заключающееся в смерти Христа, следующее: "Он - начаток, первенец из мертвых, дабы иметь ему во всем первенство: ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умертвив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное" /Кол.1,18-20/.

Посредством выше приведенного изложения мы пытались предложить читателю сжатый образ тех доисторических событий, о которых мы всегда можем говорить лишь с большой оговоркой. Если даже полагаем, что мы в состоянии сделать на основании имеющихся ныне сведений некоторые выводы касательно доисторического падения, то все же должны не забывать и о том, что очень многое так и остается поныне тайной вечности. Все исследователи, которые в конечном итоге достигают одной только истины, будут только благодарны, если вечность откроет им многое, хотя в совершенно ином виде, нежели они пытались представить себе это в собственном свете. Именно в этом духе и предлагаются выше приведенные размышления о хаотическом состоянии доисторической земли, и их следует расценивать единственно в том смысле.

Большинство толкователей новейшего времени, как О.Прокш, Е.Кениг и др., не предполагают, будто стих 1 говорит о доисторической земле. Сказанное в стихе 1 является для них только предвосхищением последующего творческого дела, а стих 2 не является, по их мнению, продолжением, а только толкованием первого стиха. Но речь ли об этом хаотическом состоянии земли о доисторическом! падении и о последующем восстановлении ее, или это только описание ее первоначального состояния, - и в том, и в другом случае только Бог посредством Своего творческого дела и слова сотворил из этого хаоса новое, и эта новая земля оказалась ареной Его действий и откровением полноты Его милосердия и избавления на будущее. Не какое-то развитие, а откровение избавило оказавшееся в состоянии хаоса творение, превратив его в гармонический храм Божий, в котором Бог может общаться с человеком.

Как же все это оказалось возможным? Мы не состоянии закончить всей этой мрачной главы о доисторическом падении

первой земли, не выразив надежды, которая все же оставалась для земли в течение всей ее долгой ночи: "И Дух Божий носился над водою" /Бытие 1,2/. Дух Божий, как вдохновляющий принцип жизни, носился над хаотическим состоянием смерти - в этом как раз и заключалась единственная надежда для падшей земли.

Мы видели, что хаос - это ад для естественного творения. Ибо там господствовал беспорядок, отменяя всякие законы жизни, посредством которых вещи и события в состоянии были дополнять друг друга и оплодотворять друг друга, чтобы образовать органическое единство и блаженную гармонию. Это было вечное присутствие смерти без надежды и без будущего.

И все же для земли оставались и надежда и будущее. Однако заключались они не в ней самой и не в ее сокровенных силах. Не вдохновение ее и не развитие ее сотворили из хаоса новую землю с Эдемом, в котором все творение увидело однажды подобие Творца, человека, мужчину и женщину. Именно в том непреложном факте, что Дух Божий, несмотря на хаотическое состояние земли, окружал ее Своей любовью и теплотой, и заключалась тайна ее начинающего избавления и будущего.

Потому что все, что Дух Божий, как творческий принцип жизни, объемлет Собою, не остается без надежды. Если князь тьмы - как мы предположили выше - был достаточно велик, чтобы разрушить сотворенный мир света, то Бог оказался еще величественнее и пожелал восстановить оказавшуюся в состоянии хаоса землю, чтобы она вновь соответствовала своему назначению. Да, даже больше! Он сотворил Себе на почве падения ту славу, которой не было в Его творении до его падения. Если первоначальное творение открыло Его нам как вечного и мудрого Творца, то в восстановлении земли Он является нам как Бог избавления и спасения.

Ибо там где присутствует Бог, там где Он может окружать падшее Своей любовью, там в свое время возникает вдохновение Его все заново творящего Духа, Который и над падшей и погрузившейся в хаос землей произносит: "Да будет свет!" Никакая сила - даже и князь тьмы - не в состоянии воспрепятствовать тому, чтобы на почве падшего творения появился тот человек, который носит в себе подобие своему Богу и обладает полномочиями вовлечь все творение в сферу своего избавления.

Жизненный принцип творческого Духа Божиего проявился гораздо сильнее, нежели смерть. Если бы это было не так, тогда вообще не было бы для человека и творения никакого избавления из постигшего их падения. Ибо падение означает

здесь бесконечно больше, нежели некоторые только заблуждения или временные ошибки: это постигшее человека состояние - это состояние ухода и независимости от Бога.

В этом состоянии со стороны творения нет пути обратно к Богу. Но имеется, к счастью, обратный путь от Бога к падшему творению. И этим путем Бог постоянно шел с течением истории. Дух Божий носился над хаотическими водами падшей земли. Он облагодетельствовал Ноя на построение ковчега спасения. Он вывел Авраама из погибающего мира Халдеи. Он призвал в Египте изнемогающий народ пастухов в пророка миру, а когда наступила полнота времени, появился Тот, Кто мог сказать: "Я свет миру!" - Кто мог еще сказать: "Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедыватъ пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное" /Луки 4,18-19/.

Эта Божественная тайна всего искупления заключается уже, как первое Евангелие, в отчете Бытия о сотворении.

III.ПЕРВОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ЕГО ПРИНЦИПЫ

1. Принципы избавления первых трех творческих дней

Бытие 1,3-13

Бог вечно жив Своей первой любовью. В любви Он объемлет Своим дыханием жизни и хаотическое состояние смерти падшей земли. Таким образом, Он оказался для нее совершенно новым откровением. Потому что Бог беспечно величественнее Своего творения и языка его вечных законов. Он является откровением; у Него Свой язык Своей вечно присутствующей любви. Потому что творение - это свершившееся, а откровение - это совершающееся. Оно не является историческим прошлым, а вечно живым настоящим.

Это откровение любви сильнее смерти, а потому оно отрицает смерть. Таким образом, откровение Божие всех шести творческих дней находится под знаменем Божественного "нет". Оно говорит тьме: "нет!" - и должен явиться свет. Оно говорит хаосу: "нет!" - и должны наступить разделения, которые в своих пределах осуществят законные образования и формы жизни. Оно говорит бесплодию: "нет!" - и все сотворенное и оформившееся наполняется бесконечной полнотой жизни, которая способна приносить плод, причем каждое творение при-

носит плод свой по роду своему. Оно говорит и царствующей дисгармонии: "нет!" - и завершает свое новое дело тем днем субботы, у которого уже не будет вечера /Бытие 2,3/.

Это новое откровение явилось избавлением для творения. В первом откровении Бог "сотворил" - и возникли "небо и земля". В новом откровении Бог "сказал" - и хаотическая земля превратилась в храм Божий, в котором встретились друг с другом Бог и человек уже в непрерывном субботнем творении. Это было избавление земли через откровение любви.

Если земля должна оказаться чем-то новым, то необходимо внести в нее это новое. Это совершила любовь, превратившая землю в предмет своего нового откровения, окружив ее своим Духом, как принципом вечной жизни. А так как земля в своей пассивности позволила себя любить, то в ней пробудилось и то, чем она и не обладала прежде. Потому что пассивность, которая позволяет себя любить, не является свойством возлюбленного, а только элементом, возбуждаемым активностью любящего.

Бог сотворил. Это была сила Его бесконечного дыхания. Бог сказал. Это было творение Его бесконечной любви - Евангелие искупления для не искупленного еще творения. В этом откровении все должно было оказаться словом: обнажение Духа из Божественного Я и наделение любовью сотворенного ты. Итак, как Бог наделил землю избавлением в течение шести творческих дней? Какую ответную любовь Он способен был пробудить в ней посредством откровения? Об этом должны возвестить нам отдельные творческие дни с их вечными принципами искупления.

а/ Принцип просветления овладевает первым днем творения

Так Бог впервые объявил войну смерти в области ее господства - в тьме. "И сказал Бог /Елохим/: да будет свет. И стал свет". Когда появляется Бог, тогда смерть и тьма должны капитулировать. Потому что Бог есть свет, отсюда и каждое из Его откровений ведет к свету. Первое Евангелие Его, обращенное к пленному смертью и тьмой творения, звучит: "Да будет свет!"

Потому что просветление - это первый шаг к избавлению. На этом основании созидаются и действия Божии, которые в итоге смогут закончиться только подобием Ему. Свет Его является тем пробуждением и избавляющим элементом, который призывает все силы к развитию и который освобождает их для

определенной формы существования, в которой жизнь пытается избежать тьмы и ликует навстречу свету. Вот поэтому спустя тысячелетия пророк и апостол новой твари мог написать: "Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа" /2 Кор. 4,6/.

Доколе человек находит свое выражение в том, что составляет его собственные качества и энергию, он остается в своей сущности отделенным миром - не искупленной тварью. Поэтому он и не может прийти к Богу, прежде чем Бог не придет к нему; он не в состоянии и любить Бога, прежде чем Бог Своей активностью не возбудит в нем ответной любви. Потому что не в самом себе, а только в Любящем возлюбленная вполне достигает покоя. Только в том, что Он дарует душе и чем Он является для нас, она находит избавления, которого она не в состоянии приобресть для себя. Отсюда избавление является не только вопросом нравственности или вопросом освящения, нов первую очередь и вопросом общения. Только в той степени, в какой Бог в состоянии увлечь человека в общение с Собой посредством откровения, человек переживает избавление Божие.

Первым шагом к этому является просветление. Только посредством свободы Божией становится очевидной связанность человека. Только в свете любви Божией познает человек собственный мир тьмы. В душе его пробуждается тот вопль к Богу, которому псалмопевец на все времена дал единственно прекрасное выражение в словах: "Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!" Потому что благодаря просветлению становится очевидным то расстояние, над которым еще не переброшен мост между тем, чем является человек по своей сущности, и тем, чем Бог хочет быть для него. Но полученное просветление приводит уже к изменению представлений о собственном состоянии смерти. Если просветление не является еще избавлением, то оно является уже первым шагом к нему. Вот поэтому Царство Божие в каждую эпоху всегда начинается вестью: "Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное" /Матф. 4,17/. Очень многие всегда тосковали о том, чтобы выйти из сферы власти тьмы, они же принимали явившийся им свет, который облекал их полнотой власти, т.е. происходящей от Бога, "быть чадами Божиими" /Иоан. 1,12/.!

"И увидел Бог свет, что он хорош". Все явления, которые происходят из откровения Божиего, хороши. Правда, еще не было светил четвертого дня, которые должны будут владеть

всем творением. Однако вторжение света в необузданную тьму само по себе было хорошим в своих первых началах. И Бог уже в первый день мог покоиться в том, что ушло от Него в творение. Он будет бороться в последующие дни уже не с светом, который призвало к бытию Его откровение, а с оставшейся еще тьмой, с господствующим еще хаосом, с существующим еще бесплодием и с всемогущей еще смертью. Поэтому отсутствующее вызвало необходимость того нового откровения, которое обнаруживается в последующие творческие дни и проявит новую славу избавления.

Тот же закон касается и нового творения. Бог радуется даже самым первым началом, которое Его творческая сила способна пробудить в нашей внутренней жизни. Подобно матери, которая находит покой в здоровом росте своего ребенка, так и Бог обретает Свой покой во внутреннем росте Своих помилованных и просвещенных. Пусть вновь наступит вечер, приводя с собой новую ночь, первый день творения светом своим готовит наступление второго дня с его новым откровением.

И чем более мы, как ученики, будем носить образ нашего учителя, тем более будем обнаруживать в этом отношении черты нашего Бога. Очи наши научатся видеть в ближнем и в истории даже самые ничтожные начала Царства Божиего, и эти начала являются для нас предметом радости и блаженства. Потому что мы знаем, что они хороши в очах Божиих. Пусть все еще недостает и нам и другим бесконечно многого для совершенства, мы все же учимся ожидать второго дня творения Божественного откровения.

Однако как ни "хорошо" было откровение света, оно все же не было Самим Богом. Да, благодаря слову: "Да будет свет…", - мысли Его обрели телесную объективность, однако все появившееся посредством Его откровения не соотносится еще с Ним так, как тело с душой, как организм с силой и как дело с своим мастером. Он так и остается Другим по отношению ко всем сотворенным явлениям, несмотря на то, какими прекрасными, "хорошими" они не являются по своему существу.

О том, как Бог в Своей превознесенности возвышается над Своим творением, свидетельствует следующее слово: "И отделил Бог свет от тьмы". С наступлением света произошло первое разделение между тем, что было от Бога, и тем, что было не от Него. Древнееврейский корень соответствующего слова указывает на то обстоятельство, что Творец посредством разделения даровал как свету, так и тьме "особое существование" и "особое назначение". И тьма, и свет должны отныне служить существующему творению: свет - призывая к бытию но-

вые явления жизни, ночь – предоставляя пробужденной жизни и ее росту время для внутреннего укрепления и для собирания новых сил.

Подобное взаимодействие величайших противоположностей для блага всего творения может быть определено лишь Тем, Кто в Своей суверенности значительно величественнее Своего творения. Бог произвел это разделение. Тьма после появления света все еще принадлежала земле, однако, начиная первым днем творения, она оказалась в подчинении гораздо более высокому назначению, так что и она оказалась вынужденной сотрудничать в появлении нового творения. Однако ее абсолютное господство над землей было уже навсегда 'ограничено появлением света. Именно в этом факте и по нынешний день заключается могущество всякого откровения Божиего. Да, тьме предоставлена возможность периодически появляться. Однако ей отныне поставлены определенные пределы; теперь в сочетании с светом она должна выполнять позитивную миссию в благословении всей становящейся жизни.

Для всех, кто в состоянии видеть этот дивный закон в истории и во внутренней жизни отдельного человека, это означает чрезвычайно драгоценное откровение Божие. Они знают, что даже самым мрачным временем истории вышней Рукой поставлены определенные пределы и что мы уже не будем более отданы на произвол абсолютному господству властей тьмы /см. Иова 1,12; Дан.9,2; Откр. 2,10/. Как только Бог проникает в историю вместе с Своим светом, Он Сам вовлекает тьму в Своё для нас часто такое мрачное и непонятное управление миром. С тех пор как наступило Его господство на земле, Царство Божие не является более игрушкой мировой истории. Всякая ночь должна содействовать тому, чтобы появилось новое утро еще более богатой жизни.

Павел постиг всю глубину этого и потому мог сказать, глядя на тех, которые любят Бога, что все должно содействовать благу их /Рим.8,28/. Идет ли речь о Царстве Божием в истории или в нашей личной жизни, периодически наступающая ночь не лишает его ничего, а должна вносить в него свой положительный вклад, который должен подготовить наступление той субботы, у которой уже не будет больше вечера.

Правда, всякая заново наступающая ночь вводит нас в новые внутренние конфликты. Правда, многого, что она заключает в себе и что способна еще возбудить в своей тьме, мы еще не в состоянии понять, так что порою вместе с псалмопевцем жалуемся и вопием: "Так не напрасно ли я очищал сердце мое, и омывал в невинности руки мои, и подвергал:

себя ранам всякий день и облечениям, всякое утро?"/Пс. 72,13-14/. Но в этой отчаивающейся душе рождается и псалом веры, который принадлежит к тому самому великому, что было когда-либо создано в истории: "Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле… А мне благо приближаться к Богу! На Господа Бога я возложил упование мое" /Пс. 72,25-28/. Песнь песней этого псалмопевца об общении с Богом преодолевает и время, потому что она родилась от вечности притом в тот час, когда ночь была уже в душе псалмопевца.

Отныне ночь не навеки принадлежит будущему. С наступлением света над ней произнесен приговор. Бог является избавлением также и в том отношении, что Он не повелевает совершиться в течение одного дня всему тому, что должно совершиться в течение Его шести творческих дней. По Своей милости Он и ночь вовлекает в Свои действия, в Свой труд, доколе Он будет нуждаться в ней ради нравственного совершенствования Своего творения. Чрезвычайно знаменательно, что Бог говорит только о свете, что он "хорош". Божественное "хорошо" пребывает только во свете, а не в терпимой Им еще ночи. Однажды она уступит свету свою последнюю силу и свою последнюю сферу, когда исполнится то, что пророк осмеливался предвидеть: "И свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро, как свет семи дней, в тот день, когда Господь обвяжет рану народа Своего и исцелит нанесенные ему язвы" /Ис.30,26/.

Поэтому всякий день вместе с своим светом является для нас вечным Евангелием Божиим, которое возвещает нам конец ныне еще периодически появляющейся ночи. После этого "поглощена будет смерть навеки, и отрет Бог слезы со всех лиц, и снимет поношение с народа Своего по всей земле" /Ис. 25, 8/. Если творение окажется способным вынести вечный день, не превратившись при этом в сожженную пустыню, то оно увидит тогда исполнение этой вести Откровения Иоанна: "И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава осветила его - Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов" /Откр. 21,23-26/.

"И был вечер, и было утро: день один", и свидетельствовал он своим Евангелием света об избавлении, которое Бог принес Своим первым даром, просветлением-просвещением всему творению.

б/ Второй творческий день заключает в себе принцип разделения

Посредством нового откровения Бог продолжает, но в гораздо большем объеме то же дело, которое было уже начато в первый день явлением света. "И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так". Второй день принес откровение небесного пространства, которое по своей сущности так же не зависит от земли, как и свет первого дня. Всякое откровение, которое исходит от Бога и вместе с своим избавлением нисходит на землю, по своей сущности превыше земли. Оно вносит всякий раз что-то новое в творение, чем оно никогда не обладало прежде, но что должно по своему существу содействовать его спасению.

Вот так и случилось с небесной твердью второго дня. Она была чем-то чуждым земле, и все же ей предстояло оказаться вестью избавления для нас. Посредством этой вести проник некоторый новый элемент и в необузданные воды земли, который, однако, оказался могущественнее их. Если до сих пор они своими силами могли необузданно господствовать над всем и своей вечной борьбой увлекать все в погибель, то внезапно появилась сила, которая разделила их. Как ни всемогущей являлась до сих пор сущность вод, вновь возникшую твердь небесную они не смогли уже увлечь своей борьбой в сферу смерти. Они вынуждены были теперь разделиться на воды под твердью и на воды над твердью. Так, посредством нового откровения в самом творении, произошло новое разделение.

(Разделение - это следующий шаг к избавлению. Он всегда следует после просветления, а не прежде него. Только тогда, когда Бог сказал: "Сделай себе ковчег!" - Ной провел ту разделяющую черту между культурным наследием своей эпохи и собственной жизнью, которая сделала его наследником нового будущего. После того как откровение Божие, посредством решающего слова: "Пойди из земли твоей", - призвало Авраама к тому сепаратизму веры, в котором он должен был превратиться в благословение для всего мира, мы видим, как он покидает родину, место своего рождения, и отчий дом, чтобы пойти в землю, которую укажет ему Бог. Этот закон проходит через все откровение Божиего плана спасения. Пророк ли или апостол, но как только они получают весть от Бога для избавления мира, они тотчас вносят в мир новое разделение. Ибо только таким путем может обнаружиться однажды то новое творение, за которое Иисус может молиться и просить Своего От-

ца: "Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от зла; они не от мира, как и Я не от мира. Освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина" /Иоан. 17,15-17/.

Разделение второго дня еще не является избавлением, но оно ведет к избавлению. Прежде всего посредством откровения тверди обнаруживается только один элемент, который оказывается сильнее вод земли и который Бог называет "небом". Так появляется небесный мир, который простирается над землей и который должен даровать земле бесконечное. Небо является великим фактором, который путями, далеко превосходящими наше мышление, приведет на земле все в надлежащий порядок. Мы едва ли в состоянии предполагать, какие силы небесные действуют повсюду на земле. В своем познании природы мы говорим, как правило, о трех царствах: о животном царстве, о растительном царстве и о минеральном царстве. Но, кроме них, имеется еще и четвертое царство. История творения свидетельствует о том, что все эти царства зависят от этого четвертого. Подобно тому, как животное царство, фауна, зависит от растительного мира, от флоры, а она в свою очередь, зависит от минерального царства, т.е. от мира камней, так и этот мир основывается на другом, еще более древнем. Некоторые называют его метеоритным царством. От него зависит минеральное царство, как об этом свидетельствует хотя бы названия отдельных металлов.

Это метеоритное царство, которое от веков образовывалось над землей, т.е. еще до того, как возникло минеральное царство, названо Богом "небом", т.е. "приводящим в порядок". Оно предназначено для того, чтобы осуществлять те великие "Чудеса, силы которых мы называем теперь "притяжением и отталкиванием". Точно так же явленный нам же посредством Слова небесный мир должен привести в порядок и нашу внутреннюю жизнь. Без нее и без ее действий мы окажемся неспособными обнаруживать те пребывающие достоинства души, которые составляют характер нового творения. Откровения, вдохновения, силы спасения, плоды духа обнаружатся в нас только тогда, когда силы небесного мира, оплодотворяя и приводя в порядок, проникнут в нашу жизнь.

Поэтому небо стало для нас, людей, символом всего Божественного. Только после того, как оно войдет в нашу жизнь обнаруживается та власть, которая по своим силам и благословениям гораздо сильнее тех всех вод, которые захватили в плен нашу душу. Всякий, кто вступил однажды в связь с Божественным светом, кто пережил первый день, тот знает, что наша подлинная сущность окружена желаниями, похотями и

страстями, которые проявляют себя гораздо сильнее, нежели исключительно естественные нравственные силы человека. Воды во всем Писании являются тем известным образом всех беспокойных сил, которые грешный человек носит в самом себе. Исайя свидетельствует на основании глубокого жизненного опыта: "А нечестивые - как море взволнованное, которое не может успокоиться, и которого воды выбрасывают ил и грязь" /Ис. 57,20/. Поэтому, вплоть до Откровения Иоанна, воды во всем ветхозаветном откровении являются символом всего противного Богу.

Первое объявление войны Богом они пережили во второй творческий день. Вся история спасения до сих пор со своей отрицательной стороны была не чем иным, как продолжающейся борьбой тех необузданных сил смерти, которые постоянно увлекали истинное творение Божие в свою сущность, в свое состояние борьбы и смерти. Но с тех пор как появилось Царство Небесное, и воды потеряли свое абсолютное господство в творении. Во внутренней ли жизни отдельного человека или в истории они встречаются с законом небес, который оказывается сильнее их.

Правда, существование их не прекратилось и после второго творческого дня. Однако подобно тому, как посредством появления света и тьмы была вовлечена в дело призыва появляющегося творения к бытию, так и обнаружившийся во второй день небесный свод привлекает воды к положительному служению появляющемуся творению. Небо расторгает воды внизу, влечет их к себе вверх, очищая их от солей, образует из них плодоносные облака, которые из бесконечных сокровищниц его выпадут в третий день на землю в виде росы и дождя. Пусть небеса, привлекая к себе облака, и омрачаются бесчисленное число раз, они уже никогда более не будут отняты у творения.

Однако не все воды влечет небо вверх. Многие остаются еще внизу, являясь вплоть до пятого дня бесплодным морем. И в нашем духовном становлении это опять-таки дивные законы. Многие из наших желаний и стремлений начинают направляться вверх, там они очищаются и освящаются посредством связи с вышним миром и проявляются потом в качестве благословений и в качестве плодов духа. Плотское воодушевление становится сознательной отдачей, беспокойное мужество - выдержкой, страсти превращаются в освящающие способности души. Однако многое еще в нашей внутренней жизни остается после второго дня и после третьего дня творения таким же, как и прежде: беспокойным, необузданным и без жизни. Но все эти силы небо

удерживает уже в своих пределах. Они исчезнут вполне лишь в совершенном новом мире, где моря уже не будет /Откр. 21,1/. Но это уже будет благословением седьмого дня.

"И был вечер, и было утро: день второй". Своим откровением небесной тверди он внес новое избавление в господствующий на земле хаос и приготовил путь для ее воскресения.

в/ Третьим творческим днем владеет принцип воскресения

Откровение его - это третье "нет" Бога на господство смерти, а потому это весть свободы для всей земли. "И сказал Бог /Элохим/: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо".

В этой простой форме Бог описывает час рождения нашей исторической земли. Начиная с момента своего воскресения из прежних вод смерти, она является ареной для становления, роста и красоты всякой жизни. Если это изображение и не представляет нам какой-то особой естественной историей земли, то все же оно открывается нам в целом, что Божественные принципы духа и избавления в состоянии целесообразно выражаться во всех новых творческих делах, так что творение на каждой ступени своего становления и развития оказывается все более свободным и более искупленным. Каждое откровение производит новые действия, которые, как энергии Божий, оказываются сильнее господствующего состояния существующего. Благодаря этим действиям вызывается тот безостаточный поток становления жизни, который подымается все выше и выше и не успокаивается до тех пор, пока в нем не воплотится и не преобразится вечная мысль Божия.

Дух творческой жизни говорил и в третий день и обнаружил принцип воскресения, возрождения, отделения жизни от смерти. Как только Бог сказал слово, в земле тотчас же начали действовать энергии, посредством которых она освободилась от вечного обеднения солеными водами и приобрела возможность сформироваться в прочное спокойное место обитания для всякой более высокой жизни. Наше естествознание подслушало речь действующих вулканов, внутренней формации, разверзшихся бездн и штурмующих небо Альпийских гор нашей земли, чтобы узнать, с какими космическими мировыми страданиями и муками был сопряжен этот час рождения нашей земли. Все превосходит здесь ту меру, которой человек научился измерять,

и те понятия, посредством которых мы пытаемся осознавать все космические происшествия; этот час рождения земли с муками и горем ее первозданных сил возвещает нам то дивное Евангелие Божие о том, что жизнь сильнее смерти, что свобода могущественнее рабства, что вдохновение является гораздо более творческим, нежели ортодоксальность. Энергии, которые восприняла земля, когда начал говорить Бог, превратились в силу ее движения; воскресение превратилось в наступление ее свободы, отделение от смерти превратилось в основание ее будущего.

Библейское повествование о сотворении раскрывает, следовательно, в этой простой форме последнюю причину всех явлений. Он подымает покров простым и все же величественным предложением: "И сказал Бог /Элохим/: да будет..." Откровение Его сказало свое "нет" тьме, и свет обнаружил пустоту существующего творения и внес свои возбуждающие жизнь энергии в его состояние смерти. Оно сказало свое "нет" господствовавшим водам, твердью небесной оно обезоружило эти воды в их разрушительном всемогуществе, увлекая их в служение жизни. Теперь же это откровение говорит в третий раз - и земля празднует свое воскресение, которое вечные мысли и законы Божий воплотили в себе и через себя.

Сказано: "сотворил", и "сказал", и "увидел", и "отделил", - в своем отчете о сотворении книга Бытие не знает другого подлежащего, кроме подлежащего "Бог". Это Подлежащее отрицает существование земли в хаотическом состоянии и утверждает единственно те дела, которые появляются вследствие его слов. О них сказано: "И увидел Бог, что это хорошо". Это "хорошо" является заключительным словом каждого творческого дня, Божественным одобрением сотворенного в его новой, искупленной форме бытия.

Таким образом, в воскресении земли мы обретаем подобие того более величественного дела Божиего, которое, как новое творение, очевидно во всяком облагодетельствованном человеке. Только в этом творении может сознательно развиваться та жизнь от Бога и с Богом, которая оказывается сильнее смерти. Душа, погибавшая некогда в своих необузданных страстях, находившаяся в плену смертельного состояния своей собственной жизни, видит вдруг, что силы более высокого откровения подняли ее из ее греховных бездн и переместили ее в более высокую сферу жизни со Христом. В поклонении она исповедует себя вместе с апостолом нового творения: "... избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего" /Колос.1,13/. В этом перемещении обоснована тайна

тех духовных благословений, которые на основании первой главы послания Ефесянам мы называем избранием для усыновления, искуплением посредством Его крови, запечатлением Духом и призванием к славе.

В этом свете мы и понимаем апостола, когда он называет Церковь Иисуса Христа и членов ее умершими первого творения. Оно уже потеряло свои права господства над ними. Войдя в жизненную связь с Христом, они соединились с Его смертью и, как сораспятые с Ним, крестом Его умерли для мира. Если они теперь живут, то живут для Бога /Рим. 6, 1-4.11.14 /. У них теперь нет никаких обязательств по отношению к плоти, т.е. по отношению к первому творению, теперь они не могут жить по плоти, получив Духа усыновления, Которым называем "Авва, Отче!" /Рим. 8,12-15/. Потому что закон Духа, дарующий нам жизнь, освободил нас от закона греха и смерти, сняв с нас приговор осуждения, переместив нас из отрицания, из состояния "тогувабогу" в состояние "как хорошо!" живого Бога. Ибо то что было не под силу закону, так как в борьбе с сопротивлением плоти обнаружилось его бессилие, то совершил Бог. Он послал Сына Своего в подобие плоти греховной как жертву за грех. Так Он осудил грех в ее собственной области господства, во плоти. Отныне в нас должны утверждаться правовые требования закона, если мы не будем ходить на основе проявленной силы плоти, а в проявлениях силы Духа /Рим.8,3-4/.

Правда, еще остались после творческих дел третьего дня великие моря, они еще в состоянии неистовствовать против обнаружившейся суши. Но уже побеждено их прежнее неограниченное господство. Вступление земли, воскресшей земли, в совершенно новую сферу жизни удалило ее от требований ее первоначального состояния смерти. Отныне Он "положил песок границею морю, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут" /Иерем. 5,2_2/. Как сильно свидетельствует именно Павел об этой принципиальной независимости нового творения от своего прежнего состояния смерти, не впадая в нездоровый перфекционизм.

Но эта независимость от старого творения делает искупленных тем более зависимыми от сферы света и жизни нового. Подобно воскресшей земле, которая всем своим богатством жизни и роста всецело зависит от благословений небесного мира, к которому она стремится, так и новый человек зависит от Христа. Ученики Иисусовы могут считать себя дома только в жизни Иисуса. Источники их благословений, их мис-

сионерские задачи в мире света и жизни Божией. Только то, что исходит оттуда, укрепляет их и является для них благом, чтобы в деле и в сущности его чем дальше, тем больше быть подобными своему Творцу.

Однако Сам Творец вовлекает и соленые моря в благословенное служение нового творения. Ибо не только морские волны уже не в состоянии разрушить суши, но более: все их необузданное неистовство должно превратиться для нее в благословение. Свирепые бури несут здоровье и силу органической жизни земли, поэтому она не может пренебрегать ими в своем развитии. Постигают ли нас бури искушений или борьбы страстей из окружающего мира или изнутри нас, они находятся под более высоким управлением. Оно допускает, чтобы сатана просевал нас, как пшеницу, но в то же время оно молится о нас, чтобы вера наша не оскудела. Таким образом именно исполняется все то, о чем пишет послание к Евреям, обращаясь к страдающей Церкви своего времени: "Вспомните прежние дни ваши, когда вы, бывши просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии; ибо вы и моим узам сострадали, и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее" /Евр.10,32-34/. Ибо в то время как бури движут и сотрясают праведника, вера его укрепляется, подобно кедру на Ливане.

Однако в третьем творческом дне заключается двойное Евангелие. После того, как земля в целом достигла воскресения, каждая пребывающая в ней сила, в свою очередь, жаждет воскресения и откровения. Если она в целом носит характер воскресения, то тот же характер носит и мельчайшая частичка ее силы и существа. Этот характер, может быть, и выражен в слове "земля". В древне-еврейском языке землею обозначается та субстанция, которую можно растереть в бесконечный прах, вследствие чего она способна принимать всякую форму, которая необходима более высокому принципу жизни для своего воплощения. Итак, земля является глиной, способной принимать бесконечное множество форм; из этой глины дух органической жизни образует бесчисленные создания и всю полноту минерального, растительного и животного миров. Сама воскреснув, она празднует в своей органической жизни никогда не прекращающееся воскресение.

Самое первое, что рождается из ее недр, - это только трава, этот известный библейский образ плоти и преходимос-

ти. Затем следует, однако, плодоносящие деревья в своем бесконечном разнообразии. С тех пор каждое дерево приносит плод свой по роду своему. Это закон органического роста, который Творец положил в основу всех более высоких форм жизни, даже и в области внутренней жизни. В действиях Божиих все вырастает из малого в великое, из несовершенного в более совершенное. Никогда не бывает плода пшеничного колоса без травы пшеничной зелени, сущность которой называется плотью и которая уже после своего созревания, как солома и мякина, очищается на гумне веянием. Как ни болезненно нам это познание, но и новое творение подчинено этому закону органического роста. Оно никогда не принесет духовных плодов, если ему не будет предшествовать плотская жизнь и если она не достигнет в нем зрелости. Горе тому, кто погубит ту жизнь, которая принесла бы свои духовные плоды после своего роста и зрелости.

Итак, третий день вместе с своей двойной вестью обнаруживает, чем является созданное, чем является сама по себе земля. Чем она может и чем окажется однажды, это откроют последние творческие дни. Однако могучие и потрясающие процессы разделения, предшествовавшие ее жизни и сопряженные с ее воскресением, закончились в этот третий день. То, чего еще не достает ей, - это украшения и завершения разделенного. И то и другое содержится в откровении следующих творческих дней и может быть пережито в течение этих дней.

Пусть завершение разделенного еще вне откровения Божиего, тем не менее все до сих пор сотворенное "хорошо" в очах Божиих. Только враг жизни подвергает вечной критике все становящееся. Творец же дважды в третий день говорит: "И увидел Бог, что это хорошо". Его творческое слово призвало к бытию жизнь, которая в очах Его, а также в своей собственной становящейся и еще не завершенной форме была чрезвычайно драгоценна. Седьмой творческий день с своей жизнью, но уже без вечера может последовать только после предшествующих шести творческих дней разделения и завершения.

"И был вечер, и было утро: день третий". Он навсегда принес Евангелие воскресения в ожидающее искупления творения.

2. Евангелие завершения последних трех дней творения

Бытие 1,14-31

Между творением и искуплением всегда размещается откровение. Оно должно говорить, оно должно превратить искупление Божие в Евангелие для творения. Первые творческие дни были Евангелием оправдания, последние - Евангелием освящения. Просветленное, разделенное и воскресшее должно завершиться в совершенной жизни, во взаимном служении и вечной гармонии. Так как освящение не означает ничего иного, как продолжающееся завершение оправданного Богом, то и три последних творческих дня были не чем иным, как завершением первых трех. Ибо творение первых трех дней находится в теснейшей взаимосвязи с сотворенным в течение последних трех дней.

а/Четвертый творческий день
заключал в себе Евангелие воплощения

"И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времени, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так".

Мы не знаем, были ли сотворены эти светила: солнце, луна, звезды - в их нынешней форме в четвертый день, или же в своем истинном образе, которым, как светила, они, может быть, уже давно обладали, они явились только воскресшей земле. Сказано только, что система светил должна появиться на небесном своде для земли, чтобы отныне она регулировала всякую жизнь и всякое бытие на земле и хранила его в порядке. Как и в жизни человека, только зрелые личности производят для самых широких кругов упорядоченную программу и дают им направление, указывая на будущее, так и небесные светила определяют всякое бытие и жизнь земли.

Наше естествознание попыталось с большим успехом войти в эту бесконечную мастерскую Бога и обогатилось открытием таких святых порядков, таких точных действий, таких тонких и точных законов, таких несравненных гармоний, что мы едва в состоянии это понять.

Регулярно-размеренное биение пульса земли, точное движение через мировые пространства - все это оказалось бы невозможным, если бы все это в своем вечном дыхании и в своем упорядоченном движении не определялось законами, которые в своей власти гораздо превосходят все это. Только жизнь более высокого порядка способна вовлечь в ту же закономерность и жизнь более низкого порядка, в которой сама она пребывает ради собственного спасения и завершения.

Никогда ни от солнца, ни от луны, ни от звезд не могли бы исходить на землю такие решающие и определяющие действия, если бы сами они являлись лишь текущим светом. Если бы сами они подчинялись длительным колебаниям, если бы сами они существовали не по законам Небесного Царства, если бы сами они еще жаждали для себя формы и образа, - они никогда не могли бы оказывать на землю избавляющих действий. Только совершенное может оказаться в избавление для незавершенного и несовершенного, только оно в состоянии подчинить его тем же законам жизни, в пределах которых и оно движется ради собственного спасения.

Поэтому телесность всегда являлась конечной целью всех путей Божиих по отношению воплощения творения. Эта телесность приводит искупительное становление каждой твари к его завершению и содействует тому, чтобы она оказалась служеб-

ным элементом в организме целого. Чем совершеннее это завершение, тем более выражена индивидуальность твари. Эта тварь становится чем-то вечно другим по отношению к прочему творению, но в то же время она является незаменимым членом в организме целого. Поэтому завершение создает совершенную индивидуальность и односторонность искупленного творения. Только когда все члены целого войдут в эту субботу своего завершения, будет достигнута истинная цель искупления, предлагаемая нам посредством откровения. Тогда и Бог успокоится от дел Своих в вечном служении совершенного творения.

Это Евангелие олицетворения является великой творческой вестью четвертого дня, притом не только для космического мира, но и для этического, который Павел называет новым творением, новой тварью. То, что Бог начал творить и совершать здесь, слабости нашего бытия, должно совершиться в силе. То, что мы воспринимаем здесь посредством своей веры, некогда окажется вечным зрелищем. Иоанн пишет следующее об этом новом творении: "Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть" /1 Иоан.3,2/.

Итак, для нас, сынов становления, полнота совершенства находится по ту сторону земного и посюстороннего. Только трансцендентный мир Божий представляется нам уже вполне совершенным и потому оказывает на нас содействующее действие. В нем воплощается для нас весь свет, который должен явиться для нас избавлением, даруемым Его откровением. "Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего" /Кол. 3,1/, - пишет Павел новому человеку своего времени. Потому что он знает, что Христос - "свет миру".

Воспламененная Христом и Церковь сияет в истине своего Господа и Главы. Если даже она и подобна луне, то тем не менее она является светом миру и своим сиянием освещает его ночь. Своим возвышенным настроением, своей очищенной совестью, своей проповедью о жизни и смерти она препятствует господству смерти и тьмы на земле пребывать в состоянии покоя. Направляемая светом Божиим, она говорит на земле, как пророк, страдает, как священник, и ходит, как живое святилище, в котором пытается водвориться слава Божия. Христос и Церковь - это два великих соединенных друг с другом светила, которые в настоящее время в состоянии служить миру и его жизни своим более высоким светом.

Оба они окружены бесчисленными звездами. И звезды несут

из вечных далей свой свет в ночь мира. Послание к Евреям говорит о том, что мы окружены на своем поле сражения и на своем ристалище "облаком свидетелей" /Евр. 12,1/. Очень многие из усовершившихся праведников продолжают говорить и в наши дни, хотя они уже давно почили. Павел действует посредством своих посланий, и свет их сегодня является программой для всякой новой жизни, которая рождается от Бога. Пророки и Откровение Иоанна и сегодня все еще устремляют наш взор в будущее, к грядущему. Псалмы с их воздыханиями, воплями, горем, хвалебными песнопениями и сегодня помогают нашей душе выражать свою боль и радость, свою тоску и надежду, которые она носит в себе. Вся Библия полнотой своего света, своим бесчисленными пережитыми и засвидетельствованными истинами простирается над нами, как небосвод, и освещает нашу мрачную жизнь и все ее заблуждения.

Излагая кратко, перед нашим взором предстает следующая картина: в центре всякого света - подобно солнцу - стоит Христос, и воспламененная Его огнем, светит - подобно луне - Церковь Христова. И Христос, и Его Церковь окружены множеством совершенных праведников, свет которых до сих пор не могут погасить ни смерть, ни развитие миров; несокрушимой силой своей жизни, которую они провели с Богом, своим словом и делом, которое они оставили после себя, они освещают ночь нашего времени. Потому что "и разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде - как звезды, во веки, навсегда" /Дан. 12,3/.

Тот, кто в своей внутренней жизни сознательно пережил четвертый творческий день, тот обнаружит, что именно ночь открывает нам, какое шествие небесных светил сопровождает землю в ее движении через тьму. Если даже ночь, вечно сменяемая днем, постоянно одолевает нашу землю, то тем не менее она уже не в состоянии отныне непрерывно господствовать над ней. Позади всякой тьмы стоит Христос как солнце правды и повелевает каждому вечеру и каждой ночи сменяться днем. И во время самой мрачной ночи светят духи совершенных праведников и сонмы многих тысяч ангелов и поют свой псалом совершенства и для нашей столь мрачной жизни. Шествие воинствующей Церкви и ее членов не может быть поэтому вполне одиноким и в течение самой мрачной ночи. Она окружена торжествующей Церковью, которая принимает полное участие в становлении и совершенстве еще борющейся на земле Церкви.

Однако эти светила на небесном своде должны в дальнейшем не только служить определению дня и ночи, но и определению "и времени, и дней, и годов". В свете их мы учимся правиль-

но постигать сущность отдельных вещей и событий и правильно руководствовать посреди многообразных явлений земной жизни. Мы постигаем также и ту истину, что непоколебимым является для нас единственно небесное, совершенное, в то время как мы и все то, что находится на земле, крайне не постоянны и изменчивы. Совершившееся и совершенное находится там, вверху, здесь же только совершающееся.

Достигнув когда-то покоя грядущего совершенства, мы уже не будем нуждаться более в перемене времен. В настоящее время мы еще нуждаемся в ней для того, чтобы в нашу жизнь проникала истинная мера солнечного света и требуемая мера холода. Мы еще не способны к тому, чтобы находиться в вечном весеннем цветении и в состоянии непрерывного плодоношения. В подобном служении нам прежде всего пришлось бы расходовать гораздо больше сил, нежели те, что мы получили. Однако, чем более очевидной становится нам наша зависимость от вышнего мира во всех областях нашей жизни, тем глубже мы сознаем, что все наши гарантии и наше будущее заключается отнюдь не в том, чем мы уже являемся по своей сущности, а только в том, что в течение длительного времени мы неизменно получаем из более высоких источников. Не соблюдаемая традиция, а пережитое вдохновение является и остается тайной становящейся Церкви. Она лишь в той степени обладает вечным, в какой степени сама воспринимает вечное; она лишь в той мере является Церковью, в какой мере она постоянно обновляется и все более становится Церковью.

Благословенный день этот четвертый день; он раскрывает перед нами свои законы во всем объеме их зависимости от совершенных светил, находящихся на небосводе, и эти законы во благо и во спасение земли. На этой ступени в душе искупленного творения рождается псалом, новый псалом. В глубокой восторженности и в поклонении поет искупленный Христом человек: "Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле" /Пс. 72,25/.

"И был вечер, и было утро: день четвертый". Он обнаружил совершенное, чтобы оно своим Евангелием становления приводило творение к совершенству.

Потому что искупленное творение вовлекает и неискупленное в свое избавление. В этом и состоит сущность борьбы искупления. В этом же обнаруживается и господство жизни над смертью. Борьба всего искупленного - это взрывная страсть, а не стремление к избавлению. Только искупленное в состоянии бороться, совершая служение избавления. Вот поэтому там, где в Царстве Божием борьба по своей глубочайшей сущ-

ности и цели не является служением ближнему, там эта борьба сильнее всего мстит самой Церкви, которая ведет эту борьбу.Борьба, которую ведет Бог для того, чтобы победить мир, состоит единственно в стремлении вовлечь весь мир в творимое Им избавление. Боевая программа всего совершенного состоит не в уничижении мира, а в избавлении его.

б/Пятый творческий заключает в себе Евангелие оживления

В первую очередь предстояло оживить те части творения, которые в течение первых трех творческих дней были разделены и ограничены принципами избавления. Прежнее откровение Божие еще не сообщило бесконечно многого этим долям творения в деле их освобождения, хотя во многом и ограничило их необузданные действия. Однако до сих пор они еще не приобщились к избавлению. Только после откровения четвертого дня, после воплощения света откровение Божие оказалось в состоянии вовлечь и эти части творения в программу своего положительного избавления, т.е. в оживление. Оно достигло этого, освободив эти части от вечного состояния смерти и превратив их в базу для совершенно новой жизни. И огромнейшие пространства морей, и неизмеримые сферы воздуха должны были отныне превратиться в арену для откровения преизбытка новых форм жизни, которые окажутся воплощением мыслей Божиих.

"И сказал Бог /Элохим/: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И сотворил Бог /Элохим/ рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог /Элохим/, что это хорошо".

Это творческое дело пятого дня. Оно состоит в возникновении жизни с той целью, чтобы она господствовала там, где до сих пор неограниченно действовала смерть. Правда, уже в третий творческий день земля произвела избыток органической жизни растительной природы. Но как ни хороша была эта жизнь, она не исчерпывала ни мудрости, ни силы Творца. Избавлению Его еще предстояло исторгнуть обилие жизни из обновления смерти.

Итак, откровение пятого дня было еще одним Божиим "нет", которое Он сказал тому состоянию смерти, в котором находилось творение. Этому откровению необходимо было говорить и говорить, оно не могло молчать пред лицом бедствий Творе-

ния; оно не может пройти мимо израненного кровоточащего ближнего, которого оно видит на дороге. Поэтому после того, как откровение произнесло свое слово - <и море, и воздух стали наполняться чудесами нового творения; все они облекались в образ телесности, все они были помилованы, чтобы служить своим многообразием и целесообразностью делу оживления и развития окружающего. Чем более откровение Божие в состоянии избавлять, чем ближе седьмой день, тем более вовлекаются в избавление и те части творения, которые до сих пор оставались в неприкосновенности.

Этот дивный закон жизни и избавления проявляется опять-таки как во внутренней жизни отдельной личности, так и в Царстве Божием, как в целом. Мы уже видели, каким символическим значением обладают моря на языке образов Библии. В водах их мы видели отражение тех плотских похотей и страстей, которые владеют как отдельными лицами, так и народами. Однако под неограниченным господством их все же не может развиваться нечто более высокое, Божественное, оно же не в состоянии и созреть для служения и в благословение целому.

Однако тот, кто пережил второй и третий творческие дни, тот в состоянии постичь и осмыслить тот факт, что эта необузданная внутренняя жизнь вместе с своим миром идей уже подвержена ограничениям и водворена в известные пределы. Наши плотские хотения перестают быть нашим нравственным законом. Мы приобрели более высокую совесть. Достигнутая в нас посредством откровения Божиего жизнь духа, жизнь спасения проявляется в нас гораздо сильнее, нежели наш плотской мир идей, нежели наши греховные страсти. Эта жизнь спасения заключает их в определенные пределы. Однако сверх этого не простиралась сила существовавшего прежде избавления.

Чем более преобладает небесное во всем нашем мировоззрении и в направлении жизни и чем более оно становится чем-то прочным и совершенным, уподобляясь светилам четвертого дня, тем величественнее то назначение и влияние, которому оно подчиняет нас. Христоцентрическое настроение жизни и соответствующее этому апостольское служение Павла было совершенно немыслимым без того величественного и совершенного образа Христа, который он носил в своей душе. Первые главы послания к Ефесянам и послания к Колосянам с содержащимся в них своеобразным и единственным в своем роде образом Христа мог написать только человек, исповедание жизни которого можно выразить следующими словами: "Уже не я живу, но живет во мне Христос". Этот апостол и пророк не смог бы также создать в своих посланиях тот образ Церкви, который по своей

сущности так чужд миру, по своим задачам так далек от мира, а по своим перспективам так близок к вечности, если бы он не рассматривал Церкви в качестве постоянно продолжающегося во времени откровения превознесенного и превосходящего все временное Христа. Христос, Церковь, совершенные праведники - эти величины Царства Небесного не являлись для него какими-то преувеличенными догматическими положениями, они не были и субъективными, спекулятивными понятиями, а дарованными Богом неземными реальностями, которые всецело вовлекли его в свою жизнь и в свое избавление.

То что мы можем наблюдать у Павла, то же мы можем констатировать и в Церкви Христовой. Чем четче характеризуется эпоха христианской Церкви серьезными и зрелыми познаниями Христа, практическими апостольскими церковными принципами и трезвыми эсхатологическими ожиданиями, тем могущественнее ее влияние на мир, тем более она вовлекает погибающих в жизненную сферу собственного избавления. Такие великие творения, как Реформация, такие произведения духовной литературы, какие оставили нам граф Цинцендорф, Ав. Герман Франке, Ф. Бодельшвинг и другие, были бы совершенно немыслимы, если бы Христос и Церковь с присущим им содержанием откровений не оказались для этих мужей тем же, чем сами они в своем служении и своим свидетельством оказались для погибающего мира.

Жизнь пятого дня творения, пришедшая в движение в воде и в воздухе, выражается еще и в новых бесчисленных формах жизни. Мысли Божий так богаты, что они не в состоянии вместиться лишь в один единственный образ или вид живых существ. Но как ни многообразны новые формы жизни, все они подчинены одному Духу. Этот же Дух Божий обнаруживается и в новом творении. Во Христе и в Его Церкви все является оригинальным творением, и полнота ее даров и многообразие ее явлений жизни должны только выражать богатство и славу Того, Кто является Альфой и Омегой Своей Церкви.

Потому что ни воинствующая ныне, ни уже усовершившаяся Церковь никогда не были в состоянии воплотить всей полноты искупительных откровений Божиих ни в себе, ни в своей жизни, ни в своем служении в течение хотя какой-то из прежних эпох своего существования. Вот поэтому Павел, глядя на Христа, в Котором предопределено было обитать всей полноте Божией, мог написать церкви в Ефесе: "И все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть тело Его, полнота Наполняющего все во всем" /Ефес.1, 22-23/. Итак, всецелое откровение всей полноты Божией оказа-

лось возможным, благодаря совершенной Церкви Божией.

Если до сих пор еще никогда в жизни Церкви не могла быть предоставлена вся полнота сопряженного с откровением Божиим избавления, то все же все совершенное в ней Богом, учитывая все многообразие всех явлений оказалось хорошим - таково суждение святого Творца. "И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле" /Бытие 1,22/. Таков ответ Божий той жизни, которая в своем существовании и в своем назначении, начиная с пятого дня, радуется и ликует .

"И был вечер, и было утро: день пятый". Своим Евангелием оживления он внес на все времена в мир весть, что Бог не является Богом мертвых, но живых.

в/ Шестой творческий день проявился в своем откровении как Евангелие совершенства

Повеления Божий никогда не исчерпываются. Потому что сила откровения Его любви гораздо величественнее и больше пятого творческого Дня. Она вечна, без начала и без конца. Доколе поэтому искупляющее Я Божие будет противостоять грешному сотворенному ты, оно будет исходить из святого Божественного самого Себя и будет обращаться к творению в Своем новом откровении любви.

И в искупленном Бог действительно проявляется как Бог. До тех пор, пока в Его творении не все воплощает Его предвечные мысли о Царстве, все еще должен появляться новый день творения с своим новым откровением. Потому что в течение всех Своих творческих дней Бог многообразно проявляется, как того требует искупление Его творения.

Правда, повеления Божий первых пяти дней откровения в своем творческом "да будет!" совершили и сотворили бесконечно много искупленного. Лишь последнее, то самое высокое, что намеревался Бог совершить и явить в деле искупления, могло совершиться только в шестой день.

Прежде всего, земля произведет в этот день новую полноту разнообразных форм жизни, и все они стоят бесконечно выше сотворенного в третий день. Те относились исключительно к растительному миру, эти - к животному. Флора третьего дня в своем бесконечном богатстве жизни была призвана к тому, чтобы послужить фауне шестого дня в ее развитии и назначении.

Наконец, появляется человек как образ и подобие Божие.

Он является драгоценнейшим и самым высоким даром Божиим, он бесконечно величественнее всего творения, и в то же время он меньше Его, Творца. Когда все творение предстало пред Ним в своей бесконечной полноте красоты и силы, целесообразности и гармонии, Бог начал искать некоторое подобие для сотворения человека. Однако желаемого подобия Он не нашел во всем, что Сам сотворил до сих пор. Но это подобие Он нашел в Самом Себе, в Творце. Вот поэтому человек, несмотря на все свое родство с природой и творением, по своей глубочайшей сущности, коренным образом отличается от всякой твари, которая способна обнаружиться в мире.

"И сказал Бог /Элохим/: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так... и увидел Бог, что это хорошо". Так Бог подготовил наступление шестого дня творения. Будет ли это растительный мир третьего дня или животный шестого творческого дня, свое воскресение к жизни земля переживает лишь в силу нового слова Божиего. Творение Божие возникает лишь по откровению, оно живет откровением и станет опять откровением. Не имманентная земле сила привела к воскресению новых форм жизни, а сила, вдохновляемая словом Творца. Первая способна быть только получателем и носителем, но никак не может быть творцом новой жизни.

Все то, что однажды в истории оказалось несравненной составной частью Царства Божиего посреди преходимости и гибели плоти, считает, что оно создано свыше. Бог сказал, а человек ответил. Бог прошел мимо, а человек стал шагать по следам живого Бога. Бог воззвал, а человек сказал: "Вот я, пошли меня!" Бог открыл своего Сына, а человек стал апостолом Его. "Спасшего нас и призвавшего званием святым" /2 Тим. 1,9/, - это истинное бытие всякой жизни, которая когда-либо пробуждалась для сознательной связи с Богом. Всякое прочее пробуждение никогда не превосходило сил собственной природы. Она жила своей собственной жизнью, но не Божией. То, что возникло посредством вдохновения, способно существовать только посредством вдохновения. Только те, что водятся Духом Божиим, являются сынами Божиими /см. Рим.8,9-15/. Поэтому вдохновение является сознательным подчинением собственной жизни творческой силе сообщенного Духом откровения Божиего.

Шестой день прежде всего создал возможности для того, чтобы на земле могли воплотиться в еще большем совершенстве мысли Божий в многообразных новых формах жизни. До сих пор еще ни одно из творений, несмотря на свою интеллигенцию,

которая дарована ему от сотворения, не оказалось подобным образу Божиему. Самое высокое подобие Богу стало очевидным лишь с появлением человека.

Так как эти сотворенные формы жизни по своему роду являются воплощением определенных мыслей Божиих, они всегда были подобием отдельных способностей, дарований и движений души человека. Чрезвычайно знаменательно, что именно это обстоятельство во все времена и у всех народов в большей или меньшей степени было правильно воспринято и правильно понято исключительно средствами человеческого инстинкта. Повсюду и даже в нашем христианском мире страсти человека часто определяются именами животных. Если люди видели в этих тварях большее, нежели воплощение определенных мыслей Божиих, если их почитали чем-то божественным, то это было исключительно извращением истины Божией в языческом мире.

Подобно тому, как языческий мир отнесся к сотворенному творению, так и так называемый христианский мир отнесся к самому себе. Вместо того чтобы молиться Творцу и Даятелю, он молился своим дарованиям, достижениям и собственным силам. Какое-то новое изобретение, какое-то гениальное достижение, какой-то героический подвиг, какое-то сенсационное изобретение, какая-то смелая жертва - и время останавливается в своем удивлении и в высшем почтении перед тварью и ее достижениями. В прославлении героя, художника, ученого, изобретателя историей и воздвигаемыми памятниками люди прославляют самих себя.

Только действительно новое, возрожденное творение находит обратно путь от дара к Даятелю, от творения к Творцу. Оно знает, что те новые формы жизни самого высокого порядка в том виде, в каком они обнаружились в шестой день творения, являются только дарами, которые должны сделать нас способными служить Богу и ближнему. Вот поэтому всякое творение Духа, всякая жертва любви, всякая героическая сила, всякое истинное познание приводят нас не к обожествлению человека, а к поклонению Богу в духе и истине. Никто никогда ни раньше, ни позже не сознавал в такой степени своей зависимости от Отца Творца, как Иисус, Который был "Сыном" и Который получил полноту власти над всякой плотью /Иоан.17,2/. Он же является главой нового творения.

Но и о жизни, которая может быть только символом силы Божией, или свойств Божиих, или мыслей Божиих, сказано: "И увидел Бог /Элохим/, что это хорошо". Нет, не сотворенное Богом по своей подлинной сущности может явиться скверным и злым, доколе оно занимает указанное ему Богом место в общем

творении. Оно становится скверным, плохим и злым благодаря злоупотреблениям, к которым его побуждает более могущественная сила.

Таким образом, творческое развитие привело к последнему и самому высокому откровению: "И сказал Бог /Элохим/: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог /Элохим/ человека по образу Своему, по образу Божиему сотворил его; мужчину и женщину сотворил их" /Бытие 1,26-27/. Это же место книги Бытие в переводе С.Р.Гирша звучит следующим образом: "И сказал Элохим: сотворим Адама /заместителя/ в достойной нас оболочке, которая будет соответствовать Нашему образу и Нашему подобию, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Элохим Адама в достойной Его оболочке; мужчину и женщину сотворил их".

В этом последнем и самом высоком откровении Бог обобщает, как в центральной точке, все до сих пор сотворенное и завершает его в сотворении человека. Какое великое и основополагающее Евангелие произнесено таким образом раз и навсегда! Этот "Адам", как образ, как подобие Божие, как господин всего творения, как мужчина и женщина, описанный здесь как бы вскользь, будет подробнее освещен в следующей главе. Мы хотели бы только указать здесь на тот факт, что суббота творения может наступить только в человеке, а суббота человека - "только в Боге. Только в господстве этого образа и подобия Божиего творения может обрести свое завершение, а в господстве Божием человек может найти свой покой.

Ибо в человеке творение приобретает самое высокое, именно то, что оно вообще не в состоянии приобресть от какой-то иной твари: вдохновение, а вместе с ним и господство его духа. Если, однако, самое высокое должно означать для творения в совершеннейшем разнообразии форм и жизни не порабощение, а, наоборот, освобождение от рабства, освобождение от материальной скованности и зависимости, то для этого необходимо, чтобы вдохновляющий его дух человека сам оказался освобожденным и искупленным. Однако человек не обретет желаемого искупления и требуемой свободы, если ограничится только самим собой. Он способен будет приобресть для себя лично освобождение и искупление только в том слу-

чае, если по-прежнему будет являться воспринимающим принципом, получающим свое вдохновение от Всевышнего. Только в такой мере, в какой он может оказаться получателем, в такой точно мере он может быть и дающим. Вот поэтому все его источники не могут покоиться в творении, не могут покоиться в самом себе, а только в Боге. Он может господствовать, только являясь властителем; он может миловать, только будучи помилованным; он может избавлять, только получив избавление.

Так как с грехопадением человека погибла и эта харизма, то с тех пор и сам человек является рабом, потому что вдохновляет его уже не Творец, а тварь, но с тех же пор и все творение с тоской ожидает того нового дня, когда откроются сыны Божий в своей полной славе для спасения стенающей ныне твари /Рим. 8,19-22/. Как бы ни были богатыми и обильными переживания Церкви Божией в течение вот почти уже двух тысячелетий, до сих пор все еще члены ее не могли явиться в славе совершенного искупления для ожидающего откровения творения. Доколе члены Церкви Христовой сами еще во всей своей совокупности не совершенны, они не способны содействовать наступлению с такой тоской ожидаемой всем творением субботы. Христос, как Глава, не может господствовать без полной гармонии с Церковью, как с Своим телом. Необходимо, чтобы прежде в этом теле был виден "человек" для того, чтобы могло открыться господство человека в творении для спасения этого же творения. Вот поэтому апостол и горел желанием "представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе" /Колос. 1,28/. Он знал, что означает этот "полный возраст Христов" не только для отдельного члена и не только для всей Церкви, но вместе с тем и для ожидающего и ныне стенающего под гнетом преходимости и смерти творения.

Прежде чем новый человек окажется в состоянии повести к избавлению, необходимо, чтобы в нем самом решительно все оказалось под водительством избавления. Ведь всякий, кто временно находился "вне Христа", знает, как буквально все в нем, оказавшись теперь по милосердию Божиему "во Христе", нуждается в более высоком водительстве. Как часто изнуряется воля к служению и в новом человеке по множеству собственных путей, если он не подчинит себя "послушанию во Христе". Вместо того, чтобы производить плод, который пребывает, он часто расходует свою силу на бесплодные дела, строит из сена, соломы, которые сгорят в огне судов, разрушает там, где он должен был бы строить и созидать.

Это повседневные явления и в жизни всей Церкви. Чем ме-

нее виден в ней "человек" как завершение дела Божиего в своем господстве, тем более плотской человек проявляется в своих дарованиях, в своих возможностях и в своей собственной силе. Поэтому и создается роковой конфликт: вместо того, чтобы полнота жизни и сил, познания и полномочий, объединяясь посредством более высокой силы, целеустремленно направлялась в благословение для всех и всего, имеющееся богатством приводит только к умножению внутреннего замешательства.

Этот "человек" первого творения был создан, как говорит Библия, как мужчина и женщина. Отныне в нем объединяется как дающий, так и воспринимающий принципы жизни. Седьмой день еще более разъяснит нам эти внутренние законы жизни. Встретит ли это утверждение признание или же нет, тем не менее, мы в состоянии утверждать, что уже в шестой день дело Божие было вполне закончено, и глубочайшей сущностью его явились мужчина и женщина; поэтому именно все дело творения является великим отражением Бога. Святые первых веков размышляли над всеми этими подобиями и над всеми законами творения, черпая из Божественных истин их много света и утешения. Мы часто теряли откровение этих вещей, свидетельствующее нам о природе их. Сущность законов природы представлялась нам драгоценнее Евангелия любви; дар ее, который она предлагает настоящему времени, заменял нам ее язык вечности.

Так завершается в образе и в подобии Божием шестой творческий день, а вместе с ним и все дело творения всех предыдущих дней. На ступени завершения творения, разделения, украшения сотворенного прекращается отныне труд Божий. Но не прекращается откровение Божие, потому что оно не исчерпалось, хотя и миновали шесть творческих дней. Для него все собственно, было лишь приготовлением к седьмому дню, у которого в откровении его общения с Богом и в служении Ему не будет уже вечера.

После того как Бог обозрел все, что Он сотворил, "Бог увидел все, что Он создал, и вот, хорошо весьма". Древнееврейское выражение: "Все, что Он сделал", - не является только "понятием множества", которое заключает в себе исключительно все сотворенное, малое и большое; это выражение является "понятием единства во множестве; это то множество, которое воспринимается как единство, это не столько все в разнообразии, как одно целое..." Подлинную ценность собственного завершения каждая отдельная тварь приобретает только посредством гармонической и совершенной взаимосвязи

с целью.

"И был вечер, и было утро: день шестой". Своим откровением Он завершил избавление всего прежде еще не избавленного творения, повелевая отныне всему искупленному ожидать тайны славы седьмого дня творения.

3. Субботнее обетование седьмого дня творения

Бытие 2,1-3

Падший человек прежде всего стремится увлечь в круг проклятия своего падения и все Божественное. Вот поэтому он и судит о Божественном единственно с точки зрения своего падения. Точно то же он сделал и с понятием субботы Божией. Он превратил ее в вопрос времени. Однако понятие субботы Божией не является вопросом времени, а вопросом состояния. Не потому, что наступил седьмой день, вступила в мир великая суббота творения вместе со своими обетованиями. В основе наступления субботы творения заключено нечто гораздо более глубокое и величественное. Бог оказался в состоянии искупить всю тварь в течение шести дней творения, разделения, оживления, украшения и завершения и привести ее в такую внутреннюю гармонию, что вместе с седьмым днем все творение оказалось в совершенно новом общем состоянии, так что Бог оказался в состоянии начать новый род откровения.

Отныне действия Божии превратились в откровение общения, а состояние всего творения превратилось в полную отдачу почившему от трудов Богу. Потому что суббота - это господство Бога над человеком и господство человека над творением. Только наступление этого состояния искупления превратило седьмой день в творческую субботу для мира. Вот поэтому с тех же пор и число семь является символом полноты и покоя на языке откровений Божиих. Тайна субботы, однако, заключена не в числе, а в Боге, Который возвысил седьмой день творения посредством Своего порядка творения в символ полноты творения и собственного покоя.

"Так совершены небо и земля и все воинство их" /для них предназначенное/. Творческие действия шести дней творения решительно и последовательно вели к творческой субботе. Каждое дело Божие освобождает всякое творение от его первоначального состояния и вовлекает его в силу своей собственной Божественной сущности. Влечение Божие не может быть другим, как только привлечением к Самому Себе. Но для творения это всегда равносильно избавлению и освобождению. Оно освобождает творение в его глубочайшей сущности от со-

бственного влияния и соединяет его для дальнейшего существования с струящейся и формирующей жизнью Божией.

Это избавляющее и освобождающее дело Божие совершалось в течение шести творческих дней причем в такой степени, что ни одна из частей земли, которая прежде была безвидна и пуста, не осталась в своем прежнем состоянии смерти. Даже море до такой степени вовлечено в избавление Божие, что и оно обнаружило полноту новых форм жизни и с тех пор начало содействовать благословению всего творения. Вот поэтому Бог оказался в состоянии к концу шестого дня, взирая на все Свое творение, сказать: "И вот, хорошо весьма".

Определяя каждое Свое творение в каждый из отдельных творческих дней, Бог говорил: "Хорошо". Когда же все эти совершенные по своей сущности отдельные явления своей жизнью и своим назначением оказались в гармонической взаимосвязи с всей совокупностью творческого дня, тогда Бог нашел, что все сущее в своей тотальной взаимосвязи оказалось "хорошим весьма". Может быть, в отдельности многие формы и явления жизни могут представляться нам неудовлетворительными и нуждающимися в некотором дополнении, несмотря на свое внутреннее совершенство. Однако в тотальной взаимосвязи каждое отдельное существо как раз благодаря своей односторонности является незаменимым членом, который своим содействием гармонически завершает общее дело. Таким образом, даже самый малый член творения повышает ценность всего, целого, так что отныне все в оценке Божией не только "хорошо", но "хорошо весьма".

В свою очередь, отдельные существа приобретают свое подлинное назначение и ценность своего характера, благодаря совершенству всей совокупности творения. Вот поэтому каждая отдельная завершенная доля, совершенная по своему происхождению, каждый час тоскует по общению и по взаимному служению, которое начинается для всего творения только с наступлением творческой субботы. Итак, вся жизнь всех шести творческих дней была наполнена молитвой о наступлении творческой субботы.

Какие перемены и изменения наступили бы в Царстве Божием настоящего времени, если бы мы, как представители нового творения, осознали, что и в нашем избавлении проявляются те же основополагающие законы, которые очевидны уже в первом творении! Тогда, несмотря на собственный рост в познании и истине, каждый почитал бы себя наименьшим членом, который, однако, подлинно дышит духом Царства Божиего! Не оказалась ли бы тогда та единственная жизнь, к которой приобщились

через Распятого и Воскресшего, несравненно выше всех вероисповедных точек зрения, всех народных и национальных рамок? Тогда, несомненно, по всей земле установилось бы среди тех, что принадлежит Богу и нашему Господу Иисусу Христу, братство, которое не от мира сего и которое поэтому не содрогается от воздействий мира, от его духовных течений и от разнообразных требований диавола. Какое взаимное понимание, какое сосуществование, служение и любовь проявились бы внутри различных церквей, если бы люди поняли, что творимая Богом жизнь не может достичь своего совершенства ни в католицизме, ни в лютеранстве, ни в кальвинизме, ни в свободной церкви, ни в дарбизме, ни в общественной жизни, если не будет достигнуто окончательное совершенство и всех остальных членов Христовых, которые, как живые камни, воплощают в себе новый храм Божий. Тогда люди освободились бы от всякой субъективной точки зрения и судили бы о действиях Духа Святого в пределах всего Царства Божиего!

Пусть всякая отдельная жизнь в новом творении окажется "хорошей", но "весьма хорошей" она будет лишь во всецелой гармонической взаимосвязи, обусловленной новой субботой Божией. Все то, что должно было совершиться в тот день, уже предопределилось для состояния покоя и общения в течение всех предыдущих шести творческих дней становления и избавления. Если в субботе Божией и содержится избавление, то не для приобретения совершенства в ней откровение совершенного избавления. Оно уже не является более молитвой об обладании, а началом праздника обладания. С наступлением субботы Божией умолкает творческое и избавляющее откровение. В этот день начинает говорить единственно откровение совершенного общения и гармонического и покоящегося служения.

Какое же незнание сущности избавления и его внутренней взаимосвязи люди обнаруживают хотя бы в том отношении, что всегда очень многого ожидают от будущего, которое принадлежит нашему Господу, тогда как ожидаемое ими способны даровать им единственно крест и воскресение Господа через совершенное Им искупление. И в кресте, и в воскресении заключается как суд, так и избавление шести творческих дней, которые являются фундаментом и органической подготовкой творческой субботы. Если не совершится дело Духа Святого, которому предстоит воплотиться в течение шести творческих дней, никогда не наступит утренняя заря седьмого дня. Поэтому всякое промедление в наступлении творческой субботы следует считать благодатью, являемой не искупленному еще творению шести творческих дней.

Только с завершением шести дней создается тот внутренний характер отдельной твари, благодаря которому она способна приобщиться к наступлению седьмого дня творческого дня, как субботы Божией. Если тварь не войдет в субботу Божию внутренне утвердившись на почве избавления, то, несмотря на внешнее субботнее назначение и на субботнее время, она окажется совершенно неспособной проявить характер истинного покоя Божиего. Об этом свидетельствует падшее творение. Разве не вся история мира является не чем иным, как не историей отпадения от субботы Божией? Даже в случае самого строгого соблюдения субботнего покоя человек вообще не находит покоя, потому что и в нем не совершается ничто, и он не совершает ничего.

И вся же суббота Божия - несмотря на потерю первой субботы творения - наступит для человечества, принеся с собой свое полное обетование. В личности Иисуса Христа очевидна жизнь отдачи, общения и "покоя, которая уже не принадлежит той сфере, которая потеряла мир Божий и покой Божий. Речи Его и служение, Его страдания и смерть вытекают из духа внутренней субботы Божией. Поэтому Его Евангелие является обетованием субботы и пытается вовлечь всех, которые не в состоянии достичь собственного покоя, в субботу Божию. Всякое спасительное и творческое дело Его Евангелия подготавливает в человеке то внутреннее состояние, которое после завершившегося дела Божиего делает его способным наследовать в свое время покой завершения. Поэтому только Евангелие, которое вытекает из субботнего покоя Божиего, может приводить к субботе Божией.

Не только то, чем является падший человек в своей сущности, может принести Бог в состояние покоя. Это не было бы избавлением, а лишь превращением в вечность внутреннего ада человека. Древнееврейский корень слова, который лежит в основе понятия "совершать", объединяет в себе как будто два различных понятия и значения. С одной стороны, это слово означает "быть уничтоженным, перестать существовать". Действительно, человек перестает существовать, но лишь в том только смысле, чем он являлся до сих пор. Прекращается существование того состояния, в котором человек жил до сих пор. Однако конец этого состояния означает под творческим воздействием Духа Святого наступление нового состояния. Вот поэтому основное понятие слова "совершать" таково: "стремиться к цели".

Такова сущность избавления. Оно "уничтожает", но оно же и "ведет". Оно уничтожает, но не творение, не тварь, а лишь

то состояние, которое никогда не сможет наследовать субботы Божией. Сама тварь возвышает эту субботу тем состоянием своего существа, которое в самых первых своих началах предрасположено к седьмому творческому дню. Вот поэтому избавление "ведет" посредством всякого дела и благословения Божиих все творение навстречу субботе завершения. И вся жизнь нового состояния творения тоскует, молится и стремится к завершению того, что в принципе производит в нем субботний характер Божий.

"И совершил..." Это был заключительный акт шестого дня творения. "И почил..." Это наступление субботы Божией наступление седьмого дня. Мир шестидневного дела вместе с всем "воинством" его был сотворен таким образом, что отныне навсегда было окончено последующее возникновение совершенно новых жизненных образований. Как ни глубоко увлек человек своим падением все творение в сферу своего падения и своего беспокойства, он все же оказался не в состоянии отнять у творения эту сторону субботнего покоя, хотя материалистическое мировоззрение стремится убедить нас, что мир в своем возникновении, в своих отдельных родах жизни, в своем бесконечном множестве форм жизни произошел исключительно из физических сил и энергий.

Таким образом, после шести дней сотворения мира седьмой начал новый, совершенный порядок мира. Все сотворенное воинство вселенной оказалось как в своем существовании, так и в своих действиях носителем и вестником нового откровения. "И совершил Бог /Элохим/ к седьмому дню дела Свои, которые Он делал", - так свидетельствует библейский текст. Понятие, смысл, лежащий в основе слова "дело" в древне-еврейском языке является не чем иным, как родом слова "вестник" /вестница/. "То, чем является вестник в своем лице, субъективным, личным, тем является дело по своему существу объективным, вещественным". Таким образом, в течение отдельных творческих дней посредством действий Божиих было освобождено, облечено властью и усовершено целое воинство вещественных личных вестников, чтобы они могли оказаться в седьмой день носителями великой субботней вести Божией. Становление творения возвещало о Божием избавлении, бытие творения возвещает откровение Его вечного субботнего покоя.

Субботний характер сохраняется в творении и в том отношении, если каждая отдельная тварь в отдельности в соответствии с своей природой и все творение в целом в своей гармонии обнаружат желания и мысли Божий. Поэтому отныне всему творению предстоит быть ангелами, вестниками, вестью,

посланничеством, поручением и возвещает псалом творения и поклонения: "Свят, свят, свят Господь Саваоф, и весь мир полон славы Его!"

"И почил /Элохим/ в день седьмой от всех дел Своих, которые делал" /Бытие 2,2/. Божий субботний покой выражает иной, гораздо более глубокий характер, нежели то состояние, которое мы связываем в своей обыденной речи с понятием покоя. Мы покоимся тогда, когда оставляем всякую работу или же когда после трудов и зноя дня, уставшие, изнемогшие, вечером ложимся отдыхать. Но не таков тот покой Божий, который обещает нам седьмой день и который окажется некогда наследием совершенного нового творения. Покой Божий - это непрерывное общение и никогда не перестающее и не устающее служение более высокого и более совершенного порядка.

Если действия Божий находились в течение шестидневного творения под знаком Божественного "нет", то седьмой день с его субботним характером находится под знаком Божественного "да". Отныне все творение телом и душой растет и служит, цветет и созревает, благословляет и пожинает притом так, как оно не в состоянии было делать все это во всей своей полной взаимосвязи до наступления субботы Божией. Если уже в состоянии становления, которое периодически прерывалось наступлением нового вечера, оно способно было обнаружить такую полноту силы и жизни, то что же должен будет принести с собой седьмой день, в котором не будет уже никаких перерывов и в котором все в человеке, как в образе и подобии Божием, будет подчинено господству Творца?

С наступлением субботы Божией прекратились борьба между собственным хаотическим состоянием и жизнью и господством Божиим. В творении все дышало теперь любовью и отдачей, служением и поклонением, послушанием и общением, избавлением и славой. Все то, что в нем отрицало Бога и что Бог отрицал в нем, все было искуплено для жизни и служения посредством откровения избавления, совершенного в течение шести дней, когда все в творении подтверждало лишь то, что принадлежит Богу, и когда все в нем подтверждалось Богом, потому что оно оказалось во всем носителем Его Божественной вести.

Итак, не бездеятельность, а служение без устали и в совершенном порядке - это покой творческой субботы, которой даровано вечное обетование Божие. Вот поэтому и сказано о совершенных, находящихся пред престолом Бога и Агнца: "И рабы Его будут служить Ему. И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нуж-

ды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков" /Откр. 22,3-5/.

Знаменательным для внутренней сущности седьмого творческого дня является и то обстоятельство, что у него нет вечера. Это непрерывный день света, которому в полноте его благословенного совершенного служения не ведома какая-то усталость. В своей зависимости от Творца творение не расходует в своем служении больше энергии, нежели прежде получило. И для своего нравственного совершенства оно не нуждается теперь в повторяющихся перерывах, производимых ночами. Потому что с наступлением седьмого дня все созданное достигло своего внутреннего совершенства и своего назначения в общей совокупности творения. Субботний характер Божий с наступлением седьмого дня превратился в творении в мировой порядок.

Поэтому "благословил Бог /Элохим/ седьмой день, и освятил его". Бог благословляет таким образом, что вступает в общение с искуплением. Он освящает таким образом, что привлекает к служению Себе все то, что Сам Он прежде благословил. Посредством общения Он наделяет все получающее вечно новыми силами жизни, так что искупленное творение не истощает себя во всех своих действиях, не обедняется при всех откровениях, ничего не теряет при полной отдаче. Вот поэтому пророк Исайя мог таким именно образом свидетельствовать об общении: "А надеющиеся на Господа обновляются в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут, и не утомятся" /Ис. 40,31/.

Совершенство никогда не означает состояние застоя или отвердевания. Последние являются симптомами смерти, а не жизни. Суббота Божия не отняла Творца у творения, а ввела Его в него притом так, как оно не в состоянии было до сих пор воспринять Его во всей своей тотальной взаимосвязи. Покой Божий не означает того, что сейчас, после шести дней, Бог уходит в Самого Себя, но он означает теперь другое, а именно, что откровение Его отныне приобретает характер благословения и освящения.

Если в течение шести творческих дней творение являлось предметом прогрессирующего откровения, то теперь под благословением и освящением Божиим это же творение превращается в вечно прогрессирующее откровение. Некогда Бог говорил, обращаясь только к нему. Теперь оно говорит, обращаясь к Богу. Некогда оно обнаруживало лишь свой хаос. Теперь оно обнаруживает субботу Божию притом в качестве

своего собственного нравственного порядка мира, для которого Бог и искупил его.

Мир и человек уже не обладают больше этой творческой субботой в творении. Вместе с падением высшего из творений, человека, потерян и субботний характер творения. Когда человек начал искать в творении то, что он может найти только в Творце, он потерял не только Едем. Он потерял также и субботу Божию, и все увлек в свое внутреннее беспокойство и в раздвоение своей души.

Когда же человек потерял, являясь господином творения, свою субботу, то и для Едема, и для мира опять наступил вечер. Лишившись субботы, человек пошел и внес в прочее творение свою собственную бесприютность. Правда, в силу своей собственной энергии он пожелал приобресть себе землю, но вот она поработила его. Он хотел создать на земле свой собственный Едем, но он превратился для него в место изгнания. Он хотел собственной силой самоутвердиться по отношению к другому человеку и твари, но вот он увидел, что другой человек и тварь преодолели его. После того как творение перестало жить в субботнем покое Божием, оно оказалось неспособным создавать мир и созидать Едем. В пределах наций стали возникать династии и государства с целью иметь возвышенное назначение и унизили человечество. Они удобряли землю и историю потоками крови, а государственное поприще их рождало тернии и волчцы. Только тогда, когда опять будет обретена суббота там, где теперь царят борьба и бесприютность, человек субботы сам заключит союз мира даже с змеями.

Хотя вместе с Едемом погибла для человека и творческая суббота, тем не менее тоска по ней все еще остается у человека. Она преследует его и во дворцах, и в хижинах. Она не оставляет его ни в проявлениях его силы, ни в его порабощении. Если даже он станет тысячи раз отрицать ее голос, ухо его тем не менее в течение тысячелетий снова и снова будет слышать вопрос субботы Божией, с ее покоем, и ее будущим: "Адам, где ты?"

Зов этот всегда слышали отдельные души. Чем тяжелее было изгнание человечества, тем сильнее проявлялась в нем тоска по утерянному, тем живее была надежда на новую субботу Божию. В праздники субботы Израиля речь шла о гораздо большем, нежели только о человеческой заповеди соблюдать субботу. Не иудейское деление на недели, а иудейская душа страстно желала этого праздника. Постоянно наступавшая неделя за неделей суббота должна была и в душе отдельного че-

ловека, и в душе народа вновь восстановить и примирить все то, что было разрушено и опорочено в течение недели во всех областях жизни.

Поэтому необычайно знаменательно, как обосновывается закон о субботе в Десяти заповедях. В книге Исход сказано: "Помни день субботний, чтобы святить его. Не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих" /Исх. 20,8 и 10/. Этот закон дополняет в последствии Второзаконие следующими словами: "А день седьмой - суббота Господу, Богу твоему. Не делай в оный никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой и раба твоя, как и ты" /Втр.5,14/.

В этих заповедях опять обнаруживается творческая суббота вместе с своим собственным обетованием и указывает исполненной тоски душе не цель избавления, к которой призваны сыны Израилевы, а вместе с ними и весь мир. Потому что невозможно, чтобы нынешнее состояние человечества являлось нормальным и вечным в будущем. Невозможно, чтобы изгнание с его борьбой и его рабством, с его хлебом, орошенным слезами, и с насыщенной кровью землей являлось целью истории. Итак, каждая суббота в каждую неделю должна была напоминать ожидающим израильтянам о том, что с точки зрения Бога имеется для человека еще более высокая цель. Подобно тому, как Бог в течение шести дней избавил мир от его хаотического состояния, приготовив его для творческой субботы, так и посредством Его нового откровения будет искуплен человек и опять-таки для субботнего покоя.

Ибо одно только искупление, предназначающееся для нового субботнего состояния, способно вполне привести в порядок все то, что однажды потерял человек. Отныне он не в состоянии найти потерянного ни в своей политической, ни в хозяйственной, ни в социальной жизни. Вот поэтому Бог и сообщил в Своем повелении израильскому празднику субботы такой характер, в силу которого она обязана все выровнять, все примирить, что обычная жизнь, лишившись субботнего характера, разрушила во всех областях. Даже раб и пришлец в Израиле должны были чувствовать в субботу, что и для него имеется жизнь и будущее, которое далеко превосходит его нынешнее рабское состояние и его подневольный труд. Каждый израильтянин должен был знать, что Творец расценивает человека как человека, а не как царя или подданного, не

как свободного или раба, не как местного жителя или пришельца. Субботнее Евангелие Божие обращается ко всем просто. Ибо оно достаточно велико и сильно сообщить всем посредством искупления свой собственный субботний характер.

В этом же свете следует рассматривать и другие повеления Божий, дарованные Израилю; все они находились во внутренней взаимосвязи с субботним характером. Центр тяжести субботнего характера самым действенным образом определял всесоциальное законодательство в Израиле. Субботний год для должников, юбилейный год для освобождения земельного имущества, освобождения из рабства в день очищения юбилейного года - все находилось под знамением субботнего Евангелия с его внутренним искуплением и социальной свободой.

Намерения Божий, выраженные в законах о субботе, требовали не меньшего, а того только, чтобы в послушании откровением Его опять видна была та жизнь, в которой должны объединиться все стороны человеческой силы и человеческой славы для прославления Бога. Да, вновь должна действовать та жизнь, когда плугом и иголкой, серпом и наковальней, пером и заступом во всякое время и всякой домашней мыслью и общественной жизнью опять будут служить Богу в духе и истине.

Израиль не мог приобщиться к этому избавлению посредством откровения Божиего с его Евангелием, чтобы оказаться в этом состоянии. Он всегда оставался пророком этой субботней вести, но он никак не мог приобресть для себя этого субботнего характера и носить его, как первородный, среди народов. Только Иисус, Который был больше Израиля и больше, нежели пророк, жил в той субботе Божией и внес ее в мир, как Евангелие избавления. С тех пор эта весть не умолкает. Она не умолкнет, доколе не начнется новая суббота Божия. Доколе существует Бог избавления и доколе существует человек, тоскующий постоянно по субботе, не умолкнет великая весть: "Посему для народа Божиего остается еще субботство" /Евр.4,9/.

IV. ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРИЗВАНИЕ

1.Человек, как образ Божий

"И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всей землею,

и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их".

Бытие 1,26-27

Мы знаем человека как самое высокое творение Божие шести творческих дней. Однако нам еще не известны ни его сущность, ни его призвание. Мы знаем только, что он, как человек, гораздо больше величественнее всей твари, которая ниже его, но в то же время он гораздо ничтожнее Творца, Который возвышается над ним. Он не является ни прочей тварью, ни Богом - в этом заключена его тайна.

Кем же тогда является человек? Это никогда не умолкавший вопрос в человеческой истории. Человеческое знание так и не смогла дать на него своего исчерпывающего ответа. Но ответ на него для человека всегда один и тот же, тот, который дарует ему откровение Божие: "И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их".

Мы уже видели, что в сотворении человека в конце шестого дня Бог проявил от Себя Самого в качестве откровения то самое высокое, что Он, как Творец, носил в Себе для Своего первого самого высокого творения. Но это не последнее, на что способен Бог. Потому что Бог в Своем откровении в творении никогда не исчерпывает Себя. Откровение Его бесконечно, как бесконечны Его жизнь и любовь. Откровение шести творческих дней было лишь подготовкой к тому великому и гораздо более высокому откровению субботы, которое могло начаться только в седьмой день. В свою очередь, откровение спасения и избавления, которое совершилось позже и которое сопряжено с падением человека, опять-таки гораздо выше откровения первого творения.

Человек явился высшим откровением первого творения. Бог завершил в нем все Свое дело для наступления творческой субботы вместе с ее дарующим благословение общением и служением покоя и мира. Когда Элохим приблизился к этому Своему последнему делу в конце шестого дня, Он приступил к нему с такими словами: "Мы хотим сотворить Адама/заместителя/ в достойной нас оболочке, чтобы это соответствовало Нашему образу и Нашему подобию, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над землей, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле".

Творению еще недоставало владеющего всем делом творения заместителя, который стоял бы пред Творцом; Творцу же недоставало его общения, Ему недоставало тогда носителя и толкователя Его высочайших откровений. Как ни глубоко, например, радует создателя огромной машины шум машины, игра тысяч колесиков, размеренная и точная работа даже мельчайших частей его творения, он все же не в состоянии вступить в духовное общение с своим произведением. Это общение возможно лишь с теми директорами и рабочими, с которыми он внутренне сроднился и которые в то же время ознакомлены с его произведением до мельчайших деталей.

Духовное общение осуществляется лишь на почве духовного роста. Конечно, все то, что Бог сотворил до сотворения человека, было хорошо. Однако в до сих пор сотворенном Он не нашел Своего образа, не нашел духовно родственного Ему существа. Как ни обильна была уже жизнь творения, с какой целесообразностью и красотой, многообразием и гармонией она ни предстала пред Творцом в течение шести творческих дней, когда Бог искал подобие для сотворения человека, Он все же не нашел его в уже сотворенном, а только в Самом Себе, как в Творящем. Не образ животного, а образ Божий должен был выражать внутреннюю сущность и вечное призвание человека.

Вот поэтому все в человеке предрасположено к одному только Богу. Тщетно ищет человек в мире явлений какой-то замены Бога. Потеряв Его, он блуждает среди всего избытка жизни и тщетно ищет покоя и мира. Если даже какое-то творение и утишит на время голод его души, в один прекрасный день все же прорвется в нем с стихийной силой никогда не умолкающий вопль к Богу. Этот вопль нельзя утишить, никакое творение не заставит его умолкнуть. Все разочаровывает человека, пока он не обретет мира в Боге.

Именно в том обстоятельстве, что мы созданы по Богу, заключены или наше небо, или наш ад. Мы обретем свое небо в том случае, если мы, как образ Божий, как подобие Божие, своей жизнью успокоимся в Боге. Наоборот, это обстоятельство превратится для нас в ад, если мы, как образ Божий, как подобие Божие, своей жизнью удалимся от Него и попытаемся найти в творении самый высокий предмет для выражения своих страстных желаний. Если человек окажется Каином, который ушел однажды от лица Божиего, чтобы создать себе свое будущее и без Бога, тогда, несмотря на всякое общение, внутреннее одиночество явится клеймом и мучением его души. Беспокойство и непостоянство окажутся тогда обликом и единственным результатом всей его жизни и дела.

Чтобы выразить наше духовное родство с Богом, в Библии служат для этой цели два понятия: "образ" и "подобие". Первое понятие означает конкретное, а второе абстрактное подобие между человеком и Богом. По своему характеру это подобие Богу и внешнее, и внутреннее, и с виду, и по существу.

Бог есть Дух, поэтому древнееврейский язык опасался создать словесный образ личности Божией и говорить о телесности Божией. И все же Господь Бог ходил в раю "во время прохлады дня", и скрылся Адам вместе с своей женой после своего падения от Того, Кто воззвал к нему: "Адам, где ты?" Каин удаляется от "лица Господнего", а о Моисее Писание свидетельствует, что он видел "образ Господа" /Числ. 12,7-8/, что он говорил с Богом "лицом к лицу" /Исх. 33,11/. Исайя видит в видении Господа славы, сидящего на высоком и превознесенном престоле, и края риз Божиих наполняли весь храм. В Псалме 103, в этой дивной творческой песне веры, псалмопевец свидетельствует: "Господи, Боже мой! Ты дивно велик. Ты облечен славою и величием. Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер" /Пс. 103,1-2/. Пророк Аввакум видел Бога, грядущим от Фемана, что в земле Идумейской, и говорит: "Покрыло небеса величие Его, и славою Его наполнилась земля. Блеск ее - как солнечный свет; от руки Его лучи, и здесь тайник Его силы" /Аввак. 3,3-4/.

Все это свидетельства конкретного образа Божиего, хотя Писание не стремится с помощью их воссоздать или описать некоторой телесности Божией. А вот человек в своем существовании является образом Его, отражением Его. Даже человеческий организм является отражением величия и светом риз Божиих. Во второй главе книги Бытие нам будет подробнее рассказано о том, как Бог сотворил наше тело: "И создал Иегова, Элохим, Адама из праха земного /из праха адамах/, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою /живой личностью/".

Правда, Творец образовал тело человека из того же вещества, из которого состоит весь наш материальный мир. Однако особое достоинство приобрело человеческое тело в сравнении с жизнью прочего творения благодаря тому, что Бог вдохнул в него Свое собственное дыхание жизни. Жизнь человеческую, то живое, что существует в человеке, Бог не заимствовал у земли /адамах/. Безжизненным, как прах, покоилось тело, которое Бог создал для будущего человека, пока дыхание Божие не преобразило его и не вовлекло его в Свою собственную жизнь, чтобы оно превратилось в организм подлинной личности чело-

века. Этого не случилось до сих пор ни с одним из творений. У всех животных их живая индивидуальность сопряжена с земным веществом.

Вот поэтому тело, как организм личности человека, способно распоряжаться полномочиями, проявлять силу, обнаруживать славу, как никакая другая тварь. Внешнее явление Бога, Его теофания, представляют Ему возможность открыть человеку Свое Божественное величие и внутреннюю славу, Свою спасающую любовь и благословляющую власть, Свою просвещающую мудрость и освящающую святость, так что человеческое тело не является препятствием, а организм, посредством которого истинный человек в состоянии выразить всю полноту своей жизни, которую он получил от Бога.

Как ни много потеряно в первоначальном образе человеческого тела, благодаря падению и вырождению в ходе истории, оно все же до сих пор является величайшим художественным произведением творения: это микрокосмос макрокосмоса, это отражение внешнего явления Бога. Все то, о чем способен думать и размышлять его интеллект, что способна формировать его рука, что может чувствовать его сердце, что могут выражать его уста, что способна переступить его нога, что в состоянии преодолеть его сила, что может облагородить его присутствие - все это превосходит наши представления и понятия. Носить в себе мир Божий, охватывать мир Божий и управлять им - все это заключено в сфере возможностей человеческого тела. Потому что оно является образом внешней оболочки и явлений Бога. Вот поэтому оно способно служить организмом сотворенной личности, истинная внутренняя сущность которой заключена в подобии Богу.

О том, что эта способность в определенном объеме свойственна человеку и после падения, свидетельствуют не только некоторые установления ветхозаветного законодательства, но особенно многообразные высказывания апостола Павла. Ветхозаветный закон покоится не только на освящении духа, но и не в меньшей степени и на освящении тела. В законе выразилось уже глубокое познание того, что совершенно невозможно приписывать духу Божественное достоинство, с одной стороны, возвышать его до уровня божества, заставлять его дышать атмосферой жизни законов Божиих и, в то же время, отдавать тело на произвол безудержных страстей, животной чувственности и законам материального мира. Поэтому откровение закона очень ясно свидетельствовало о том; что нравственное назначение человека состоит не только в сохранении души в состоянии святости, но и в сохранении тела в этом же состоянии.

Проникновение в целесообразные и глубоко в символические постановления Закона покажет нам, что назначение человека является не чем иным, как посвящением и его тела в жизнь от Бога и в Его святость.

Исходя из той же точки зрения, но уходя гораздо глубже в сущность вопроса, Павел позже тоже осознает это же достоинство человеческого тела, а потому и пишет верующим в Коринфе: "Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Который имеете вы от Бога, и вы не свои?" /1Кор.6,19/. Освященная внутренняя жизнь выражается и в освященном теле. Человек не может быть внутри ангелом, а внешне сатаной; он не в состоянии подчинить свою душу небу, а тело отдать на произвол грубой плотской чувственности. Бесы в конечном итоге могут довольствоваться телом свиней /Матф. 8,32/, а вот Бог обитает Своим Духом только в храме, который соответствует Его святости.

Эти и некоторые другие высказывания апостола Павла свидетельствуют о том, что наше тело и после своего падения сохранило способность подчиняться искупляющему и освящающему духу, который вовлечет его в то же спасение и освящение, в котором сам он пребывает, как посвященный Богу. Правда, все мы, искупленные, все еще воздыхаем под давлением преходимости, смертности, так как дело наше подчинено ей. Но, воздыхая, мы ожидаем усыновления, т.е. "искупления тела нашего" /Рим. 8,23/. Ослабленное грехами и страданиями, оно очень часто не способно обнаружить все богатство внутренней жизни и проявлять себя так, как об этом тоскует "человек во Христе". На сколько богаче, например, была Христова жизнь в Павле, нежели то Христово служение, которое он, как апостол, мог доказать на деле посредством своего тела! Из-за слабости своих глаз он вынужден был прибегать к тому, чтобы послания его писали другие. Часто случается, что жизнь веры сопряжена с весьма дряхлой оболочкой, но сила и слава внутренней жизни могут открыться через страдание тела.

Вот поэтому искупленный внутренний человек тоскует по соответствующему искупленному телу, посредством которого он мог бы сообщать себя во всей своей полноте. Исходя из этой тоски, Павел и описывает свои ожидания совершенного духовного тела. "Наше же жительство - на небесах, откуда мы и ожидаем Спасителя, Господа /нашего/ Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которой Он действует в нас и покоряет Себе все" /Филип. 3,20-21/. Это духовное тело

славы окажется способным обнаружить совершеннейшим образом в искуплении усовершенную внутреннюю жизнь. В состоянии совершенства будет устранен проявляющийся в настоящее время часто и сильно дуализм между телом и духом; совершенное взаимодействие тела и духа откроет славу, которую Бог вложил в основание всей личности искупленного человека.

Однако тот элемент, что и в настоящем, и в будущем составляет подлинную личность человека, является скорее не его телом, а его душой, его внутренней жизнью духа. Бог сотворил человека не только как образ Своего внешнего явления, но и как подобие Своей сущности. Если понятие "образ" выражает конкретное явление Бога, то выражение "подобие" определяет внутреннее родство с Богом. Оба эти понятия совместно подчеркивают подобие человека Богу. Посредством своего материального тела человек оказался в состоянии вступить в связь с миром материальных явлений. Посредством своего божественного благородства души он помилован для того, чтобы вступить в такой контакт с Богом, в силу которого жизнь его окажется жизнью "рода Божиего",

В самой внутренней сущности созданного по Богу человека все стремится к Богу. Он способен охватить Бога и жить по образу Божиему, не становясь, однако, Богом. Но он способен также охватить и мир и жить по образу мира, становясь исключительно мирским. Если же он живет в силу своего образа и подобия соответственно Богу, тогда он принадлежит к "роду Божиему", тогда он является по своему внутреннему миру "сыном Божиим", как и Христос, вечно существующий Логос, является "Сыном", потому что по своей внутренней сущности Он является Богом.

Таким образом, это именно то сыновство, для которого и создан человек в силу своего образа и подобия Богу. Вот поэтому великий апостол и пророк нового творения решается свидетельствовать в послании к Ефесянам: "Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах, так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе через Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодетельствовал нас в Возлюбленном" /Еф.1,3-6/.

Ибо образ и подобие Божие способны осуществиться в пределах творения только как усыновление, иначе творение действительно было бы способно отождествляться с Богом. В Сыне заключены предпосылки для нового отцовства, в нем проявля-

ется Дух Отца как Божественная жизнь, однако Сам Сын еще не становится в силу всего этого Отцом. Если человек в своем подобии Богу родствен Богу по своему существу также и потенциально, то это обстоятельство еще не означает того, что со временем, постепенно он станет равным Богу. Даже "Первородный между многими братьями" /Рим.8,29/, сидящий одесную величия Божиего, превознесенный Христос, остается при всем Своем единстве с Отцом только Я-Сыном по отношению к Ты-Отцу.

Тем не менее, только в сыне может отразиться "образ" и "подобие" Отца притом так, как ни в какой прочей твари. Даже величайшее произведение искусства художника никогда не окажется для своего творца тем, чем может являться для него родственный ему по духу сын. Ни одно из творений его руки не может так воплотить в себе и истолковать самую подлинную сущность его, как наследник его, которого он в состоянии вовлечь во все богатство своего художественного видения и умения.

Поэтому и Христос, как Сын Божий, является величайшим из всех откровений Божиих. Если небеса проповедуют славу Божию, если о делах рук Его вещает твердь, то все же они не сказали человечеству ничего иного, кроме того, что уже сказано ему "Сыном". В личности Его так просто воплощается все Евангелие Божие. Ибо Он является "сиянием славы и образом ипостаси Его" /Евр.1,3/. Когда апостолы хотят кратко выразить то самое высокое, что им предстоит возвестить человечеству в качестве вести Божией, они обычно говорят: "Мы видели славу Его" /Иоан.1,14/.

Этот образ сына должен был обнаружиться уже в первом человеке. Человеку ведь предстояло быть имманентным сыном, как и Христу, Который, как вечно существующий Логос, является трансцендентным "Сыном", потому что по Своей внутренней сущности Он является Богом. Вот поэтому первый человек назван Адамом /заместителем/. Благодаря падению, погибло и это первоначальное положение и призвание человека, но необходимо было, чтобы "второй Адам" искупил его для того, чтобы он оказался в состоянии занять свое первоначальное положение сына. Потому что после падения человека открылись не величие и слава Творца, а только человека, твари, не духовная гармония с Богом, а раздвоенность собственной души, не господство над материей, не вдохновенье жизнью, а страх и ужас перед смертью.

Только благодаря искуплению, которое совершил "второй Адам", человек опять получил возможность быть "образом" и

"подобием" Божиим. Тот, кого Христос может вовлечь в собственную сферу жизни, тот принадлежит к числу тех, о которых апостол может сказать: "Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа" /2 Кор.3,18/. Да, человечество оказалось "блудным сыном". Однако оно унесло с собой в "дальнюю страну" неизгладимую возможность посредством искупления оказаться "вновь обретенным сыном". Итак, искупление является нахождением потерянного, как это несравненно прекрасно представил Иисус в Своей притче.

Это первоначальное подобие человека Богу не было, однако, совершенным. Оно только было потенциальным и принципиальным. В чем оно завершится, это докажет добровольное общение человека с Богом. Сущность сына составляет и получает от Отца право на самоопределение. Унаследовав от Отца волю, он в свое время начинает сознавать, что ему предоставлена возможность или согласиться с волей Отца, или действовать независимо от Бога. Только тогда, когда человек, несмотря на свою собственную волю, добровольно решит подчинить себя постоянной зависимости от Отца, он будет избавлен от самого себя. Он окажется тогда не просто сыном по плоти, а сыном по духу. Именно то, чего не мог бы дать ему ни один отец, он приобретает на основании своей добровольной любви и отдачи Отцу. Только в этой сознательной любви и в свободной отдаче завершится полный образ сына и сущность сына.

Может быть, намек на это предлагает нам древнееврейский корень слова "быть подобным". Потому что в нем заключено также понятие "молчать". Итак, слово "подобие" как будто хочет сказать нам, "что подобный предмет молчит в сравнении с другим, т.е. ничего не противопоставляет ему, буквально: не противоречит ему, не содержит в себе ничего противоречащего ему". Когда Бог сотворил человека, то он, человек, и по внешнему виду своего тела, и по всей внутренней жизни был так устроен, что это вполне соответствовало предназначенному для подобия Богу существу. Заметим, однако, что все то, что Бог сотворил тогда только как естественную основу, должно было в будущем превратиться на основе свободного решения воли в духовное достояние и в духовное состояние. Объективно Божественное должно было превратиться в нем в субъективно желаемое и субъективно переживаемое. Однако то несколько более отрицательное предположение, которое могло бы свидетельствовать о том, что во всей сущности человека нет ничего, что противоречило бы Божественной истине, любви, праведности и святости, должно было со временем превра-

титься в положительное общение духа и в полное участие в Божией сущности.

До сих пор откровение Божие было только творением. Даже и человек, и тот, прежде всего, оказался откровением, хотя и высшим из творений. Однако с наступлением творческой субботы Божией откровению предстояло уже превратиться в историю, основанную на взаимном общении Бога с человеком. В этой истории человеку предстояло постоянно усовершаться для того, для чего Бог сотворил и призвал его. Всякое служение и поклонение, которое совершается в прочей твари на основании установленного творческим процессом закона, в человеке должно было рождаться преданной любовью и сознательным подчинением своей воли. Итак, господство Божие в человеке должно было возбудить в нем отдачу и поклонение, которое означало для человека не порабощение, а высшее созвучие духовно родственных душ.

Основанием всякого истинного поклонения является восторг, внутренняя восхищенность соответствующими сверхъестественными действиями Божиими. В человеке как раз все было предположено к этой внутренней восхищенности и к этому поклонению Богу, которое приводит в крайнее состояние восторга и его самого. Трансцендентным действиям Божиим на почве истории предстояло все более и более возвышать человека до уровня трансцендентности Божией, чтобы он, как "Адам оказался для творения тем же, чем является для него Творец, как Отец.

Первый Адам не пошел путем внутреннего сыновнего общения и преданного сыновнего послушания, несмотря на то предрасположение, которого он удостоился от Бога. Однажды он с удивлением остановился перед творением, внутренне захваченный евангелием и плодом создания. Подобно тому, как сверхъестественные действия Божий вовлекают охваченную восторгом душу в трансцендентность Божию, так и творение увлекает человека в свою сотворенную сущность, как только он останавливается перед ним в удивлении и внутреннем восторге. Вместо того, чтобы склонить колени перед Творцом, человек в своем удивлении и поклонении склоняется перед творением.

Всю глубину этой трагедии раскрывает перед нами третья глава книги Бытие, а также последующее течение истории. Как человек только потерял внутреннюю восторженность и удивление перед Богом, его тотчас же пленили творения и природа. Если поклонение не совершится более в духе и истине, оно превращается в культ гения или в культ святого. Человеку никогда не суждено уйти от этого закона духа. Когда по-

гибла восторженность пред Богом, тогда и поклонение Богу превратилось в культ, тогда преданность Святому превратилась в заботу о святом, а испытание силы живого Слова - в похвальную заботу о "священном законе". С тех пор люди стали фанатически соблюдать традиции, оказавшись невосприимчивыми к вдохновению, боязливо охраняя ортодоксальность, побивая камнями пророков, воздвигая храмы и жертвенники и наполняя их миром и славой собственного духа.

Когда же Иисус вступил в историю, тогда опять стал виден Сын в Своем общении Духа с Отцом, в Своем полном послушании Отцу. Хотя Он по Своему внутреннему содержанию, по Своей внутренней Божественной сущности был Логосом, Он становился, однако, на той же почве, на которой уже стоял человек, "уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти , и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца" /Фил.2,7-11/.

Только в Духе этого "Сына" может вновь заключаться избавление, искупление для других сыновей. Поэтому отныне Он является виновником спасения для всех, которых Отец вовлекает в ту же сферу жизни. Свой престол Отец может разделить только с сыновьями по духу, которые сыновство свое совершают в любви и послушании Ему, как Отцу. Поэтому послушание веры является продолжением уверенности в спасении, которое принадлежит каждому новому человеку, искупленному Христом и получившему Духа усыновления.

В этой новой твари, как определяет ее Павел, прокладывает себе путь вторая суббота Божия, суббота искупления. Подобно тому, как Бог мог ввести некогда завершенное сотворением человека творения и творческую субботу, так и Его новая тварь обретет вместе со Христом в совершенном искуплении субботу искупления. И здесь сперва должно наступить субботнее состояние, прежде чем можно будет начать субботнее время. Наступление этой субботы ожидает все творение, ее ожидает с нетерпением и бодрствующая Церковь, о ней же молится и Дух Святой.

2. Человек как господин творения

Бытие 1, 27-30;
2, 15-25

В сыновнем положении Адама пред Богом, как пред Отцом,

заключалось его призвание быть господином этого мира. В соответствии с его подобием Богу в нем все было предрасположено к повиновению и к любви к Богу; так и вся космическая жизнь в мире была сотворена и предрасположена к тому, чтобы над ней господствовал человек /Кол.1,16: все то, что можно сказать здесь о сотворении вселенной и мира, взирая на Христа, как на второго и совершенного Адама, можно отнести в некотором подчиненном смысле и к первому Адаму/. Точно так же, как в истинной личности человека решительно все более сознательно устремляется за пределы собственного существа и ищет своего покоя и своей цели в том самом высоком, что открылось его духу, так и вся органическая жизнь в космическом мире инстинктивно стремится к более высоким формам существования. Уже третий и шестой творческие дни возникновением избытка самых разнообразных форм жизни и организмов внесли в мир Евангелие, возвещающее, что все сотворенное в космосе предрасположено к воскресению к более высокой жизни. После того как сама земля в силу Божиего творческого слова "да будет" восстала из первобытных вод для нового существования, все в ней борется с тех пор и притом беспрерывно за новое воскресение.

На этом внутреннем свойстве покоилось первоначально и господство человека над творением. Однако вся космическая жизнь в силу своего внутреннего расположения и ожидания воскресения обладает более пассивной природой. Зачинающий принцип так сильно владеет всякой жизнью, что она с умилением предается тем более высоким силам, которые в состоянии продолжить ее за пределы ее собственного существования. Под поцелуем любви она пробуждается для более высокого существования. Тот факт, что это пробуждение сопряжено в настоящее время с тяжелейшими муками, является только следствием падения человека, в которое, по словам апостола Павла, вовлечена всякая тварь и вся природа. С тех пор ни одна ветка не вырастает на дереве, не оставив в стволе постоянной раны. Однако пусть сотни ран раздирают кору ствола, дерево, тем не менее, украшает себя жизнью и развитием своих ветвей и веточек, чтобы затем год за годом украшать свою крону цветом и плодами.

Этому странному стремлению должен идти навстречу человек как самое высокое творение, проявляя при этом свои самые высокие силы, и своим господством, содействуя природе там, где сама она не в состоянии достичь более высокой формы существования. Еще и в настоящее время человек в состоянии, несмотря на свое падшее состояние, превращать некоторые пу-

стыни в сад Божий! Если бы природа могла говорить, она выразила бы свою радость по поводу того, что человек посредством своего истинного господства над ней становится избавителем ее. Собственно, она говорит и возвещает об этом своей цветущей жизнью, своим непосредственным плодоношением, свидетельствуя свою не умолкающую благодарность, которой она обязана человеку. Если каждой весной виноградная лоза и орошает обильными слезами свою почву, потому что садовник обрезает ее, осенью она неизменно благодарит виноградаря своими прекрасными гроздьями за то, что он так глубоко врезался своим ножом в ее жизнь.

Как охотно склоняется природа и тварь, когда человек, как "управитель Бога", идет навстречу им в том направлении и служит им своими самыми высокими полномочиями! Ведь таким образом и они вовлекаются в круг целей и намерений Божиих для всей вселенной. Собственно, вся наша индустрия, весь наш транспорт, наше искусство и культура, наша химия и электротехника, наш телефон и радио являются не чем иным, как жалкими остатками того господства, к которому Бог призвал человека для спасения всей вселенной. Все эти области - и еще многие другие, более глубокие - позволяют нам предполагать, какие полномочия и какая компетентность были заложены в первом Адаме, когда он, сотворенный по образу и подобию Божиему, проснулся для того, чтобы быть сыном Творца и господином мира.

Что в этом господстве человека не должно было быть и речи о порабощающей власти в смысле деспотического владычества, следует из предыдущего предложения, в котором сказано: "...и не было человека /Адама/ для возделывания земли /адамах/" /Бытие 2,5/. Находясь сам в служении Богу, человек должен был одновременно служить земле, приспосабливая и преобразуя ее для тех целей и намерений Божиих, для которых Бог сотворил ее. Таким образом, она должна была достичь более высокого назначения.

Пример для того господства и владычества Бог даровал человеку в сотворении рая в Едемском саду. Сам Творец обнаружил здесь, на что способна земля на основе творческой субботы, указывая одновременно, какую жизнь она способна раскрыть, находясь под началом более высокого служения. Если Бог и Его заместитель будут господствовать на земле, тогда она превратится в рай. Земля существует, но не собственной силой и желанием. Она находится под более высоким водительством. Пророки Израиля делали, таким образом, только соответствующие внутреннему содержанию выводы из

этих принципов Божиих, ожидая вместе с пришествием Царя Мессии наступления для земли райского периода. Там, где Бог и Его сыны приступают к господству, к владычеству, там лев пасется вместе с агнцем, а земля становится Едемским садом. Рай ведь - это не что иное, как высшее совершенство гармонического состояния, на которое способна земля, обладая всей полнотой дарованной ей жизни, силы и красоты, находясь под владычеством Бога и Помазанника Его.

Такое райское состояние сотворил Бог в райском саду в земле Едем. Ему предстояло быть исторической базой для будущего господства Адама. А для человека это было открытием: тот, кто, подобно Богу, носит в себе рай, тот преобразует и окружающий мир в рай. Отсюда и то страстное стремление всего погибающего и несовершенного войти в соответствующее раю состояние. Потому и человек, и творение созданы и призваны к такому состоянию. Едем, как страстная тоска всякой души, продолжает сохраняться внутри всего творения.

Если человек, оказавшись на почве искупления, носит в своей душе частичку рая, он создает вокруг себя соответствующие своему внутреннему миру состояния и отношения, поскольку это возможно в настоящее время. Не подтверждает ли вся история мира того факта, что культура именно там достигала всегда своего самого высокого уровня, где человек внутренне ближе всего находился к Богу. Чья душа носит в себе образ Божий, тот формирует землю по образу своей души. Не культура создает человека, а люди создают культуру. Евангелие материалистического мировоззрения, по которому надлежит создавать лучшие состояния и лучших людей, до сих пор не оправдано историей человечества. Только лучшие люди создают более праведные, более справедливые и более достойные человека состояния.

Избавление мира всегда может начинаться только там, где находится источник его нынешних бедствий. И это - человек. Истинные строительные камни для созидания нового будущего готовятся поэтому во внутренней мастерской обретших путь к Богу душ. Духовное око их изучает в канцелярии верховного Строителя те планы искупления, которые заключают в себе нечто совершенно новое для мира.

Одним из первых проявлений деятельности человека, которая была сопряжена с владычеством его над творением, оказалось наименование живой твари. Каждое из Своих творений Бог "привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было ей имя. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и

всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему" /Бытие 2,19-20/.

В этом своеобразном служении действительно должно было обнаружиться превосходство человека, как образа и подобия Божиего над всем творением. Только то, что человек способен постичь и понять, действительно в состоянии подчиниться ему. Имя фактически является выражением глубочайшей сущности. Если Адам в силу своих полномочий способен был понять сущность и существо отдельных творений, он способен был и правильно назвать их, а потому и соответственно господствовать над ними. Но если он постиг их в их подлинной сущности и в назначении, то, с другой стороны, в каждом из творений должна была обнаружиться для него двойная истина: во-первых, что всему, как творению Божиему, даровано соответствующее назначение во всей мировой совокупности, а во-вторых, что все, как земное творение, не в состоянии заменить ни Творца, ни подобия Его - человека. Первое познание должно было хранить человека от прегрешений по отношению к творению, а последнее - от переоценки творения. Если только человек окажется в состоянии указать каждой твари предопределенное ей Богом место в мировом целом, тогда он фактически сможет своим господством на почве субботы повести ее навстречу более высоким назначениям. Разве по сей день все естествознание является чем-то иным, как не человеческой попыткой даровать имена, соответствующие сущности творения Божиего.

Итак, в наименовании твари и для самого человека заключался глубочайший нравственный момент. Ибо, если он окажется способным постичь вещи в их глубочайшей сущности, он окажется тогда способным и для того, чтобы указать каждой форме жизни соответствующее место в служении целому. Мрачные страницы более поздней истории человечества возвестили о том, какие последствия повлек за собой тот факт, что человек после своего падения все более и более терял и эту харизму своего падения Богу. В своем озверении он то становится сатаной для всего творения, то в поклонении и в рабском страхе склоняет свои колени перед ним, как перед своим избавителем. Ибо как только человек перестал видеть Творца, он тотчас же потерял и правильные суждения о творении. Обожествление природы всегда начиналось там, где угасало истинное богопознание.

Следовательно, Бог был первым учителем, преподававшим истинное естествознание. Ему не нужно было опасаться его. Первый человек видел, что Сам Бог ввел его в него. Бог ведь

знает, что без метафизического проникновения в взаимосвязь космических вещей не возможно истинное познание единичного отдельного в его внутренних законах, в его более высоком назначении, в его целесообразных проявлениях. Чем глубже с точки зрения Творца человек проникает в познание космических вещей и явлений, чем глубже он постигает их отношение к человеку и друг к другу, тем глубже он осознает и свое личное положение перед Богом и свою миссию в творении.

К сожалению, этого нельзя сказать о естествознании в том виде, в каком оно сегодня культивируется. После того как оно вычеркнуло Творца из творения, человек оказался для него высшим субъектом творения, а собственное я - самым высоким явлением в истории. Всякая наука, которая не приводит к Богу, оказывается в своих самых окончательных выводах лишь лженаукой. Если наука не приводит более человека к Богу, тогда она приводит его к идолам. "Меня, - жаловался однажды Господь во дни Иеремии, - источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды" /Иерем. 2,13/.

Такова жизнь и культура народа, светильником которого является наука без Бога. Стоит ли удивляться тому, если в свете отрешившегося от Бога естественнонаучного мировоззрения отдельный человек в народе или государство среди государств строят свое существование и свое будущее на почве ярко выраженного эгоизма и бесчувственного натурализма - на почве этих двух идолов и могильных демонов современности?

В неверности человека по отношению к Богу до сих пор всегда погибала верность творения по отношению к человеку. С самого начала человек вечно строит свой Едем, но вот почему-то он постоянно превращается для него в дом рабства. Человек ищет себе обеспеченного существования, но почему-то он всегда способен найти его только за счет других. Он тоскует по миру, по свободе, но он знает, что способен достичь их только острием своих штыков и огненной очередью своих пушек. Потому что наука с своей культурой, потеряв Бога, навсегда потеряла и ближнего, а в ближнем и человечество. Ради земли, ради самого себя, ради прибылей она готова принести в жертву каждого брата. Поэтому наша нынешняя культура в крайнем только случае живет любовью к своему народу, но не к человечеству в целом, а потому и не сообразуется с его общим благом. Человечество перестало быть для нее субъектом служения, превратившись в объект порабощения и эксплуатации.

При таком материалистическом развитии культуры наступали великие часы судов истории, постоянно предлагая человечеству вопрос: "Где же твои боги, которых ты сделал себе? - пусть они встанут, если могут спасти тебя во время бедствия твоего; ибо сколько у тебя городов, столько и богов у тебя, Иуда" /Иерем.2,28/. Горе, несомненно, эпохе, горе культуре, горе науке, которые столь великий час судов над миром будут переживать без Бога! Тогда падут все боги, и человек окажется одиноким, покинутым в своей душевной раздвоенности и с своими мечтами на местах развалин культуры.

О том, как глубоко способен был решать свои задачи первый человек, свидетельствует тонкое попутное замечание нашего библейского текста. В заключение стиха Бытие 2,20 сказано: "Но для человека не нашлось помощника, подобного ему". Таким образом, человек высказывает вовеки несомненную истину: познание природы никогда не приведет его к страстно желаемому общению. Чем глубже и вернее он познает ее, тем более одиноким становится он по отношению к тому самому высокому, что он носит в самом себе. Это самое высокое никогда не сможет найти своего успокоения в творении, которое ниже его, а только в человеке, который равен ему.

Таким образом, Бог уже в первом человеке готовил почву для того, чтобы создать ему помощницу. Только как мужчина и женщина человек мог называться "Адамом", который носил в себе полномочия для владычества над творением. Вот поэтому Бог сотворил для мужчины женщину как вполне равноправную человеку помощницу. И только совместно с женщиной человек оказался способным выполнить отныне свою высокую человеческую задачу в великом творческом домостроительстве Божием и в истории, будучи образом и подобием Божиим и господином творения.

"И сказал Господь /Иегова/ Бог /Элохим/: "не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему" /Бытие 2,18/. Только когда человек принял этот незаполнимый никакой другой тварью пробел, Бог смог выполнить то, что Он предусмотрел. Ибо прежде, нежели человек достиг познания того, что у него нет еще соответственного ему помощника, Бог уже сказал: "Не хорошо быть человеку одному". Эта помощница в соответствии с глубочайшими потребностями человека могла быть только соответственной и равноправной ему в полном смысле этого слова. Потому что мужчина и рядом с женщиной может быть и оставаться одиноким, если она не будет внутренне "подобной ему".

Когда человек осознал свое одиночество, в жизнь его

опять проник Бог в "своем Божественном молчании" и на возникновение женщины набросил покров тайны, который покоится и над всяким первоначальным становлением жизни. Поэтому создание женщины тоже является тайной Божией. Человек-мужчина знает только: "Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа" /Бытие 2,23/. Вот здесь и выражается вся внутренняя радость, глубочайшее счастье мужской личности во всей ее чистоте: наконец, найдено то, что напрасно искала его внутренность во всем прочем творении. Поэтому истинный брак является символом самого глубокого и самого высокого общения, которое доступно человеку. Позже, когда пророки начали говорить об отношении Бога к Израилю и о положении всего народа пред Богом, они часто пользовались этим образом. Еще позже, говоря о Христе и Церкви, Павел тоже пользуется этим словом: "Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви" /Ефес. 5,31-32/.

Как только человек потерял истинный брак, он тотчас же потерял и самое высокое общение, для которого облагораживается человеческая жизнь. В ней, таким образом, разрешается не правовой обычай, а совершается глубочайшее желание души, которое проявляется гораздо сильнее естественного влечения к отцу и матери. Это желание, эта тоска души несравненно глубже и чище, нежели половое сожительство прочей твари, прочего мира. Как раз наша эпоха является потрясающим доказательством тому, в каком одиночестве оказывается душа и какое одичание нравов и обычаев наступает тогда, когда муж не находит полного покоя в жене, а жена в муже, когда оба они вместе, как "Адам", не пытаются разрешить высочайшие задачи жизни. Правда, муж распознает еще в ближнем другой пол, но уже не воспринимает его как свою жену. И вместе с женой погибает тогда самое высокое творение - человек, как мужчина и женщина, погибает семья - этот рай человечества вместе с колыбелью своего будущего. Еще ни одному народу не удалось спастись от своей нравственной и физической гибели, если муж переставал познавать жену, если разрушался брак и погибала вытекающая из него семья.

Таким образом, всякое отклонение человека от своего Божественного призвания, от субботней почвы творения оказывается лишь новым состоянием, которое не приводит к вечной жизни, а к той смерти, когда вечно умирают и все-таки не могут умереть. Человек перестает быть тем, чем он был, не

переставая, однако, быть тем, чем он является в настоящее время и чем еще окажется. Фундамент ада вместе с всеми его мучениями заложен уже в состоянии души умирающего человека. Только новая тварь, новое творение способны избавлять человека от того состояния, которое он создал себе своим падением на почве первого творения. Бог шел этим путем избавления, доколе существовал падший человек со своей историей.

Одна из могущественнейших тайн откровения состоит в том, что в своем снисхождении в бездонные глубины, в бездны падшего творения оно, тем не менее, обнаруживает свое величайшее богатство. Так как человек не смог в своем падении возвыситься до уровня Божественного откровения и Божественного искупления, то откровение, уничижив самое себя, снизошло к человеку в воплотившемся Слове. Оно превращает состояние падения в возможность величайшего проявления Божественного милосердия и вносит искупление в жизнь грешного человечества, которое, находясь в своем состоянии смерти, никогда не смогло бы обрести его без Бога.

V.ПЕРВОЕ ИСКУШЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

1.Почва искушения - рай

Бытие 2,8-10;
Бытие 3,1-3

Тоски по раю человечество так и не потеряло и в своем почти шеститысячелетнем изгнании. Тщетно оно искало этот рай на земле с тех пор, как человек не носит уже более образа его в своей душе. Однако в человеке постоянно возникал вопрос: "Где же все-таки был расположен рай?" Жажда знаний, сочетаясь с большой затратой средств, и большая ученость заставляли человека искать его то здесь, то там на карте мира. Предполагали, что он находился в армянском высокогорье или в Вавилоне, где родина обеих рек - Тигра и Евфрата. Однако малейшие признаки первоначального географического рая до такой степени исчезли с лица земли, что все утверждения касательно его первоначального расположения так и остались только предположениями. Итак, человечество напрасно ищет рай прошлого. Если оно не найдет его на основе откровения и Божиего искупления в избавлении будущего, тогда, несмотря на всю свою тоску, оно потеряло свой Едем безвозвратно.

Гораздо большим, однако, значением обладает утверждение, что человек потерял свой Едем в Едеме. Потому что первую

почву для искушения он встретил именно в раю. Хотя человек был сотворен вне рая, все же Бог предопределил ему поселиться в раю. Исходя из этой самой базы, ему, как господину творения, предстояло овладеть всеми остальными творениями и явлениями жизни, чтобы повести всю тварь к более высокому назначению. Именно в этом и состояло бы его вечное служение Богу в пределах творения на субботней почве творения.

Сознавая свое предопределение для жизни в раю, человек ныне страдает и мучится, потеряв свой рай. Он вечно ищет его и не находит. Но без него он не может жить. Потому случается так, что человек, который не смог найти его в жизни, в конечном итоге решает искать его в смерти. Но уже в самом факте, что он напрасно ищет то, без чего он не в состоянии жить, заключается неизбежный суд, которому подверг себя падший человек.

Однако падение его не исторгло из его груди первоначального предопределения обрести родину; об этом предопределении Библия говорит следующими словами: "И насадил Господь /Иегова/ Бог /Элохим/ рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал" /Бытие 2,8/. И никакой суд не смог уничтожить в нем позднее тоски по потерянному, как бы глубоко ни погружался человек в греховность, как бы далеко ни удалялся он от своей родины. Таков нынешний человек во всей своей трагедии: ему предопределена родина, которую он уже не в состоянии найти больше самостоятельно .

Но в этой его не гибнущей тоске скрывается и обетование для его искупления. Без тоски по искуплению не родился бы Искупитель. Если бы человек оказался, наконец, способным самостоятельно обрести покой в своих мучениях, он никогда не откликнулся бы навстречу предлагаемому ему избавлению. В совершившемся над ним суде он нашел бы свою жизнь и свое страстно желаемое субботнее состояние. Поэтому, однако, что несмотря на все свое богатство и наслаждения жизни, несмотря на развитие своих энергий и желаний, в нем все же осталось тоска по потерянному, Бог оказался в состоянии предложить ему в свое время в качестве искупления в откровении Иисуса Христа - то, что человек тщетно искал, не находя избавления ни в творении, ни в самом себе.

Как же могло случиться так, что первоначальная почва его назначения превратилась для него в почву искушения? В библейском повествовании сказано: "И заповедал Господь/Иегова/ Бог /Элохим/ человеку, говоря: от всякого деревца в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от

него; ибо в тот день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь" /Бытие 2,16-17/. И на почве рая имеется запретный плод. Хотя это та почва, которая навеки предназначалась человеку в качестве родины, хотя ей предстояло быть центральной базой, откуда он мог бы совершать свое многообразное владычественное служение для всей совокупности всего творения, но и в раю человек не освобождался от послушания, к которому его обязывали его сыновние отношения к Творцу. Божественная воля Отца и воля Творца простиралась в качестве жизни и блаженства в самое внутреннее святилище рая, навсегда сочетая человека, находящегося в истинном отношении к Богу, с детским добровольным послушанием. Постоянное сыновнее состояние и в раю мыслимо лишь в случае преданного сыновнего послушания.

Простирающаяся и в рай воля Божия не была, однако, порабощающей. "От всякого дерева в саду ты будешь есть," - гласило Евангелие, предназначавшееся для райской жизни человека. Все было сотворено с расчетом на человека и для него. Все это должно было восприниматься как вечное благоухание и служить ему, как господину творения, в пределах предназначения Божиего. В раю было одно только дерево, плод которого должен был бы обнаружить, что человек будет считать "хорошим", а что - "скверным"; сочтет ли он хорошим то, что Бог в Своей любви положил для него запрет, явив ему Свою волю Отца, или же то, что предложит ему плод дерева. С добровольным послушанием воле Божией для человека сопряжена жизнь, с взятием запретного плода с дерева - неизбежная неотвратимая смерть.

В этом запрещении видно и несомненно идет речь о добровольном подчинении чувственной природы человека явленной ему воле Божией. Свобода его внутреннего решения должна была или нравственно усовершить человека в его сыновнем отношениях, или же обратить его к соблюдению своей собственной воли и к попечению о собственной плоти. Его сыновняя свобода была предоставить ему возможность оказать предпочтение или воле Отца, превознося ее над творением, или плоду творения, превознося его над волей Отца.

Таким образом, возникает серьезный вопрос, пожелает ли человек от случая к случаю становиться на сторону откровения Божиего или же он предпочтет наслаждаться плодом дерева, т.е. окажется на стороне творения. Если сыновнее послушание человека по отношению к Богу окажется не только инстинктивным или исключительно естественным, но и нравственным и душевным, тогда рай с его деревом познания ока-

жется для него почвой искушения. Способность грешить, т.е. внутренне оказаться на стороне чего-то другого, а не на стороне откровения Божиего, не исключалась для человека и в раю.

Как Адам, как человек до падения, он владел своим подобием Богу только как преимуществом, дарованным ему в силу сотворения, как некоторым природным достоянием, а не как сознательно избранным, духовным и нравственно завершенным. Это подобие, или сыновнее состояние, могло в силу свободы духа избрать себе плоть с ее чувственностью или духовную сущность с ее нравственным совершенством. Естественную, плотскую сущность, как впоследствии, оказалось, возбуждал и привлекал плод земли /адамах/, из праха которой было образовано тело человека, хотя он и был образом Божиим. Духовное уже, дыхание Бога в нем, устремлялось к откровению и к его источнику, т.е. к Самому Богу.

Дерево познания и сопряженное с ним запрещение как откровение Божие должно было обнаружить, что же сознательно изберет теперь человек в дарованной ему свободе. Сочтет ли он откровение Божие "добром", а запрещенный Богом плод, хотя он растет и в раю, "злом", или же он примет еще какое-то другое решение. Решение в пользу откровения, как своей жизни и своего будущего, можно было принять исключительно по духу, как дыханию Божиему. Принять же решение в пользу запретного плода земли побуждала человека плоть его тела, т.е. его плотские, душевные свойства. Вот в таком внутреннем раздвоении и находился человек до своего падения: с одной стороны, откровение Божие с своим запретом, но дарующим жизнь, а с другой стороны, плод дерева, привлекающий, возбуждающий, но с ним сопряжена смерть.

Каждый знает, что это раздвоение, в конечном счете, еще и сегодня является психологическим основанием всякой нравственной личности. Там где в жизни - даже в жизни христианина - определяющим и желанным является не откровение Божие в духе и истине, там человек водится возбуждениями чувственного мира, плодами земли и ее культурой. Этика его формируется тогда не у сердца Божиего, а на лоне природы. Жизнь пред очами Божиими человек считает потерей, а вот то, что втайне от него содержит в себе смерть, он рассматривает в качестве своего приобретения и будущего.

Эту способность самостоятельно принимать решения Бог никогда не сможет отнять у человека, носящего Его образ. Потому, что в этой способности выражается или его подобие Богу, или его исключительное подобие твари. Вот поэтому че-

ловек после своего падения оказался в своем развитии без откровения, являясь только разумной тварью. В образе зверя он нашел для себя символ своей нравственной силы и идола для внутреннего почитания и поклонения. В плодах земли он стал искать средства для утешения своей тоски; для приобретения их он принес в жертву самого себя и своих братьев. Грех превратился для него в нравственную основу его существования, его общества, его государства, его будущего. С тех пор уже не голос Божий с Его Евангелием повелений и запретов стал определять для него, что "добро" и что "зло", а наслаждение плодами земли /адамах/.

Какие же перспективы открываются перед нашим духовным взором на основании этих библейских фактов. На основании Божественного откровения в Писании мы знаем, что падение сатаны совершилось в доисторические времена в вечных мирах света Божиего. Теперь же первый человек, как образ и подобие Божие, как мужчина и женщина, рассматривал себя внутренне в своей душевной жизни совершенно независимым от окружающей его природы и ее плодов. Он создан был единственно для духовного общения с Богом. В базе его служения у него не было для этого никаких помех и препятствий, потому что она была раем Божиим. Полномочия его разума возносили его как венец творения над всяким созданием и открывали перед ним неограниченное поле деятельности и область господства. И все же человек пал именно в этом раю.

Позже человечество попыталось возвратиться к Богу и в потерянный рай путем жертвенного служения, т.е. путем жертвоприношений. Потому что наряду с его заблуждениями умножалось и его внутреннее удаление от Бога, а с ним - и его мучения и тоска. Оно надеялось посредством даров творения обрести то, что могло даровать только дело Творца. В своих внутренних бедствиях оно приносило в жертву все, чем располагало, только не себя само, т.е. не свое отчужденное от Бога духовное состояние. Так случилось, что на этом пути поисков Бога один из первых сыновей убил своего брата прямо у жертвенника. Потому что и жертвенники люди не могли уберечь от посягательства собственной руки, находясь в своем отчужденном от Бога состоянии. Страшные и ужасные религиозные войны и фанатические суды над еретиками являются ведь одними из самых мрачных глав истории человечества. Когда согрешивший человек начал приносить жертвы в собственном духе, тогда уже никакие жертвенники и алтари не смогли уберечь от того, чтобы Каин, несмотря на все свои поиски Бога и лица Его, не убил так бездушно своего брата.

Все могло теперь служить человеку в качестве предмета и обольщения. Я вспоминаю, например, первого призванного Богом царя Израиля. Саул считал себя помазанным пророком Божиим царем над всем народом. Когда же позднее он оказался в своем царском служении неверным помазанию Божиему, он потерял свой царский венец в тот момент, когда совершил одно из самых священных служений помазания - жертвоприношение. Он надеялся, что окажется в состоянии заменить пред Богом внешними щедрыми дарами свое внутреннее послушание воле Божией - так обычно поступают всегда там, где полагают, что внешняя религиозная обрядность в состоянии заменить живое общение с Богом. Как только человек потеряет свою внутреннюю духовную связь с Богом, он тотчас же пытается внешними жертвоприношениями исцелить внутреннюю рану души; кровь агнцев и тельцов должна была восстановить тот нравственный урон, который понесла личность человека.

Когда гораздо позже появился второй Адам, желая выступить как Пророк Божий, он оказался однажды на крыле храма в Иерусалиме. Святилище это оказалось той почвой, на которой появился сатана и выступил перед Христом с совершенно новым искушением. Несмотря на всю его вражду против Бога, Бог никогда не препятствовал сатане входить в Свое святилище. Во дни Иова он являлся среди сынов Божиих пред лицо Всевышнего /Иова 2,1/. Во дни правителя Зоровавеля, в беспокойные времена для всего иудейского народа, наступившие для него после изгнания, сатана обвинял первосвященника Иисуса даже перед Ангелом Господним, потому что первосвященник не носил приличествующего святилищу и своему положению в народе облечения.

Того момента милосердия и прощения, когда любовь Божия своим вмешательством спасла Иисуса, как головню, исторгнутую из огня, призвав его первосвященника для всего народа, сатана совершенно не заметил. Когда он вращается среди святых и во святилище, он видит лишь недостатки, не замечая всего того, что призвано, что становится и существует благодатью. Оказавшись в своей собственной сущности отрицанием всего того, что Божие, он видит лишь только то, что отрицает Бога. Таким образом, даже святилище Божий не в состоянии сохранить человека от вторжения сатаны и его искушений.

Во дни первой любви молодого христианства многие в состоянии своей внутренней отдачи Богу и пред лицом пришествия Царства Его приносили как жертву все свое имущество к ногам апостолов. Это не было установленным законом выражением жизни Церкви, а только спонтанной любви многих из ее

членов. Когда же Анания и Сапфира вступили на этот же путь отдачи, они впали в искушение. Их постиг суд там, где другие в своей отдаче Богу сохранили жизнь. Их вполне удовлетворяло блаженство внешней видимости, тогда как другие наслаждались сокровенным блаженством святого состояния и внутренней сущности. Поэтому даже самый святой путь сам по себе не в состоянии освятить человека и сохранить его от искушения. Никогда священные пути и действия не освящали человека, а вот святые люди освящали свой путь и свои действия. Только люди, освященные Богом и обновляющими действиями Его Духа, освящали своей жизнью, как произведенным в них Богом плодом, все, что их жизнь производила, и что они получали от жизни.

С редкой ревностью пытался некогда фарисей, по имени Савл, родом из Тарса, служить Богу своих отцов. Он сам рассказывает нам о том, что в этой своей ревности он превзошел всех своих современников и сверстников. Но именно в этой своей ревности он оказался преследователем Христа и Его Церкви. Посвящение его в строжайший ригоризм тогдашнего официального благочестия не оберегло его, и он превратил свое служение Богу в преступление по отношению к Царству Божиему. Искушение не отступило и от ревности фарисейского благочестия иудейского народа.

Все эти явления, совершившиеся в самой священной области человеческой истории, являются лишь подтверждением того, что случилось на райской почве Едема. Всякая почва, даже самая священная, может оказаться для человека почвой искушения. Свое спасение от самого себя и от всякого искушения человек никогда не находил в чем-то святом и освященном, а только в Освящающем. Ни храм, ни жертвенники, ни пророческие милоти, ни фарисейские секты, ни монастыри, ни пустынные места не способны защитить человека от него самого, а также от искушений другим творением и от обольщения всякими властями духов, находящимися вне его.

Напрасно поэтому искал человек душевной глубины и самого святого в творении и в его дарах, он может найти это только в Творце и в Его откровении. Даже защиты для себя он не может найти в окружающем мире, а только в вышнем. Подобие Божие в человеке по своей сущности устремляется только к Богу? во всем оно зависит от Бога. Всякое прибежище, которое человек ищет себе у творения, у даров его и сил его, непременно проявится как одно из самых болезненных заблуждений и разочарований. Когда человек направляется в храм, чтобы посредством храма освободиться от себя самого и от

своих искушений, вот тогда-то храм перестал быть домом молитвы, а превратился в вертеп разбойников /Матф. 21,13/. Осквернившись, человек увлекает и самое святое в сферу собственного осквернения.

Итак, нет безопасной почвы от осквернений, кроме Самого Бога. Вот поэтому и пророки и апостолы говорили так много о сохраняющей силе Божией, ведущей в жизнь вечную. В ней одной хранились и теперь заложены гарантии охраны от искушений и в самые мрачные часы. Тот, кто побеждает в эти часы, овладевает базой для совершенно новых переживаний Бога, которые неожиданным образом обогащают человека, сохраняя его и еще более уподобляя его образу Божиему.

Глядя с этой точки зрения, апостол Иаков мог написать своим братьям по борьбе в вере: "С великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка" /Иак. 1, 2-4/. Искушение, которое побеждается верою, всегда производит укрепление в вере и обогащает тех, которые решились, находясь в этом же искушении, оказаться на стороне Бога и Его откровения.

Как часто полагал человек то здесь, то там, то в этом, то в другом деле найти ту почву, на которой он мог бы избежать всякого искушения. Но вот в один прекрасный день ему непременно придется испытать горький опыт, который постигает его даже на самой святой почве. Ибо тайна искушений заключена не в вещах окружающего нас мира, а в возможности впадать в искушение и в содержании нашей подлинной сущности. Размышляя о проблеме искушений, человек часто забывает о том, что по существу дело в нем касается исключительно духовных процессов. Вещи, которые окружают человека, сами в себе не заключают искушения. Может ли случиться так, что именно то, что в очах Божиих в своей тотальной взаимосвязи было "хорошо весьма", вдруг неожиданно в своих единичных проявлениях окажется подлинным злом для человека?

И в дереве познания добра и зла не заключалось искушения для человека. Как член совершенного творения Божиего, и оно было "хорошо" и своей красотой, а также привлекательными плодами свидетельствовало о творческом могуществе и о мудрости Божией. Но вот дерево это посредством своих плодов, как, впрочем, все в сотворенном мире, могло превратиться в тот сосуд, в котором вдохновленное сатаной "евангелие" становится плотью. Эту истину мы рассмотрим в следующей главе

более подробно. Речь здесь только о великом утверждении, что для нашей жизненной борьбы нет в мире безопасной почвы. Поэтому так понятно, когда Иисус говорит Своим ученикам: "В мире будете иметь скорбь". Потому что в нем в один прекрасный день все может превратиться в соблазн, во зло для человека. Случилось даже так, что и ученики оказались однажды скорбью для своего Учителя. Но вот Иисус тотчас же добавляет: "Мужайтесь, Я победил мир!"

Решающим, таким образом, во всяком искушении является вопрос, действительно ли наша внутренняя жизнь открыта или закрыта для языка искушений. Иисус был настроен исключительно на голос Своего Отца. Искушения приближались к Нему так же, как и к нам. Как тождественно, например, в принципе Его искушение в пустыне с искушением первого человека в раю! Но всякое новое искушение являлось для него возможностью сознательно и односторонне настраиваться на голос откровения Своего Отца. Вот так Он побеждал мир.

Таков и наш единственный путь. Как только наша внутренняя жизнь откроется для евангелия искушения змея, - а он обладает способностью воплощаться во всякое творение и во всякий дар мира, - оно тотчас станет искушать нас. Вместо того, чтобы служить нам, это творение начинает обольщать нас. Но как только мы внутренне преодолеваем искушение, тогда и вещи вокруг нас перестают искушать нас. Авраама ничто не побуждало, расходясь с Лотом, избрать себе Иорданские пажити, если даже они оказались бы садом Божиим, как Египет. После того как Господь сказал ему: "Возведи очи твои... всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки", - Авраам узнал, что гарантия благословения заключается не в местности, а сопряжена единственно с благословением Божиим. Последующие переживания Лота на Иорданских пажитях только доказали, какой правильной была внутренняя позиция Авраама.

Кто свободен в своей внутренней жизни, потому что находится в зависимости от Бога, тот свободен и посреди мира. Кто же внутренне удаляется от Бога, кто открывает свое ухо евангелию зверя, тот падет даже в раю. Иисус возлежал с мытарями и грешниками, но тем не менее оставался для них Пророком и Спасителем, именно для тех мытарей и грешников. Иуда ходил в теснейшем общении со своим Учителем и Его учениками, но тем не менее оказался предателем. Авраам пал в Египте, когда в час слабости возложил свое упование на Египет. Иосиф, наоборот, как раз в этой стране оказался впоследствии спасителем своих братьев и всей этой страны.

Таким образом, наше избавление и нравственное совершенство может совершаться и тогда, когда все в мире становится для нас почвой искушения и обольщения. Чем глубже мы познаем эту истину, тем сознательнее мы освобождаемся от своего упования на сотворенный мир и ищем гарантий своего спасения только в Боге, только в своей зависимости от Его откровений. Только исходя из этой внутренней базы, можно понять, как люди, подобные Лютеру, глядя на охраняющую и спасающую силу Божию, могли всегда говорить: "Если бы даже мир был полон диаволами..." Глядя с этой точки зрения, Павел мог засвидетельствовать Церкви всех времен драгоценную весть: "Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас" /Рим. 8,37/.

2. Средства искушения - творение и его дары

Бытие 3, 1-6

Все в творении или благословляет или обольщает нас. Мы видели, что свободная воля человека заключает в себе возможность подвергаться искушению на любой почве. Как ни болезненной может показаться нам эта мысль, но и рай не оказался исключением. Первый человек пережил падение не вне, а в раю.

Далее последующее повествование раскрывает нам и другую горькую истину, а именно, что всякий дар творения может оказаться для нас средством искушения. Змей обольстил жену, жена - мужа, плод дерева - и мужа и жену. Только вся трагедия последующей истории человечества и мира способна истолковать правильно этот простой отчет.

Прежде всего из всей взаимосвязи проблемы искушения и последующего падения следует, что посредством всякого искушения и его средств что-то вносится в человека, что в начале было совершенно чуждо прежнему его состоянию. Если бы сущность человеческого падения состояла лишь в том только факте, что человек восстал против Бога исключительно в силу собственного своего вдохновения, "тогда человек стал бы сатаной" /по Францу Деличу/. Но в том случае он, как творение, носил бы источник своего падения в самом себе. С редкой убедительностью, однако, подчеркивает вся история искушения, что человек, как мужчина и женщина, пережил свое падение на почве искушения, пришедшего к нему извне.

Повествование начинается тем, что прежде всего оно знакомит нас с первым средством искушения. Это змей. Он ока-

зался хитрее всех прочих полевых зверей. Если нам предстоит воспринять это повествование буквально, а не символически, тогда придется согласиться и с той мыслью, что змей был высшим представителем всего тогдашнего животного мира. Мы повсюду наблюдаем в творении Божием закон, в силу которого органические формы жизни определенных родов в конечном итоге воплощаются в высшем творении своего рода.

Во всяком случае, змей был не только самым хитрым, но и самым разумным животным среди всех животных творений того первого творения. Очевидно, в творческом направлении он ближе всего находится к человеку. Он мог пользоваться языком его, так что он мог духовно общаться с ним, а потому и оказался в состоянии сообщить ему в качестве искушения чуждый принцип. На основании всего этого происшествия можно предположить, что и сам он оказался обольщенным, а потому более высокий дух, находящийся вне его, использовал его в качестве средства искушения человека. Сатана в своем подлинном облике, как явный искуситель, был бы сразу признан человеком чем-то вполне чуждым ему. По сей день он подвергает себя всяким мыслимым метаморфозам, чтобы неопознанным приблизиться к человеку со своими искушениями и своим обольщением. Он всегда был волком в овечьей шкуре, демоном, который умеет облекаться в образ ангела света.

Этот змей сказал однажды во время своего общения с человеком: "Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в саду?" Это была звериная философия, внушенная чуждым духом. Но такова всегда была тактика врага Божиего и человечества. Он облекал свои сатанинские вопросы и свое обольщение, прежде всего в исключительно естественный образ творения. Звериное и чувственное всегда служит повивальной бабкой всякому греху. Как животное оно не только говорит с человеком, но прежде всего взывает к исключительно плотскому элементу в человеке: "Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?"

Животное способно все испытывать, исходя лишь из потребностей своей индивидуальной природы. Вот поэтому ему совсем не понятно, что плоды сада в своем очаровании, в своей прелести могут оказаться под запретом для человека. Если даже по какой-то причине какая-то власть вне человека и положила на них запрет для него, то не все ли естественное расположение его и очарование плодов свидетельствует о том, что он, человек, как господин, владычествующий над всем, несмотря ни на что, обладает правом от плодов природы и есть, поступая по своему усмотрению, а не в силу голоса какого-то

другого? Не является ли голос Божий, звучащий в нем, в его естественных побуждениях, гораздо более достоверным, нежели голос Божий, звучащий в запрете, но вне его? Вот здесь-то мы и распознаем тот сатанинский элемент, если отрицать трансцендентность Божественного откровения и вдохновляющую его силу, считая ее имманентной человеку. Здесь же мы видим также, к каким ошибочным выводам можно прийти, если пророк Божий перестанет быть носителем и толкователем Божественного откровения, становясь творцом откровения. Здесь же обнаруживается также, к каким последствиям привел тот печальный факт, когда Израиль в своей истории перестал быть плодом Божественного откровения, объявив его плодом религиозных раздумий израильско-иудейского народа.

Животное вынуждено было говорить только таким образом, исходя исключительно из свойственной творению точки зрения. Врожденный животному инстинкт вместе с его похотями и его отрицанием является его нравственной совестью и его надежным вождем в жизни. "Злом" является для него лишь то, чего оно не в состоянии совершить, "добром" то, что утишает желание его чувства. Вот поэтому животное и могло оказаться в руках врага соответствующей базой искушения для человека, чтобы он, человек, высказался в пользу животного в своей жизненной этике. Не объективное откровение Божие вне человека, а субъективное плотское расположение в человеке оказалось, к несчастью, последним решающим голосом в этике его жизни.

Так рассуждало животное, зверь, а не человек. Потому что ответ жены гласил: "Плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть". Это был ответ чистого человека, который носил еще в своей душе полученный запрет Божий как единственный норматив жизни. Но вот все то, что до сих пор жило в его душе, не испытывая никаких сомнений, внезапно, благодаря вопросам животного, оказалось под сомнением. Предлагаемые искушением вопросы неожиданно поставили человека перед необходимостью сознательного решения. С тех пор нравственной силой или вдохновением жизни должно было оказаться или откровение Божие, или естественный, плотской инстинкт.

Ответ змея на ясный и определенный ответ человека был поэтому таковым: "Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло". Напрасно змей взывал к исключительно человеческому, плотскому инстинкту. Человек

твердо держался объективного слова откровения, которое даровал ему Бог. Поэтому и вся жизнь его чувств должна была подчиниться ему. Вот поэтому он и избегал всего того, чего лишило его слово Божие ради его же спасения. Ориентировка свыше победила искушение, пришедшее снизу. Но, начиная с того момента, змей попытался возбудить сомнение в серьезности самого откровения. Змей шел вначале со стороны творения, теперь он идет со стороны Бога. Он становится толкователем откровения, он изъясняет вечные законы жизни, исходящие от Бога, как откровение к человеку.

Прежде всего змей оспаривает то наказание, которое сопряжено с преступлением этой заповеди Божией. Ему не ведом еще Дух и слово второго Адама, Который спустя тысячелетия сказал: "Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его" /Иоанна 4,34/. Ему не ведомо и то положение Сына, Который в час искушения ответил искусителю: "Написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим" /Лк.4,4/.

Так как Бог есть жизнь, то откровение Его, несмотря на то, примет ли оно форму заповеди или повеления, может содержать только жизнь. Именно для этой жизни и была сотворена высочайшая личность человека. Она смогла существовать только в зависимости от дарованной жизни Божией, проявляя и совершенствуя себя нравственно. Всякий принципиальный уход от этого источника должен был в сравнении с этой жизнью переместить его, человека, в состояние смерти. Если бы человек мог жить и дальше без Бога, он жил бы только самим собой и своим собственным духом. Как только угасла в нем вечность вместе со своими вдохновениями, у него осталась в качестве жизни только его собственная природа с ее инстинктами. Но если у человека остается только природа в качестве единственного источника жизни, ему придется тогда вместе с даром природы разделить и ее смерть.

В конце концов, змей ставит под сомнение и намерения Божий. Он называет нечистым тот источник, из которого вытекает запрет, поэтому и вода того источника должна быть нечистой. Слово Божие и зависимость от Него лишают, по философии змея, человека в его подлинной сущности всяких прав на свободу личности и отнимают у него естественные средства для завершения его подобия Богу. "Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло", - таково суждение змея.

Таково "богословие" змея? оно основано на сатанинском вдохновении. Оно допускает человеческими средствами и плот-

ским путем достигать того, что может осуществиться лишь посредством Божественного вдохновения в человеке, который находится в сыновних отношениях с Творцом. Запрещение Божие в свете этого богословия не является Евангелием для человека, а лишь эгоистическим самосохранением тайны Божества. С помощью этого запрета, утверждает змей, Бог защищает Себя от того, чтобы человек не стал равным Ему. Однако истинное евангелие, по словам змея, заключается не в запрещении, а в сознательном выходе человека за пределы этого запрещения. Тройное благословение будет якобы положительным приобретением человека, если он преступит повеление Божие. Просветленные глаза, человеческое подобие Богу и высшее познание сущности всех вещей - таков якобы положительный плод, которого удостоится человек, если он вкусит от запрещенного.

В этом обетовании сатанинского евангелия и заключается все очарование искушения. Оно обещает то, что в принципе Сам Бог хотел даровать человеку и к чему он, как подобие Божие, был предрасположен в самой основе своего существа и своей тоски. Просветленные глаза! Глаз является тем естественным органом, посредством которого внешний мир проникает в дух человека. Употребление в пищу запрещенного Богом плода окажется просветлением глаз. Люди Божий знают, каким существенным фактором в жизни является глаз без фальши, а вместе с ним и вся внутренняя восприимчивость человека. Если это его удел, тогда человек видит подлинные взаимосвязи вещей в повседневной жизни, а также в процессах истории, которых никогда не увидит непросвещенный. Только в этом случае Агарь способна была обнаружить источник посреди пустыни для своего умирающего отрока. Только в этом случае пророк оказался в состоянии молиться о том, чтобы Бог открыл глаза Гиезию, который пришел в ужас от внешнего хода временных событий: "Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел" /4 Царств 6,17/. Тогда-то слуга пророка увидел могучий стан Божий для защиты Израиля позади собравшихся войск сирийских.

Вот поэтому гораздо позже апостол Иисуса Христа так сильно молился о просветленных глазах для всей Церкви /Ефес. 1,17-20/. Павел знал, что практически означает для роста внутренней жизни и для служения Евангелию Божиему просветленные на основе Духа глаза.

Как сильно жаждет просвещения всякая стремящаяся к Богу личность человека, как она жаждет того просвещения, которое выводит человека за пределы его я! Но он никогда не сможет получить его от творения и даров его, которые ниже его. Он

может получить его единственно от Творца, далеко превосходящего его самого. Только вдохновение Духа Божиего может даровать человеку просветленные глаза или же непосредственно Слово Его.

По евангелию змея, вдохновение свыше должно замениться плодом снизу. Удивительно ли, что на основании такого просветления человек вместе с полученным познанием стал двигаться в пределах того, что находится в сфере природы, ее ^богатства, силы и даров. Да, природа открыла человеку свои дары, источники и силы, но она так и не смогла раскрыть пред ним духовных и нравственных энергий и областей жизни вечного мира. Вдохновения природы всегда вели только к естественной философии, сопряженной с преходящим наслаждением и содержанием преходящей жизни природы.

Подобие человека Богу должно было оказаться вторым плодом, которого якобы удостаивался человек благодаря тому, что вкусил от запретного плода. Сыновняя природа стремится к образу Отца. Как образ и подобие Божие, вся личность человека была призвана к тому, чтобы быть истинным подобием Богу. И вновь все то, чего мог удостоиться человек в состоянии своего внутреннего существа только послушанием Божественному откровению, он мог приобресть, по слову змея, исключительно путем естественного, плотского познания. Познание природы должно было возносить его над природой. И вот это "быть как боги", человек получает не в качестве действий Божиих и Его откровения, а вследствие того, что он вкусит от запретного плода природы. Оказывается, можно уподобиться Богу независимо от действий и просветления Божиего! Плод дерева и сознательное решение воли человека взять запретный плод и вкусить от него - это естественный путь к уподоблению человека Богу. Но это та жизненная философия, которая издревле праздновала в истории человечества свои бесовские оргии.

До сих пор этот путь вел человека, как только и доколе он шел им, лишь к уподоблению природе. Человек так и не нашел образа Божиего, который над ним, а только образ животного, зверя, который находится ниже его. Да, этот образ обогатил его плотское познание, но не его внутреннюю совесть; да, он открыл ему силы природы, но не даровал ему независимости от природы. Чем более он пытался овладеть ею на основе своего познания, тем более он видел, как она порабощает его.

Никакая эпоха истории не была так порабощена силами природы, как культура нашего двадцатого столетия и ее человек.

Напрасно он борется сегодня в свете своего звериного евангелия природы, чтобы овладеть силами господства над миром и похитить господство у Бога. Что бы он ни строил в городе и в деревне, что бы ни соединял в обществе и в государстве, что бы ни проповедовал в политике и в науке - все теперь носит не образ Бога, Который над ним, а образ зверя, который под ним, все это не является господством Бога над миром, а господством мира над человеком.

Это же можно отнести и к тому третьему "благословению", которое обещает змей, - знать, что "добро", а что "зло". Древнееврейское выражение "знать" означает гораздо больше, нежели только знать. В нем заключен скорее смысл "чувствовать". Обладать полнотой чувства благоухания Божества, не живя, однако, по внутренним законам Божества, - такова истина, которая заключалась в этом евангелии змея.

Человек сознавал, что на основе своего подобия Богу он призван и к таким Божественным "чувствованиям". На основе просветления Божиего он должен был постичь ценность или малоценность окружающих явлений, а также их господствующее или подчиненное положение. Поэтому всякое более глубокое познание природы, всякое вновь приобретенное господство над ней должно было вызывать радость и блаженство в его душе. Всякому идейному художнику в его творчестве, всякому истинному ученому в его исследовательской работе, всякому верному служащему в его службе, всякой чистой семье с ее воспитанием - всем им известно нечто от этой внутренней радости и сокровенного блаженства. Ведь Бог является спасением, счастьем, блаженством; поэтому всякая жизнь, которая исходит от Него и которая к Нему приводит, сопряжена с отражением этой сущности Его существа.

Оказывается, и это глубочайшее и сокровенное блаженство человек должен приобрести независимо от Бога, а только посредством того, что он вкусит от плода дерева. Дар природы, очевидно, в состоянии предложить именно то, что способно предоставить человеку только подлинно духовное состояние. Подобное "мифическое ощущение Бога было, как свидетельствует история религии, всегда сопряжено с чувственностью" /Прокш/. Разве самые мрачные страницы истории церкви не говорят о том, что естественно-мистическая духовность всегда заканчивается грубой чувственностью? Искусственно усиливаемое чувство блаженства - если Бог не производит в человеке состояния блаженства - все еще вынуждено находить свое конкретное удовлетворение в чувственном наслаждении. Это и объясняет, почему люди, находясь в трезвом состоянии души,

принципиально решительно удаляются от всякой чувственности, тем не менее, могут оказаться жертвой ее, если впадут в состояние чуждого им опьянения души.

Блаженства Божиего нельзя приобресть посредством плодов дерева или человеческих действий. Оно навеки сопряжено с действиями Божиими. Кто хочет вместе с Богом разделить Его радость, тот должен быть готов разделить с Ним и Его Дух и Его действия. И только в этой степени человек получает часть в истинной радости Божией, в какой он допустит вовлечь себя в активность Божию и в существо Его. Исключительно плотская и душевная настроенность внутренней жизни никогда не сможет оказаться органом и душой сверхъестественного блаженства Божиего. И в Своей радости Бог обитает не в рукотворных храмах. Кто не представляет собой молитвенного дома для духа, тот никогда не сможет воспринять славы Божией.

Отсюда и решающим является все то, что человек сочтет "добром", а что "злом". Я предполагаю, что, подобно тому, как змей представлял собой высшую тварь животного мира, так дерево познания наряду с деревом жизни воплощало высшую органическую жизнь растительного мира. В плодах этих деревьев земля предлагала то самое высокое, что она способна была даровать в пищу человеку. Но если даже плод дерева познания был высочайшим плодом растительной жизни, то и в этом случае он все же оставался только плодом земли. Как только человек вкусил от него, он сразу же узнал, что в природе может быть для него "добром", а что "злом", что будет для него полезным, а что вредным. Однако на основе познания природы человек достигает только познания законов природы, но не достигает познания этики духа.

С тех пор, как человек впервые вкусил от плода дерева - да и теперь он ест от него, потому что "оно приятно для глаз" и потому что оно "вожделенно", - он так никогда в своей истории и в своем развитии не смог выйти за пределы плотской и животной этики. Все то более высокое, что тем не менее порою проявлялось в его жизни как познание, не было плодом этой этики, а светом отвергнутого человеком откровения.

Но к чему приводит эта этика, которая "добром" объявляет лишь то, что приносит человеку в его ненасытном эгоизме одни лишь прибыли, и называет "злом" все то, что не раскрывается навстречу его похотям и желаниям, свидетельствует нам написанная кровью и слезами история мира. Человечество документально свидетельствует в ней неизгладимым письмом свое

познание "добра" и "зла". Отнюдь не о том свидетельствует эта история, как человечество с помощью своих членов и народов взаимно дополняет друг друга, служит друг другу и возвышает друг друга; основу его культуры и его развития составляет другое: как один народ защищается от хищнической природы и посягательств другого народа и как один человек пытается защититься и спастись от нападения другого человека. Если это только в пользу своему народу, тогда и величайшее преступление становится государственной моралью; если это содействует умножению собственного капитала, тогда и явный обман становится деловым принципом; если плотские похоти достигают удовлетворения, тогда и гибель невинного становится оправданной практикой человеческой похоти. Если только это в интересах атеистического евангелия, тогда человек готов стать демоном для своего ближнего, тогда он готов шагать по миллионам, чтобы достичь будущего, но без Бога.

Наше библейское повествование рассказывает нам, что жена "взяла плодов его/дерева/, и ела"; далее сказано, что она "дала также мужу своему, и он ел". Ева, как женщина, была высочайшим даром Творца для человека-мужчины. И как раз она оказалась средством искушения для него. После того как сама она раскрыла свое сердце сатанинскому евангелию и приступила к празднику "сатанинской вечери", она побудила и своего мужа принять участие в этом празднике.

Тот, кто сам преступил запретное, тотчас же ищет товарищей по преступлению. Обольщенные становятся обольстителями. В сущности греха заложена потребность "рождать последующее зло". Чем ближе человек находится к своему ближнему, тем более тяжелым искушением он способен оказаться для него. "Отойди от Меня, сатана", - сказал однажды Сам Иисус одному из Своих учеников, когда тот пожелал оказаться для Него преткновением на пути Его послушания Отцу. Итак, чем величественнее дар, тем более тяжелым искушением он способен оказаться для человека, как только этот дар становится для него окончательным откровением о "добре" и "зле".

Потрясающее познание извлекаем мы из первой истории искушения. В творении Божием решительно все, собственная ли жена, друг ли или ученик, тварь ли какая или плод и дар природы, - все может послужить человеку в качестве искушения и обольщения. Змей обольстил жену, жена - мужа, так что человек не стал внимать голосу Божиему, который звучал вне его, и похоть превратил в нравственный норматив своей жизни. С тех пор он внес новый закон в жизнь и в историю -

закон, который вдохновлялся теперь уже не Творцом, а творением. Откровение змея в раю стало евангелием человечества в его завоевании земли и в созидании будущего.

VI. ПЕРВОЕ ПАДЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

1.Падение человека и сущность греха

"И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел".

Бытие 3,6

В состоянии духа тайна общения. Люди остаются совершенно чуждыми друг другу, если их не соединяет друг с другом родственное состояние душ. Так, некоторые живут в тяжелейшем душевном одиночестве, несмотря на многочисленное окружение, потому что они не в состоянии найти в ближнем родственных своему духу душ. Только с родственными душами может происходить духовное общение: обмен мнениями, взаимная отдача. Поэтому в творении Божием вся духовная жизнь борется за общение с родственной духовной жизнью.

Сильнее всего это расположение было опять-таки выражено в человеке, как в подобии Божием. В качестве "сына" душа его была способна наследовать всю полноту жизни Творца. Она заключала в себе возможности совершенствования, как никакая другая тварь. В ней не только мир, но, главное, Бог находил Свое место, а без Бога она не могла бы вместить в себе мир. Потому что тогда он стал бы ее богом. Поэтому Бог с помощью Своего Духа увлек человека в общение с Собой и в Свой Божественный образ бытия, как никакую другую тварь. Если право более позднее откровение, то человек, как оно гласит, возвышается в своем первоначальном состоянии и над ангельскими силами, и над князьями, и над прочими мирами света в творении Божием. Как утверждает Павел, это участь искупленного человека, а потому и всей Церкви, которая призвана единственно к усыновлению, а следовательно, и к подобию второму Адаму. Вестниками и слугами ее Творца и Царя являются ангельские князья. Сыном, однако, является призванный и избранный прежде создания мира во Христе человек /Ефес. 1,5-6; Рим. 8,29-30; 2 Кор. 3,18/.

В этом духовном состоянии сына жил человек как подобие Божие еще до своего падения. Здесь же заключена и причина

того, почему он не мог найти себе жены-помощницы среди прочего творения Божиего. Хотя тело его, как и тело прочих земных живых существ, взято из земли /адамах/, однако внутреннее состояние его личности гораздо превосходило природу и род всякой другой твари. Вот поэтому он нигде не мог найти себе на земле истинного душевного общения: отсутствовало желаемое страстно духовное родство. Это духовное родство он опять-таки находил только в Боге.

Итак, осуществление общения могло состояться для человека исключительно на линии, ведущей его к Богу, но не на линии, ведущей его к природе, к творению. В растущем общении с Богом природа сына должна была преображаться в образ Отца. Все в нем, что в самом начале было сотворенным Богом, что являлось его естественным и духовным расположением, должно было сознательно превратиться в духовное общение и в совершенное духовное состояние.

Однако в какой-то определенный час человек принял решение, к сожалению, в направлении, противоположном преображению всей своей личности. Все то, что было сопряжено для него, а потому и для мира с этим роковым решением, мы называем грехопадением. Все это является видимым отражением внутренних переживаний. Так совершился в человеке переход от его прежнего состояния в совершенно новое. Это принципиальное начало сознательного развития вниз, вместо того чтобы развиваться вверх. Возбужденная похоть человека победила Божественное откровение, а дар природы преодолел вечную жизнь. Так началась история душевного, плотского человека, вместо духовного, Божиего.

Падение человека обязано своим возникновением тоже вдохновению, но не благодаря откровению Божиему. И падший человек вдохновляется, только не Духом Божиим. А вдохновения всегда приводят к своему собственному источнику. Они становятся принципом, который отныне сообщает жизни ее содержание и направление. Своей силой и действиями они никогда не отрицают ни своего происхождения, ни своего характера. Они увлекают духовную жизнь человека в настроении и образ собственного выхода.

Итак, мы сознательно и преднамеренно коснулись подробнее средств искушения. Искушение - это посягательство на всякую духовную силу средствами вдохновения ради захвата всей области духовной жизни человека. Мы уже видели, что все в творении способно или обольщать, или благословлять нас. Адама обольстило самое высокое создание, равное ему, - его жена. Но пережить искушение - это еще не значит пережить

падение. Необходимо, чтобы прежде человека достигло искушение своим ложным евангелием и своим внушением, а затем чтобы в нем ввиду сопротивления и в силе совершилось то великое, к чему он в принципе призван и для чего облагодетельствован. Если бы Адам и Ева воспротивились в раю евангелию зверя, это был бы непредвиденный шаг в их нравственном совершенствовании.

На этом пути борьбы и победы они достигли бы признания пребывающей в них силы Божией, о чем, возможно, они раньше и не подозревали. Всякая победа в их душе рождала бы неожиданность, радость за радостью, и жизнь их черта за чертой преображалась бы в образ Божий. Ибо хотя они и были совершенны в своем подобии Богу, но все еще это подобие в них не было завершено.

Итак, здесь речь касается только развития личности на основе длительного Божественного вдохновения, которого человек удостоился в своем общении с Богом. Ибо и до своего падения человек лишь в той степени находил путь к Богу, в какой он добровольно открывался откровению, как явлению Бога. Мы понимаем это пришествие лишь в свете пришествия второго Адама, который, как воплощенное Слово, обитал среди людей. И Иисус тоже совершенствовал Свое мессианское служение, но единственно в силе постоянной зависимости от Отца.

Первый идам, однако, покинул этот путь зависимости и открылся "вдохновению", которое приблизилось к нему в раю в искушении. Это и оказалось его падением. Потому что это вдохновение вовлекло его только в собственную область жизни и, сделала его причастным только к собственному духу жизни. Так родилось в человеке, благодаря духу евангелия зверя, то новое состояние его духа, которое мы определяем понятием греха. Внутреннее падение тотчас же воплотилось в действия, которые были совершенно противоположны сфере жизни Бога. Теперь положено было начало тому состоянию, которое принадлежало к сфере жизни, которую Бог и Его откровение считают смертью. С тех пор человек начал жить светом и силами мира, который уже не определяется Богом. Писание называет такое состояние состоянием смерти.

Все, что написали позднее люди о понятии греха, о психологии греха, как она явлена нам в третьей главе книги Бытие, еще не исчерпывает всего вопроса. На примере первого греха мы учимся постигать сущность всех грехов. Грех всегда является чадом внутреннего зачатия человека от чуждого ему духовного вдохновения-внушения. Отцом греха является духовное вдохновение, происходящее, однако, не от Духа Божиего,

а от материнской почвы - плотское расположение человека. Евангелие зверя своим вдохновением коснулось человека как раз в том отношении, к которому он был предрасположен по своей природе и к которому призывал его Творец.

Мы уже видели, что, с одной стороны, и евангелие змея в своем обетовании как будто не отклонялось от той программы, которую Бог определил для человека. Истинное познание вещей, внутреннее участие в вечном блаженствии Божием и высшая этика жизни, которая соответствует свету Божиему - все это теснейшим образом сочеталось с призванием и предназначением Божиим для человека. Но, по слову змея, человек должен был получить все это не в силу вдохновения Творца, а по вдохновению твари. Итак, в искушении речь в первую очередь не о перемещении программы, а о подмене вдохновения. Голос Божий заменяется голосом творения, жизненный принцип Божий - принципом природы, Дух Божий - духом творения.

Вдохновение свыше вело к развитию жизни от Бога, вдохновение снизу - к рождению греха. Законы эти вполне очевидны у колыбели первого греха в раю. Потому что грех по своему существу не является вещью, а всегда духовным чадом человека, жизнью, которая может рождаться только от человека.

Кажется, что можно говорить о ступенчатой лестнице развития греха. "Посмотреть", "взять", "вкусить", "передать дальше" - все это, с человеческой стороны, содействовало возникновению греха. Правда, по своему существу эти функции человека не являются грехом. Точно так же они могут оказаться ступенчатой лестницей для развития жизни от Бога. Однако, поставленные на службу безбожному евангелию, они становятся человеческими силами, содействующими развитию противо-Божией жизни. Это жизнь греха.

"И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела". Противо-Божие откровение своим внушением предстало пред женой как искушение. Оно обещало наслаждение и состояние, которое еще не ведомо было человеку. Он никогда еще не ел от плодов дерева познания. Да, он стремился войти в обладание полным подобием Богу, но он сознавал и то расстояние, которое еще отделяло его от Бога. Ложное евангелие змея указало человеку на простой и естественный путь исторического осуществления своего стремления.

Очевидно, и в запретном плоде не содержалось ничего греховного. Мы решаемся высказать предположение, что человек в

своем развитии, направленном к Богу, достиг бы однажды такого состояния, когда он, как господин творения, мог бы устроить себе вечернюю трапезу под этим деревом. Может быть, наслаждение плодами этого дерева совершилось бы в праздник воспоминания о том, как вдохновение свыше победило в человеке вдохновение снизу, а откровение Божие - евангелие зверя. Если бы человек принял решение и стал бы искать познания "добра" и "зла" только в направлении и свете откровения Божиего, тогда он оказался бы господином и этого дерева, и Бог, очевидно, снял бы с него Свой запрет. Потому что этому запрещению, как откровению Божиему, предстояло в связи с деревом познания осуществить те предпосылки, которые должны были содействовать нравственному совершенствованию человека. Ведь, глядя на второго Адама, глядя на Христа и Церковь, должно же в полном объеме осуществиться слово Павла: "Все ваше" /1 Кор. 3,22/.

Итак, грех - это первоначально не нечто для потребления; по своему существу - это порождение, это дитя человека, а не плод дерева. Плод дерева воплощал в себе только ясную заповедь Божию, дарованную для спасения человека. Потому что и посредством Своего запрещения Бог хотел гораздо больше даровать человеку, нежели взять у него.

Со стороны Бога, решительно все является даром для жизни. Подобно тому, как дерево жизни передало бы человеку дар Божий, если бы он вкусил от плодов его, так и дерево познания передало бы человеку дар Божий, если бы он вкусил от плода его. Самым решающим, глядя на оба эти дерева и их плоды, которые воплощают в себе высокие дары природы человека, было откровение, которое Бог сочетал с ним. Итак, грех по своей первоначальной сущности означает бесконечно больше, нежели просто человеческое прегрешение против природы и закона. Он проявляется как плод внутреннего решения человека, направленного против откровения Божиего, а потому и против назначения Божиего для человека.

Когда жена "увидела", она тотчас "занялась" деревом и его плодами. Плод был "хорош для пищи", как и плоды других деревьев. Он был "вожделен"; очевидно, и все дерево в своем роде обладало совершенной красотой. И его следовало включать в определение Божие, касающееся всей совокупности творения: "И вот, хорошо весьма". Потому что и оно, как и все остальные, были насаждением Божиим в раю и, дышало воздухом творческой субботы.

Из изучения и исследования дерева и его плодов родилась похоть для преступления против откровения. Отсюда и второй

шаг жены: "Взяла!" Взять - это уже выражение внутреннего волевого решения. Это переход от искушения к падению. Без подобного внутреннего решения воли никогда не происходит рождение греха. Оно является сознательным действием человека, независимым от Божественного откровения, настроенностью на голос искушения. Ведь каждый грех сам по себе бессилен по отношению к человеку. Он может рождаться только в силу добровольного решения воли человека, становясь, таким образом, составной частью жизни человека.

В этом бессилии греха по отношению к человеку заключено для него, с одной стороны, значительное предохранение, но в то же время и глубочайшая ответственность. Когда человек внутренне сопротивляется обольщеньям искушения, тогда никакая сила в мире не способна понудить его к внутреннему восприятию греха. Правда, искушение способно принимать соответствующие случаю формы и ради достижения своей цели прибегать к средствам насилия. В периоды искушения пытались понудить человека самым жестоким насилием внутренне согласиться с евангелием зверя. Однако люди, которые сознательно в своей отдаче и в своем послушании веры подчинились единственно откровению Божиему, предпочитают лучше внешне погибнуть в своем сопротивлении этим средствам насилия, нежели согласиться с тем, чтобы их вдохновляло евангелие зверя.

Тем больше и ответственность человека, если он все же раскрывается внушениям снизу. Тогда он соглашается с тем состоянием, которое именно обращено в том направлении, откуда приходят эти внушения. Человек полагает приобресть мир, вкушая от запретного плода. Итак, женщина взяла и ела. А Бог сказал: "В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь".

Кушать - это функция жизни, а не функция смерти. Вот женщина "ела" - и не умерла. Однако она умерла, хотя и ела. Она умерла для того состояния, которое должно было превратиться для нее в вечную жизнь и в ее совершенство. Вкусив же, она приняла то состояние смерти, которое означало для нее вечную смерть.

Женщина умерла, но для откровения Божиего; она стала жить с тех пор для вдохновения зверя. В очах же Божиих это - жизнь смерти с всеми ее последующими мучениями. На этой почве и всякое райское творение способно превратиться однажды для человека в ад. Все то, в чем он надеялся найти свою жизнь и будущее, будет только содействовать к его осуждению. В этой трагедии мир пишет свою историю и созидает свой

рай культуры.

От того, что человек умирает своей естественной смертью, он не перестает существовать. И праведник умирает, и все же не умирает. Он знает, что он восхищается от смерти именно тогда, когда умирает. Смерть проявляется в нем не как собственно смерть, а как переход от более низкой ступени существования к более высокой жизни. Итак, Ева не умерла, когда перестала существовать, но она умерла, перестав быть тем, чем была прежде; отныне она уже никогда не будет тем, чем хотела бы быть.

С этой точки зрения становится совершенно понятным весь последующий вопрос избавления. Кто вступил на почву состояния смерти, как в сферу своей жизни, тот уже никогда не сможет более самостоятельно приобресть сферы жизни Божией. Никакое состояние не выводит человека за пределы его личности. До тех пор, пока человек живет в нем, он живет его вдохновением. Быть избавителем на этой почве и оказаться избавителем на ней может только тот, кто независим и кто выше этого состояния жизни. Вот поэтому Бог послал Сына Своего в область господства греха и смерти, чтобы Он, как Властитель жизни, оказался Избавителем для тех, которые в своем состоянии оказались вечными пленниками. Тем же, которые приняли Его, "Он дал власть быть сынами Божиими" /Иоанн.1,12/.

Таким образом, Иисус вновь внес весть о жизни в подверженное смерти человеческое творение. Как евангелие змея внесло свое вдохновение в рай, так и Иисус, как Спаситель мира, внес Свое Евангелие жизни в предел смерти всего человечества. "Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия" /Иоанн.3,3/. Путь из состояния смерти в Царство и владычество жизни возможен единственно через рождение на основании вдохновения от Бога.

Тот, кто хочет войти в Царство Небесное, должен согласиться перейти в состояние Царства Небесного. Тот же внутренний процесс, который вел к падению, должен вести его из состояния падения к жизни. Это та же ступенчатая лестница становления жизни, как и та, которая вела от жизни к смерти. Только вдохновение и принятие этих обоих переходов по своей сущности совершенно различны. Евангелие зверя вело к смерти, потому что оно вдохновлялось смертью. Евангелие Иисуса ведет к жизни, потому что оно вдохновляется жизнью.

Умерев, жена увлекла и мужа в свою смерть. Обольщенная, она обольстила притом и того, кто находился ближе всех к

ней. Так как она воплощает зачинающий, воспринимающий принцип в человеке, то она прежде всего подверглась искушению и пала. Падение ее оказалось и падением мужа и всего их рода.

Но именно в этом своем состоянии смерти она опять-таки оказалась прежде всех избавленной. Спаситель мира был зачат женой и родился от жены. Час рождения Церкви Иисуса Христа теснейшим образом сочетается с женами. Сила Царства Божиего в настоящее время существенно определяется сильным и самоотверженным служением женщин. Если жена оказалась первой обольстительницей человечества, то, приобщившись к искуплению, она оказалась первой вестницей и носительницей жизни.

В этом свете следует понимать все формы, которые грех принимал в истории. Они были так многообразны и так ужасны, как только может быть многообразна и ужасна жизнь без Бога. Смертная жизнь греха тоже бесконечна, но в направлении обратном, от Бога. Грех жив, потому что человек жив и вечно рождает его заново. Но грех умирает там, где человек умирает для греха и на основе искупления вносит Царство жизни в его смертные области. Эта мировая миссия искупления всегда была жизненной программой искупленных.

2. Новое состояние и сознание человеческой виновности

Бытие 3,7-10

Человек в своем падении родил ту жизнь, от которой он отныне уже никогда не смог бы самостоятельно освободиться. Каждое из его действий обнаруживало то новое состояние, в котором он оказался. В свою очередь, это состояние тоже не было завершенным, а только принципиальным. Жизни и посреди смерти свойственно развитие в направлении к своему совершенству.

Совершенного человека греха Писание называет антихристом. Совершеннейшим образом он объединяет в самом себе все силы мира и смерти и вражды против Бога и Его владычества. В нем они становятся завершенной жизнью погибели. Он становится совершенным Каином, который пытается и без Бога достичь своего будущего и своей цели. Ему не нужен и брат его, если жертва веры брата осуждала его посредством его же религии. Поэтому приговор Божий над собой он превращает в приговор над братом. Ближний необходим ему лишь в той степени, в какой степени этот ближний способен служить ему. У Каина, как у совершенного человека греха, существует лишь

только он сам. У него уже нет Бога, нет брата, нет жертвы отдачи.

У начала этого развития и оказался падший человек. Потому что всякий грех в своем конечном развитии приводит к антихристу. Вот поэтому с грехом сразу же соединяется новое состояние греховности, из которого он может быть избавлен только посредством более высоких действий, посредством вмешательства Бога. Человек никогда уже не услышал бы более в этом своем новом состоянии голоса Божиего, если бы этот голос не достиг его. Но он достиг его. Потому что Бог является вечным отрицанием греха, так как грех является вечным отрицанием жизни для творения Божиего.

О том, что это новое состояние обнаружилось с рождением первого греха первого человека, свидетельствует нам последующая история падения. "И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги". Евангелие змея оказалось правым. Человек приобрел просветленные глаза. И все же это была ложь. Человек не увидел своего подобия Богу, но внезапно он обнаружил обратное - как далеко он внутренне удалился от Бога. Это откровение могло только вызвать в человеке внутренние мучения, а не страстно желаемое блаженство Божие. Не удивительно, что, чем глубже познавал человек с тех пор, чем он является действительно и чем он должен был быть, тем несчастнее становился он в своем внутреннем состоянии.

В своем страстном желании уподобиться Богу человек внутренне раскрылся навстречу евангелию зверя. Он надеялся, что сможет найти осуществление своего страстного желания на открывшемся перед ним пути независимости от откровения Божиего, вкусив от плода земли. Однако то, что он нашел, был он сам, а не Бог. Он узнал себя в своем собственном образе, но не в образе Божием. Потому что вдохновение, пришедшее снизу, может раскрыть перед человеком только нижний мир. Свет его просветляет только для того, чтобы видеть мир собственного существования. Если бы он способен был даровать свет видеть и мир Божий, тогда он был бы положительным фактом в истории спасения Божиего, и мог бы увлечь человека в сферу Его спасения.

Однако действия его исключительно отрицательного характера. С тех пор человек движется в сфере собственного света. Свет Божий он получил только тогда, когда откровение Божие нашло путь сообщить ему свою весть. Когда же человек в своей тоске по трансцендентному, в своем предчувствии Предвечного, обладая лишь своим собственным светом, попытался создать себе образ Вечного, образ Божества, тогда бо-

ги его превратились в тиранов, а его якобы небесное царство - в ад пороков.

Чтобы защитить себя от всех этих божеств, чтобы избежать их вечного гнева, человек подверг себя позже самым тяжелым жертвам. Страх перед божеством и ожидаемой вечностью оказался содержанием религии падшего человека. Мифология народов является богословием человечества, которое ищет лица Предвечного без откровения Божиего. Человечество искало Бога, но нашло только до ужаса искаженный образ самого человека. Народы тосковали по Царству Небесному, но искали его только в собственной порочной жизни. Они молились об избавлении, но не от своего греха и вины, а только ради удовлетворения своих неутешимых похотей и страстей.

И если нечто от истинного образа Божиего и от сущности трансцендентного мира озаряло народы, то это не был свет их развитой религиозности, а свет проникшего к ним откровения Божиего. И Израиль, как первый получатель и носитель более высокой истории откровения, получил основные черты образа своего Бога не на основе мифологии соседних семитских народов. Он приобрел свое этическое мировоззрение не на основе порочной культовой жизни своих современников, а на основе Торы, которой он удостоился через своих пророков; без пророков Божиих, без их вдохновения Израиль никогда не владел бы откровением Божиим. Нет, откровение это не явилось результатом религиозного развития израильского народа; наоборот, более высокое развитие оказалось результатом полученного им откровения. Вот поэтому этот народ, благодаря дарованному ему откровению Божиему, оказался в истории мира пророком для всех народов. Мы ведь уже больше не в состоянии представить себе историю мира без того откровения Божиего, которое через Израиля было дано для спасения мира.

В свете своего нового состояния человек узнал, что он не только далек от Бога, но и что он "наг". Всякий грех снимает с нас нашу невинность пред Богом и открывает нашу наготу пред ближним. Итак, невинность была потеряна, а нагота оказалась новым состоянием. С тех пор она является внешней стороной внутренней жизни, видимым осуществлением внутреннего настроения, проявляемого во внешней жизни. Эта нагота стала с тех пор лицом истории мира. Но с тех пор и человек не в состоянии более скрыть в течение истории своего подлинного существования, даже посредством своего воспитания и своей цивилизацией. Поэтому народы и государства движутся по арене истории в наготе своего подлинного внутреннего су-

ществования, невольно возвещая, что невинность их по отношению к ближнему потеряна.

Когда человек и народы осознали свою наготу, они попытались прикрыть ее отвратительность видимостью святости и праведности. Нимрод выдавал себя за искусного зверолова "пред Господом", но в то же время порабощал своих окружающих. Всякое государство расширяло сферу своей власти под видимостью справедливости и блага более слабых народов.

Это же совершали в ходе истории и религии, и "святые". Ревнуя о законе, Павел преследовал церковь и учеников Христовых в Иерусалиме и его окрестностях, даже до Дамаска. Во имя церкви сооружали эшафоты и костры. Во имя креста призывали к крестовым походам. Во имя истины пророк высмеивал пророка. Во имя Библии церковь сражалась с церковью. Однако, несмотря на всю эту благочестивую видимость, всегда виден был только обнаженный человек, а не подобие Божие.

Однако именно в этом обстоятельстве заключена и благодать для падшего человека: он знает, что никакой религиозный, нравственный, государственный и народный грим не в состоянии прикрыть наготы подлинного существования человека, даже и тогда, когда он является в самом священном облачении. Если бы не обнаруживалась постоянно его нагота, человек поверил бы в существенность своего грима, в правдивость своего лицемерия, в справедливость своего политического обмана и никогда не раскрылся бы более высокому откровению с его вестью об искуплении.

Но вот простирающаяся над человеком благодать побуждает его постоянно сознавать, что он наг. Он знает, что это сознание приведет его однажды в храм, туда, где мытарь, оказавшись пред Богом, ударял себя в обнаженную грудь, говоря: "Боже! будь милостив ко мне грешнику!" Доколе, однако, человек не найдет этого пути, он будет поступать, сознавая свою наготу, так, как поступил первый человек: "И сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания".

Вот здесь-то перед нами и начало происхождение всех исключительно человеческих религий. Человек без Бога пытается освободиться от своей вины, как только осознает ее, но, к сожалению, тоже без Бога. На почве своего плотского состояния для него нет других средств, кроме тех, что предлагает природа и его собственная сила. Найдет ли он их на смоковнице или где-нибудь иначе, не важно, но отныне плотские средства должны прикрывать его нравственную наготу. Урон внутреннего состояния приходится исцелять природой и ее дарами. Может быть, смоковные листья и в состоянии исцелять

естественные раны, но не потери души. Тому, что плотское, может служить и природа.

Подлинная сущность наготы человека находилась далеко за пределами его природы. Это была потеря истинного подобия Богу. Это подобие, как свое внутреннее состояние, и потерял человек. В своем подобии Богу человек был невинным и без фигового листка. Но, потеряв подобие Богу, он оказался виновным и с фиговым листком. К сожалению, большинство человечества до сих пор не перестало врачевать свои нравственные раны плотскими средствами. Вот поэтому в течение тысячелетий возникали религии за религиями.

Все это, однако, были фиговые листья с дерева природы, которые сам человек срывает для того, чтобы сделать себе опоясание. Каково же, собственно, сущность всех исключительно человеческих религий? Самоискупление. Вот отсюда и их ярко выраженная вражда ко кресту. Все религии рождаются только на почве плотского состояния человека. Все то, чем располагал падший человек для прикрытия своей наготы, было лишь даром природы и его собственных усилий. Никогда еще действительно человеческое не производило Божественного, фиговый лист творения не восстановит подобия Богу. Плоть рождает только плоть.

Вот поэтому человек никогда не мог найти обратного пути к Богу. Во всех своих религиях человек по прежнему оставался тем же в своем внутреннем развитии, чем он и был. Всякая исключительно человеческая религия как раз и проявляла себя врагом Бога и Его жизни. Религия распяла Господа славы. Она живет той силой, которую судит Бог. Она отрицает путь искупления, которым идет Бог.

Бог может произвести или ввести человека в новое состояние смерти. Спасение Божие ведет через Голгофу к воскресению, через осуждение греховного состояния к духовному состоянию. Но этот путь, однако, вынуждена отрицать всякая религия, потому что он лишает ее базы деятельности. Она хочет освящать свое земное состояние, каким бы оно ни было, а не осуждать его, развивать его, а не распинать. Отсюда ее вечная вражда против креста, отсюда отрицание путей Божиих.

Далее, все подлинно человеческие религии исчерпывают себя в своих исключительно плотских действиях пред Богом. Они отрицают существование более высокой силы. Страстно желаемая ими праведность пред Богом не является, однако, оправданием через веру, а оправданием собственными делами. Они не знают истинной веры - этого воспринимающего принципа в человеке, полном тоски и бессилия. Жизнь вечная не является

для них даром Божиим, в обладание которым входят верою, а единственно развитием, которое должно осуществляться с помощью достижений человека.

Религии ищут только освобождения от препятствий, которые делают таким невыносимым нынешнее состояние. Они ищут священных мест, но не ищут святых людей. Не человек, а храм является для них местом поклонения Богу. Не отдача сердца, а жертвоприношение является для них выражением высшего посвящения. Не внутреннее сообразование с волей Божией, а исполнение их бесчисленных желаний составляет сущность их молитвы.

Итак, подлинно человеческие религии заботятся лишь о священном, но не об Освящающем. Они почитают крест, но ненавидят жизнь Распятого. Они строят храмы и наполняют их своими жертвоприношениями и славой своего служения. Они освящают дни и месяца, но отрицают святую жизнь с ее повседневным призванием и служением ближнему. Они хотят успокоиться в том, что сам человек постигает пред Богом, а не в том, что Бог производит в человеке.

Вот поэтому все религии не могут существовать без постановлений и предписаний. Как раз им-то и предстоит освящать человека и делать его приятным Богу и без Его возрождающих действий. Человек не может молиться без храма, без жертвы он не решается предстать пред Богом, без омовения не ожидает чистоты, без бичевания не в состоянии вымолить себе расположения Божиего.

Вот поэтому все религии носят строго законный характер, они не признают никаких отклонений от традиции, никакого роста живого познания, никакого свободного образования внешних форм, в которых вера могла бы выражать свою любовь и свою отдачу Богу. Сущность благочестия заключается для них в конкретном соблюдении внешних заповедей и постановлений, а не в усвоении вдохновения Духа посредством откровения Божиего. Если у религии отнять символы, тогда они остаются без Бога. Если разрушить их храмы, тогда они лишаются близости Божией. Потому что сила их заключается в мертвой ортодоксальности, а будущее - в древних преданиях, их привлекательность - в сохранении таинственного.

Поэтому и такое христианство, без Христа, без послушания веры, без жизни полной отдачи Богу и любви к нему, как и все прочие исключительно человеческие религии, всегда оказались несостоятельными в часы судов. Оно не в состоянии было предложить человеку ни истинного утешения, ни внутренней опоры для души в тех бурях жизни, когда погибало все

лживое в катастрофах истории. Оно всегда подвергалось вместе с миром, потому что сила его никогда не превозносилась над сущностью мира. Оно ничего не могло предложить вечности, потому что оно никогда не носило внутри себя вечности. Оно не способно было создать нового человека, потому что оно не жило силами плотского человека.

Духовный урон восстанавливается только средствами Бога. Потерянное подобие Богу может восстановить только Бог. Человек может проявлять себя духовным и нравственным, религиозным, но он не в состоянии воссоздать своего потерянного подобия Богу. Оно является исключительно плодом человека. Как часто встречаются личности, которые заявляют, что они находятся вне всякой религии и вне христианства и все же они в состоянии быть чрезвычайно гуманными, по-человечески благородными и нравственно корректными! Образу же их, однако, недостает преображения всего временного и сияния вечности, что так свойственно истинному подобию Божиему. Без Божиего образа жизни никогда не восстановить Божиего подобия в падшем человеке.

Божий образ жизни может исходить только от Самого Бога. Вот поэтому всем исключительно человеческим религиям свойственна внутренняя нищета и бессилие. Никто не понимал этого так глубоко, как великий апостол Церкви Иисуса Христа. Для него самого религия откровений его отцов являлась фиговым листом. Собственно, и он пытался, испытывая отвращение, прикрыть фиговым листом от себя самого свою человеческую наготу. Тем не менее он все же не находил страстно желаемого подобия Богу. И тогда он воскликнул: "Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?" /Рим. 7,25/. Это был вопль человека, который усомнился в своей религии и так не смог освободиться от своей тоски по истинной праведности от Бога. Но чего он не смог достичь самостоятельно, то совершил в нем Бог. Седьмая глава послания к Римлянам могла быть написана человеком, который, несмотря на свою религию, усомнился в своих поисках потерянного подобия Богу /праведности/. Но вот в то время, как он усомнился в самом себе, открылся ему Бог. Он открылся ему в Своем даре и в творческих возможностях Своего Духа. Поэтому Павел никогда уже не желал впоследствии хвалиться своей праведностью по закону, а единственно "тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере" /Филипп. 3,7-8/.

Вот на той-то почве потерянного подобия Богу и двигался человек в своей истории, пока не услышал голоса Божиего. Доколе он не услышал его, он, несмотря на все свои религии,

слышал лишь себя самого. Ибо как может плоть своею силой произвести искупление Божие, чтобы человек мог приобресть через него, но без Бога все то, чем он некогда владел, однако только в общении с Богом? Надвигавшаяся вместе с падением человека тьма положила началу истории человечества, которое с тех пор видело только свой собственный образ. Но и эта ночь сменилась утром, когда Бог опять сказал: "Да будет свет!"

Откровение Божие не умолкает. Оно не умолкает и в ночи падшего человечества. На "нет" человеческой тьмы оно отвечает утверждением света Божиего, действуя таким образом, чтобы ночь вновь превратилась в день. А так как сила его могущественнее силы тьмы, то откровение это преодолело ночь и содействовало наступлению нового дня. Этот день достиг и человека после его падения. Он настал вместе с снисхождением милосердия Божиего в падение человека, являясь для него искуплением, благодаря своему новому откровению.

3. Вечный голос Божий и милосердный приговор

Бытие 3,8-19

Не человек воззвал в своем падении к Богу, а Бог воззвал в Своем откровении к человеку. С тех пор такова именно печать истории с явившимся в ней искуплением. Человек молчал, несмотря на всю свою вину. Бог обратился к нему с речью, несмотря на его падение. В своем молчании человек проявился во всем своем бессилии. В Своей речи Бог проявился во всем Своем откровении. Откровение обязано говорить и отдать жизни и искуплению все то, что Бог в Своей любви носит в себе ради спасения творения.

Творению ведомо историческое прошлое, откровение же, напротив, хочет быть неизменным настоящим. У него нет ни прошлого, ни будущего, а только вечное даяние от своей полноты. Сам Бог является его вечным источником. Дар же Божий падшему творению является в любой своей форме избавлением. Поэтому Иоанн говорит, когда однажды пожелал обобщить в своей душе все то, что в состоянии пережить человек вместе с Богом в Его откровении: "И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать" /Иоанн. 1,16/.

Это откровение не могло быть чем-то другим для творения в его падшем состоянии, как только избавлением. Потому что Бог в своем избавлении гораздо величественнее человека в его падении. Если бы падение было значительнее Бога, тогда

человек увлек бы и Бога в свое падение. Мы уже обобщали все действия Божии при восстановлении земли из состояния хаоса для нового гармонического порядка мира в своеобразную троицу: творение, откровение и искушение. Всякое отдельное откровение является для падшего человека как бы открытыми вратами, которые раскрывают перед ним путь к возвращению к потерянному искуплению. Такими вратами оказался и первый голос Божий, который, как откровение, проник в новое состояние смерти человека никогда не умолкающим вопросом: "Адам, где ты?" Это было снисхождение Бога к падению человека. С тех пор человечеству знакома история, над которой в каждую эпоху было начертано: "И они слышали Его голос".

И первый человек тоже услышал его в своем новом состоянии. Сказано: "И услышал голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дна; и скрылся Адам и жена его от лица Господа /Иеговы/ Бога /Элохим/ между деревьями рая".

Откровение Божие имеет нечто сказать и падшему человеку. Бог не изменился по отношению к человеку. А вот человек изменился по отношению к своему Творцу и Отцу. Поэтому откровение нашло человека и в его бегстве от Бога. Это было, и это является для человека первым спасительным делом Божиим ради избавления и искупления его. Если бы Бог ушел от человека, как человек ушел от Бога, то человек оставался бы в своем состоянии смерти. Мы видели уже, что ни его собственная сила, ни его религия не способны освободить его из этого состояния. Но Бог вездесущ, и Его ищущий голос откровения в состоянии достичь и убегающего человека. В один прекрасный день перед ним станет вопрос: "Где ты?"

Так откровение установило первую связь с человеком после его падения. Вопрос Бога возбуждает в душе человека ответ. До сих пор человек в своем падшем молчании и не говорил с Богом. Потому что новый мир смерти не только лишает человека его первоначального сыновнего положения пред Богом, но и его детского общения с Богом. Вместо доверительных отношений в общении с Богом появляется рабский страх пред Богом. Вот поэтому первое, что сказал человек Богу, гласило: "Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся".

Это дивный закон духа, который не смогла ослабить почти шеститысячелетняя история человечества с ее просвещением и прогрессирующей культурой; он так и сохранил свою первоначальную силу. Только с приближением Бога человек смог уяснить себе то новое расстояние, которое отныне разделяло его с Богом. Потому что близость Бога и Его свет раскрыли эту

тайну. Это сознание подобно пожирающему огню для всей жизни, который не родственен Его природе света. Оно хочет, оно должно вскрывать все то, что человек утерял от своей первоначальной сыновней природы. Но просвещение является одновременно для человека и первым шагом к избавлению.

Так в свете Божием обнаружилась та тьма, в которой жил человек. В присутствии Бога человек осознал свое внутреннее удаление от Бога, в котором он находился теперь. Голос Божий пробудил в человеке страх, который овладел его существом и похитил у него искреннее общение с Богом. Вот теперь и обнаружилась полная противоположность между тем, чем некогда был человек и чем он является в настоящее время. Однако без этого познания самого себя человек никогда не пришел бы к избавлению. Вот поэтому Бог всегда шел во всей истории искупления именно этим путем. Хотя свет Божий прежде всего осудил человека за то, чем он явился ныне, но в этом же свете уже заключалось для него избавление. Откровение никогда не останавливается на разоблачении того, чем является человек, оно несет ему весть и о том, чем и кем он должен быть. Правда, оно с неумолимой правдивостью показывает, что человек потерял через свое падение. Если через встречу с Богом становится очевидным все несчастье человека, то эта же встреча раскрывает перед человеком и всю полноту спасения Божиего. Она открывает со стороны Бога человеку путь обратно к Богу.

Как подобие Божие, человек никогда не освобождается вполне от требований Божиих. В этом факте для него заключено великое мучение, но в нем же и его спасение. Если бы это было не так, тогда человек достиг бы в своем грехе и в сфере его власти покоя и стал бы праздновать в грехе свою противную Богу греховную субботу. Тогда в итоге он нашел бы и без Бога именно то, чего он не смог найти вместе с Ним. Доколе, однако, существует Бог света, вечное беспокойство будет вноситься в область господства тьмы. Доколе Бог является Богом истины, Он будет вскрывать всякую несправедливость в царстве лжи. Доколе на основе Его вечной праведности можно найти истинную субботу, всякое царство несправедливости погубит само себя. В исполнении своих надежд и в завершении своего становления оно всегда найдет начало судов Божиих. Вот поэтому мир всегда строит без Бога, но строит для своего изгнания. Если даже он полагает, что нашел субботу своей культуры и рай своего мира, то тем не менее он всегда находится лишь накануне своих грядущих судов.

На почве истории мира не может быть иначе: только по-

средством всех катастроф и судов обнаруживается факт: "Я наг, и потому я скрылся". Скроется ли человек в своем знании или в своей культуре, в своих наслаждениях или в своей религии, тем не менее, с каждым приближением Бога он все более осознает свою собственную наготу и внутренне трепещет в сознании собственной виновности перед Грядущим. Знание его превращается в совесть, культура - в суд, жизнь наслаждений - в отвращение, религия - в порабощение.

"Кто сказал тебе, - спросил Бог человека, - что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?" Вот великий вопрос Божий, обращенный к первому человеку. Это вопрос и сегодняшнего дня. Он обращен к совести народов и государств, церквей и культур современности. Мы видели в предыдущей главе, какое внутреннее решение было сопряжено для человека с деревом познания. Это дерево вместе со своими плодами было одним из величайших и высочайших даров, который творение хранило в своей природе для человека. Бог же сочетал с плодом этого дерева определенное слово жизни. Но вот появился змей и сочетал с плодом этого дерева одно из своих лжеобетований. По повелению Божиему, человек должен был найти свою жизнь и свое глубочайшее познание "добра" и "зла" не в наслаждении плодом, а единственно в том, что он станет избегать его, удаляться от него. А вот, по евангелию змея, исполнение страстных желаний человека как раз и заключалось в наслаждении плодами дерева познания. Поэтому и должен был обнаружиться некогда тот факт, станет ли человек на сторону сопряженного с деревом откровения Божиего или же на сторону плодов дерева вместе со связанными с ними обетованиями.

Человек оказался на стороне голоса змея. Разве мир, человечество, разве и мы в наш христианский век не решались всегда свое высшее познание о "добре" и "зле" не в откровении Божием, а в дарах природы, творения? Не предлагается ли нам на наших церковных кафедрах и на других кафедрах естествознание в качестве более высокого евангелия, нежели полученное и дарованное через пророков Божиих человечеству откровение Божие? Не попускаем ли мы в своей общественной, государственной и политической жизни своим эгоистическим желаниям и вводящему в заблуждение национальному сознанию, отступив от света Божиего, решать вопрос о том, что "добро", а что "зло", что верно, а что неверно, что истина, а что ложь?

Всякий раз, как только человек вкушал от плодов этого дерева, он всегда неизменно находил смерть вместо жизни.

Познание его в оценке ценностей жизни было так омрачено, что он очень часто на своем языке называл тьму светом, а ложь правдой и в гибели искал жизнь, а от смерти ожидал будущего.

Голос Божий нашел не только виновных, но и обнаружил вину их. В Своей истине Бог не только разоблачил человека как грешника, но и вскрыл корни, которые привели к тому, что он оказался грешником. Ибо откровение Божие является тотальным в своем проявлении и всегда стремится к тому, чтобы завершить все дело в целом. Оно не ищет грешника ради только того, чтобы обвинить его за грех, но оно ищет его и ради того, чтобы избавить его от греха. В судах его над грехом всегда заключается благодать для грешника. Как часто Бог в Своем милосердии допускал, чтобы в жизни отдельных личностей и даже народов безвозвратно погибало в судах наказания все то, что в течение длительного времени проявляло себя в качестве причины гибели, в качестве препятствия в деле спасения человечества. И если даже человек тысячи раз надеялся на эту причину, чтобы в ней найти именно свою жизнь и свое будущее, то Бог тем не менее лишит его всех подобных причин посредством Своих судов, потому что Он лучше нас, людей, знает, что служит человеку к его истинному спасению и миру.

Как раз в этом так строго кажущемся образе действий Божиих в жизни отдельных личностей и в истории заключено гораздо больше благодати, нежели осуждение виновных. Так случилось однажды и на Голгофе: там произошел величайший суд над грехом, но там же проявилась и величайшая благодать для грешника.

Вместе с падением человека, вместе с его виновностью обнаруживается и весь объем искушения до самых его корней. Ответ Адама на мучительный вопрос Бога, касающийся его совести: "Не ел ли ты от дерева?" - звучал таким образом: "Жена, которую Ты дал мне, она дала мне от дерева, и я ел". Когда же Бог обратился к жене с не менее трудным вопросом: "Что ты это сделала?" - она ответила: "Змей обольстил меня, и я ела". Обольщенные окажутся однажды и непременно обвинителями своих обольстителей. Ассоциации на основе сатанинского вдохновения всегда оканчивались пред лицом Божиим и форумом истории обвинением обольщенных, направленных против своих обольстителей: "Змей обольстил меня, и я ела!" Если голос Божий достигнет падшего человека, то от света его не ускользнет никакая тьма. Он разрушит все иллюзии, он раскроет всякую неправду. Тогда раскроется всякое искушение и всякое обольщение, обнажая свою сокровенную сущность.

Затем Бог обратился к змею: "За то, что ты сделал это, проклят ты перед всеми скотами и перед всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту". Таков был судебный приговор Божий над первым обольстителем, который вдохновился евангелием искушения. Мы уже прежде высказали предположение, что змей, как творение Божие, как представитель животного мира, не был последним источником сатанинского вдохновения. Он оказался только воспринимателем и носителем евангелия обольщения, которое вдохновлялось из более глубокого источника. В противном случае змей оказался бы сатаной для человечества. Но именно этого Библия и не говорит. Все то, что находилось в сотворенном мире, в котором человек был господином творения, все, что прежде всего ожидало наступления утра субботы и дышало совершенством, - все это могло оказаться получателем и носителем откровения Божиего, а не источником сатанинского евангелия. Источник этот находился вне всякого творения, которое было "хорошо весьма".

Суд поражает змея именно в том отношении, в котором проявилась его виновность. Мы полагаем, что вполне можно допустить, что змей был самым разумным из всех животных, так что в своей одаренности он мог даже говорить с человеком и таким образом общаться с ним. Он обладал возможностью находиться в состоянии духовного обмена с господином творения, что недоступно было прочей твари. Суд Божий поразил змея именно в том отношении, в каком он согрешил тягчайшим образом. Он злоупотребил своей высшей одаренностью и способностью к духовному общению для искушения человека. С тех пор на основе суда Божиего он оказался самым одиноким среди всех прочих созданий Божиих. Своим одиночеством он вносит в мир на все времена вечную истину Божию, свидетельствующую о том, что все суды Божии всегда тяжелейшим образом постигают все то, чем наиболее злоупотребляют, чем чаще всего пользуются ради того, чтобы увлечь других в проклятие. Полученное благословение, которое обольщает других, превращается в осуждение для носителя его.

Далее подверглось осуждению и евангелие змея о наслаждении запретным: "И будешь есть прах во все дни жизни твоей", - так звучит приговор Божий.

Но глубже всего поражает змея приговор о вражде, положенный между семенем жены и семенем его. Под семенем змея

подразумевается коллективное понятие всего враждебного Богу, которое обнаружится в последующем ходе истории. Это враждебное Богу будет поражать в пяту семя жены, т.е. человечество во всей его совокупности, тем не менее семя жены растопчет его. Итак, змей становится символом вечного противника человека, заместителя Божиего на земле. Но в этой борьбе победит не он, змей, носящий образ зверя, а семя жены, человек, носящий подобие и образ Божий.

Христианское богословие всегда видело в этом месте Писания первое Евангелие откровения спасения. По этому Евангелию приговором над змеем закончится некогда борьба избавления, но не семени змея, а всего рода человеческого. Это поистине первая утренняя заря в той мрачной ночи истории, которую навлек на себя человек своим падением и в которую он, как первый Адам, увлек и все семя жены. Ибо с момента первого падения человека все человечество пребывает теперь в состоянии того первого падения.

Следующим виновником в течении всего падения оказалась жена. Приговор над ней звучит следующим образом: "Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою". Этот приговор Божий постигает жену в ее самом высоком призвании - в способности к материнству, в ее величайшей тоске - в желании быть женой, в ее самом высоком положении жены, стоящей рядом с мужем. Короче и правильнее мы не могли бы и в наше время изобразить подлинной сущности женщины и ее положения в браке и на общей почве человечества.

Судя по всему естественному расположению женщины, для нее нет большей радости, как радость, которую она находит в ребенке. Но эту радость она может приобресть только путем величайшей самоотверженности и самопожертвования. Каждые роды, которые дарят жизнь ожидаемому ребенку, могут означать для матери смерть. Ей не ведома поэтому другая жизнь, которая не была бы частицей ее самое и которая не была бы куплена жертвами ее мучений.

Этому соответствует и ее величайшее страстное стремление. В женщине так навсегда и остается что-то не нашедшее удовлетворения, если она не смогла оказаться женой. Пусть труд ее и положение в жизни предложат ей все, но ей прежде всего необходимо любить, если она встретит мужчину, к которому способна будет испытывать все свое почтение. Если мужчина ответит ей своей любовью, тогда никакая жертва не окажется для нее слишком большой, чтобы стать женой и матерью рядом

с мужем. И все же, как велико бывает ее ра зочарование, когда она становится женой! Начиная с этого времени, она может быть только женой, находящейся в зависимости от мужа. Свое положение рядом с мужем она должна покупать ценой своей постоянной зависимости от него. Всякое перемещение этих законов предопределения Божия приводят к противоположному тому, что женщина ожидала в браке.

И на почве плотской жизни человека необходимо, следовательно, сохранить сущность подлинного брака единственно путем подчинения этому откровению Божиему. В противном случае, брак перестанет быть браком, превратившись в половое сожительство, которое знакомо и животным. На истинный брак способен только человек. Спаянность между мужем и женой, освященность брака Богом тотчас же погибает, как только человек пожелает заменить откровение Божие, дарованное ему для спасения, евангелием зверя.

После жены приговор постиг и ее мужа. Бог коснулся мужа в том именно отношении, в каком заключалась и его вина. Допускают, что Адам получил повеление Божие не есть от плодов дерева познания еще до сотворения жены. Жена же узнала об этом повелении Божием из уст своего мужа. Когда же постигло искушение и обольстило жену своим обетованием, Адам, как господин творения, получивший это повеление непосредственно от Бога, должен был соответствующим образом послужить своей жене. Но и он подчинился искушению и обольщению природой и ее плодами. После того, как он потерял свое первоначальное положение, суд Божий раскрыл пред ним то положение, которое ему придется отныне занимать соответственно своей внутренней падшей сущности.

"Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: "не ешь от него", проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься".

Так прозвучал приговор суда Божиего над мужем. Область его господства, земля, была проклята. Благороднейшие плоды ее оказались поводом для обольщения человека. Теперь она теряет человека как своего властелина и господина, а он теряет ее как область своего владычества и господства. Сперва она своими плодами увлекла человека из его первоначального безгрешного состояния на почву плоти, а теперь он вовлекает

и ее в свое падшее состояние. Земля до тех пор может являться раем, доколе человек сохраняет свое подобие Богу и является господином творения, а не рабом его искушений. Когда же потеряно подобие Божие в человеке, и земля теряет свое райское лицо и свою творческую субботу.

Это то проклятие ее, которое она носит до тех пор и под бременем которого страдает до сих пор. Вот поэтому все творение с тоскою ожидает откровения сынов Божиих во славе. Все творение инстинктивно чувствует, что только с помощью "сынов" оно может возвысится в свое первоначальное состояние и вновь оказаться областью господства человека, там где опять начнется потерянная творческая суббота.

В настоящее же время поле земли продолжает рождать терние и волчцы. И человек вынужден употреблять всю свою силу для того, чтобы добывать из земли тот плод, который питает его. Вместо того чтобы посвятить все свое существование господству над землей, он превратился в раба собственных усилий в своей трудовой жизни. В поте своего чела он ест свой хлеб. Если же он ест этот хлеб не в поте чела, тогда он ест тот хлеб, который добыт потом его ближних.

В этом отказе земли превратиться в первоначальный рай опять-таки заключено скрытое благословение для человека в его нынешнем состоянии. Разочарование, которое земля приготовила ему, освобождает его в своих ожиданиях от ее власти над ним и понуждает его в страстной тоске искать утерянного положения сына. Если бы земля осталась раем, если бы продолжалась творческая суббота, тогда вместе с своей полнотой жизни и плодов она навеки возвысила бы падшее состояние человека и не препятствовала бы этому состоянию. Таким образом, основанием суда, произнесенного над мужем, была любовь, которая подвергла природу проклятию, чтобы человек искал пути к своему избавлению.

Итак, человек, отрешившись от откровения Божиего в раю и последовав за евангелием змея, увлек все в свое падение и в свою смерть: даже землю, область своего господства, и свой собственный организм, тело. С тех пор никакая сила творения не могла уже более возвратить ему того, что он потерял по голосу обольстителя, прельстившись творением и его дарами. Существовал только один путь вновь обрести сверхъестественное и Божие - это новое творческое дело Божие на почве человеческого падения. В то время как человек писал свою историю в духе своего падшего состояния. Бог начал в духе искупления Свою новую деятельность посредством откровения для спасения человечества.

4.Потерянный рай и начало истории искупления

Бытие 3,20-24

Откровение Божие всегда положительно, даже тогда и там, где оно вносит свои запреты. Оно всегда стремится давать, однако, только то, что соответствует роду его источников: свет от света Божиего, силу, несомненно, от силы Божией, жизнь от жизни Божией. Мы уже видели, какими последствиями обладает для человека его новое состояние, когда он уклонился от откровения с его запретами и открыл свое ухо евангелию твари. Он не только потерял свой собственный образ сына и субботний покой, но он и увлек всю землю, как область своего прежнего господства, в свое падение. Его личная потеря превратилась в проклятие для всей земли, но ее проклятие превратилось в благословение для него. С тех пор развитие земли является развитием потерянного рая. В то время как все ее скрытые силы воскресения ожидали только того момента, чтобы с помощью господства человека освободиться для строительства и завершения общего райского состояния, они вынуждены теперь по-прежнему бездеятельно покоиться, но уже в состоянии скованности, связанности, пока не появится тот человек, который окажется в состоянии пробудить их и овладеть ими для спасения мира.

Итак, с падением человека и с его историей началось то состояние мира, которое свойственно потерянному раю. Теперь на земле добиваются прав на существование все те элементы, которым прежде отказывалось в этом праве; они требуют себе места, потому что человек потерял свой рай и не в состоянии более возвратить прежней жизни и прежнего развития. Рай был насаждением Божиим, являясь образом для господства человека на земле, над миром. Рай не был самостоятельным творением природы. Поэтому она и поныне не в состоянии создать рая; только человек в состоянии внести в нее рай.

Когда человек после всех внутренних перемен своего состояния, после всех потрясающих переживаний, сопряженных с его падением, вновь посмотрел на свою жену, он назвал ее Ева /Хава/, "ибо она стала матерью всех живущих". Это имя оказалось первым результатом его внутренних переживаний во время милосердного откровения суда Божиего, который постиг его и его жену. В этом откровении Бог говорил о двух весьма существенных вещах: о детях и о смерти. В детях заключены жизнь и будущее. В смерти же ко всякой жизни приближается

тень несуществования, а также тень никогда не возвращающегося прошлого. Однако жене, несмотря на падение, сказано, что она будет рождать. В этом слове заключено обетование наследия и будущего для мира. С тех пор умирает каждый отдельный человек, а человечество в целом живет и умножается. Человеку-мужу сказано было, что он взят из праха и что он обратится в этот же прах. Однако в сыне своем он будет продолжать жизнь на земле, в том сыне, которого родит ему его жена.

Имя "Ева" /Хава/, т.е. мать всех живущих, было итогом первой радости и надежды человека, которую он черпал на почве своего падения, но из откровения Божиего.

После падения Бог не отверг жизни человека, Он отверг только его внутреннее состояние. Ни смерть, ни прочие потери, которые были сопряжены с падением, не в состоянии были вообще уничтожить жизни. Они должны были только разрушить те состояния, которые вытекали из исключительно плотской жизни, лишенной духа усыновления. Но эта жизнь обладала великим будущим: ей предстояло превратиться в новую базу действий для исключительного откровения Божиего. На основе вновь творящей спасительной деятельности Божией должен был появиться новый сын человеческий и соответствующий ему рай будущего.

Вот поэтому и исключительно плотская жизнь человека всегда так драгоценна в очах Божиих. Величайшему суду Бог подвергнет позже того человека, который разрушит эту жизнь. Сколько несчастий в человеческой истории можно было бы отвратить, если бы люди оценивали жизнь ближнего с точки зрения Бога! Потому что тот, кто губит жизнь ближнего, посягает на образ Божий в ближнем. Вот поэтому история никогда не оправдывала всего того, что было достигнуто по трупам ближних. Если, несмотря ни на что, человек продолжал упражняться в этом деле, он терял остаток своего человеческого подобия и опускался до уровня животного. Не потому ли повсюду в народах и в истории обнаруживается так много звериного характера, как только человек губит образ Божий в ближнем?

Однако, как ни странно, милосердие Божие еще глубже начало проникать в жизнь падшего человека. "И сделал Господь Бог Адаму и его жене одежды кожаные, и одел их". С потерей невинности пред Богом человек потерял и свою невинность перед ближним. Всякий грех уже отвратителен, как только он родился. И человек стыдится его, доколе совесть его не умерла. Муж и жена сами попытались прикрыть свою

наготу, однако сознание стыда осталось, несмотря на смоковные листья. Тогда Сам Господь Бог сделал человеку покрытые из кож. Он допустил, чтобы тварь перенесла муки смерти, только бы послужить жизни человека в его падении.

В этих действиях Божиих усматривают указания на возникновение последующих жертвоприношений. Нам же, однако, не следует упустить из вида того факта, что посредством этих действий Божиих все же не восстанавливается невинность образа сына в человеке. Наступившее господствующее состояние предоставлено теперь только терпению Божиему. По своей сущности жертвы не искупляют человека. Искупить человека в состоянии только творческие действия Духа Божиего. Поэтому и сегодня жизнь Церкви заключается не в Кресте Христовом, а в жизни и в силе Воскресения Христова. В Распятом проявились смерть и суд, в Воскресшем - оправдание и жизнь.

"И сказал Господь /Иегова/ Бог /Элохим/: вот Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно". Каким бы отрицательным ни казалось человеку это действие Божие, тем не менее, оно было весьма положительным по своему существу и цели. Не говоря о том, какие особые обстоятельства были сопряжены с этим деревом жизни, из действий Божиих следует, что Он увековечил жизнь посредством Своих плодов. Отняв у человека в его падшем состоянии это дерево, Бог засвидетельствовал о том, что Он не хочет увековечить только его нынешнего состояния. Дерево жизни должно было своими плодами подкрепиться и усовершать только ту жизнь, которая действовала в образе сына и которая дышала духом творческой субботы. Но Бог не мог Своими плодами увековечить чего-то, что внутренне не обладало больше частью в райском состоянии.

Сам Бог сказал, что Адам "стал как один из Нас", чтобы независимо "от Нас" знать, что такое "добро", и что "зло". Адам решился определять без Бога и без Его откровения, что окажется "добром, и что "злом" для него и его жизни. Но это в принципе жизнь без Бога. Однако в Адаме это состояние еще не достигло своего завершения. Но в Каине мы уже видим ужасный плод такого состояния; это состояние в Ламехе возвысилось уже до уровня тирана, а в Нимроде - до порабощения народов, в первом же Вавилоне оно пыталось создать вечную славу. Уже ближайшее развитие человеческой истории свидетельствует о том, куда увело бы будущее все человечество, если бы человеку дарована была возможность с помощью плодов природы увековечить свое состояние и свою телесную

жизнь. Поэтому милосердие Божие отняло у человека посредством своих судов только то, что лишило бы его и без суда навеки этого милосердия.

Как ни странно, но это милосердие еще глубже проникло в жизнь Адама. Оно отняло у него Едем, центральную базу его господства над землей. "И выслал его Господь /Иегова/ Бог /Элохим/ из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят". Человек, который в силу своего решения настроился самостоятельно определять, что "добро" для него, а что "зло", и Бог уже не может более оберегать посредством Своего откровения. Адам уже в раю доказал, что он не допустит, чтобы его оберегло слово его Творца. Таким образом, и сейчас совершенно недостаточно было бы запрещения Божиего не есть от дерева жизни. Вот поэтому Бог выслал человека из Едема. В своем падшем состоянии человек не в состоянии будет найти свой рай в раю.

История доказала, что люди тогда именно погибали скорее всего, когда они способны были окружить себя и свою жизнь без Бога внешней властью и блеском, когда они неограниченно предавались похотям плоти и наслаждались обеспеченным благополучием. Какой же благодатью Божественного управления миром оказывалось всегда впоследствии то обстоятельство, что Бог лишал народ именно того, что возвращало его и нравственно, и в общенародном смысле. Итак, на почве мира народов проявляются те же принципы милосердия, которые уже обнаружились в Едемском саду!

Поэтому в своем падшем состоянии человек находил, как правило, свое истинное спасение скорее в страданиях, нежели в наслаждениях, в лишениях, а не в похотях, в служении, а не в господстве, в нравственной борьбе, а не в заботах о похотях чувственной жизни, в жертвах, а не в славе. "Во благо мне была сильная горесть", - признается спустя тысячелетия благочестивый Езекия после своего исцеления от тяжелой смертельной болезни /Ис.38,17а/. И Иисус, как истинный Сын Человеческий и как Знающий вечную жизнь, свидетельствует: "Любящий душу свою погубит ее" /Иоан. 12,25/. Не доказано ли Царство Божие в ходе истории, какие победители, пророки, апостолы и носители милосердия как раз и могут созреть для блага человечества на почве тяжелейшей борьбы и самых разнообразных страданий! И не только потому, что сами они своей жизнью и служением представляли сад Божий, а еще и потому, что они формировали жизнь других в оазис в пустыне их временных условий. "Праведник цветет, как пальма, возвышается, подобно кедру на Ливане. Насажденные в

доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего. Они и в старости плодовиты, сочны и свежи, чтобы возвещать, что праведен Господь, твердыня моя, и нет неправды в Нем" /Пс.91,13-16/.

Однако любовь Божия проникла еще глубже. Она не только отняла у человека рай, изгнав его оттуда, но Бог "поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч, обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни". Пламенный меч, как символ человеческих страданий, и херувим, как символ присутствия Божиего, стоят у врат потерянного рая и препятствуют человеку в его падшем состоянии найти обратный путь к дереву жизни. Напрасно по сей день борется человечество за обладание тайной увековечить себя в своем нынешнем состоянии. Человек постоянно умирает. Умирает в собственно созданном раю. И как ни надеялся он раскрыть эту тайну средствами своей силы и богатством своих знаний, но так никогда и не смог сделать этого.

Тем не менее, каждое откровение Божие является тайным обетованием того, что человек посредством искупления вновь найдет то, что он тщетно ищет без искупления. Хотя это присутствие Божие в херувиме расположилось у врат рая, воспрещая человеку подойти к дереву жизни, оно же располагается и у врат сердца человека, возвышаясь над греховными бедствиями человека и ожидая того мгновения, когда Его откровение жизни вновь окажется для человека драгоценнее, нежели евангелие смерти зверя. Только тогда, когда оно окажется в состоянии жить в человеке, оно откроет пред ним врата рая и освободит путь к дереву жизни. Многие носят сияние вечности уже в своей смертной жизни, потому что присутствие Божие с откровением своей славы вновь может пребывать в их душах!

Итак, великие принципы первых трех глав книги Бытие являются вступлением к истории человечества. Многие относятся к ним с уважением, а почти еще больше высмеивают их. Источники их ищут в мифах того или иного народа. Но какие же это мифы, если они были способны начертать в общих контурах-принципах будущее истории человечества! Нет, здесь умолкает человек в своей мифологии, здесь говорит Бог в Своей теофании! Пусть многое еще остается для нас неясным, пусть многое представляется нам необъяснимым и слишком далеко ушедшим в прошлое, но мы видим, как Бог совершает историю мира и историю спасения в соответствии с великими основами откровения первых глав Библии.

Если Творец первого творения так сумел сотворить его, что Он оказался в состоянии завершить его посредством от-

кровения в течение Своей творческой субботы, то неужели Отец милосердия, Который "так возлюбил мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную", не сможет так усовершить Своего второго творения, чтобы оно, искупленное, оказалось в состоянии начать великую искупительную субботу завершения? Пусть мир тысячи раз рушится в своем собственном самоискуплении, мы верим в обетованное грядущее Царство совершенства Сына Человеческого, когда навсегда будет осужден образ зверя и навсегда восторжествует образ Сына. Тогда человечество воспоет новый псалом Богу и Агнцу: "Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! праведны и истинны пути Твои, Царь святых! Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобой, ибо открылись суды Твои" /Откр.15,3-4/.

Это будет субботнее состояние нового творения Божиего. В нем заключено все, что откровение Божие способно даровать человеку в Иисусе Христе в деле просвещения, оправдания, освящения и искупления. В своем падшем состоянии человечество все снова стоит перед тем древним решением, должно ли оказаться творческой силой, пребывающим содержанием и страстно ожидаемым будущим его жизни евангелия зверя с его лжеобетованием и несомненной смертью или откровение Божие с его вечным искуплением.

НОЙ И СУД НАД МИРОМ

Введение

Иисус сказал однажды Своим ученикам: "Но как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни пред потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, - так будет и в пришествие Сына Человеческого" /Матф. 24,37-39/.

Этими словами Иисус указал на внутренний характер и взаимосвязь, в которой находятся все времена судов Божиих с сопровождающими их катастрофами. Все они по своему существу родственны друг другу, все они вытекают из одного и того же вдохновения, все они сопровождаются одними и теми же опустошительными действиями и все они ведут к одной и той же гибели. Даже последний период судов, который обнаружит в будущем история мира, найдет свой прообраз в первом суде над миром, который уже пережило человечество. Это был потоп во дни Ноя.

Если же у всех мировых катастроф с их существенными определяющими чертами имеется так много внутреннего родства, то и вопросы, перед которыми ставит нас минувшее мира, и те могучие переживания, которые постигают его ныне, должны найти определенный ответ в первом суде над миром, который совершился во дни Ноя. Решающим в жизни всегда является лишь то, что думает Бог о всех великих мировых событиях, а не то, как судит о них человек. Только в суждениях Божиих способна наша душа даже в самых тяжелых своих вопросах приобресть пребывающий покой.

Поэтому тот, кто способен видеть свет Божий и понимать язык Божий, только тот получит на многие вопросы настоящего свет и ответ из этого библейского повествования о потопе, в котором нам сообщается о первом суде над миром.

Если посредством понятий, образов, событий, представлений, которые в нашем распоряжении, сообщить древнему миру тот понятный и доступный нам образ и понятную нам жизнь, тогда и мы окажемся в состоянии постичь ту давно минувшую эпоху в ее подлинном духе, в ее внутреннем развитии и в ее потрясающих катастрофах. Мы обнаружим внезапно внутреннее родство между великим и уже ушедшим прошлым и еще гораздо более великим настоящим, притом так как никогда не предполагали этого и не предвидели этого. Давно погибшее прошлое предстанет пред нами в своих духовных принципах и в своих культурных достижениях в качестве дивного откровения Божиего для нашего настоящего времени. То загадочное, что не

воспринималось нами прежде, то непонятное, что отличает нашу нынешнюю эпоху, найдет такое простое объяснение в свете минувшего.

Однако перенесение образов должно быть исключительно внешним, чтобы прошедшее предстало пред нашей душой как вполне понятный нам исторический организм и чтобы светом своим оно послужило нам для лучшего понимания настоящего. Поэтому автор этих строк совершенно далек от того, чтобы внести что-то чуждое во внутреннюю сущность и в духовный характер той эпохи, чтобы не исказить ее подлинного духа. Необходимо ведь посредством внешнего изображения охватить именно то имманентное и определяющее для того времени и его духовных носителей, чтобы затем уже в свете его научиться понимать и наше время в его глубочайшей сущности.

Так, например, толкование имен отдельных личностей и носителей тогдашней истории не всегда всецело сочетается с характером и деятельностью их, а также с тем, что мы решаемся извлечь из наименований их, глядя на их же жизнь и их характер. Но имена по своей сущности, совершенно независимо от носителей их и образа их мышления, являются дивным истолкователем направления духа своего времени; они же представляют нам возможность заглянуть в душу тогдашнего мира.

Я надеюсь послужить борющимся, уставшим и разочарованным почерпнутым мною светом из Священного Писания. Я хотел бы однако, связать свои слова с одной просьбой: пусть всякий истинный луч света, который для спасения человека может вспыхнуть в его душе, сам приведет его к тому источнику света, который некогда Даниил прославил словами: "Да будет благословенно имя Господа от века и до века, ибо у Него мудрость и сила; Он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей, дает мудрость мудрым и разумение разумным; Он открывает глубокое и сокровенное, знает, что во мраке, и свет обитает с Ним" /Дан.2,20-22/.

I. РАЗВИТИЕ КАИНОВОЙ КУЛЬТУРЫ

1.Каин и Авель - прототипы человеческого настроения сердца

Бытие 4, 1-2

Мир наш всегда приходил через могучие потрясения и суды. Подобными катастрофами он был освобожден от всей старой культуры для новой. Потому что до сих пор величайшие исторические кризисы и перевороты всегда совершались в культурных центрах истории. Поэтому история мира - это потрясающий дневник судов над миром.

Об этом свидетельствуют также и такие могучие события, которые совершались в эпоху Ноя. Тогда погибло великое прошлое с его внутренним и внешним развитием, а Ной в свое время вместе с своим семейством перемещен был в новый и очищенный судами мир. Те же волны суда, которые погубили старый мир, перенесли его в тот новый, который во всех своих областях ожидал его служения и господства. Избавленный человек должен вновь превратить избавленную землю в арену действий Божиих и в храм Божественного откровения и славы. Ною предстояло даровать земле тот временный покой, которого с такой страстной тоской ожидал уже его благочестивый отец Ламех и который поэтому решился дать своему первенцу в надежде на приближающееся исполнение своих ожиданий такое многообещающее имя Ной, т.е. покой".

Сегодня эпоха Ноя со всеми своими потрясающими событиями предстает перед нашим поколением как один из древнейших и могущественнейших свидетелей как праведности Божией, так и милосердия Божиего, проявленного в развитии человеческой истории. Праведность Божия проявилась как спасающая благодать и положила в Своих судах конец противной Богу культуре и вообще противному Ему развитию мира; милосердие Божие также проявилось в своей полной справедливости и спасло Ноя для строительства нового будущего на очищенной судами земле.

Разве эти могучие события не бросают дивного света на потрясающие катастрофы судов и нашего нынешнего периода истории? Разве в спасении Ноя не заключено драгоценное пророчество Евангелия для всех, которые сегодня после всех переживаний бедствий вместе с Ламехом страстно ожидают новой эпохи Божественных утешений и покоя для прошедшего опять через суд над миром человечества?

* Бытие 5,29. Ламех назвал своего первенца Ноем. Ной - это достигшее покоя и цели движение. Ламех хотел сказать: "Бедствием является не то, что мы вынуждены двигаться; оно заключается в том, что мы движемся бесцельно и устаем без цели и благословений".

Чтобы понять первый суд над народами, над миром, о котором Библия повествует нам в истории потопа, нам необходимо вернуться к его происхождению. Оно заключалось в духовном направлении Каина. Тот древний мир, в котором жил Ной и который подвергся однажды гибели, носил в своем внутреннем духовном направлении и в своем внешнем культурном

развитии знамение Каина. Не Авель, а Каин положил на тогдашнюю жизнь свою печать и отпечаток своего характера. Из духа его вытекало вдохновение, которое сообщило направление всей жизни и культуре того древнего мира. Потому что во все времена достижения культуры, возникавшие в течение целых столетий, являлись не чем иным, как воплощением той духовной жизни, которая двигала носителями и творцами ее. Кто же был этот Каин, этот духовный отец древнего мира культуры? Об этом свидетельствует нам в захватывающем изображении четвертая глава книги Бытие.

Имеется не много отрывков в Библии, повествующих о той потрясающей истине и о таком "страшном насилии", как повествование об Авеле и Каине. Каждая отдельная черта показывает нам оба великих направления и обе духовные формы жизни, которые история мира всегда усвоила в своем развитии. Оба, - и Каин, и Авель, - были представителями различных по своей сущности настроений и направлений духа. Они представляют собой два типа духа, которые всегда развиваются на почве согрешившего человеческого рода. Каин оказался в истории носителем плотского, а Авель типом духовного образа мышления и настроения. Несмотря на свое интеллектуальное развитие, на свой культурный прогресс, на все свое религиозное стремление, на свою глубочайшую сущность, человечество по сути дела никогда не выходило за пределы этих двух основных направлений. Во все времена человек был в настроениях своего сердца, в своих жертвоприношениях, в своих культурных достижениях или Каином или Авелем.

Когда Адам познал свою жену и она зачала, родив своего первенца, она назвала его в своей первой материнской любви и радости "Каином", т.е. самодостигнутым, самоприобретенным. Потому что она сказала: "Приобрела я человека от Господа". Каин являлся для нее первым плодом пребывающей в ней материнской силы, которую она приобрела благодаря помощи и содействию Бога. Когда она в первой своей материнской радости увидела мужское естество, которое она приобрела, благодаря отдаче своих сил в качестве своей "самой собственной" соответственности, очевидно ее материнское "чувство" повысилось до ложного "самочувства". Правда свой первый плод своей жизни она не стала приписывать единственно собственным способностям, она увидела в нем и содействие Бога. Но в наименовании его высказалось, однако, пусть даже и несознательно, уже наступившее омрачение помышлений сердца, которое позднее завершилось у Каина сознательной враждебностью

против Бога. Если бы Ева жила в неомраченном общении сердца с Богом, она, получив первый и величайший дар, который мать приобретает в своем ребенке, меньше помышляла бы о заслугах своей собственной силы, а больше о Боге и о тех высоких задачах, которые всегда сопряжены с даром Божиим!

Материнское возвышенное чувство основано на материнской любви. В нынешнем творении нет решительно ничего, что можно было бы считать в большей степени своей собственностью, нежели ребенок для матери. Вся ее любовь и все ее силы участвуют в происхождении ребенка. И какое же материнское сердце не возлагало всегда больших надежд на свое дитя? Поэтому не исключено, что и Ева в своей первой материнской радости словом "от Господа" хотела выразить свою надежду на будущее своего первенца. Почему же она не могла ожидать того, что Господь непременно будет с этим таким чистым в своем начале и таким невинным сыном, чтобы он, как обещанное семя, нашел обратный путь к отцовскому сердцу Бога и чтобы он приобрел силу и власть сокрушить меч херувима у входа в потерянный рай?

Первые родители потеряв рай, все же не теряли воспоминаний о нем и той страстной тоски вновь приобресть его. Однако по их же собственной вине наступившее состояние воспрепятствовало им найти обратный путь к нему. В своей изменившейся природе они тщетно искали ту силу, которая могла бы сокрушить пламенный меч херувима и господство смерти, чтобы освободить путь к потерянному райскому состоянию. Почему же тогда они не могли предполагать, что ' именно в этом невинном ребенке в будущем исполнится все то, о чем они тщетно тосковали для себя лично - возвращение потерянного состояния "от Господа"?

Но вот Ева, мать всего живущего, была первой, которой пришлось испытать тяжелейшие разочарования в своем ребенке. Как часто мы напрасно ищем причины того, почему из крохотного нового существа появляется в один прекрасный день нечто совершенно иное, нежели решалась предвидеть материнская любовь и материнская надежда. Родительское сердце слишком легко забывает о том, что человек становится не только тем, что он получил от родителей и чем владеет, как наследник, по своему природному расположению, но, располагая полной свободой воли, он может принять решение, другое по смыслу, и оказаться или рабом земли, или рабом Божиим.

Когда Ева родила второго сына, она назвала его "Авель", т.е. дуновение, преходимость. Мы не знаем, сколько уже времени миновало с момента рождения Каина, но, несомненно,

жизнь ее обогатилась некоторым серьезным опытом. В ней не было уже прежнего гордого чувства собственного достоинства, которое наполняло ее материнское сердце при рождении первого сына; глядя на второго родившегося сына, она испытывала гнетущее чувство ничтожества все существующей жизни. После же того, как она все более и более постигала обнаженную действительность своего нового состояния после падения, после того, как она вместе с Адамом увидела, что окружена обилием бедствий и забот, то чем дальше, тем более меркли ее высокие надежды, и ее материнская душа все более наполнялась сознанием полнейшего ничтожества всего существующего. Это подавленное настроение ее души нашло свое выражение и в наименовании второго родившегося; вот поэтому она и назвала его "дуновением", "преходимостью".

Собственно, Еве, как матери всего живущего, предстояло еще испытать много более глубокого и более тяжелого. Рождением своих обоих сыновей она дала двум новым мирам жизнь и существование, которых не могли уже уничтожить ни будущее, ни смерть. В них в будущем могло обнаружиться или небо, или ад, или носитель жизни, или носитель смерти". Она не могла бы даже предположить, что разочарования ее окажутся однажды более горькими, а явление смерти в нынешнем состоянии жизни - гораздо более осязательным и что носителя вечной жизни однажды погубит грубая сила Каина, носителя смерти, так что носитель вечной жизни должен будет покинуть арену посюсторонности. Она не могла бы предположить, что ей придется быть первой матерью, душу которой однажды пронзит меч.

Несмотря на то, что оба отрока были сыновьями одной и той же матери, жизнь их приняла совершенно разные направления. В первой паре братьев уже обнаружились те два духовных направления, которые со временем проявились в истории во всех областях жизни в самых различных формах. Чем дальше, тем очевиднее Каин развивался в направлении плотского, т.е. исключительно животного, свойственного творению образа мыслей и взглядов; Авель, напротив, жил в духе зависимости от Бога и преданности Богу. Первый во всем своем богослужении никогда не выходил за пределы плотского образа мыслей, культивируемого религией; второй же в своем жертвоприношении выражал сокровенное общение сердца с Богом.

И все же оба брата жили в теснейшей взаимосвязи друг с другом, как ни велик и ни глубок был между ними контраст в характерах, в образе мыслей и в направлении духа. Удивительно, что Бог и в наши дни допускает это сосуществование плотского и духовного образа мыслей. Несмотря на то, что

ничто в мире не способно перебросить мост над пропастью, разделяющей эти два различных образа, тем не менее они всегда развиваются рядом друг с другом, пока каждый из них не достигнет своей зрелости.

Это существование плоти и духа в истории развития человечества превратилось для некоторых в тяжелейшую проблему.

Какими только путями и средствами ни пользовались, все они не привели к разрешению ее. Как часто мужи Божий в своем страстном стремлении ожидали такой духовной жизни, которой свойствен был бы и которой владел бы Божий образ мышления притом в такой степени, чтобы она всецело была освобождена от всего плотского. Как часто пытались создать такое же чистое общее жертвоприношение за весь народ, какое представлено в служении Авеля.

Можно понять это страстное стремление. Кто однажды постиг величие поклонения Богу в духе и истине, кто устал от всех оказавшихся плотскими религий, тот поймет душу, которая тоскует по наступившему уже в настоящем возможно

* "Смерть" на языке Библии - это не разложение, не тление, не уничтожение личности, а название состояния без Бога, продолжающееся существование в настоящем ли, в будущем ли, но без блаженного общения с Богом.

и длительному состоянию чистого духовного настроения сердца, благодаря которому всякое религиозное упражнение является только тем неомраченным и непосредственным общением души с Богом, которое отражается в общении сына с отцом.

Но какое бы не создавалось общение святых, однажды все-таки обнаружится, что рядом с Авелем стоял у жертвенника и Каин и в своем собственном духе приносил Господу жертвы. Некоторые полагали найти решение создавшейся проблемы в бегстве от жизни, в исключительно внешнем изолировании. Однако плотской образ мышления не опасался ни одиночества, ни пустынь, он находил доступ даже в самые закрытые монастыри. Плотской и духовный образы мышления - это не только два различных мира вне нас, но это два мира и в нас. Прежде всего заметим, что оба эти образа мышления не являются вопросом места, а вопросом состояния, они не особенно зависят от условий, окружающих нас, а от настроений, пребывающих в нас. Духовный образ мыслей - это не что иное, как та жизнь, которую Бог силен произвести в нас посредством Своего Духа. Однако кто уклоняется от общения сердца с Богом, кто живет собою, кто сам себя удовлетворяет, тот остается плотским по

образу своих мыслей и по жизненному направлению даже в самом святом окружении.

2. Первые жертвы

Бытие 4,3-4

Так как Каин и Авель носили в себе два совершенно различных мира, поэтому они были так различны в своей жизни и в своих действиях. Это обнаружилось особым образом, когда оба они принесли свои жертвы пред Господом. Писание сообщает нам о них следующее: "Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли /адамах/ дар Господу /Иегове/. А Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь /Иегова/ на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел" /Бытие4,3-5/.

В приношениях обеих этих жертв обнаружилось различное по существу направление духа этих первых двух братьев пред Богом. Внешне могло казаться, что оба они находятся в одном и том же отношении к Господу. Ведь оба они совершили жертвоприношение, оба они приступили с своими дарами к жертвеннику пред Господом. Однако Бог судит о даре в соответствии с образом мыслей того, кто стоит позади своего дара. Ведь жертва издревле является языком души. Посредством дара человек всегда выражал все то, что он всегда носил, хранил и получал в своей сокровенной сущности. Вот поэтому жертва такая же древняя, как и человечество. Оно не могло существовать и никогда не сможет существовать без своих жертвоприношений, посредством которых оно пытается выразить свою глубочайшую сущность пред Богом. Однако, чем духовнее человек по своему образу мышления, тем менее он будет пытаться выразить свое жертвоприношение вне себя, т.е. посредством какого-то дара. Он принесет в дар самого себя. Если бы нам даровано было право облечь Каина теми преимуществами и правами, которые позднее будут принадлежать каждому первородному, то он, как первородный, не только обладал бы правом, но и был бы обязан принести жертву хвалы не только за себя самого лично, но он должен принести ее за весь свой дом, в том числе и за своего младшего брата Авеля. Вот поэтому, вероятно, прежде всего, сообщается нам о Каине, что он пошел и принес Господу жертву хвалы от плодов земли. Жертва означена здесь словом "дар", который Каину предстояло принести как выражение своего преклонения перед Творцом. Потому что, хотя с момента падения в раю для человека наступило совершенно новое состояние в жизни, тем не менее, общение с

Богом не было прервано сразу же и всецело. И Каин вначале общался с Богом; он потерял это общение только после второго своего падения, тогда, когда сознательно ушел от лица Господа.

Несмотря на последующий храмовой культ, выражение "дар" обозначает также и тот дар, который подчиненный приносил начальствующему как знак уважения.

Этот род приношения Каин избрал сам себе, когда благословение полей его и умножение стад Авеля явились для него внешним поводом для принесения этой жертвы хвалы. Однако он принес свою жертву от плодов своих полей, не сделав при этом соответствующего случая выбора. Душу его вполне удовлетворяло "нечто", что он принесет Богу, и та внешняя форма, посредством которой совершится это приношение. Жертве Каина недоставало языка души: он жертвовал, но без отдачи, он чтил, но без подчинения, у него был дар для Бога, однако, только "кое-что", "нечто".

Каин был первым религиозным человеком, который пытался лишь внешне служить Богу, не упражняясь во внутреннем общении с Богом. Он вполне довольствовался тем, если принесет Богу дар от плодов земли /адамах/, сохраняя при этом для себя самого свою жизнь с неизменным образом действий, мышления и настроений. Поэтому он является отцом той бездушной религиозности, которая и в наши дни предпочитает избрать себе форму хвалы, не прославляя Бога, которая направляется к жертвеннику, не совершив отдачи души Богу.

Все человеческие религии рассматривают общение человека с Богом как нечто отдельное от жизни, полагая, что это нечто случайное дополнение к обычным обстоятельствам жизни. Бога хотят удовлетворить отдельными достижениями, случайными жертвоприношениями, определенным числом молитв, священными праздниками и многим другим, не задаваясь вопросом, является ли вся жизнь их во всей совокупности своего многообразия действительным выражением живого богослужения.
Это хвала Богу, которая приносит плод земли, не принося себя как чадо Божие.

Когда Авель пошел тем же путем жертвоприношений, он взял в качестве жертвенного дара самое лучшее из первородного своего стада. На "жертвенном" языке души приношения первородного означает всегда заместительное посвящение всего. Кто приносит первенцев и самых лучших, тот выдвигает на передний план свои отношения к Богу. Такой душе не ведома религия, которая вне его жизни. Для него вся жизнь - богослужение, которое не ограничивается храмами и алтарями,

священными временами и действиями. "Приносить жертвы - значит входить в вечную жизнь от Бога. Не животное, а себя приносит в жертву приносящий жертву. В животном он умерщвляет себя, чтобы получить, приобресть жизнь от Бога; человек отдает себя и предает себя Богу, чтобы Бог освятил и посвятил его и чтобы ввел его в круг Божественной жизни на земле".

В этом духе внутренней преданности и отдачи Богу Авель избрал свой жертвенный дар и путем жертвоприношений направляется к жертвеннику. Хотя он мог ожидать, что он уже включен в жертву Каина и представлен в ней, все же он чувствовал потребность путем своей собственной жертвы выразить все то, что двигало его душой в его отношениях с Богом. Очевидно, он не видел в жертвоприношении своего старшего брата выражения своего собственного образа мыслей и настроений, поэтому и он пошел и выбрал себе тот жертвенный дар, который более соответствовал настроению его сердца. Итак, в жертвоприношении Авеля заключался молчаливый протест против преимуществ Каина в вопросе первородства. Призрев на дар Авеля, и не призрев на дар Каина, Бог удостоверил преимущество Авеля и отверг Каина.

Разве тысячелетия в своей такой богатой истории не оправдывали всегда Господа в том, что Он не призрел милостиво на Каина и на дар его, а призрел на Авеля и на дар его? Как часто случалось особенно в интеллектуальной и материальной областях, что обладающий преимуществами, первородный, получивший вдвое больше всего того, что получили остальные из того, что жизнь предлагает в качестве наследия, является совершенно неспособным для того, чтобы младший посвященнически представлять пред Богом. Удивительно ли, если поэтому Бог в Своей вечной суверенности и в Своем милосердии лишил первенцев венца, повесив его сперва в Своем храме для воспоминания, пока не находились личности, которые способны были как первенцы носить оба венца?

До Христа это случилось среди даже самых лучших сынов Израиля лишь в ограниченной мере. Только когда явился Он, Сын, ожидаемый Мессия, Царь Псалмов и пророков, тогда увидели Того, "Первородного", Который мог взять из святилища оба венца, чтобы украсить ими Свою жизнь и Свое служение на все века /эоны/.

Он "купил нас Богу" в силу того же права первородства и призвал нас к тому, чтобы и нашу жизнь и наше служение, как и тех, что наследуют Ему по рождению, украшали те же оба венца. Именно в этом духе пишет великий апостол этого Царя

священников о нашем призвании и избрании: "Ибо, Кого Он предузнал, тем и предопределил /быть/ подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями" /Рим.8,29/.

3. Непреложный ответ Божий

Бытие 4,4-7

Языку души в принесенных жертвах соответствовал и ответ Божий. Оказывается, и для Бога имеются внутренние обязательства, которых Он не может не отменить, ни обойти ради Своего собственного достоинства и сущности и ради спасения человека. Он никак не может вознести до уровня рая тот ад, который человек создал себе без Бога; Он не может оправдать греха, который переместил человека в вечное состояние смерти, так что человек, чем дальше, тем сознательнее борется против Бога и всего, что принадлежит Богу.

Когда оба брата предстали пред Богом, принося свои жертвы, "призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел" /Бытие 4,4-5/. Не сказано: Бог призрел на дар Авеля, а на дар Каина не призрел, но сказано: Бог призрел на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Существенное различие заключалось в настроении и в образе мыслей сердца жертвы, а не в самих жертвах. Несмотря на свою жертву, Каин находился в таком внутреннем состоянии пред Богом, которого Бог не смог признать и не мог оправдать. Жертва его не говорила ни о тихой сокровенной тоске по Богу, ни о сознательной внутренней отдаче Богу. Вот поэтому Бог не мог призреть на его жертву и не мог услышать его; в даре его говорила только видимость, но не говорило дело, там говорила форма, а не душа, только обязанность, а не отдача. Как в образе своих мыслей, так и в жизни Каин не общался с Богом, вот поэтому и Бог, несмотря на принесенный дар хвалы, не мог вступить в общение с ним. Душе Каина недоставало духовного резонатора для истинного общения с Богом. Еще никогда приношение жертв не представляло собой для Него какого-то значения, если в жертве не выражалось глубочайшая сущность приносящей ее личности /Евр.10,5-7/: Бог может отвечать только тому, у кого символические действия являются не чем иным, как языком веры.

Таким языком говорил дар хвалы Авеля. Вот поэтому Бог ответил на его жертвоприношение, выслушав его, т.е. Бог раскрылся ему в Своем Божественном благословении. Бог от-

крывается в полноте Своей Божественной жизни только тем, которые на основе истинного познания обладают сокрушенным сердцем и смиренным духом.

Когда Каин увидел, что Бог не оправдал его посредством его дара, он "сильно огорчился, и поникло лице его". Дословно: все весьма "воспламенилось" в Каине, потому что отношение Бога к его жертве вызвало в нем чувство возмущения. Религиозность, соблюдаемая в плотском образе мышления, чувствует себя всегда раненной, когда Бог или человек решаются подвергнуть ее критике. Жертвенное служение Каина и его плотское благочестие не могли выносить наставления свыше. Дух Каина довольствовался самим собой и в своей религиозности не зависел от Бога.

С внутренним возмущением у Каина сочеталось и чувство подавленности. Взор его поник, потому что Каин явно чувствовал, что Бог понял его внутреннюю сущность. Всякая мнимая святость теряет свой открытый взгляд, как только видит, что ее внутренняя неправдивость обнаружена. Как только лицемер узнает, что за ним наблюдают глаза, которые в состоянии отличить видимость от подлинной сущности, он тотчас же теряет все средства, которыми пользовался для того, чтобы скрывать свою внутреннюю отвратительность.

Такие мгновения разоблачения всегда обладают решающим значением для тех, кто в своей внутренней жизни, в жизни лжи приносит Богу свои жертвы хвалы. Если до сих пор они, может быть, и несознательно шли путем ложного благочестия, то отныне они вынуждены совершенно сознательно приносить свои жертвы или в прежнем духе лицемерия, или менять образ своих мыслей и настроений, чтобы служить в духе и истине.

Таким образом и Каину тогда открылись два пути: путь к жизни и путь к смерти. Явно, что он чувствовал внутреннюю необходимость решиться на первый из них или избрать второй. Бог обнаружил полноту противоречий в его действиях, а потому и обличил Своим светом его ложь, чтобы и он приобрел возможность сознательно освободиться от нее. Потому что Бог не окончательно отверг его. Конечно, Бог не может оправдать образа мыслей Каина и того, что он с таким образом мышления приступил к жертвеннику, принеся свой дар хвалы. Точно также, оставаясь в таком настроении сердца, Каин никогда не смог бы быть духовным вождем и священническим представителем своих братьев. Чтобы оказать своим братьям такое служение пред Богом, необходимо было гораздо большее, нежели только исключительно плотское достоинство первородного. Соблюдаемое в плотском образе мышления благочестие никогда не

сможет представлять ближнего пред Богом, даже если оно полагает, что на основании рождения и своего положения оно обладает определенными правами на это. Полномочия для того, чтобы посвященнически представлять своих братьев и служить им, не могут быть унаследованы по природе, они не приобретаются и посредством внешнего посвящения, потому что это духовные харизмы той личности, жизнь которой становится священнической благодаря общению с Богом.

Но вот такого общения не было в жизни Каина, поэтому и жертва его хвалы была неприемлемой Богу. Поэтому Бог окончательно отверг эту жертву, а вместе с ней осудил и образ мышления Каина, но не самого Каина. Более того, тот факт, что Бог не призрел на дар его, еще в большей степени означал для него благодать для жизни, нежели осуждение для смерти. Бог вскрывает в Своей святости, чтобы осудить, лишь то, что отделяет нас от Его Божественной сущности. Именно в этом обстоятельстве и заключалось для Каина спасение, когда Бог не призрел на дар его, сказав ему: "Почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним" /Бытие4,6-7/.

Всякий внешний или внутренний дар благословляет или обольщает нас, возвышает или порабощает нас, становится для нас средством служения Богу и ближнему или становится для нас сетью, которая приводит нас к новому падению.

Особым даром в этом случае было достоинство первородного Каина. В этом привилегированном положении заключались и его нравственные обязанности по отношению к его родившимся после него братьям. Итак, его жертва хвалы должна была обладать заместительным значением и для Авеля. Однако Авель не чувствовал духовного родства с образом мышления и с настроением Каина. Вот поэтому он пошел и принес свою жертву, на которую Бог мог ответить. Он увидел, что Бог оправдал его, Каин же увидел, что Бог отверг его дар.

Не меньшее хотел Бог сказать Каину Своим словом. Он должен был постичь свое подлинное положение и свой образ мышления, а затем на основе только что приобретенного опыта совершенно заново перестроить свою жизнь. Это могло бы совершиться лишь в том случае, если бы в духовном образе мышления Каин оказался бы хозяином всего, что доверила ему жизнь в качестве наследия.

В этом тексте употреблено здесь слово "грех", но оно обладает здесь в несколько большей степени общим значением

понятия чувственности, т.е. чувственно-ощущаемого. Каин был погружен в это чувственно-ощущаемое, и оно, предъявляя ему свои требования, подстерегало его у двери его жизни.

Эта чувственность, это чувственно-ощущаемое губит и порабощает человека, как только он достигает господства над ним и как только человек занимает ложное и не желаемое Богом положение по отношению к нему. Из всякого ложного отношения человека к миру чувств рождается грех. Брак, например, является самым святым и самым высоким, что природа могла даровать человеку в наследие, но он превращается в ад, как только более низменная плотская чувственность обладает человеком в браке. У жизни такой избыток благ, которыми она хотела бы одарить человека, но все они порабощают его и похищают у него душу, как только он займет ложное положение по отношению к ним. Всякая алчность рождается из ложного влечения к обладанию; всякая жестокость по отношению к ближнему возникает тогда, когда материальные преимущества оценивают выше, нежели брата. И так во всех областях жизни.

Итак, всякий грех является некоторым порождением, обнаруживающимся плодом какого-то "брачного союза". Всякий ложный союз нашего духа с чувственно-ощущаемым в жизни приводит всегда к какому-то греху. Мы полагаем, что в таком именно смысле и следует понимать это не легко переводимое и объяснимое место. Мир, которым мы овладеваем, в духовном образе своих мыслей и настроений, служит нам буквально всем, что только он в состоянии предложить нам. Овладевший же нами мир обольщает нас, даже и в области самого высокого и самого чистого, которое заключается в нем. Творение Божие становится для нас вместе со всем своим богатством, не поддающимся учету источником благословений, садом Божиим, в котором мы видим славу нашего Бога, если только мы владеем этим творением в угодном Богу образе мышления и настроений. Но как только человек теряет венец господства над ним, оно тотчас же приобретает возможность во всей его полноте занять ложное положение по отношению ко всем благословениям, которые оно в состоянии предложить человеку.

Таков грех, о котором говорит здесь Господь Каину в следующих словах: "Он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним". С помощью выражения "грех" Бог определяет здесь тот мир с его дарами и очарованием, который окружил Каина и который непременно должен был привести его к падению, если только Каин не овладеет им в угодном Богу образе мыслей и настроений.

Человек, созданный по образу Божиему, на основе своего существа призван к тому, чтобы овладеть миром, чтобы облагородить его в то царство Божие, в котором все в своем служении будет обнаруживать какую-то долю славы Божией.

Однако человек окажется способным для такого владычества только в том случае, если в своей жизни он сам превратится в храм Божий. Поэтому только тот всегда сможет занять правильное положение по отношению к миру, кто прежде занял правильное положение по отношению к Богу. Как только человек потеряет свое правильное отношение к вышнему миру, он тотчас же теряет его и по отношению к нижнему. Или же творение в своем страстном стремлении по господству Божиему приобретает покой в человеке, который, овладев им, ведет его навстречу его Божественному предназначению, или же человек находит свой покой в творении, но тогда уже оно даже в области того самого высокого, что оно в состоянии было бы предложить ему, превращается для него в ад.

Потому что тогда, когда Бог, создавая человека, искал образ и подобие, по которому Он мог бы сотворить его, Он не нашел его в творении, а потому и сотворил его по Своему образу и Своему подобию. Вот поэтому человек так сотворен в своей сокровенной сущности, что он не в состоянии найти покой и блаженство в творении, а только в Творце. Всякое внутреннее отклонение человека от своего предопределения, влекущего его к Богу, приводит его в грех, благодаря злоупотреблениям дарами творения, и в ад, который он переносит, оказавшись в порабощении у творения.

4. Роковое решение Каина

Бытие 4,8-15

Каин находился на пути внутреннего отклонения от Бога, когда Господь нашел возможность в его же жертвоприношении хвалы поставить его перед решающим выбором - избрать жизнь или смерть. Каин избрал путь смерти. Полученный свет Божий оказался для него поводом сознательно лишить себя этого света и остаться в прежнем собственном образе мышления и настроений. Нам явно это из следующего события. После того, как Бог закончил Свою беседу с Каином, Каин вступил в разговор с братом своим Авелем. Нам не сказано, что Каин сказал Авелю, но можем предполагать, что он все же рассказал ему о том, что сказал ему Бог. Следующее предложение повествует нам затем о том самом ужасном, что произошло, о том, что Каин убил своего брата на поле.

"И сказал Каин Авелю, брату своему. И когда они были в

поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его".

Несмотря на полученное откровение Божие, Каин ушел от лица Божиего, не склонившись в своем внутреннем состоянии пред Богом. Он не мог оправдаться пред Богом посредством своей жертвы, но теперь он решил собственными кулаками оправдать себя самого перед своим братом. Каин вознегодовал на Бога и согрешил против ближнего своего, которому призван был служить превосходством своей силы.

Таков всегда был в истории путь самоизбавления, который избирало себе живущее в духе Каина благочестие. Когда бездушная религиозность видела, что ее судят жертвы, приносимые другими в духе и истине, она всегда принималась в силу своего привилегированного положения за находящиеся в ее распоряжении средства и убивала своих братьев. Так благочестие Каина приготовила роду Авеля путь страданий, которым прошел и Находящийся в среде Своих братьев, жертва Которого говорила лучше, нежели жертва Авеля. Каиново благочестие не могло выносить того, что однажды в своем первородном достоинстве оно было отодвинуто в сторону жертвой Авеля. Оно возмутилось против Бога и убило рядом приносящего свой дар более слабого брата. Были ли это синагоги или церкви, императоры или священники, но когда плотскому благочестию не достаточно было "духовных" средств власти, оно обычно протягивало свою руку к государственной власти и сооружало для поклоняющихся в духе и истине темницы и костры.

Так и Каин полагал, что он должен кулаком отстоять перед братом свое первородство и свои жертвоприношения перед Богом, однако ни Бога, ни Авеля нельзя было заставить молчать внешними средствами власти. С тех пор они еще громче, нежели прежде, стали говорить в совести Каина. После совершившегося ужасного дела Бог спросил Каина: "Где Авель, брат твой?" И Каин ответил: "Не знаю; разве я сторож брату моему?"

Где брат твой Авель? Это волнующий вопрос Божий, который никакие средства мира не смогли заглушить в совести Каина. Также и в совести тех государств и церквей наших дней, которые пытались силой утвердить, шагая по трупам своих братьев, свое уже отверженное Богом положение первородства и соблюдаемое ими жертвенное служение, которого не принимает Бог, звучит этот вопрос с неослабевающей настойчивостью. Ответ, который Каин решился дать на неопровержимый вопрос Божий, изображает нам его в том глубоком состоянии духа и в том внутреннем унынии, которое с тех пор решающим образом овладело его жизнью. Если даже Каин и прикинулся неведением

и сказал, что не его задача охранять своего брата, совесть его нельзя было заставить молчать подобными оправданиями. Каждый должен знать, где находится его ближний; как первородный и привилегированный, он прежде других должен, обязан знать, где находится его более слабый брат. Вот поэтому Бог и продолжал Свою речь: "Что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которые отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле" /Бытие 4,10-12/.

Это было проклятие, которое отныне покоилось на жизни Каина, и от которого уже никакой мир не мог освободить его. Да, человек возвращается обратно в прах, но земля не ожидает брата от руки брата. Все царство земли побуждает Бога совершить Свой суд над тем, кто в своем холодном эгоизме злоупотребил своей властью, чтобы вынудить замолчать говорящую жертву своего более слабого брата. В вопле Авеля заключается приговор Каину. Доколе этот вопль будет слышен в истории мира, до тех пор этот приговор Божий будет тяготеть над родом Каина.

И сказал Бог Каину: "Она не станет более давать силы своей для тебя". Как только человек разрывает связь между собой и Богом, тотчас же Бог разрывает связь между человеком и землей. Она перестает быть для него источником благословений и местом покоя. Как ни охотно она раскрывает свои силы миролюбивым, с той же определенностью она лишает этих сил того, кто хочет утвердиться на ней над своим братом, над своим ближним. Вот поэтому на ней не оказалось однажды места покоя для Каина. Два древнееврейских слова "изгнанник" и "скиталец", которые определили внутренний характер жизни Каина, свидетельствуют о том, что в жизни Каина земля стала удаляться от него и что люди покинули его. По сей день это страшное Каиново знамение носит на своем челе всякое преступление, причиненное ближнему, без разницы, совершил ли его отдельный человек или целое государство. Земля не в состоянии продолжительное время носить род Каинов, как бы он не пытался утвердиться на ней. Она заботится о том, чтобы все то, что построено на крови, вскоре и погибло в крови. Посредством отвоеванных благ и сил земля попускает, чтобы род Каина сам готовил себе те катастрофы, в которых он должен найти свою погибель. Это воздаяние земли за преступление Каина.

И тогда сказал Каин Богу: "Наказание мое больше, нежели

снести можно. Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня".

Чрезвычайно знаменательно для Каина его внутреннее положение, в силу которого он после своего преступления меньше говорил о своем преступном деле, нежели о тех последствиях, которые вытекали из него. Он пришел к сознанию собственной виновности, но не посредством размышлений о том, что он причинил своему брату, а посредством того, что он таким образом причинил самому себе. Нет, он не сказал: "Преступление мое слишком велико, чтобы Ты мог простить его"; душа его отнюдь не занималась вопросом прощения собственного преступления, а только вопросом того проклятия, которое тяготело над его жизнью. Он постиг ту истину, что, собственно, он сам себя убил в своем брате, лишив себя родины и сделав себя изгнанником на земле. Все то, что Каин считал невыносимым, в меньшей степени являлось его виной, нежели проклятием, которое сопровождало его преступление. Он чувствовал, что последствия его преступления означают не меньшее, как то, что отныне земля, Бог и люди покинут его, ему же самому придется постоянно опасаться того, что всякое творение сможет умертвить его.

Посредством своего глубокого падения Каин не достиг познания своего противного Богу настроения сердца, потому он и не нашел пути внутреннего сокрушения, который приводит к прощающей благодати и к обновлению жизни. Он оплакивал лишь то, что он потерял, благодаря своему поступку, но он не оплакивал самого поступка с его преступлением по отношению к своему брату. Такое раскаяние никогда не приводит к избавлению ни в жизни отдельной личности, ни в жизни государства. Избавление Божие заключается единственно в изменении того внутреннего образа мышления, из которого может вытекать преступление с его последствиями. Каин, однако, не пошел путем этого спасения ни для себя, ни для будущего. Напротив, Писание говорит о нем: "И пошел Каин от лица Господня; и поселился в земле Нод, на восток от Едема". Это было его второе падение, второе и более глубокое опускание вниз. Адам потерял сферу райского света, однако, у него еще осталось лицо Божие. Каин потерял и это. Благодаря своему решительному делу он потерял все: землю, лицо Божие, ближнего и - самого себя.

5. Прогресс Каиновой культуры

Не только изменив место своего пребывания, но и освободившись от внутренних отношений с Богом, Каин ушел от лица Господнего и поселился в земле Нод. С тех пор все его мысли были направлены к тому, чтобы собственными силами утвердиться на земле, которая отказала ему в своих благословениях, и на которой он неизменно оставался изгнанником и скитальцем. Кулаком своим он, прежде всего, освободился от своего брата, а бегством - от Бога. Теперь он одинок, потому что теперь у него только он сам. Ему недоставало плодоносящей почвы, ему недоставало благословляющего брата, ему недоставало присутствия Бога. Предоставленный самому себе, он начал дело своей жизни как строитель города. То, что аде осталось ему, была его собственная личность с той мерой духовных сил и природных способностей, которую носит в себе всякий здоровый человек. Они и составили ту почву, на которой он основал свое существование.

Возможности для такого существования он нашел не в возделывании земли, а в строительстве городов. Город - это всегда комплекс людей, где каждый пытается создать почву для своего существования силами других. "В деревне культивируется почва, в городе - человек". Почвой горожанина является его сила, его дух, его способности. Знаменательно, что первая городская жизнь начинается Каином, который оставил возделывание земли и обеспечил себе существование, привлекая для этого большие массы людей. Только на этой почве Каин мог достичь развития своих исключительно плотских сил. Не почва, которую он некогда возделывал, а человек, которого он культивировал, поставлял ему хлеб, который он ел. И поныне нигде не так легко Каиновым натурам жить потом других, как в городе.

Так Каином началось та культура древнего мира, которая оказалась господствующей в тот период человеческой истории. Именно все то, что совершил некогда Каин, когда ушел от лица Божиего, оказалось духовной печатью для всего направления жизни его грядущего рода. Направление воли тогдашнего мира настраивалось только на построение собственной культуры и на расширение сферы своей власти. Это была великая попытка создать на земле постоянное существование без Бога, основанное на расширение сферы власти, изобретений, промышленности и городского строительства.

Одни только имена носителей Каинового насилия необычно знаменательны для внутреннего духовного направления этого

ушедшего от Бога времени. В те древние времена обычно сочетали с именем ребенка какое-то переживание души. Была ли это глубоко чувствуемая скорбь, или неожиданная радость, или тяжелое разочарование, или же радостная надежда, - люди обычно хотели сохранить воспоминание о пережитом и потому, называя ребенка, делали его носителем воспоминаний или той живой книгой, в которую записывали на будущее свои глубочайшие душевные переживания.

Вот поэтому Каин назвал своего первенца, которого подарила ему его жена, Енохом, что значит "вооружаться, упражняться". Его прежний опыт, очевидно, помог ему уяснить себе, что Бог оставил его, что он изгнанник и скиталец на земле, а поэтому у него остался он один. Только в самом себе он находил источник своих благословений, а в развитии собственной власти видел гарантии своей жизни; в развитии и в строительстве начатого им, что могли продолжать уже его дети, он видел свое будущее. Этим ожиданиям и этой надежде своей души он дал выражение в имени своего сына.

В духовном направлении Каина, в его восприятии жизни нам впервые обнаруживается то звериное самоутверждение, которое с тех пор в истории человека составляло основу его жизни, а также строительство настоящего и обеспечение будущего. На этой ступени жизни существование и отношения человека к человеку по своей глубочайшей сущности являются не чем иным, как борьбой всех против всех, в которой более сильный становится проклятием для более слабого, а слабый подымает мятеж против сильного. Вот поэтому на животной ступени духа народы всегда остаются без будущего, несмотря на то, что вечно стремятся обеспечить его.

Наследником Еноха был его сын "Иаред"; в нем воплотилось прогрессирующее падение. "Иаред", т.е. беглец, или быстро бегущий, или дикий осел, оказался символом того последовательно развивающегося падения, начало которому положил Каин. Только в необузданности люди видели тогда жизнь, о которой тосковали и к которой стремились. Каким-то неприятным порабощением представлялось им то, в чем человек вынужден был ограничивать себя в различных областях политической, общественной, культурной и социальной жизни, исходя из соображений блага ближнего.

Древнееврейский корень слова "Иаред" может означать также "накал, жар", т.е. "накал" страстей и "жар" домашнего очага. И его, и Еноха мировоззрения, которые по своей сущности были прежде всего чем-то диким, необузданным, лишенным часто определенной цели, постепенно созревали в могучие

страсти. Так как с уходом Каина от лица Господнего род его потерял и водительство Божие, то вместо воли Божией должна была проявиться сильная воля человека, должна была также образоваться какая-то верховная власть, которая способна была бы упорядочить человеческое общество, чтобы дикие страсти совсем не уничтожили всего.

В какой степени этот Иаред, употребляя всю свою энергию, настраивал себя единственно на то, чтобы создать определенный порядок в общежитии людей ради того, чтобы не погас домашний очаг, следует хотя бы из того имени, которое он решился дать своему первенцу.

Чрезвычайно знаменательно для настроения его сердца, что он дал ему имя "Мехуаель", т.е. тот, "в ком угасло все Божественное". Он сознательно перенес свое внутреннее покинувшее Бога направление духа на своего сына, чтобы тот, вначале воспринимающий все пассивно, оказался впоследствии сознательно действующим.

Желание его исполнилось. Когда Мехуаель достиг зрелости и оказался способным к рождению нового поколения, он уже стал называть себя в момент рождения своего первенца не Мехуаелем, а Мехиаелем, т.е. тем, "кто погасит все Божественное". В своей юности он был пассивным; Божественное погасло в нем; однако в более зрелые годы этот внутренний уход от Бога развился в нем в некоторую активность, которая гасила все Божественное в других. Мехиаель стал явным представителем сознательного неверия, типом того атеизма, который сознательно почитает ложь за истину, человечески-бесовское за божественное, преходящее за вечное.

Внуком этого Мехиаеля был "Ламех", поверженный, жестокий человек, который своим железным кулаком поражал всех своих врагов, которые противились ему и осуществляемой им культурной программе. Каиново развитие истории почитало в нем сильного человека, который обеспечил культурному миру той эпохи высшую ценность и явно самое надежное будущее.

Уже отец его был назван "Мафучалом", т.е. "героем Божиим". Это почетное имя он носил не потому, что жизнь его - в противоположность духовному направлению своего времени - обрела внутреннюю настроенность, обращенную к Богу. Напротив, родственным по имени и духу с "Мефусалом", который назван в гл.5,25-27, был муж-воин, меченосец, героизм которого проявлялся в области внешней борьбы, а не в области внутренних благословений. Бог не создает на народной почве героев, а только апостолов и пророков, в жизни которых обнаруживается исповедание Крестителя: "Ему должно рас-

ти, а мне умаляться" /Иоан. 3,30/. Величие их всегда заключалось в том, что они теряли свою жизнь, чтобы братья их приобрели истинную жизнь.

Начатое Каином градостроительство должно было решительным образом вести к образованию царства, государства. Но вот этому царству в его внутренних побуждениях, в его общих целях недоставало потерянного господства Божиего и водительства Божиего. Вот поэтому в Каиновой государственности теократия была заменена человеческим деспотизмом. К тому же характер такого государства раздваивался в двух направлениях, расчленяясь между политикой и культом. Политике всегда недоставало любви, а потому и соответствующей свободы, она всегда оставалась холодной и расчетливой, пытаясь лишь с помощью силы сохранить свое государство. Культу же недоставало веры, личной связи и личных отношений человека с Богом, поэтому Мехиаель вынужден был заменить эти отношения суеверием, воздвигая Богу лишь храмы и жертвенники.

В "Ламехе" созрел героизм, сознание силы, которое привело к холодному и сознательному деспотизму, а потому и к злоупотреблению силой. Он не пользовался оружием, чтобы в час бедствий пользоваться им, но в оружии он нашел несомненное средство создать себе в жизни свободный путь и приобресть новые области влияния. Начатое Каином направление духа с дубинкой в руке величало в нем своего величайшего национального и народного героя, благодаря которому построенный исключительно на силе и насилии культурный мир достиг в ту пору своего высшего расцвета.

У этого сильного мужа тех дней родилось трое сыновей, благодаря которым вся культурная и городская жизнь достигла небывалого развития. Всем троим Ламех дал глубоко знаменательные имена, которые выразили тот духовный характер, который они сообщили последующему развитию: "Иавел", "Иувал", "Тувалкаин". Следующие краткие указания покажут нам, как она внесли в общественную жизнь совершенно новые культурные ценности, расширив почву, на которой человечество в своем общежитии стало развиваться в будущем. К силе, посредством которой до сих пор утверждал себя человек, прибавились промысел, искусство, промышленность и забота о прекрасном.

Ламех назвал своего первенца "Навалом". Он дал ему это имя в надежде, что когда возмужает этот его сын в законченную личность, он научится вносить в жизнь новые ценности. В Иавале мы встречаем активную форму личности, которая определяет его как человека, "который создает ценности", который что-то вносит, приносит. Когда Иавал вырос, он как раз

и отличался тем от многих кочующих пастухов овец своего времени, что он основал и занимался рациональным скотоводством. Может быть, нам следовало бы распознать в нем первого купца, который постиг ценность производимого избытка, а потому попытался сбыть его другим. Во всяком случае, он создал приносящее доход положение, оказавшись, таким образом, основоположником зарабатывающего класса.

Брат его "Иувал" оказался отцом искусств; он был первым из всех играющих на "гуслях и свирели". Пассивная форма его имени свидетельствует о том, что сам он ничего не производил, а зависел от производства других. Тем не менее искусство было так же необходимо миру Каина, как ремесла и заработок. Чем более порабощала человека жизнь промыслов и ремесел, тем более он тосковал по часам свободы и отдыха, когда душа его, униженная до положения раба, вновь обретала равновесие. Это явление можно наблюдать в каждом народе: чем более народ подымается в жизни порабощающей рабочей производительности, тем более он тоскует по отдыху в свои свободные часы и часто ищет его в заботе об искусствах. Особенно музыка, выражающая не образы и понятия, а настроение и чувства, должна содействовать тому, чтобы вновь как будто приобресть все то, что человек потерял в подневольном труде своего промыслового дела, но о чем он, несмотря ни на что, постоянно тоскует - о радости и гармонии души.

Таким образом, искусство становится совершенно несознательно свидетелем той дивной истины, что у человека гораздо более высокие потребности, нежели только обладание материальными ценностями, создаваемыми Иаволом. Однако, несмотря на всю свою формирующую силу, и искусство не в состоянии освободить человека от внешнего порабощения и восстановить внутреннюю гармонию его сердца.

В третьем сыне Ламех увидел гордость своей семьи и всего Каинового рода. Он назвал его "Тувалкаином". Тувалкаин создавал средства и оружие для промысла и искусства - промышленность. Бог отнял у Каина землю, она не давала ему своих плодов. Теперь ни он, ни род его не нуждались более в земле. Собственный дух оказался возделываемой почвой. С тех пор он начал производить те механические орудия и средства, которые оказались весьма полезными и ценными и для обработки почвы и повышения производительности полей. Земля вынуждена была приносить городам благословение своих полей, чтобы таким образом приобщиться к благословениям их промышленности.

После Тувалкаина жена Ламеха Цилла родила ему дочь Ное-

му. "Ноема" - чувственно-прекрасная. То время наряду с всей своей занятостью и материальной настроенностью не лишено было понимания привлекательности и красоты; обычно прекрасное сочетали с полезным.

Таким именно образом формировалась и округлялась тогдашняя культурная жизнь в органическую общую сущность, которая казалась могущественной в своих действиях, благословенной в своей жизни и прекрасной в своем общем образе. Развитие приобрело в человеческом духе неисчерпаемый источник силы, а в проявлениях власти, могущества, ремесел, искусства, промышленности, в заботах о привлекательности и красоте - неограниченное поле деятельности. Свою защиту люди находили в собственном кулаке, свое богатство - в материальном владении, свою религию - в заботе об искусствах, свой труд - на поле действия духа. Человек уже не нуждался более в Боге, и развитием своим он констатировал свою независимость от Бога: он сам себя удовлетворял. Он уже не был заинтересован более вдохновениями свыше, потому что он находил их в своем собственном духе. Он не пренебрегал как будто господством Божиим на земле, но он находил это господство и в собственном деспотизме. Он уже не печалился более о прежнем рае, он вновь обрел его в своем государстве культуры. Когда же его производительная жизнь стала угрожать ему гибелью и уничтожением его души, тогда он стал искать прибежища в искусстве, которое должно было восстановить внутреннее равновесие. Так время потеряло вечность, смертное - душу, человек - своего Бога.

6. Ламех превозносится своей силой

Бытие 4,23-24

Всякое возникавшее в течение тысячелетий культурное творение образует в своей совокупности живой организм и всегда носит духовный характер создававших его. Подобно всякой органической жизни и организм культуры с течением времени достигает зрелости и приносит соответствующие своему духу плоды. Так случилось и в том древнем мире, который подвергся гибели во дни Ноя. Плодом своего времени был Ламех и его семья. В великих личностях народа всегда воплощалась духовная сила, которую способен был родить народ в целом. В Каиновом развитии истории начался период, когда народ начал сознавать себя в своих творениях, когда он начал находить в них благоволение и начал прославляться ими.

К этому привела внутренняя необходимость; настроенное на самое себя направление духа решительно приводит к самопревозношению до небес. Для кого все могучее, прекрасное, благословенное является не чем иным, как только плодом собственного духа, тот однажды непременно преклонится перед созданием собственного духа. Настроенный на самого себя, человек и в самом великом закончит только самим собой.

Такие моменты, однако, являются в истории, как правило, непреложным знамением и признаком того, что созрели для суда. Таким образом, самопревозношение и самовосхищение, как в отдельном человеке, так и в истории, всегда являются предвестниками близкого крушения. Когда Навуходоносор, восторгаясь собой, взглянул однажды на свои великие творения и сказал: "Это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия" /Дан.4,27/, - тогда и пробил час суда над ним. Так всякое самоопьянение в истории народов приводит к катастрофе. Великие суды истории были, как правило, неизбежными и неотвратимыми проявлениями тех состояний культуры, которые народ в своем ложном духовном направлении вознес до уровня своего спасения и которым злоупотреблял для своей же погибели. Вот поэтому культурные народы в течение тысячелетий всегда подвергались самым тяжелым и самым суровым судам в тех областях, в которых они более всего нравились самим себе и в которых более всего грешили.

Эти характерные черты более всего очевидны в древнем мире в Ламеховом исповедании силы. В то время как он, очевидно, находясь в апогее сознания своей духовной силы, восторгался созданным им самим и его сыновьями, а также своими культурными ценностями, самоопьянение вдохновило его на следующую боевую песнь:

"Ада и Цилла! послушайте голоса моего;
жены Ламеховы, внимайте словам моим:
я убил мужа в язву мне
и отрока в рану мне.
Если за Каина отметится всемеро,
то за Ламеха в семьдесят раз всемеро"

/Бытие 4,23-24/.

Однако в конце своих дней Ламех был исполнен не гордостью о совершенном труде всей своей жизни, а горьким разочарованием. Взвешивая ценности, которые в течение всей

своей жизни он предлагал миру, он вдруг обнаружил, что они не принесли ни ему, ни его эпохе того, чего он ожидал от них. Таким образом, эта песнь подобна последнему воплю проснувшейся гораздо позже совести Каинового рода. Вот поэтому Ламех и говорит: "Ада и Цилла! послушайте голоса моего; внимайте словам моим, даже если бы вы не были женами Ламеха. Ибо что должен сказать вам, касается всех людей. Но, как жены Ламеха и матери его сыновей, послушайте меня с удвоенным вниманием, потому что речь моя обращена к вам. Неужели вы думаете, что посредством всего того, что мы сделали, мы оправдали Каина или приготовили себе счастливое настоящее, а нашим детям еще более счастливое будущее? Не искупил, а умертвил я своего предка, я убивал молодежь и самому себе я нанес глубочайшую рану" /По С.Р.Гиршу, "Пятикнижие"/.

Если правильно это раввиновское толкование и объяснение этой песни, тогда мы находим в ней одно из самых потрясающих исповеданий отмежеванной от Бога жизни. Проклятие заключалось в первую очередь не в самих созданных человеком культурных ценностях, а в том духе, в котором он создавал их и который управлял ими. Потому что творение во всех своих областях ожидает служения и господства того человека, который должен быть отражением Божиим. И в руках того, кто находится в зависимости от Бога, и культурные ценности становятся источником неисчислимых благословений, из которого человек в состоянии черпать созидающие силы и благословенную жизнь и для себя, и для своих братьев.

Однако внутреннее развитие Каинового рода не было Божиим. Начиная Каином, оно потеряло как Бога, так и брата и во всем искало только себя самое. Чтобы служить самому себе, человек стремится к мнимому счастью, идя по трупам своих ближних. Потому что развитие, которое извлекает свои силы из бездн человеческого самолюбия, не знает в жизни ничего святого, перед чем оно могло бы склониться в почтении. Цель освящает для него любое средство.

Однако род, который в Каине удалился от Бога, народ, который в духе Мехиаеля оказался пророком атеизма и носителем отрицания вечности, государство, которое вместе с Мафусалом и Ламехом видело гарантии своего будущего единственно в холодном развитии власти, а высшее богатство своей сущности - в приобретении земли, - такое развитие человечества вынуждено было приготовить себе суд в своем собственном творении, в котором оно и нашло свою гибель.

В Ламехе мы познакомились с личностью, которая не за-

ботилась о связи с жизнью от Бога. Его вдохновлял дух собственного же самоопьянения. Вот поэтому Ламех изобразил себя в своей песне во всей дикости своей мести, он вознес величайшую несправедливость до уровня высочайшего спасения и прославлял самое подлое преступление как нравственное дело. Вот поэтому Ламех является носителем того принципа власти и истории, который видит "свое единственное спасение в мече". Он является представителем той противной Богу морали жизни, которая воспринимает власть и наличие не в качестве орудия добродетели, а добродетель в качестве власти и величия. Такие нравственные принципы оправдывают все, что ведет к подобному достоинству, и являются беспощадными ко всему, что решается ограничить их. Этим принципам должно все приноситься в жертву: святое и порочное, Божие и человеческое, духовные и материальные блага, семейное счастье и народное благополучие.

Некоторые допускают, что Ламех фактически убил в том "муже", о котором говорит, своего предка, а в "отроке" - своего собственного сына. Фактически ли это так, этого нельзя установить. Настроенная на принципе насилия и написанная кровью слезами история мира свидетельствует однако о том, что подобное одичание совести и подобное преклонение перед грубым насилием не было чем-то необычным среди народов, которые без Бога прошли по арене времен. Все наследники Каинового удаления от Бога и духа Ламеха, все носители "плаща Нимрода" и меча Амалика пели свою боевую песнь, все прощали все самим себе и ничего не прощали своим ближним, если дело касалось их ложной славы и мнимой чести.

Было ли иначе в истории, которая в своем развитии исключала Бога? Будет ли когда-либо иначе? Не всегда ли торжествовало в этом противном Богу развитии беззаконие над законом, насилие над любовью, беззастенчивость над совестью, не всегда ли оно создавало историю по этому образцу? Был ли наш мир когда-либо чем-то иным, как не великой сценой, на которой правда роли менялись, но дух в героях истории оставался все тот же; был ли наш мир чем-то иным, как не великим полем сражения, на котором пытались утвердиться дух Ламеха, коварство Нимрода и меч Амалика? Не кажется ли порою, что даже сам Бог в конечном итоге, оказывая такое терпение этому принципу, оправдывает его в его сокровенной сущности?

Кто знает Бога только по внешнему ходу истории или из уст национального предания, тот всегда будет задаваться подобными вопросами. У кого, однако, глаза, которые в состоя-

нии видеть великие мировые события в их сокровенной сущности и в свете Божием, тот кто находит свою внутреннюю ориентировку не в официальных отчетах правительств, а в сердце Божием и в образе мыслей Иисуса, - тот знает, что создаваемая Богом история мира никогда не была чем-то иным, как продолжающейся борьбой Бога против Ламеха и его духовных наследников и знаменосцев.

7. Великая борьба Божия

Никакие исторические описания и никакие предания не изобразили так глубоко и так ясно великих мировых событий в их внутренней взаимосвязи и внешних проявлениях, как Библия. Оно выводит нас за пределы нашей народной узости, наших односторонних изображений истории и наших субъективных желаний и суждений, ставит нас на стражу Божию и позволяет нам обрести в свете вечности всю совокупность событий во всей ее глубочайшей сущности.

Доколе еще ночь на земле, доколе еще в духе Каина убивают своих молящихся братьев, в сознании силы Ламеха обозревают свое будущее, в облачении Нимрода управляют народами - до тех пор будет продолжаться борьба Божия, пока не наступит то мгновение, когда ночь сменится днем.

Окончательный исторический исход этой борьбы не может вызвать сомнений. Более трех тысяч лет назад Моисей построил жертвенник, который он назвал "Иегова Нисси" /Господь знамя мое/. Он уже тогда провозглашал перед историей и будущим дивную весть: "Рука на престоле Господа: брань у Господа против Амалика из рода в род" /Исход 17,15/.

Обосновав борьбу Божию таким именно образом, Моисей показал, что он понял Бога в Его действиях и в Его таинственном господстве в мировой истории. Борьба Божия из рода в род должна означать гораздо большее, нежели единственно ту борьбу, которую в известный определенный период Израиль вел против Амалика. Эта борьба - это та духовная борьба, которую Божий суд над миром непрестанно производит в истории мира против тех держав, которые, как духовные сыновья Амалика, являются наследниками его принципов и носителями его знамени.

Да, если бы мир был результатом механически и физически переменных действий, если бы не было творческой силы, которая полагает и самому великому и самому малому в творении свои задачи, свои пределы и свои цели, если бы не было Бога, Который не попускает безумию людей и неистовству наро-

дов лишить Себя престола, но Который бодрствует над всеми событиями в мире и направляет их к определенной цели, - тогда были бы правы те, что пытаются создать историю мира в духе Ламеха. Земля ведь принадлежала наиболее проявляющим насилие и самым коварным.

Или же если бы наш Бог был только могучим, самым могучим среди могучих, сущность Которого означала только силу и власть, а не в первую очередь праведность и любовь, тогда тоже будущее принадлежало бы наследникам Ламеха. Самому Всемогущему на небесах должны прежде всего угодить самые могучие на земле. Он должен найти в них Свой образ, Свое подобие, и тогда уже Он мог бы поддержать их и даже продвигать их в их холодных стремлениях к власти. Тогда Нимрод мог бы себе вообразить, что он занимается охотой на человека "пред лицем Господним" и что "самый могущественный - это и самый божественный на земле".

Или же если бы Всевышний в небесах был только Богом праведности и любви для отдельных людей и семей, а не для государств и народов, если бы требования святой жизни Он ограничивал только церквами и молящимися, а не простирал их на правительства и государства, на отношения народа к народу, тогда праведность и любовь потеряли бы свою ценность для правительств и государств. Тогда все нравственные власти и силы обладали бы значением только для святилищ и только для частной жизни. Тогда насилие, как его прославлял Ламех, должно было бы исчезнуть из области частной жизни, но обладало бы законными народными правами и могло бы продолжать "свои достойные лавровых венцов победы в кровавом русле государств и народов".

Доколе, однако, существует Бог в небесах, у Которого нет двух нравственных законов - одного для частной жизни, а другого для государств и народов, доколе Бог требует от всех соблюдения тех же законов, той же любви, той же отдачи жизни и подчинения ее Божественному порядку мира, как Он требует всего этого от каждого отдельного человека, до тех пор будет продолжаться борьба Божия против Амалика из рода в род. Пусть тысячи раз рассматривалось творение Божие в течение времен как слабость, а долготерпение как оправдание существенного противного Богу порядку насилия, - однажды Ламех должен будет увидеть, что он сокрушен в своей силе, а Нимрод должен будет согласиться с тем, что он лишен своего покрова, потому что буря истории, как мякину, развеет их с гумна истории. Потому что терпение и долготерпение Божие все еще не означает оправдания существующих и противных Бо-

гу принципов жизни и мирового порядка. Очень часто именно в терпении Божием заключался тем более уничтожающий суд. Чем полнее могло проявляться в истории все противное Богу, тем несомненнее и тем полнее совершался однажды суд Божий, влекущий за собой полное крушение.

Будущее, которое принадлежит Богу, окажется достаточно великим, чтобы похоронить всякое воспоминание, всякое восхваление, всякое земное бессмертие увенчанного лаврами насилия Ламеха. "Совершенно изглажу память Амаликитян из поднебесной", - сказал некогда Бог во время первой победы Моисея над Амаликом.

Или, может быть, Бог не в состоянии исполнить Своего Слова? Не похоронил ли он полностью власть халдеев вместе с их вечными памятниками, так что только с большой затратой средств и с помощью большой учености удалось расшифровать маленькие обломки их погибшей истории на найденных клинописных табличках? Не сокрушил ли Он вполне всей гордости персов вместе с их полчищами, так что на родине их тщетно ищут бывшего расцвета и величия их государства? Не лишил ли Он до такой степени самостоятельности дух и мудрость греков, что у них отнято водительство в истории человеческого духа? Не ослабил ли Он до такой степени меч римлян, основавших величайшую мировую державу на земле и вознесших Рим до уровня "вечного" города, что римский орел и город, расположенный на семи холмах, уже давно потерял свое главенствующее положение в истории народов?

Бог в состоянии исполнить Свое слово, даже если человек построит пирамиды своему бессмертию, если в граните и мраморе высечет памятники гордости своего духа и славу своего меча увенчает неувядающими лаврами.

Тот же Бог, Который в состоянии исполнить Свое слово в Своих судах, в состоянии исполнить и Свое слово и в Своих обетованиях. Пусть неверный род пред лицом постоянно и заново совершающихся обнищаний народов и повторяющихся катастроф в судах истории, которые бессердечно и беспощадно погребают под своим прахом все то, что созидалось в течение столетий, задается снова и снова вопросом: "Когда же наступит день Его будущего?" - пусть знает, что "царство мира сделалось Царством Господа нашего и Христа Его" /Откр. 11,15/.

На церковных кафедрах и в парламентах еще долго могут спорить о том, как может исполниться предопределение Божие. Но Бог, несмотря на все споры церквей и на всю неразбериху в государствах, совершает Свою историю и целеустремленно

ведет народы и весь мир навстречу Своему искуплению и предназначению. Пророки едва могли видеть его, псалмопевцы едва решались молиться о нем - о Царстве Божием, но оно, несомненно, наступит и принесет с собой справедливость и мир, оно наступит с той же непреложностью, с какой наступали суды Божий и погребали времена, народы и культуры. Все то, что не заключает в себе содержание вечности, будет однажды погребено историей; то, что противится нормам Божиим, погибает в силу своих законов; то, что по любви и в силу отдачи внутреннего естества не склонится пред Богом и Агнцем, склонится пред неумолимой силой и яростью судов, которые человек приготовил самому себе. Потому что мир прейдет, прейдут и вдохновения его, тот же, кто исполнит волю Божию, пребудет вовек.

Если бы у нас не было никаких других вестей о грядущем Царстве Божием, кроме тех двух молитв Иисуса, которые Он, как Сын, вознес с земли к Отцу в небесах и которые Он передал Своим братьям: "Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе", - мы уже достаточно много знали бы об исходе мировой истории. У двух тысячелетий было уже достаточно времени, чтобы испытать правдивость слов Иисуса, чтобы словами Его осудить ложь, чтобы принести отчаивающемуся человечеству лучшее Евангелие искупления. До сих пор они не смогли опровергнуть Его слов. Не сделают этого и последующие тысячелетия, если они потребуются Богу для того, чтобы проложить путь Его грядущему Царству. Тот, кто решился исполнить волю Того, Кто послал в мир Иисуса, тот убедился уже в правдивости Его слов, в силе искупления, тот приобрел уверенность в будущем того вышнего мира, в котором господствует Бог. Кто, как Павел, своей отдачей Христу стал новой тварью, тот с торжествующей уверенностью смотрит на приближающееся возрождение, которого ожидает с воздыханиями и воплями все творение в своих нынешних муках рождения.

Одинокий и такой родной Павлу по духу провидец видел на острове Патмосе тот приближающийся день, когда прежнее уже миновало и когда на престоле мира и истории воссядет Тот, Который в совершенной силе Своего Духа и в силе Божией скажет: "Се, творю все новое" /Откр. 21,5/. Тогда другая хвала и слава наполнит грудь человека и другие звуки проникнут сквозь века /зоны/, потому что искупленное творение в ликовании, в славословии и в своей бесконечной радости будет восклицать: "Аллилуйя! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель. Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу"

/Откр. 19,6-7/. Это господство Бога на земле "отрет... всякую слезу с очей их, и смерти уже не будет; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет" /Откр. 21,4/, ибо прежнее - насилие Ламеха, политика Нимрода, порабощение Амалика - как бы нам не вспоминать уже всего этого - прошло. Отныне скиния Божия покоится среди человеков, "и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их" /Откр. 21,3/.

II. РОД СИФА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

1.Сиф и его потомки

Бытие 4,25-5,1

Величайшей тайной всей истории мира является тот факт, что Бог всегда знал, как избрать и выделить посреди погибающего мира тот святой остаток, который, пережив и самые тяжелые суды своей эпохи, способен был явиться основанием и жизненной программой для последующего будущего. Вот поэтому мы видим, что в том древнем мире наряду с линией рода Каина развивалась и вторая линия - род Сифа.

Когда Ева родила после тех потрясающих событий, которые описаны в четвертой главе книги Бытие, третьего сына, она назвала его "Сиф", т.е. "основа, опора", потому что она сказала: "Бог положил мне другое семя, вместо Авеля"/Быт. 4,25/. Опыт Евы с момента рождения Авеля оказался для нее более болезненным и более глубоким. Она уже не думала более, когда Бог даровал ей Сифа, как замену, как некогда в момент рождения Каина, прежде всего о собственной силе и о собственном участии, которым она обладала в своем ребенке, а о "семени", которого она удостоилась в нем, о почве нового будущего, которую Бог даровал в Сифе всему человечеству. Ведь с каждым ребенком, которому родители даруют жизнь и существование, появляется новый мир с своими необозримыми возможностями для развития.

Вот и тогда в Сифе человечество получило надежду на новое будущее. Потому что Каин, убив своего брата, не только нанес самому себе смертельную рану, но и уничтожил будущее своего рода. Кто на крови своего брата строит свое будущее, все равно будет однажды погребен под своими же развалинами.

С рождением Сифа мы наблюдаем в том древнем мире появление той второй родовой линии, которая приобрела для будущего человечества такое решающее значение. В потомках Сифа

Бог нашел тот "святой остаток", который Он пожелал спасти в водах потопа и поместить на очищенной судами земле как начало нового человечества. Потому что у рода Каина нет будущего в мире, "так как борьба Божия против Амалика продолжается из рода в род". Среди потомков Сифа мы находим поэтому тех двух мужей, которые оказались для своего времени "светом миру" и "солью земли", - Еноха и Ноя. Первый из них, свидетельствуя и проповедуя, жил в середине, а Ной - в конце развития истории того времени.

Когда мы познакомимся с внутренним характером родовой линии Еноха и Ноя, мы поймем, почему Бог время от времени призывал свидетелей из рода Сифа для того древнего мира и почему Он мог приготовить Ною дивное спасение и во время суда, хотя весь род Сифа в целом так же должен был погибнуть в судах над миром, как и род Каина. И начатое Сифом развитие тоже не оказалось прямолинейно восходящим вверх, а тоже постепенно уклонялось в стороны, все более и более раскрываясь Каиновому направлению духа и, наконец, обручившись с родом Каина /Быт. 6,2/.

В то время однако, как потомки Каина, несмотря на свое духовное развитие и расширение сферы своей власти, неудержимо опускались вниз, в развитии линии Сифа мы замечаем более или менее постоянное колебание от худшего к лучшему и опять от лучшего к худшему, пока не обнаружился тот второй Ламех, который, если и не дал миру новых культурных ценностей, то все же дал Ноя, который, несмотря на суд, не погиб в этом суде.

Об этих колебаниях мы тоже можем судить по тем именам, которыми были названы потомки Сифа. Если мы не в состоянии установить, в какой степени в те древние времена, называя своего сына, отец сознательно произносил пророчество для будущего и характеризовал свое время, то все же, несомненно, в этом имени отражается определенная идея, которой было чревато то время, или надежда, которую носили в себе отдельные личности.

Когда у Сифа родился сын, он назвал его "Енос". Раввины-толковники полагают, что "Енос" означает "омраченную ступень человечества" в противоположность к подлинному человеку "Адаму". Это слово - на основании языковых исследований С.Р.Гирша - родственно двум другим корням, из которых один означает "понуждающее насилие", а второй -"наказание". В качестве глагола это слово обладает лишь пассивным характером и выражает "безнадежную стадию страданий, болезни, состояние полной потери сил". Правда, эта форма позволяет нам

менее судить о действиях болезни, а скорее о причинах ее. Активная личная форма этого слова означала бы: "Производить насилие, повергать в болезнь, лишать сил". "Енос - это не пассивная, а активная форма. Она обозначает человека, который не проявляет себя более как "Адам", как служащий Богу управитель, который, как таковой, ведет мир навстречу здоровому развитию истории спасения, а как тот, кто злоупотребляет дарованными ему Богом положением и преимуществами только для самопрославления, для насильственного причиняющего миру болезни и самопревозносящегося произвола. Адам - это спасение мира, Енос - это болезнь мира".

Итак, в первом внуке Адама в родовой линии Сифа обнаруживается тот факт, что человечество не в состоянии уже более развиваться прямолинейно в восходящем направлении единственно на основании своего естественного предрасположения. Все то, что совершилось в раю в момент падения, было более, нежели мгновенной ошибкой или едва осознанным преступлением человека. Вместе с падением для Адама и Евы сочеталось для них и то новое состояние, в котором нет уже предпосылок для внутреннего подъема на основе имеющихся в человеке сил. С момента падения Адама человек приобщался к Божественному только на основе того, что Бог даровал ему; он видел искупление в Божественном Искупителе.

Поэтому спасение человечества и его истории никогда не было вопросом человеческого развития, а единственно вопросом искупления.

И человек в состоянии на какое-то время внешне улучшить мир и без Бога, но искупить его может только Бог. Прежде чем искупить, необходимо самому оказаться искупителем. Но быть искупителем исключительно на основе свойственных человеку плотских сил невозможно. Вот поэтому мы видим, что и Еносом из родовой линии Сифа владел тот же дух, в котором жили потомки Каина.

С вестью о рождении этого Еноса вторая половина стиха сочетает следующее сообщение: "Тогда начали призывать имя Господа" /Бытие 4,26/. Эти слова толковали самым различным образом. Некоторые толкователи допускают, что в древнееврейском выражении, которое мы передаем словом "начинать", может содержаться смысл как "осквернять", так и "начинать". Вот поэтому это предложение можно прочесть двояким образом: "Тогда начали призывать имя Господа" или "тогда осквернили призвание Господа". Еще иные толкователи полагают, что тогда именно по идолопоклоннически начали называть человека и другие вещи именами "Иеговы".

Самым правильным представляется нам предположение, что Каиново направление духа так глубоко запечатлело свое отчужденное от Бога мировоззрение в общем развитии человечества этой эпохи, что совершенно было потеряно понятие Бога "Иеговы". Имя "Эл", или "Элохим", выражало только общее отношение Бога к тому общему творению, которое произошло из Его творческой души и образовалось на основе Его творческого слова.

Особое отношение Бога к человеку, как к родственному Ему духовно подобию, значительно менее выражено в том понятии. Это единственное в своем роде и покоящееся исключительно на подобии Богу отношение Творца к человеку и, в свою очередь, человека к Богу, как к своему Господу и Отцу, заключено в понятии Бога "Иеговы". Там, где человек всегда хранил полученное от Бога духовное и душевное благородство, отношение Бога к человеку было несравненно выше, нежели отношение Бога к творению, и призвание человека в пределах совокупности творения было гораздо более славным, нежели призвание какой-либо другой твари.

Однако после того, как человек перестал быть в соответствии с своим первоначальным призванием "Адамом", превратившись в "Еноса", который не только сам носил в своей жизни смертельную рану, но и все остальное увлекал в свое смертельное состояние, особые отношения Бога к созданному по Его образу и подобию человеку и истинные отношения человека к Богу впали в забвение. Каинов род погибал, так как образ мышления Мехиаеля все более и более изглаживал все Божественное в людях той эпохи, а образ мышления Сифа все более и более вырождался, так как все более терялось из вида Божие направление человека, как оно выражено в понятии Бога "Иеговы", "снижаясь от Адама к Еносу".

Тот факт, что в те дни, когда родился "Енос", вновь начали призывать имя Господа, свидетельствует о том, что, очевидно, духовное пробуждение началось не только в отдельных личностях, но и о том, что прежде всего общее понятие о Боге еще не совсем было потеряно в людях. Потому что глубокое сознание, что существует Бог, Которому мир обязан своим существованием и своим порядком, существование и сохранение которого является не чем иным, как продолжающимся творческим актом Творца, едва ли вполне исчезло из душ даже самых опустившихся нравственно народов. Однако одна только уверенность в существовании и во всемогущих действиях Бога не делает человека человеком, каким сотворил его Бог в "Адаме" для мира и которого Он вновь хочет искупить для мира после

его падения. Вопрос о Божественном предназначении для человека касается гораздо большего, нежели только знания того, что все, что окружает его, сотворено Творцом для вечного порядка и что жизнь его зависит от тех же законов Божиих, которые проявляются во всем творении. Поэтому человеку необходимо исследовать все эти законы и соответственным образом подчинить им свою жизнь, тогда спасение его будет обеспечено.

Нет, назначение человека остается гораздо более высоким. Когда Бог сотворил его по Своему образу и подобию, Он облагородил его для внутреннего родства с Самим Собой. Нет в творении ни одной твари, которая так была бы родственна по своему существу своему Творцу, как человек. Ни в одном существе не заложено всех зародышей подобия Богу, притом в такой готовности к развитию, как в человеке. Они ожидают только своего оживления и развития в общении с Богом. Вот поэтому ни одна тварь не способна на такое сердечное и непосредственное общение с Богом, как человек.

Не потому ли Бог всегда тосковал по общению с человеком и не только ради человека, но и ради Себя Самого? Как это ободряет нас в нашей жизни, как мы радуемся, когда мы можем духовно родственным нам душам рассказать как о своих самых высоких, так и самых болезненных переживаниях; этому радуется и Бог. Вот слово прозорливца Анании, которого Бог послал, как Своего вестника, к Асе, царю Иудейскому: "Ибо очи Господа обозревают всю землю, чтобы поддержать тех, чье сердце вполне предано Ему " /2 Парал.16-9/.

Именно это общение с Богом постоянно обогащало переживаниями, внушаемыми Богом, древних отцов и пророков, учеников Иисуса и поклонников всех времен. Созерцанием Бога они роднились с Богом; посредством своего общения с Ним они входили в такие доверительные отношения с Ним, что Он мог доверить им вещи, касающиеся вопроса их спасения и спасения мира; в противном случае они так и остались бы навеки тайной. Подобно тому, как и нас лучше всего понимают лишь те, кто более всего родствен нам по духу, так и Бог в Своих планах искупления и в Своих благословенных намерениях, в Своих предостережениях и в судах открывается единственно тем, которые, благодаря своему внутреннему настроению сердца, оказались восприимчивыми к Его откровению.

Каин сознательно ушел от этого общения с Богом, когда он ушел от лица Господнего. С тех пор он пытался регулировать свое отношение с миром и без Бога. Однако это не удалось ни ему, ни его наследникам по духу после него. Потому что от-

ношение человека к творению может быть правильно отрегулировано только на основе правильного отношения человека к Богу. Если человек в правильном отношении к Богу, тогда Бог возвышает его над всякой тварью; если он внутренне ушел от Бога, тогда он становится ниже твари. В своей свободе он может подняться выше ангела, но он может пасть и ниже сатаны. Ибо сатана никогда не решался отрицать существование Бога или сомневаться в Его всемогуществе /Захарии 3,1/, когда он в своей вражде против Бога перестал служить Ему. Итак, в человеке заключены две возможности: первая - это высшее родство с Богом, не становясь, однако когда-либо Богом, вторая - это глубочайшее вырождение. Однажды он будет поставлен перед выбором: избрать ли общение с Богом или удалиться от Бога.

Как только человек освободится от своих обязанностей по отношению к небу, так тотчас он свяжет себя обязанностями по отношению к аду; если он не обретет своего Бога в Творце, тогда он станет обожествлять тварь; если блаженство его не заключается более в Боге, в общении с Ним, тогда он опьяняет себя благословениями земли.

Это удаление от Бога проявлялось в дни Еноса посредством того, что все более забывались первоначальные отношения между Богом и человеком. За "Еносом" всегда следует "Каинан" /Бытие 5,12/ - "род, обожествляющий имущество, владение". Если человек не находит своего удовлетворения в Боге и в исполнении Его воли, тогда он ищет его в "обладании благами, имуществом" и подвергается "материальному обольщению имуществом". В поклонении этим богам земли всегда погибали поколения и народы, самолюбие их росло с ненасытимостью, а имущество они превозносили так высоко, что в один прекрасный день, раздавив их, оно погубило их.

Когда у Каинана, сына Еноса, на семидесятом году жизни родился сын, он назвал его "Малелеилом" /Бытие 5,12/, т.е. "ценой Бога". Род, который, начиная днями Еноса, стал опять размышлять о том, какое положение призван человек занимать по отношению к Богу и творению, решается засвидетельствовать пред лицом наступившей всеобщей погибели во имя "Иеговы" о Божественном предназначении человека; этот род переживает время пробуждения. Потому что в призвании и в провозглашении имени "Иеговы" заключалось, без сомнения, гораздо большее, нежели просто "проповедь"; цель провозглашения состояла не в одном только "поучении", а и в "признании", т.е. в призыве прийти к Богу и почтить Его.

Если в такие времена оживления не весь народ освобождал-

ся от господствующего и материалистически настроенного направления духа времени, то всегда появлялись отдельные личности, которые превращали свою жизнь в святилище Богу. В противоположность всеобщему "стремлению к тому, что существует на земле", в этих пробужденных обнаруживалось стремление к Богу, которого не могло понять их время, поклонение в духе и истине, которое считало господствующее мирское благочестие, нерассудительностью и сепаратизмом. Ибо никогда жертвоприношения Каина и материализм Каинана не согласятся с тем, что Авель принес Богу "лучшее" в жертву из того, чем владел, а Малелеил отделился от того, чтобы найти время для хвалы славословия Богу.

2. Свидетельство Еноха, на которое не обратили внимания

Бытие 5,18-31

Мы уже видели, какие ожидания сочетала мать всего живущего с рождением третьего сына. Сиф должен был заменить в истории убитого Авеля. Он достиг этого в своих потомках лишь отчасти. Не весь род Сифа оказался наследником и носителем Авелевой отдачи Богу. Многие из этого рода примкнули к господствующему духу своего времени и стали носителями культуры погибающего мира. Творчески действовать в истории Бог силен всегда посредством тех личностей, которые раскрываются навстречу Его творческому Духу и вдохновляются Им.

В роде Сифа появились такие личности: это был Малелеил, Енох и Ной. Мы уже видели, что во дни Малелеила, очевидно, были отдельные личности, сердца которых исполнялись благодарностью и поклонением Богу. Там, где на основе определенных откровений Божиих видна слава Божия, верующая душа всегда вдохновляется для псалма и молитвы. Однако какими бы творениями души, которыми она обогатилась в прошлом, мы ни располагали в настоящем, всегда кажется, будто их недостаточно для того, чтобы выразить все то, что новое время заключает в себе в смысле тоски и боли, страха и надежды, радости и блаженства.

Однако после пробуждения во дни Малелеила и связанного с ним поклонения опять наступил духовный спад. Имеющегося света недостаточно было для того, чтобы осветить все. Когда у Малелеила родился сын, он почел себя вынужденным назвать его "Иаредом"; очевидно, во всех областях общественной жиз-

ни происходил последующий неудержимый спад. Эпоха, которая носит в своей душе смертельную рану, не в состоянии себя исцелить, а потому однажды терпит и неизбежную катастрофу, если не раскроет себя более высоким силам ради своего внутреннего и внешнего исцеления. Когда же у Иареда родился сын, он назвал его "Енохом", что значит "вооружаться, упражняться". Мы не знаем, из каких соображений он назвал его этим именем. Может быть, он желал, чтобы в сыне его повторилось подобное вооружение и упражнение, какое мы видели в первенце Каина? Или, может быть, он тосковал о том, чтобы пред лицом духовного нравственного падения его эпохи опять возобновилась сознательная борьба духа против господствующей плоти? - Во всяком случае, жизнь Еноха развивалась совершенно иначе, нежели его предка из Каиновой родовой линии. В то время как тот продолжал свой путь в духе своего отца, удаляясь от Бога, Енох, вопреки общему направлению духа своего времени, вступил в сознательную связь с Богом.

Правда, это случилось только после того, как он родил своего первенца и назвал его "Мафусалом" /Бытие 5,21/. Очевидно, до рождения своего сына он всецело жил в соответствии с духом своего времени, желая приобресть в своем наследнике истинного "меченосца", "мужа боевого оружия", героя. Мы уже видели в Каиновом развитии истории, насколько этот дух владел временем. Почти не задаваясь вопросом о том, что означает отдельная личность для общего блага всех, все задавались вопросом о том, что отдельная личность могла бы подчинить себе всех, даже путем жестокого насилия.

Но в жизни Еноха совершился тот великий поворот, который переживает каждый человек с момента падения Адама, находя обратный путь к Богу. После того как Енох родил Мафусала, он ходил еще пред Богом /Элохим/ триста лет /Бытие 5,22/.

Это было событие, необычное для того времени. В каиновом роде мы искали его напрасно. Но не напрасно начали во дни Еноха свидетельствовать об отношении Бога к человеку и о том, что Бог призывает человека. В родословной Сифа все время пробивался этот Божественный свет, доказав, что назначение человека в мире гораздо величественнее, нежели только стремление основывать города, владеть стадами, ковать оружие, владеть народами и опьянять себя собственным творением. В этом Божественном свете можно было бы видеть, что в историческом развитии, которым овладел род Каина, счастье отдельного человека могло быть куплено обильными слезами многих. Да, мы видим, что человек, которым овладел дух Каина, приобретая богатства, станет однажды неизбежно и

неумолимо рабом собственных благ и что после всякого опьянения делом собственных рук он сам почитает испытывать ужасное отвращение. Мы знаем также, что одичание совести неизбежно ведет к одичанию нравов и порядков.

Тот, кто осознал однажды этот ад человека с его внешним порабощением и внутренними мучениями, кто увидел его в свете "Иеговы", тот тоскует о рае, где Адам слышал голос Божий и где Господь ходил в прохладу дня. Существует нечто святое в каждом пробужденном, чего не в состоянии похитить у него рука преступника и чего не может затмить никакая тьма - это вопль души о Боге. Пусть земля не воспринимает его, небеса слышат его. Пусть люди высмеивают его, ангелы Божий радуются, слыша его.

И Енох был услышан. Человек может ходить только с Богом, если он прежде пришел к Нему. Бог не попустит, чтобы у Него похитили ключи от Его рая; этого не в состоянии сделать ни насилие государства, ни притязание мнимых представителей Божиих или заместителей Его на земле. Вечное право открывать врата Своего Царства для тех, которые покидая чужбину, стремятся войти в Отчий дом, Он навсегда сохранил за Собой. И Енох пришел домой, как ни невозможным это казалось среди царящего замешательства, а также несмотря на то, что отныне жизнь его была весьма одинокой. Потому что путь души к Богу всегда остается одиноким, проходит ли им Енох в эпоху Каина или ищущий Бога в наш христианский век.

Но путь Еноха оказался в то же время светом, несмотря на то, что он начался во тьме. Из одиночества он привел его к хождению пред Богом в течение трехсот лет. Да, он видел приносящие доход стада Иавала, но он смотрел на них без зависти. Потому что в своем общении с Богом он видел ценности, которых не могут уравновесить никакие ценности и сокровища мира. Да, он видел постоянно растущее влияние музыки и искусства Иувала, которое предлагало людям того времени как будто все более и более равноценную замену всякой религии, но никакое царство звуков, никакое произведение искусства не может заменить человеку в будущем жизни с Богом. Да, он видел, как росли мастерские и фабрики Тувалкаина, создавая все новые оружия, чтобы с помощью их добывать сокровища земли, чтобы двигать человека вперед, чтобы с помощью машины овладеть жизнью, чтобы привести культуру к высшему расцвету и чтобы закалить свой кулак для того, чтобы утвердить за собой добытое. Однако благодаря своему общению с Богом Енох потерял веру в искупление, в избавление мира путем улучшения или исправления мира. Он не мог уже

приобресть доверия к культурному прогрессу, потому что он предвидел, что однажды под развалинами его будет погребено все, что создавали века в своем ложно направленном стремлении к овладению миром.

Пройдет ли десять или пятьдесят лет, сто лет или двести, пройдет ли в конечном итоге триста лет - Енох будет ходить с Богом. Годы не ослабляли его силы в соблюдении шага, когда он ходил с Богом, они же не могли более склонить его к образу жизни в духе времени. Дух, который побуждал к богатству, который содействовал прогрессу культуры, дух, который содействовал опьянению искусством, дух, идеалы и цели которого покоились единственно на силе и власти, - этот дух потерял всякое влияние на Еноха в его хождении пред Богом. Да, он прожил еще триста лет, но его воодушевление миром не оказалось от этого значительнее, а в своем хождении пред Богом он никогда не уставал. Необходимо вкусить небесного мира, чтобы понять, почему он навсегда потерял вкус к созидаемому в духе Каина культурному ми
ру.

Таким образом, Енох посредством своего хождения с Богом и пред Богом явно и открыто свидетельствовал против удаления от Бога Каинового развития культуры того времени. Сепаратизм его был протестом против течения времени, которым руководствовал тот древний мир. Трезвость его говорила против вводящих в заблуждение воодушевлений культурой господствующих народов. Миролюбивость его возражала против жажды власти тех древних героев, которые во власти и чести видели высочайший смысл своего существования. Поклонение его возвещало о жизни блаженного общения с Богом, которое раскрывается только тем, которые решаются отрицать сущность мира и вдохновение собственного духа, раскрывая себя навстречу откровению Божиему.

Как ни громко свидетельствовало хождение Еноха, каким ясным и определенным ни было свидетельство его против духа тогдашнего мира, люди проходили мимо него, как мимо человека, который не справился с задачами времени, который не понял великого настоящего и который не в состоянии представить себе еще более величественного будущего. О том, что Бог дал миру в Енохе пророка, который всей своей внутренней настроенностью жизни указывал путь спасения народам той погибающей эпохи, об этом думали немногие. Погибающие эпохи в конечном итоге слышат только самих себя, свою собственную речь.

Далее Писание сообщает о Енохе следующее: "И ходил Енох

пред Богом /Элохим/; и не стало его, потому что Бог взял его" /Бытие 5,24/. В то время как большинство народов встретило свою погибель в приближающемся суде над миром, Енох вообще не прошел через суд. Посредством взятия Господь переместил его из мира погибели в мир непреходящей жизни. Внутренне он был уже восхищен от земли и умер для мира еще прежде, чем он был взят в Царство света. Он решился потерять преходящее, но он приобрел непреходящее. В то время как мир все потерял, благодаря своим приобретениям, он как раз, благодаря своей потере, приобрел вечность. Таким образом, его хождение пред Богом превратилось в хождение к Богу.

Эпоха Еноха столь же мало обратила внимание на взятие Еноха, как и на его хождение пред Богом и с Богом. Миру предстояло заниматься более необходимым, нежели обращать внимание на какого-то странного человека и на его восхищение, ведь в своей жизни он был так чужд миру, в своем духовном направлении проявил себя таким отсталым. Мир продолжал охотиться за преходящими благами и все более опьянялся великими произведениями и достижениями времени. Итак, жизнь и взятие Еноха ничего не сказали современникам его, потому что те не были способны принять весть от Бога и о Боге, посредством которой совершается поворот в жизни и приобретается будущее. Люди продолжали довольствоваться самими собой, опьянясь тем, чем они владели и что приобрели.

3. Роковой союз с миром

Бытие 6,1-4

Ни поклонение Малелеила Богу, ни испытанное хождение Еноха пред Богом не способны были сохранить свое время от прогрессирующего созревания для судов. Люди проходили, не обращая внимания на речь Божию, звучавшую в устах и жизни отдельных свидетелей, и следовали, как и прежде, вдохновениям, вытекавшим из господствующего духа времени. С каждым новым днем будущее представлялось им более обнадеживающим, имущество их более обильным, богатым, а Бог - ненужным. Люди были уверены, что они правильно постигли свое время, что они соответственно этому настроили свою жизнь, чтобы извлечь из нее возможно более наслаждений, прибылей, чтобы еще более прославиться и чтобы еще значительнее развить свою власть.

Господствовал тогда только один враг, которого они никак

не могли преодолеть, несмотря на весь прогресс своей культуры. Этот враг была смерть. Когда мы читаем пятую главу книги Бытие, создается впечатление, будто мы вступили на кладбище старого мира. Могильный холм один за другим возвышается перед нашей душой, и над каждым из них холодная и однообразная надпись: родился, жил, родил сыновей и дочерей - и умер. Об очень немногих сообщают эти источники древней истории, что жизнь их была действительно положительным вкладом в дело постоянного благосостояния своей эпохи и более далекого будущего. Люди жили для самих себя, носили в самих себе смерть еще задолго до того, как они умирали. Потому что в свете вечности и на языке ее всякая жизнь без Бога определяется как жизнь в состоянии смерти.

Род, самолюбие которого превосходит соображения общего блага, который удовлетворение собственных похотей ставит выше чистоты ближнего, для которого нет ничего святого, который все приносит в жертву своему принципу власти, для которого религия является не чем иным, как самоопьянением и самопоклонением, - такой род привыкнет однажды к однозвучному, холодному языку смерти своего кладбища: "и он умер". Ему вполне достаточно, если анналы истории возвестят в будущем грядущим временам: он родился, родил сыновей и дочерей и - умер. Люди умирали, не приобретя ничего более, кроме короткой преходящей жизни и ее преходящих богатств, и не оставив после себя ничего, кроме еще более увеличивающегося проклятия и гибели.

Однако Господь еще не все сказал чрез тех свидетелей, которые были у Него в ту эпоху; вот поэтому Он создал Себе в духовной жизни той эпохи среди потомков Сифа еще два свидетеля, а именно Ламеха и Ноя. Когда у Мефусала, сына Еноха, родился сын, он назвал его Ламехом /Бытие 5,25/. Однако у этого Ламеха, который появился в конце родословной Сифа, нет ничего общего с духом того Ламеха, с которым мы познакомились выше, у которого было три сына и который вместе с своей боевой песнью был "героем дня" Каинового развития. Напротив! Когда у него родился сын, он назвал его "Ноем", т.е. "покоем, утешением", чтобы сказать таким образом: "Он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при возделывании земли, которую проклял Господь" /Бытие 5,28-29/. Ламех сторонился всех достижений культуры своего времени. Все богатства не насыщали его души, прогресс не обманывал его, он видел порабощение масс, искусство не могло даровать ему утешения и мира, которого жаждала его уставшая душа. Когда же у него родился сын, у него появилась надежда, что он

принесет и ему, и близким этот страстно желаемый покой и утешение.

Вот поэтому он и назвал своего сына Ноем. Ной - это "достигшее цели и покоя движение". "Бедствие наше, - хотел сказать Ламех, - состоит не в том, что мы вынуждены двигаться, а в том, что мы движемся без цели и без цели устаем". "Утешающая деятельность" этого Ноя заключалась в том, что ему предстояло быть посредником в снятии тяготеющего над землей проклятия".

От обостренного светом Божиим взора Ламеха не ускользнуло, что всякая культурная жизнь, несмотря на свое бегство от Бога, стояла пред лицом проклятия и находилась под проклятием. Когда Ламех убедился в великом самообмане, которым обольщались его современники касательно истинного положения вещей, он возложил все свои надежды на своего первенца: он должен внести покой в беспокойное время и утешение в бедствия жизни.

В эти мрачные дни Ламеха приговор Божий над тогдашним направлением духа был так ясно слышен, как никогда прежде. Внешний повод для этого предлагали вполне определенные события повседневной жизни. Люди ели и пили, женились и выходили замуж - все это и тогда, как, впрочем, и сегодня, теснейшим образом связано с естественным ходом жизни и по своему существу не должно было бы являться чем-то таким, что могло бы вести человека к гибели. Потому что Бог жизни, безусловно, радуется всякой жизни, которая происходит из Его творческих рук. Но вот эта жизнь уходит от Его Божественного источника и настраивается исключительно на самое себя. Она перестает обращать внимание на те нормы Божий, с которыми она сопряжена, как и всякое прочее творение, и грешит в ущерб себе же против тех даров, которые Бог заложил в нее для созидания ее и для облагодетельствования ее.

О тех днях Слово Божие сообщает нам следующее: "Тогда сыны Божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет" /Бытие 6, 2-3/.

Мы видели, что во дни Еноха в отдельных представителях родовой линии Сифа жизнь могла развиваться таким образом, что она полностью уклонялась от господствующего направления времени. В то время как все вдохновляемое духом Каина историческое развитие пыталось найти свое блаженство в наслаждении настоящим, эти пришельцы в древнем мире видели

высшую цель своей жизни в хождении пред Богом и с Богом. Взгляды их и суждения, общение их и хождение определялись теми вдохновлениями, которых они удостаивались в своем общении с Богом.

В приведенных выше стихах нам сообщается отнюдь не о маловажном, а о начинающемся великом отпадении от жизни в Боге и в родовой линии Сифа. До сих пор, вероятно, общение с Богом и руководимая Духом Его освященная жизнь были для многих гораздо драгоценнее всего, что мог предложить им род Каина.

Эти сыны Божии до сих пор не могли решиться на то, чтобы пожертвовать Божественным ради того, чтобы приобресть человеческое, не могли отрицать вдохновений Божиих, чтобы почтить Каиновы духовные принципы. Сыны Божии не обручались до сих пор с дочерями потомков Каина и потому именно, что уже тогда известно было, что ни одна из областей жизни не близка так к опасности потерять Божественное под влиянием человеческого, как область брачного союза. Подобно тому, как это общение может превратиться в источник величайшей радости и высшего взаимного подъема, если оно соблюдается двумя внутренне духовно родственными направленными к Богу душами, так, с другой стороны, оно может превратиться в величайшую опасность, если в нем будет отсутствовать духовное родство.

Однако во дни Ламеха наступил поворот. Сынов Божиих одолела похоть плоти, влекущая их к дочерям мира. Всякая похоть, всякое желание запретного плода ослепляет так, что тогда не видна подлинная сущность вещей и не видны сопряженные с наслаждением запретного последствия. Какой мир внутренней жизни, какой образ мышления и жизненных привычек, какое общение с Богом и какие мировоззрения вносили с собой эти дочери в теснейшую совместную жизнь на земле, - об этом не думали более сыны Божий в своем внутреннем омирщвлении. После того, как мир нашел себе место в их сердцах, они уже не опасались и внешнего обручения с ним.

Эта связь в очах Божиих была "блудодеянием" - смесью принципов Божиих с противными Богу идеалами, которая никогда в истории не сможет быть оправданной благословениями Божиими, а потому непременно должна приводить к осуждению всего. Существует такое отделение рода Божиего, такой уход сынов Божиих, такое одиночество носителей веры, которых нельзя отрицать без потери высших благ. До сих пор еще никому и никогда не удавалось жить в общении с миром, не подвергаясь судам над миром. Поэтому отделение от образа

мышления мира всегда является одним из первых и основополагающих требований спасения, предъявляемых тем, которые хотят избежать суда над миром и приобресть вечную жизнь. Никто не сможет быть свидетелем истины, если он, согласившись с ложью мира, станет отрицать истину. Будет ли это эпоха Закона или Евангелия, будет ли это эпоха древнего или нового Откровений, но если в носителях ее совершается смешение духовных и плотских принципов, тогда они перестанут быть для мира пророками Божиими и совестью мира, превратившись в сонаследников гибели мира.

Это совершается, однако, не сразу, потому что для всякого падения человека требуется некоторое время для созревания. Сперва может казаться, будто мир будет черпать из этой связи те совершенно новые для себя силы. Однако произойдут ли от этой связи те "исполины", которые в седой древности были прославленными и известными мужами? /Бытие 6,4/. В истории постоянно возникали всевозможные иллюзии, будто как раз посредством нового единства Божественного с человеческим мир окажется в состоянии достичь своего высшего расцвета и завершения. Вот поэтому, благодаря такому союзу, рождались охватывающие мир идеи, утверждавшие, будто освобождаются новые и непредвиденные силы, которые отдают себя на служение человечеству. Таким образом, все более и более обнаруживалось то окончательное овладение всеми областями жизни и всеми сокровищами мира путем новых достижений культуры, которое должно было осчастливить и тех, которые верили в избавление мира и без Бога.

Однако с ростом силы умножалась и несправедливость; всякий прогресс культуры предлагал и новые возможности для преступлений и пороков. То зло, которое не под силу было совершить отдельной личности, под силу было всему обществу, видевшему в похотях плоти, в жажде власти и в овладении миром самые высокие идеалы.

В такие времена, как правило, направление мира определялось не вдохновением Божиим через сынов Сифа, а духовными принципами сынов Каина. А этот дух еще никогда не погибал. И в потомках Каина жизнью постоянно овладевал принцип снять с земли проклятие и без Бога, исключительно путем исправления и улучшения мира, и заменить потерянное единство в общении с Богом единым культурным общением всех народов земли

Этому развитию Бог поставил новые пределы. "И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемому человека-

ми; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет". В этом ограничении уже заключался суд над временем. Оно являлось величайшим тормозом в развитии. Но в этом же ограничении заключалось и не поддающееся оценке спасение для того времени. Потому что всякое промедление в ведущем к погибели развитии означает умножение времени благодати.

Да, Бог должен был согласиться с тем, что Дух Его не всегда вдохновлял суждения людей, так как они стали плотью. Начавшееся омирщвление сынов Божиих показало Ему, что наступает то время, когда люди вообще не станут слушать голоса Его. До сих пор "светильник Божий", с помощью которого Бог освещал и "сокровенную внутренность человека", не угасал по крайней мере в родовой линии Сифа. В некоторых он превращался даже в ярко светящее пламя, которое озаряло ночь времени. Когда же Бог увидел, что сыны народа Божиего без разбора вступили в брак с дочерями мира, Он сказал: "Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемому человеками". Если в жизни плоть способна овладеть духом, своими чувственными побуждениями и похотями, тогда Дух Божий отступает, и человек теряет правильное суждение о том, что Божие, а что человеческое, что вечно и что преходяще.

Но если Бог прежде всего лишает человека Своего Духа, тогда человек предоставляется самому себе и вынужден будет однажды понести окончательные последствия из своих действий без Бога. Правда, эти последствия всегда превращались в истории в суды наказания. Пред лицом этой потрясающей истины пророк Божий более поздних тысячелетий мог вписать в историю мира великие слова: "И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек".

4. Общее развитие в свете вечности

Бытие 6,5-7

Новое единство в направлении мира только ускорило внутреннее созревание мира для приближающихся судов в водах потопа. Принципиально начатое Каином направление жизни своей настроенностью создать себе существование и без Бога все более и более становилось обязательной нормой для всей той эпохи.

Пред лицом такого развития истории Бог еще раз обобщил Свое решение над древним миром, выразив то, что особенно глубоко трогало Его, как Творца. Вот о чем сообщают нам нижеследующие стихи:

"И увидел Господь /Иегова/, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаился Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь /Иегова/: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человеков до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их" /Бытие 6,5-7/.

В этом решении Божием выражается вся скорбь Божия, которую испытывал Творец неба и земли. Отец всего человечества, глядя на общее развитие тогдашнего времени. Вдохновляемое духом Каина развитие истории с сознанием победы создавало себе будущее, которое оказалось для него сетью, увлекшей его в катастрофу. Чем более человечеству удавалось прикрывать свою внутреннюю безобразность видимостью набожности, а свои низменные похоти облекать в желаемые Богом понятия, тем более оно ослеплялось и не видело приближающегося крушения, которое уже готовилось в общем развитии и с внутренней необходимостью.

Мир ведь всегда погибал, руководствуясь своими собственными идеями. Вдохновления преисподней всегда заканчивались в своих проявлениях решительной гибелью. Однако только в свете Божием оказались очевидными все иллюзии ложного духовного направления и вдохновляемого из преисподней культурного развития, представ в своем полном объеме и во всей своей обнаженности. В этом свете вечности стали очевидными тогда и все бездны погибели, к которым с неотвратимой неизбежностью вело общее развитие. Бог видел, "что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время".

Развращение как раз и состояло в сущности господствующего состояния, которое было создано всем образом мышления человеческого сердца. Ложно направляемое направление мышления времени вызывало ложно направляемые идеи и идеалы.

Как только хранимые человечеством противные Богу идеалы превратились в такую силу, что они стали представлять собой опасность для последующего существования всего, Бог вынужден был судить их. То же милосердие Божие, которое создало человека, облагородив его духовно родственной Богу душой, сказало теперь: "Истреблю с лица земли человеков, необходимо изменить решение, в силу которого был сотворен человек". И далее терпеть каиново направление духа - значит привести весь мир к уничтожению. Наступившее вырождение было так велико, что гибель эпохи была единственным средством спасти будущее человечества. Как часто приходилось Богу, вмешива-

ясь в историю человечества, допускать гибель расцветшей культуры, потому что овладевшие миром идеи превращались в опасность для продолжения существования всего человечества.

Однако в судах Божиих над отдельными личностями всегда проявлялось милосердие Божие для всего человечества. Всю совокупность жизни охватило тогда начавшееся Ноем новое будущее человечества, развитие которого не закончено еще и сегодня. После того, как все попытки спасти человека от его ложного направления и подчинить его зависимости от Бога оказались безуспешными, продолжающееся существование его означает не в меньшей степени суд над ним, как погибель его. Ушедший от Бога человек и его культурный мир уже не может избежать судов Божиих, в гибели ли или в продолжающемся существовании, но он всегда подвержен им и всегда встречает их именно в том, что сам создал якобы ради собственного же спасения.

Однако и в момент уничтожения обнаруживается величие человека, благодаря тому, что он увлекает собой в осуждение и господствующую культуру. Уже тогда сказал Бог: "Истреблю с лица земли человеков… до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю".

Великие эпохи судов погребли не только народы, но и их культуру, и окружающий их мир. Факт этот свидетельствует о том, в каких тесных отношениях находился человек с окружающим его творением, которым он призван был овладеть. "Когда человек опускается и гибнет, печалится и увядает земля". Она с тоской ожидает того, что дух человека в состоянии с желаниями Бога овладеть сокрытыми в ней силами и освободить их для славы Творца, превратив их в источники благословений для человечества.

Однако человек в своем противном Богу настроении сердца отвоевал у нее ее богатства, умножая при этом только свою виновность и подготовляя суды над собой. Вместо того, чтобы добытые из нее ценности превратились в источник благословений для ближнего, он создавал себе из них оружие против ближнего. Вот поэтому все творение с тоской и страстным желанием ожидает дня откровения славы сынов Божиих, потому что тогда и они освободятся от проклятия смертности, которому творение подверглось без вины /Рим. 8,19/.

Подобное вмешательство Божие посредством судов и тогдашнее развитие человечества весьма огорчало Бога в Его сердце. В Своей скорби и в Своей боли Бог вынужден был отречься от того, кого Он создал для радости и для благословенного общения с Собой. Ведь Он создал человека, как Свой образ,

как Свое подобие не для уничтожения, а для жизни, Он признал его быть Своим сыном, а не рабом земли, жизни, Он призвал его для господства над всем творением. В этом своем положении человек должен был принести миру созданиями своего духа не порабощение и гибель, а избавление и совершенство.

То, что Бог страдает, когда видит, что человек, как Его образ, как Его подобие, в отчуждение от Него погибает в судах, - это самое высокое. Что человечество сумело подслушать в откровении Божием. Бог любит человека и тогда, когда Он допускает гибель его. Однако Он не может спасти его. Потому что человек в своих не обновленных помышлениях сердца создаст себе из своего избавления второй ад. Вот поэтому избавление может вытекать только из внутреннего преобразования человеческого сердца и образа мыслей народов. Настроенный на самого себя мир погибает, несмотря на милосердие Божие, которое плачет над его погибелью.

III.НОЙ ПЕРЕД ПОТОПОМ

1. Тайна жизни Ноя

"Ной же обрел благодать пред очами Господа".

Бытие 6,8

Вещи, которые видно сверху, приобретают следствия на земле для своего законченного образа часто лишь в течение столетий, а иногда даже и тысячелетий. Бог видел, как целая эпоха направляется к своей погибели, в то время как все человечество с непоколебимой самоуверенностью еще более столетия трудилось над созданием своей культуры и над делом обеспечения своего будущего. Чем более сыны Божий внутренне общались с духом Каина и вступали в брак с дочерями этого мира, тем боле умолкали те последние голоса, которые считали весьма сомнительным развитие мира во всей его совокупности. На основе наступившего единства в образе мышления и в силу соединения противоположных принципов возникла новая эпоха в общем развитии древнего мира. Больше чем когда-либо теперь люди верили в прогресс культуры, в подъем продукции, в будущее человечества и его истории.

Только один человек оставался особым исключением. Это был Ной, сын Ламеха. Этот Ной решился внутренне настроить себя на всю свою жизнь совершенно иначе, нежели это делала вся его эпоха. В чем же заключалась тайна его побеждающей и

преодолевающей мир силы? В его хождении с Богом и пред Богом!

Самое первое, что мы узнаем о жизни этого человека, - это краткое, но весьма содержательное сообщение: "Ной же обрел благодать пред очами Господа /Иеговы/" /Бытие 6,8/.

Это благоволение Господа оказалось непоколебимым основанием его жизни, силой его убежденности и его действий, а также тайной его дивного спасения.

Если бы Ной не нашел этого нового основания для своей жизни, которого не смог поколебать даже надвигающийся суд над миром, он так же погиб бы, как погибли и все его современники. Если бы на этой почве перед ним не раскрылись более высокие источники силы, то и он подвергался бы воздействиям духа времени, как и многие другие из сынов Божиих в Сифовой родословной. Если бы он не получил более высокого света, в котором он от случая к случаю находил бы Божий ориентиры, то он черпал бы вдохновение для своих действий из глубин своей собственной души. Если бы на этой почве благодати он не приобрел бы сердечного общения с Богом, то и он не смог бы идти путем отделения истинных сынов веры, но он тогда точно так же опьянял бы себя достижениями культуры своего времени, как и прочий тогдашний мир.

Если нам сообщается в этом коротком предложении: "Ной же обрел благодать /в ином переводе благоволение/ пред очами Господа", - вся тайна его такой загадочной для того времени жизни, то все же нам не сказано здесь, что, благодаря этому "обретению благодати", Ной был в первую очередь пощажен во время судов. Это только сопровождающее объяснение чего-то гораздо более высокого. Это короткое предложение, скорее всего выражает то обстоятельство, что Ной приобрел в своей жизни то внутреннее направление или ту внутреннюю настроенность сердца и жизни, благодаря которой Бог мог общаться с ним и он с Богом. Это была та благодать, которая предлагала гораздо больше, нежели только пощаду в судах наказания и в сопряженных с ними мировых катастрофах. Это "обретение благодати" всегда определяет то самое высокое, что человек в состоянии обрести или что он в состоянии достичь с помощью Божией - личное общение с Богом и дар Божий действовать через него для спасения мира.

Для древнееврейского слова "благодать" весьма характерно то обстоятельство, что корень его весьма родственен корню слова "облако". Подобно тому, как облако является условием плодородия и процветания земли, так и жизнь человека может процветать и приносить плод только в том случае, если бла-

годать Божия во всей полноте своего света, своей силы, своего утешения и мира осенит ее и насытит ее более высокой жизнью. Божественное может возникать только благодаря тому, что Бог дарует человеку от Себя.

Слово благодать родственно еще и другому выражению, а именно той древнееврейской частице, которая обладает значением подношения, дарования, обеспечения. Бог является в Своем благоволении Дарующим, а человек - получающим; Бог является Вдохновителем, а человек - Его пророком; Бог является Поручающим, а человек - Его посланником и апостолом.

Вот в чем заключается тайна тех, которые всегда в истории обретали благодать /благоволение/ Божие. Посредством благодати они вступали в те отношения с Богом, в каких находится облако по отношению к земле. В облагодетельствованных Бог находит те личности, которым Он вновь в состоянии сообщать жизнь от Своей жизни, Свет от Света, силу от Своей силы. Вот поэтому Бог мог дать Ною своевременно поручение: "Сделай себе ковчег", - чтобы в Свой час сказать ему: "Войди ... в ковчег". А так как Ной и во время суда сохранил внутреннюю способность понимать язык Божий, то Бог по истечении страшного времени судов мог опять-таки своевременно сказать ему: "выйди из ковчега..."

В Ное Бог вновь получил возможность общаться с землей и спасти ее будущее, несмотря на гибель теперешнего.

Посредством него Бог опять смог внести свет во тьму и жизнь в господство смерти. Когда Бог находит возможность вновь сообщить Себя человеку в полноте Своей творческой жизни, тогда из погибающего вновь возникает новое, тогда старый, терпящий крушение мир вновь переживает в Ное и в его семье свое воскресение для будущего. Поэтому помилование Ноя не было лишь однократным актом Божиим, в силу которого Бог спас Ноя, а длительным и продолжающимся общением Бога с Ноем ради спасения будущего человечества.

Вот на основе такого понимания Бога и возникло хождение Ноя пред Богом. И в его жизни не всегда так было. Выражение, которое в древнееврейском языке обозначает "находить", в большинстве случаев выражает не случайное нахождение, а "приобретение страстно желаемой цели". Оно обозначает достижение тех духовных благ, которых нельзя достичь случайным нахождением, но которое достигается серьезными поисками и тяжелой внутренней борьбой. Как и всегда, так и для Ноя совершенно новая настроенность его жизни означала радикальный разрыв с противным Богу миром и добровольную отдачу своей воли Богу.

Кто когда-либо сознательно совершил тот внутренний уход от старого и узаконенного историческим прогрессом прошлого, тот знает, в какой внутренней душевной борьбе оказывается человек, когда то новое, что он получил от Бога, начинает бороться с остатками прошлого. Только там где Божественному солнцу жизни предоставляется место, там прекращается ночь осужденного Богом мировоззрения, потому что солнце Божие вводит душу в совершенно новый день жизни. Тогда человек обозревает всю жизнь и события истории с их внутренними процессами в гораздо более высоком свете, видит взаимосвязи в развитии и извлекает выводы на будущее, но всего этого он не мог бы достичь без света свыше. Видеть и судить, как видит и судит Бог, можно только в свете Божием. Поэтому освещение внутренних взаимосвязей мировой истории в Божием свете может понять только тот, кто сам оказался в сфере Божиего света.

Благодаря своему разрыву с прошлым и всецело новой настроенности своей жизни, Ной отныне осуждал все стремления и направления плотского образа мышления своего времени. Он никогда не искал бы более высокого, если бы не верил, что эпоха его может предложить ему самое высокое. Но вот в таком опьянении жило большинство его современников. А Ной в таком прославленном культурном развитии своего времени видел не прогресс для жизни, а приближение и подготовку крушения.

Итак, Ной оказался для своих современников проповедником правды; внутренняя убежденность его сердца и его образ жизни свидетельствовали против блаженств культуры и исторического развития того древнего мира. Он был ученым, но наученным Господом, который знал то, чего не знали его современники; в свете Божием он судил о событиях дня, как никто другой не мог бы делать этого. Ной был одним из первых возвещавших суд пророков, которых Бог всегда посылал народам в решающие мгновения мировых поворотов, чтобы в последний раз предупредить погибающих и чтобы указать ищущим спасения новые пути жизни для будущего. В общении с Богом у него открылись глаза, так что он увидел и свое спасение в ковчеге, и конец человеческого рода в приближающихся судах потопа.

2. Хождение Ноя пред Богом

"Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом".

Бытие 6,9

Тайна жизни Ноя состояла в том, что он обрел благодать в очах Божиих. Мы уже видели, что в этом обретении благодати речь не только о том, чтобы спасти Ноя вместе с его семейством от приближающегося суда. Исключительно внешнее спасение Ноя не заключало в себе никакой гарантии относительно всецело обращенного к Богу будущего. Это будущее могло исходить только от по-новому настроенных людей.

Такого человека и приобрел Бог в Ное. В то время, как вся плотская жизнь противилась тому, чтобы подчиниться влияниям Духа Божиего, Ной шире открыл свое сердце для вдохновений свыше и согласился с тем, чтобы действиями его руководил Бог. Если через него нельзя уже было более спасти настоящего, то все же он оказался той личностью, которой Бог смог доверить поручения для спасения гораздо более значительного будущего. Посредством общения с Богом он был вовлечен в образ жизни и мышления Божиего, и потому о всей его жизни можно было сказать: "Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом /Элохим/".

Затем в жизни Ноя перечисляются благословенные действия того общения с Богом, которое раскрылось пред ним с тех пор, как он обрел благодать в очах Божиих. В общении с Богом человек приобретает образ жизни мышления Божиего. Нравственное разложение и государственные несправедливости внутренне разлагали его эпоху, неудержимо увлекая ее навстречу катастрофам судов. Ярко выраженным клеймом Каинового направления духа и культурного развития были массовые нравственные бедствия и социальная испорченность.

Посреди погибающего мира Ной, по милости Божией, приобрел то направление сердца и ту жизненную настроенность, благодаря которой Бог получил возможность в нем и в его сыновьях спасти все будущее человечества. Его полное согласие с суждениями Божиими касательно тогдашнего общего развития "оправдало" его в его ожиданиях суда над миром в его положении в жизни и в образе мышления его современников. Всей нравственной и социальной испорченности он указал соответствующее ее сущности место и осудил ее своей жизнью еще задолго до наступления суда над миром. Избегать судов всегда могли в отдельные эпохи лишь те, которые сами осудили прежде все то, что привело человечество к этим судам. Если бы Ной не приобрел в свете Божием правильного определения всего развития жизни по отношению к Богу и к ближнему, он так не погиб бы в судах, как и прочие люди.

Из безграничной отдачи Ноя Богу вытекает его нравствен-

ная жизнь и его праведное хождение, и отношение к современникам. Святая внутренняя жизнь всегда приводит к нравственному образу жизни, несмотря на разложение духа времени; она приводит и к социальной справедливости, несмотря на господствующую наживу и социальное порабощение, посредством которого человечество так часто рыло себе собственную могилу. У каждого человека имеются обязательства по отношению к двум мирам: к миру своей внутренней жизни и к окружающему миру. Всякая ложная настроенность человека по отношению к самому себе решительно приводит к ложной настроенности и по отношению к ближнему. Кто губит себя посредством греха, тот своим же обольщением вовлекает и ближнего в ту же погибель. Кто разрушает святую святых собственной жизни, тот не содрогнется разрушить святую святых и своего ближнего. Эпоха Ноя потеряла и самое себя, и своего брата потому именно, что всей общественной жизнью овладел дух Каина, а отсюда и прогрессирующий уход от лица Господнего.

Ной же вновь нашел лицо Господа и для себя, и для своего ближнего. Потому что тот, кто вновь занимает правильное положение по отношению к Богу, тот все более и более определяет правильное место в жизни и для себя, и для своего ближнего в той жизни, где каждый пытается служить друг другу.

О Ное сказано дальше, что он сохранил себя в свое время "таким" - безупречным и совершенным.

С какой бы стороны к нему ни приближались искушения, он всегда утверждал свое исполненное праведности доверие Богу и свое выраженное отделение от тогдашнего мира. Он остался верен полученному свыше вдохновению и сознательно закрыл себя от всяких влияний духовных течений своего времени. По отношению к нему верно и справедливо сказано, что "в свое время он был праведником", а также, что "по отношению к своему времени он тоже был прав".

Силу же подобного предохранения он приобрел исключительно в своем хождении пред Богом. Он достиг покоя в Боге и в Его суждениях о существующем порядке мира. Поэтому он и не искал другого света для разрешения возникших вопросов, он не искал и другого прибежища для обеспечения своего будущего, он и не подчинялся ничему иному, кроме полученного откровения Божиего. Он остался одиноким пророком своей эпохи, пророком, которого не поняли окружающие, пророком, о котором история мира должна была свидетельствовать позднее, дав неизгладимое свидетельство на вечные времена: "Ной ходил пред Богом".

В этих словах решается для нас принципиальный вопрос, возможно ли, чтобы один и тот же исторический процесс означал для всего древнего мира суд, а для Ноя и для его семьи жизнь. Фактически в этом факте заключается и сущность всей проблемы. С одной стороны, воды потопа поглотили всю эпоху с образом ее мышления и настроениями, с ее культурным развитием, так что на этой почве уже не могла отныне создаваться история мира. С другой стороны, эти же воды потопа перенесли целую семью в тот новый мир, в котором все человечество опять направилось навстречу своему спасению. Не возникает ли и сегодня во многих жгучий вопрос, глядя на всю бесчеловечность прожитых лет войны, как Бог может быть Богом любви, если Он допустил распоясаться разрушительным стихиям, так что они погребли цветущее культурное прошлое под своими развалинами, погубили бессчетное число существований и миллионы повергли в бедствия и нищету?

В той мере, в какой мы способны судить о сокровеннейшей и глубочайшей сущности судов Божиих, мы можем утверждать, что в своих проявлениях они никогда не означали активности Божией, а свидетельствуют об активности человека без Бога. Там где Бог действует и в мире, и в истории, там всегда обнаруживается нечто от Его творческой силы, от Его искупляющей любви и от Его благословляющей жизни. Потому что проявления жизни Божией всегда положительны и никогда не производят гибели, а только жизнь и воскресение для человечества.

Мы видели уже, однако, что весь древний мир развивался в духе Каина и принципиально стал на ту почву, на которой он хотел создать себе будущее без Бога. Ему достаточно было собственного духа, и он не нуждался во вдохновении свыше. Он раскрыл для себя сокровища земли и полагал, что отныне он независим от благословений неба. Это была сознательная настроенность сердца и жизни древнего' мира, направляющегося навстречу своему суду. В самом себе он носил свою же погибель, вот поэтому он и вынужден был однажды пережить ее. Потому что все великие мировые катастрофы были в своей глубочайшей сущности не чем иным, как последствиями действий человека без Бога. В судах говорил человек, а Бог молчал. Там же где вынуждены молчать творческие и благословляющие действия Божии, там говорит разлагающий и разрушающий суд человека.

Вот поэтому времена судов всегда являются временами пассивности Божией и Божиего молчания. Во время судов человек израсходует свои силы и устраивает жизнь без Бога. Мы вно-

сим поэтому что-то совершенно ложное в истинный образ Божий, если в судах Божиих усматриваем некоторую мысль о воздаянии Божием, подобную той, которая способен вынашивать человек в своем плотском настроении сердца и в своих
помыслах о воздаянии. Потому что суды Божии, которые мир воспринимают как воздаяние и наказание сопровождаются спасающей справедливостью и праведной любовью Божией, которая не желает смерти грешника, а лишь того единственно, чтобы он жил, изменив свой противный Богу образ жизни.

Человек всегда сам себе создает суд, сам себя осуждает. Уходя от Бога, он подвергается однажды осуждению греха и теряет вечное, как в самом себе так и для себя. Потому что тот, кто уходит от Бога, уходит и от той справедливости, благодаря которой существует все творение Божие. Творение уничтожило бы самое себя во всех своих членах, если бы оно покинуло это основание Божие для своего существования и для своего развития.

Уйти от этой справедливости Божией, которая проявляется во всем творении ради его жизни и спасения, человек не в состоянии, не подвергнув себя осуждению. Если же он тем не менее сделает этот шаг, он подвергнется осуждению со стороны самого творения, к владычеству над которым он призван. Те же изобретения, которые обогатили его и сделали его могущественным, уничтожат его. Та же политическая государственная власть, которая должна быть для него гарантией его будущего, создаст однажды всемирно-политические осложнения, которые приведут к уничтожению, к пагубной катастрофе. Если бы Бог вновь подарил человечеству рай, оно вновь попыталось бы овладеть им без праведности Божией и превратило бы его в новый ад.

Вот поэтому завершение нового творения будет не меньшим явлением, как совершенная праведность каждого отдельного члена и всего целого во всей его совокупности. Ибо только полная праведность может быть основанием совершенной гармонии как в отношениях между отдельными, так и в отношениях между всеми членами и совокупностью всего творения.

Только из этой гармонии вытекает тот мир, который всякое служение отдельных членов вносит в совершенное творение. Потому что каждый искупленный член получает свое определенное место в пределах всей совокупности мира Божиего. Находясь на этом именно определенном для него месте, он становится способным дополнять другие члены и, таким образом, служить всем, т.е. целому. Следовательно, совершенство будет односторонней ориентацией всех искупленных членов,

достигших примирения и вечной гармонии нового Божиего творения.

Как раз в этой односторонней ориентации и заключается самое сильное и самое праведное служение отдельного члена целому. Ни один из членов не окажется способным представить вполне в самом себе все целое. В свою очередь, и все целое никогда не станет отвергать служения отдельного члена. Вот поэтому новое творение глубочайшим образом заинтересовано в завершении отдельных членов. Завершение и совершенство его покоится в завершении и совершенстве отдельных членов. Тот же интерес проявляет и каждый отдельный член к завершению и совершенству целого.

В этом именно смысле Бог был и является справедливым и праведным по отношению ко всему Своему творению. Он никогда не растворялся в творении, Он оставался для него всегда единственно Другим, но в Своей праведности Он всегда пытался послужить отдельному члену не меньше, чем всему целому, чтобы каждый член достиг Его праведности. В понимании Божием слово "праведный" обозначает не меньше как полноту искупительной силы и ищущей любви, которая могла бы открыть жизнь Его ко спасению всему творению, чтобы повести его навстречу его же совершенству. Поэтому, если человеческая жизнь с какой-либо стороны может быть так проникнута Его Духом, что начинает всей своей настроенностью содействовать тому, чтобы спасительные намерения Божий могли привести как отдельного члена, так и всю совокупность творения ближе к совершенству, - то такая жизнь в очах Божиих является "праведной". Если даже эта жизнь в самом начале и была не совершенной, то в сознательной отдаче своей воли Богу она займет то положение по отношению к отдельным членам совокупности творения, которое сможет привести к завершению всего.

3. Святой остаток - загадка мировой истории

Великое и исключительно историческое событие дней Ноя ставит нас как бы перед неразрешимой загадкой мировой истории. Мы уже пытались понять, почему эпоха Каина во всем своем внутреннем духовном направлении и в своем внешнем культурном развитии должна была привести к неудержимой катастрофе и как единственно на основе своей внутренней настроенности и своего родственного Богу образу мышления Ной мог быть спасен и пронесен над водами потопа. Но нет ли чего-то чудовищного и чего-то непонятного в том, что Бог в

свое время сочетал дальнейшее существование и будущее всего человечества с одним Ноем и его семьей?

В принципе, в дальнейшей истории мира все время повторялся этот же самый факт. Богу часто предстояло предавать судам ушедшее от Него настоящее, чтобы спасти посредством малого количества облагодетельствованных и помилованных гораздо большее будущее.

К тяжелейшим проблемам развития человечества и к потрясающим трагедиям мировой истории принадлежит тот факт, что все то, что некогда начало свое существование в духе и в Боге, с течением времени находит свой конец в погружении в плоть. Однако, как только начавшееся в Духе Божием развитие раскрывается для вдохновений собственного духа, разделяя образ мышления мира, Бог всякий раз предавал его суду над миром. Бог всегда судил плоть плотью, мир - только миром.

Если Иерусалим по своему внутреннему существу становился Вавилоном, то история непременно увидит, что принадлежащий некогда Богу город подвергнется в свое время своему осуждению в Вавилоне.

В этом свете взглянем на некоторые события библейской истории мира, которые в свое время обладали решающим значением. Бог создал первого человека по Своему собственному образу и подобию и облагородил его до положения царя и господина творения. В Едеме Он приготовил ему тот райский храм Божий, которому предстояло быть для человека образцом для его владычества над миром. Связанное в своем внутреннем содержании творение должно было, благодаря господству человека, раскрыться во всех своих силах и красоте своих явлений превратиться в сад Божий, где можно было бы слышать голос Божий и где можно было бы видеть Бога прохаживающимся в Своем храме. Однако начавшееся в раю развитие обрело свое продолжение вне рая; приблизительно спустя 1500 лет, мы видим, что этот период человечества заканчивается первым судом над миром.

В Ное и его семье Бог приобрел тот "святой остаток", в котором Он мог спасать последующее будущее человечества даже и в водах потопа. Когда этот Ной вступил на очищенную судами землю, он прежде всего построил на ней жертвенник Господу, чтобы таким образом возвестить о том, что спасенное в его жизни будущее является не чем иным, как жертвой безраздельной отдачи Богу. Именно в этом духе Ной начал новое дело жизни и дело созидания культуры в простирающейся перед ним новой эпохе истории. К сожалению, во дни Нимрода человечество опять погрузилось в дух жизни Каинового разви-

тия истории, так что Бог вынужден был предоставить мир самому себе, чтобы он погубил самого себя в своем же собственном суде.

Будущее человечества Бог пожелал спасти таким образом, что нашел Авраама, которого вывел из погибающего мира и посредством которого он смог внести в историю совершенно новый, Божий принцип жизни. Это был принцип безраздельного доверия Богу и добровольной зависимости от Бога. С тех пор будущее не определялось уже более государственной политикой Нимрода, а духом семьи Авраама, который оставил однажды родину и друзей, чтобы ходить пред Богом и чтобы воздвигать Ему жертвенники. Так та чужбина, куда прибыл Авраам, превратилась в центр мировой истории, а Ханаан в место рождения пророков всех народов.

Иакову пришлось увидеть, как сыновья его вновь отправились в Египет, где они вскоре после смерти Иосифа вынуждены были изготовлять кирпичи для фараона; казалось будто род Авраама навсегда будет погребен под воздвигнутыми пирамидами фараона, а мировая история достигнет своего высочайшего завершения в подневольном служении Израиля и в самообожествлении фараона.

У Бога, однако, были иные цели и иные намерения: Он попустил, чтобы с течением времени Египет сам себе вырыл могилу под своими пирамидами, а очищенный в судах пастушеский народ евреев Он обратно ввел в землю его отцов. Ни Египет, а Израиля Он поставил отныне в пророки миру. Для поставленных в зависимости от Бога сыновей Иакова началась история веры, в связи с чем казалось, будто жизнь этого народа во всей полноте своих отношений и в своей деятельности является непрерывным богослужением человека на земле. Одно чудо за другим переживал Израиль в своих отношениях к Богу; удивление за удивлением постигало народы, глядевших на этих сыновей Иакова. Никогда еще люди не видели Бога так ясно, как видели его пророки Израиля; никогда еще люди не служили Ему так преданно, как служил в свое время израильский народ.

Однако и этот народ Божий во всей совокупности опять возжелал сокровищ мира. Он пожелал царей, какие были у прочих народов; он пожелал строить крепости и заключать договоры и союзы для обеспечения будущего своего теократического государства; он пожелал служащего плотской чувственности жертвенного культа, какой он подсмотрел у совершающих идолослужения язычников. Не удивительно, что Израиль погиб вместе со своими царями, вместе с своим государством,

своими пророками и своим святилищем: Иерусалим закончил свое существование в Вавилоне.

Однако и в Вавилоне Бог нашел Себе "малый остаток", который Он, как и Ноя, провел через весь период Вавилонского пленения и спас, приготовив для наступления новой истории мира в будущем. Когда пал Иерусалим, родился Сион; там, где погребено было Израильское государство, возникло общество Израиля. Последнее оказалось единственным сосудом, который способен был сохранить и спасти святейшие блага народов откровения в течение страшных и ужасных судов над народами. Как бы ни был орошен слезами путь страданий этой рассеянной Церкви, закон Божий и пророческая весть неизгладимым образом начертаны отныне не на каменных скрижалях и не на преходящих пергаментных свитках, а в сердцах иудейской общины.

Однако, созданные в духе Ездры и Неемии общины опять закончили в целом свое существование во дни Иисуса и апостолов плотью. Когда появился Тот, Кого с тоскою и страстным желанием ожидали пророки, Кого ожидало и иудейское общество, проходя в течение столетий свой обильно орошаемый слезами путь страданий; благочестие этого общества приготовило в своей среде Прекраснейшему из сынов человеческих место на кресте. Оно нашло достаточно место для закона и книжничества, для фарисеев и саддукеев, но не нашло его для Того, Кто, как воплощенное Слово Божие, хотел быть для народа гораздо большим. нежели только пророком. Слава Божия опять совершенно исчезла из храма иудейского общества, так что Иисус вынужден был воскликнуть: "Дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников" /Матф. 21,13/. В Своей первосвященнической скорби Он воскликнул однажды о Сионе: "Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели" /Матф. 23, 37/. В пророческом духе Он видел, что и эта иудейская община закончит свое существование в приближающемся суде над народами.

Через семьдесят лет исполнилось предсказанное Христом потрясающее событие, а от некогда гордого святилища не осталось камня на камне. Хотя Тит, полководец римских войск, настойчиво повелевал перед штурмом Иерусалима пощадить храм, однако факел его рассвирепевших солдат сжег этот храм. Нет такой силы в мире, которая могла бы уберечь и сохранить от судов все то, что внутренне уже созрело в истории для суда.

С момента разрушения Иерусалима Бог избрал Себе в носи-

теля Своих великих мыслей и намерений ту маленькую секту из иудеев и язычников, члены которой исповедывали Распятого и Воскресшего. В праздник Пятидесятницы родилась в Иерусалиме та Христианская Церковь, то братство, которое своим Евангелием и огнем Духа должно было победить весь старый мир. Правда, римские императоры воспротивились сложить свое оружие перед не имеющий ни вида, ни величия силой христианства; правда, язычество все еще пыталось сохранить свои храмы и своих богов и спасти их от наступления Церкви Христовой; правда, греческая философия и государственность пыталось обессилить искупительную силу простого Евангелия Иисуса, - однажды, однако, случилось великое чудо: старый мир сдался и склонился перед Распятым и Воскресшим.

Однако и эта апостольская Церковь, члены которой были крещены Духом Святым, которая, как апостол Иисуса Христа, носила в своем сердце обновляющее мир Евангелие, которая своей вестью о кресте в течение столетий победила старый мир, - и она тоже закончила плотью. Церковь Пятидесятницы нашла свой конец в мире, в той всемирной церкви, которая воздвигала жертвенники побежденному миру, а Духу Распятого сооружала костры.

Мы ушли бы слишком далеко, если бы пожелали рассмотреть в этом свете всю область почти двухтысячелетнего существования Церкви. Никто не поверит, что, начиная омирщвлением Рима, совсем иными стали последующие великие проявления жизни Церкви. Благодаря Реформации, пиетизму, различным свободным церквам, Бог всегда начинал нечто новое и минуя суда спасал созданную по Богу жизнь для будущего. Пусть сотни раз история человеческого развития приобретает себе видимость, будто суды, совершающиеся в настоящем, губят окончательно и будущее, у Бога всегда были Свои пророки и апостолы, Свои Лютер и Менно, Свои Кальвин и Цвингли и многие другие облагодетельствованные и помилованные, принадлежавшие великой эпохе Реформации, и через них Он создавал новое, которое было более славным, нежели то, что погибло.

Итак, святой остаток во все времена является загадкой мировой истории. Остатком этим пренебрегали, его считали совершенно несущественным фактором в мировых событиях, к нему относились как к пришельцу, с ним обращались как с хулителем Божиим и как с преступником, - и все же он был сосудом милосердия Божиего, великим соработником Божиим, посредством которого Бог управлял дальнейшим существованием мира. Мир давно уже погиб бы в своих созданиях, от дел собственных рук, если бы не этот никогда не умолкающий голос

Божий, если бы не это хранимое всегда Богом распространяющееся Евангелие: люди, получившие вечное, не могут не возвещать о вечном.

Поэтому нельзя высказать, нельзя выразить словами того, что означает для общего развития всего человечества и грядущих веков /эонов/ тот факт, что Бог всегда находит людей, которые, подобно Ною, обретают у Него благодать и в своей жизни становятся носителями великих мыслей Божиих касательно будущего. Их хождения пред Богом спасает будущее мира.

4. Потрясающий приговор Божий

Бытие 6, 11-13

Хождение Ноя пред Богом привело его к жизни во свете откровения Божиего. Решающим в его жизни оказался не однократный акт спасения Божиего, а постоянно продолжающееся откровение Божие, которого он удостаивался для своих соответствующих действий. В то время, как весь мир ходил в своем собственном свете и с гордой радостью взирал на своих вождей и героев, в среде его жил человек, который так и оставался пришельцем посреди господствующего воодушевления. Как ни далеко шагнула культурная жизнь его времени, душа Ноя жила в мире, который предлагал ему нечто значительно более высокое. Это был мир Божий, который являлся откровением для всей его жизни.

Этот свет, который Ной получал в силу откровения Божиего от потребности в надлежащие решающие мгновения своей жизни, определял отдельные решения и действия Ноя. Он не руководствовался духом своего времени, но он получал глубочайшие познания от той высокой позиции пророка, которая открывалась всем рабам Божиим, постоянно находившимся в тесном общении с Богом.

Когда перед ним обнаружилась праведность Божия, он превратил ее, благодаря своей безграничной отдаче Богу, в программу своей жизни. Вот поэтому жизнь его никогда не могла сообразоваться с его временем, она обязана была вести его к другому будущему. В стихе 11 данного отрывка сообщается нам следующее о мире, который, несмотря на свою развитую культуру, уже значительно подвергся разложению: "Но земля растлилась пред лицем Божиим, и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел Бог на землю, - и вот она растленна: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле".

С помощью этих скупых штрихов начертана перед нами ис-

тория культуры того древнего мира, в духовной атмосфере которого жил Ной. Богу не требуется писать весьма толстых томов, чтобы начертать целую эпоху в ее движении к гибели. Грифель Его Духа всегда необычайно остр, когда Он пишет в истории мира Свои слова: "Мене, мене, текел, упарсин". Несколько предложений - и перед нашей душой оживает вся внутренняя нищета и внешняя нагота во всей своей потрясающей правдивости и последовательности, изображая неизбежное историческое крушение народа. Каким бы внешним гримом культуры ни украшала себя эпоха, как бы сознательно ни превозносили порок ее в народную нравственность, как бы государство ни наряжало свою политическую душу хищника перед глазами своих подданных в облик человеческий - Бог всегда видел ту землю, которая "растлилась пред лицем Божиим" и которая уже созрела для суда. Все то, что прежде видел Бог, явилось однажды откровением и для Ноя.

Для характеристики истории культуры той Каиновой эпохи избраны в библейском тексте выражения: "растленна" и "извратила". Эти явления овладели образом мышления и настроениями людей, а также состояниями того времени, превратившись в тайных носителей общественной жизни. Растление проявлялось в нравственной, а извращение - в социальной областях; и то и другое стремилось к уничтожению зародышевой клетки здоровой народной жизни, к гибели семьи, к социальному порабощению более слабого более сильным, к беззастенчивому нарушению общего благосостояния в силу защищаемого законом самолюбия.

Уже в первую эпоху истории мира "растление" и "извращение" оказались могильщиками культурного народа. С тех пор они всегда являлись причиной всякой гибели и предвестниками приближающихся судов над миром. Безнравственность убивает добросовестность и похищает уважение к правам ближнего. Вот поэтому безнравственность, как правило, соединяется с хитростью и, охраняемая законом, идет рука об руку с насилием. Все то, что для одного могло бы оказаться низким преступлением по отношению к своему ближнему, для другого в силу его положения, его состояния и его законом охраняемых прав является его гражданским благополучием.

Знаменательно, что о днях Ноя сказано: "Но земля растлилась пред лицем Божием /Элохим/, и наполнилась земля злодеяниями". Нравственный закат всегда предшествует общественному и социальному упадку. Первый до такой степени был всеобщим, что охватил собой все общество, всю его жизнь. И все же полагали, что нравственная испорченность не

окажет влияния на общество и культуру, на развитие и будущее. В силу побуждений и природных прав, свойственных плоти, молодежь предавалась всякому разврату. Брачная жизнь до такой степени растлилась, что едва ли кто-либо в состоянии был уберечь свою жену от похоти и обольщения ближнего. Дети почти не воспитывались, им почти неизвестны были нравственно чистые семейные отношения, потому что им знакомы были всевозможные грехи еще до того, как они вообще усвоили себе понятия греха, но все это, казалось, не производит никакого влияния на цветущую торговлю, на общественные связи, на созидание государственной власти и на прогресс культуры. Общество охраняло себя от явных хищений и грабежа, от публичных оскорблений и поношений насилием и темницами, однако, в своей сокровенной сущности оно погибало благодаря охраняемому законом самолюбию и терпимой общественным порядком низости. "Восстанет сила и жезл нечестия; ничего не останется на них", - свидетельствует пророк более поздней эпохи, глядя на прогрессирующую развращенность своего времени /Иезек.7,11/.

Может быть мы сможем понять, глядя на господствующее нравственное одичание времени, высмеивавшее целомудренно прожитую юность, когда из мира понятий и представлений современников исчезла святость счастливой благополучной семейной жизни, почему Ной сравнительно поздно приступил к основанию своей семейной жизни. Он не видел в ней чего--то особенно "праведного". Очевидно, он опасался дочерей этого мира, глядя на всеобщее нравственное падение. Может быть, ему было тяжело и трудно найти среди потомков Сифа ту, которая была бы готова разделить с ним отдачу Богу. Уже то обстоятельство, что Ной вместе с своей женой и вместе с своей семьей прошел через суды потопа, свидетельствует о том, как жена его сообразовалась вместе с ним с намерениями Божиими, которые явились для него основанием всех его действий.

Пред лицом этих общих в то время господствующих обстоятельств Ной в своем хождении пред Богом был одним из величайших религиозных оригиналов, которых когда-либо знал мир. Тем не менее, он пережил однажды великий момент - Бог оправдал его. В своей нравственно чистой жизни он был до такой степени радикальным сепаратистом / человеком, который отделил себя от окружающих/, что едва ли кто-либо еще мог бы превзойти его в этом отношении; однако, именно с отделением его от окружающих Бог мог сочетать спасение всего будущего мира. Тому же Ною, который так пессимистически судил

об отношениях своего времени, что нигде нельзя было использовать его в строительстве культурной жизни, Бог пожелал открыть однажды уже на очищенной судами земле Свою Божию программу строительства культуры. Итак, эпоха Ноя только терпела его, но не могла использовать его; его слушали, но его не понимали. Он был одиноким еще задолго до того, как вошел в ковчег.

И все же он не остался без откровения. Чем менее могли сказать ему люди, тем более мог сказать ему Бог. Чем более он общался с Богом, тем восприимчивее становилось его внутреннее ухо к речам Божиим. Таким образом, Ной оказался личностью, которая научилась понимать Бога и посреди шума противного Богу развития и которая не обманулась в своем понимании Бога. Это оказалось решающим значением как для него лично, так и для будущего всего мира. Потому что его понимание Бога всякий раз приводило к определенным действиям. Хотя ковчег был средством спасения, однако основание спасения заключалось в живом слове Божием, которого Ной удостаивался от случая к случаю в должное время ради спасения мира. Потому что Ной мог так глубоко понимать своего Бога, Господь оказался в состоянии сообщить ему однажды, как Он судит об общей картине его эпохи. Бог сказал ему: "Конец всякой плоти пришел пред лицо Мое; ибо земля наполнилась от них злодеяниями. И вот, Я истреблю их с земли" /Бытие 6,13/.

Этот потрясающий приговор Божий оказался для Ноя указательной стрелкой на часах мировой истории. Стрелка эта приближалась к полуночи. После того, как человек, благодаря всему образу своей жизни, оказался неспособным основать семью, Господь вынужден был заявить, что всякая плоть извратила свой путь на земле. Господу, как Творцу, весьма было важным, чтобы и все отдельные члены творения соблюдали положенные им законы и чтобы эти законы сохранили Его творение. Если же человек, как высший член этого творения, так отравил свое тело противоестественной плотской чувственностью и развращенностью, что гибель оказалась неизбежной, Элохим вынужден был заявить: "Конец всякой плоти пришел пред лице Мое". Производить подобное насилие над собой и над своим ближним не в состоянии даже животное, для этого его духовный горизонт слишком узок. Только человек в состоянии так глубоко пасть и так согрешить по отношению к самому себе и к ближнему и даже по отношению к животному миру, что он лишается возможности дальнейшего существования. А это пред Богом означает конец всякой плоти.

Пусть древний мир и пребывал в состоянии ослепления, полагая, что он стоит у начала новой славной эпохи, Ной же, тем не менее, знал, что погибающая эпоха приближается к концу. Ведь Бог хотел ему сообщить отнюдь не маловажную, тяжелую весть: "Если Я не вторгнусь в жизнь мира, всякая плоть погубит самое себя, ибо конец ее уже пришел пред лицо Мое". Мир Ноя уже давно носил в самом себе свое осуждение, еще задолго до того, как оно проявилось в потопе.

Последующие тысячелетия доказали, что эпохи мира, которые носили в своем сердце собственное осуждение, погибали в не меньшей степени, нежели от потопа, как погибла от потопа Каинова эпоха мира. Если эпоха истории во всей своей совокупности сознательно отдает себя на произвол, если она прежде всего питает свой эгоизм, рассматривая материальные прибыли во всех областях гораздо выше, нежели духовное благо ближнего, тогда Бог в состоянии спасти только отдельные личности, но Он уже не в состоянии воспрепятствовать более гибели всей эпохи в целом. В развитии человечества всегда существует предел; если перешагнуть его, спасение становится невозможным.

В этом и состоит трагизм мировой истории, могучего языка который до сих пор не смог еще отрицать ни один хулитель и не один безбожник. Человеческое сердце способно устранится от откровения Слова Божиего, но оно вынуждено склониться, как склонится и всякая враждебно настроенная душа, перед откровением языка судов Божиих в истории. Можно ввергнуть в яму пророков Божиих, как Иеремию, можно обезглавить их, как Иоанна, можно повести их на костер, как Гуса, так что должна умолкнуть говорящая совесть мировой истории.

Но если умолкнут истинные пророки Божий, тогда начнут говорить те суды, которые не останавливаются перед принципами насилия Ламеха, государственной политики души Нимрода и перед острием меча Амалика. Суды над миром не признают величия личности человека, не склоняются перед славой и богатством, они всегда гораздо сильнее самых могущественных на земле. Они до сих пор всегда постигали человечество, как правило, с такой непредвиденной внезапностью и наступали с такой неожиданной силой, что избежать их было невозможно, и потому люди изнемогали внутренне от ожидания грядущих бедствий. Тот, кто хочет избежать судов над миром, должен прежде внутренне удалиться от всего, что с неумолимой необходимостью приводит в ходе мировой истории к этим судам.

5. Первое поручение Божие

Бытие 6,14-17

Существует закон родственности в области звуков. Допустим, на стене висит гитара, струны которой настроены на определенную высоту звука; если взять в руки скрипку и провести смычком по ее струнам, тогда случается, что и струны инструмента, висящего на стене, начинают звучать, как только в скрипке раздадутся соответствующие звуки. Родственные звуки приводят друг друга в колебание.

Наиболее нежными струнами обладает в посюстороннем творении духовная жизнь человека. Она скорее всего реагирует на все внешние и внутренние воздействия, которыми она окружена со всех сторон. Если она настроена на язык вечности и Господь говорит свыше: "Конец всякой плоти пришел пред лице Мое", тогда здесь на земле, Ной теряет всякое упование на дальнейшее существование окружающего его и радующегося своему будущему культурного мира. Он размышляет о судах, он строит ковчег спасения. Бог сказал однажды в период блеска Ура Халдейского единственной семье: "Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе" /Бытие 12,1/. И мы видим, как эта семья покидает однажды священные гробы своих предков, поля своей родины и наследие своих отцов и по повелению Божиему отправляется в землю Ханаанскую.

Фараон остался глух к воздыханиям сынов Иакова и к слезам матерей Израиля и беззастенчиво создавал себе новые государственные ценности на крови порабощенного народа скотоводов. Но Бог слышал эти воздыхания и видел эти слезы. Не только перед дворцом, но и пред самым фараоном стоит пророк Божий в один прекрасный день и обращается к совести Египта: "Отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение", - /Исход 8,1/. Когда говорит вечность, здесь на земле отвечают ей отдельные сердца и толкуют слова вечности своей эпохе, чтобы полученная ими весть от Бога послужила всем заблудшим как свет Божий ко спасению.

Так в те древние дни прозвучал в душе Ноя Божий план спасения будущего. Господь сказал Ною: "Конец всякой плоти пришел пред лице Мое; ибо земля наполнилась от них злодеяниями. И вот, Я истреблю их с земли. Сделай себе ковчег из дерева гореф; отделения сделай в ковчеге, и осмоли его смолою внутри и снаружи" /Бытие 6,13-14/.

Далее Господь точно определил размеры, форму и устрой-

ство того ковчега, который должен был послужить Ною, его семье и всякой твари для спасения, той твари, которую Бог хотел спасти вместе с Ноем во время потопа. Посредством этого определенного поручения Бог предоставил Нею возможность приготовиться ко времени судов еще до того, как они станут исторической действительностью, которая в своих водах погубит цветущий культурный мир. В конце этого отрывка мы читаем: "И сделал Ной все; как повелел ему Бог, так он и сделал" /Бытие 6,22/. Уже тогда оказалось, что решающий момент в спасении Ноя находился в зависимости от Бога, в его понимании Бога и в его повиновении Богу.

Величие всякой живой веры всегда заключалось в доверительном уповании на Бога, которое в свете Божием приобретало ту ориентировку, которая делала его способным приготовиться к своему спасению.

Как ни различны были суды в мировой истории, различным всегда было и спасение из этих судов. Для Ноя был ковчег, для Авраама - выход из Ура Халдейского, для Израиля во дни пророка Иеремии - союз с Вавилоном, для первой Церкви учеников - бегство в городок Пелла, и так в тысячах других случаев, которые стали известны истории или остались даже неизвестными ей.

Но какие бы различные средства ни избирал Бог, чтобы они оказались ковчегом спасения, нахождение их всегда было сопряжено с познанием Бога и с повиновением Богу, что так характерно для жизни Ноя. Потому что один только Бог в состоянии обозреть во всем объеме грядущие суды, поэтому Он в состоянии найти и те средства, которые проведут через эти суды. Спасение в судах над миром никогда не было примером расчетов или плодов логических выводов и политической дальнозоркости. Тот, кто полагал, что в состоянии разрешить эти вопросы острием своего ума, никогда не мог обеспечить себе своего спасения. Потому что с судами над миром сопряжено нечто столь могучее, они всегда сопровождаются полнейшим крушением и самых стабильных отношений, что никто не в состоянии учесть события судов во всех их проявлениях, чтобы соответственно приготовиться к ним.

Подобная мудро рассчитанная подготовленность не могла бы спасти и Ноя в его время. Гарантии его спасения заключались в первую очередь не в самом ковчеге, а в живом слове Божием, которого он удостоился и которому он решился повиноваться. Если бы Ной еще долго задавался вопросами, стоит ли строить ковчег пред лицом прогрессивно развивающейся культуры своего времени, он никогда не предпринял бы

тех шагов веры, которые привели к его спасению. В этом и по сей день состоит тайна тех людей, которые ради собственного спасения так познали своего Бога, что, уповая на Его откровение, решались предпринять те шаги, которые не всегда соответствовали времени, но которые всегда дивным образом содействовали их спасению. Как ни критически судили о них современники, сами они всегда искали те пути, на которых пред ними мог пройти Бог, чтобы они могли идти по следам Его /Исход 33,21-22/. Бог в Своем откровении прошел и пред Ноем, и с тех пор современники его видели, как он в своем послушании веры следовал за Ним /Пс. 16,5/.

Ной не заблудился на том пути, которым он шел. Благодаря своему общению с Богом, он обитал в вышнем мире, как у себя дома, и научился понимать тот язык, на котором там говорили. В этом именно всегда заключалось своеобразие тех душ, которые ходили пред Богом: со временем, благодаря своему общению с Богом, они приобретали дивное понимание языка Божиего. А так как они понимали язык Божий, то Бог мог от случая к случаю открывать перед ними тот путь, который вел к спасению их. Правда, они не сразу же могли обозреть всю совокупность явлений, необходимую для спасения их, но они все-таки видели те первые шаги, которые необходимо было совершить ради своего спасения. Тому, кто подобно Ною, находится в тесном общении с Богом, совсем важно знать все то, что должно совершиться впереди. Бог даст ему в надлежащее время указание: "Войди ... в ковчег".

Мы видим, каким решающим значением обладал для Ноя тот факт, что он в своей жизни находился в сокровенном общении с Богом. Так как он понял Бога, то он своевременно построил ковчег: так как он, снова, понял Его, он своевременно вошел в ковчег; так как он, в третий раз, понял Его, то он в должный час вышел из ковчега. Ибо если бы Ной остался в ковчеге, то он так же погиб бы в ковчеге, как и его современники вне ковчега. Как только ковчег сослужил Ною и его семье спасительную помощь, он потерял для него всякое значение; ибо решающим в спасении являются не те средства, которые избирает Бог, а Он, избирающий эти средства. В сокровенной привязанности к Богу заключалась подлинная тайна всего спасения Ноя.

Вместе с дарованным поручением Господь сочетал для утешения Ноя и дивное обетование завета: "Но с тобой Я поставляю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою" /Бытие 6,18/.

И Ной был человеком и чувствовал, как человек, когда Бог

показал ему, что часы существующей эпохи уже приближаются к полуночи. Грядущее развертывалось перед ним, совершенно не поддаваясь учету. Правда, он получил поручение приготовить себе ковчег, но в каком страхе могла пребывать его душа, когда он видел в духе беспощадную действительность гибели своей эпохи.

Вот тогда Бог пришел ему на помощь в его уповании и гарантировал ему в этом обетовании завета его спасение. Наше слово "завет"/союз/ совсем не выражает того, что лежит в основе собственного понятия этого слова ; завет в нашем смысле всегда предполагает что-то взаимное. Завет же Божий ради сохранения Ноя был исключительно односторонним.

Подобные гарантии завета в состоянии предлагать и даровать один только Бог. Да, Ной в соответствии с его повелением построил ковчег, но "сохранение и спасение его нуждались в особой защите Его Божественной воли". В спасение Ноя вторглась сила Божия, которая в состоянии была управлять и будущими водами потопа.

Во всей взаимосвязи страшных сил судов над миром Бог никогда не теряет Своего контроля над мировыми событиями. Несмотря на свою не поддающуюся учету силу, они не наступят ни минутой раньше и не продлятся ни на минуту дольше того времени, которое Бог определил для них. Они разрушают, но и служат одновременно. Они навсегда погребают целую эпоху, но в то же время на своих волнах вносят Ноя и его семью в новую эру мира. Даровать и соблюсти такое абсолютное и владеющее всем обетование завета отчаивающемуся человеку может только один Бог.

С тех пор год за годом, десятилетие за десятилетием современники Ноя видели, как он строил ковчег спасения, а сами они в это время, как и прежде, улучшали свой мир и обеспечивали себе будущее. Правда, всякий удар молотка могущественно свидетельствовал о приближающемся конце, но век тот толковал его по-своему, не понимая языка Божиего, который обращался к его совести. Потому что все более и более ожесточающееся время слышит в конечном итоге только само себя.

6. Накануне судов над миром

Бытие 7,1-5

И сто двадцатилетнее свидетельство "праведника" не сделало мира "праведным". Он потерял всякое понимание того

образа жизни, о котором возвещал Ной и его семья. Так, наконец, миновало время ожидания, которое Бог даровал той эпохе, но она, к сожалению, не нашла повода для покаяния. Длительное отвращение от истины Божией приводит к тому, что истина умолкает. Но как только умолкает Бог, тотчас же начинают говорить суды. Кто в состоянии видеть внутренние взаимосвязи между историей мира и историей спасения, как они показаны нам в библейском освящении, тот обнаружит, что самые мрачные времена в мировых событиях наступали тогда, когда умолкал пророк Божий и когда начинали говорить суды.

Еще полных сто двадцать лет говорил Бог посредством жизни праведного Ноя, предоставив тогдашнему миру возможность для внутреннего обращения. Отныне у Него нечего было сказать миру, так как он сознательно закрылся и навсегда от всяких влияний свыше. Только Ной сохранил восприимчивое ухо для слов Божиих. Вот поэтому в те критические дни он от Бога мог получить новое поручение. "И сказал Господь /Иегова/ Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег; ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сем" /Бытие 7,1/.

Мы уже видели, что праведность Ноя состояла в полной отдаче Богу. После первого откровения Божиего он засвидетельствовал строительством ковчега, что он решился жить в соответствии с полученным от Бога светом. Эту праведность он проявил и в то мгновение, которое, может быть, было решающим в его жизни. Поверить в целом в гибель эпохи не было уже так трудно, как войти в свое время по повелению Божиему в ковчег, в то время как внешне еще ничто не свидетельствовало о наступлении судов над миром. Солнце еще восходило так много обещающе, как прежде, всеобщее настроение было таким же радостным, как и всегда: ели, пили, женились, выходили замуж в то время, как Ной вместе со своей семьей должен был войти в ковчег.

Может быть, это был один из самых тяжелых шагов веры, сопряженный с делом его спасения. Но Ной совершил этот шаг. О нем вторично сказано: "Ной сделал все, что Господь повелел ему" /Бытие 7,5/. Если бы Ной не поверил, что Бог величественнее предстоящего суда, то и он внутренне изнемогал бы от ожидания грядущих бедствий. Но он знал, что Бог взял в Свои руки грядущие суды, что Он повелел наступить судам и что Он определил им конец. Посредством обетования завета Бог гарантировал ему его спасение, а Ной знал, что в слове Божием заключается одновременно и действие Божие.

Конечно, Ною не легко было оставаться в атмосфере жизни, всецело противной Богу и забывшей свои обязанности, челове-

ком, верным Богу и духовно настроенным. Однако Господь мог сказать о Ное: "Я видел, что ты праведен предо Мною в эти дни".

"Предо Мною" - эти слова не обладают здесь другим значением, как "по роду Моей праведности". Бог никогда не объявляет чего-то праведным, что не является праведным в своей сокровенной сущности, Бог не называет тьмы светом прежде, чем она не превратится в день. Все то, что Бог всегда пытался осуществить всеми Своими откровениями спасения, было то искупление, оправдание, которое опять помещало человека в такое состояние пред Богом, в котором Бог снова мог общаться с ним, как отец с сыном, и которое приобщало человека ко всей полноте Его Божественной жизни.

Согласия Ноя с откровениями Божиими, которых он удостоился, а также его праведное отношение к духу своего времени предоставили Богу возможность общаться с ним и во время судов и через него спасти будущее всего человечества. Эта "праведная" жизнь и посреди судов не подвергалась судам. Суды могли совершаться только на почве несправедливостей. Если праведная жизнь совершается и посреди судов над миром и его несправедливостями, она не подвергается гибели его, а видит проявление дивного и великого всемогущества Божиего ко спасению тех, которые решились уповать на Бога. Для праведной жизни и времена судов становятся днями откровения величия Божиего.

К повелению войти в ковчег Бог прибавил еще: "Ибо, чрез семь дней, Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли" /Бытие 7,4/. Как ни бессилен Ной пред лицом грядущих событий, он должен знать, что и величайший суд наступающих дней находится в полнейшей зависимости от свободного решения Божиего. Посредством этих слов Бог выделил приближающуюся катастрофу из области слепо действующих сил природы, определив все это событие как дело провидения Божиего. И времена судов являются "праведными" в своем отношении к Богу, ибо в своем наступлении и в своих действиях их определяет Тот, Кому они призваны служить. В то время как многие видели в потопе слепо действующее явление природы, здесь перед нами "протокол и журнал Ноя", который обращает наше внимание на те три потенциальные явления, которые проявили себя во время тех судов и которые обнаружились в преданном послушании воле Божией. Эти явления - живущий в общении с Богом Ной, повинующаяся повелениям Божиим тварь и наступивший по мановению Божиему потоп.

С одной стороны верно, что все мировые катастрофы являются не чем иным, как итоговыми следствиями действий человека без Бога, которые совершаются и проявляют себя во времена молчания Божиего и во времена пассивности Божией, но Бог никогда не теряет Своей власти над всеми проявлениями судов. Собственно, человек волен в своей свободе на самоопределение сознательно не подчиниться воле Божией. Неразумная тварь, однако, никогда не поступает таким образом. В полнейшей зависимости и в преданном послушании своему Творцу она остается "праведной". Ее природное послушание является ее жизнью, а вечные законы природы, установленные Самим Богом, являются дыханием ее души. Вот поэтому и день суда, который закончил существование того старого мира, совершился в установленных для него Богом пределах.

Сказанное здесь слово: "Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли," - раввины-толковники изъясняют особенно тщательно, обращая внимание на то, что Бог избрал для обозначения Самого Себя ту местоименную форму, которая не противопоставляет Божественной Я-формы другим существам, а "обозначает скорее господство, в котором обнаруживается любовь и благодать". Даже самые могучие и самые потрясающие действия Божий в Его судах никогда не обозначают того, что праведность и справедливость Божий противостоят милосердию Божиему, в противном случае в Боге обнаруживался бы какой-то дуализм. От века было так, что справедливость Божия была не чем иным, как вечно проявляющейся любовью Божией, а любовь Божия вечно проявляющейся справедливостью Божией. С помощью этого ясного и справедливого указания на Самого Себя Бог хотел еще раз заверить Ноя в следующем: "Если ты увидишь сейчас, что Я истреблю человечество, то знай, что Я действую в силу Своего милосердия и Своей любви". Чтобы спасти гораздо более значительное будущее. Бог вынужден допустить гибель настоящего, которое в своем уходе от Него потеряло свое истинное отношение к ближнему и к творению, а потому не носит в себе более будущего. Из судов над этим настоящим может впоследствии родиться воскресение будущего.

Поэтому в этом первом уже совершившемся суде мы видим уже великие принципы всякого искупления. Как только вполне начинает растлеваться прежнее творение на основе своего ухода от Бога, искупление его становится возможным только посредством смерти и судов. Все то, что приводило в нем к смерти, непременно должно подвергнуться осуждению, чтобы

освободить место для духа вечной жизни. Так и человек по причине грехов и осуждения становится в силу искупления способным достичь более высокой жизни, нежели та, которой он обладал до своего падения. Ной не мог войти в мир радуги, прежде чем он не покинул мир Адама, пока род Адама не доказал, что он растлился до такой степени, что непременно должен был погибнуть вместе с своим миром. Зло в человеке должно, однако, прежде достичь своего полного развития, прежде чем человек, пройдя воды потопа, способен будет возвыситься и войти в мир света. Вот поэтому прежде должна обнаружиться вся испорченность сердца ветхого человека, которая проявляется в отвержении Сына Божиего, прежде чем будет проповедано на земле учение о возрождении. Вот поэтому человек никогда практически не переживает возрождения до того момента, пока не испытает испорченности всего того, что происходит от ветхого Адама. Потому что возрождение не является улучшением или усовершенствованием ветхого человека, а следствием смерти его и новым рождением на основании обновляющего дела Божиего.

Этот дивный закон, в силу которого благодать способна извлечь из падения, испорченности и гибели человека нечто гораздо лучшее, мы всегда встречаем в великом и спасительном развитии человечества. Павел смог записать глубокую истину: "А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать" /в другом переводе: "Там, где силен грех, там и благодать гораздо сильнее" Рим. 5,20/. Здесь мы встречаемся с одной из глубочайших тайн Божиих, а именно, что всякая новая форма жизни, которая возникает по допуску Божиему, возникает фактически из того падения, которое предшествовало ей. Так и допотопное направление духа предоставило некогда Богу возможность в Ное вывести род человеческий к более высокому свету. Гибель Каиновой эпохи содействовала воскресению Ноевой.

После того, как Бог обратил взор Ноя с помощью этих слов на Самого Себя, отвратив его от всех совершающихся событий осуждения, Ной в определенный Богом день вошел в ковчег вместе с своей семьей и вместе с теми творениями, которые не должны были погибнуть в водах потопа. Посредством этого шага он вручил себя и жизнь всего окружающего в руки Божий, возложив отныне всю ответственность за жизнь на Того, Кто выше всех судов над миром. Та же рука, которая через несколько дней откроет окна небесные и источники бездны, закроет дверь ковчега. Начиная с того момента, Бог оказался единственным действующим лицом в спасении Ноя; Он взял в

Свои руки ключи к жизни Ноя, а вместе с тем и гарантии спасения на всю продолжительность времени судов. С этого момента напрасно стучались силы суда над миром в дверь ковчега, который хранил жизнь Ноя. Пусть волны судов в своей разрушительной силе и не знали пределов, пусть они безжалостно погребли древний культурный мир, они вынуждены были служить ковчегу Ноя и вынесли его на очищенную судами землю.

IV.НОЙ ВО ВРЕМЯ ПОТОПА

1. Ной в ковчеге

Бытие 8,1-5

Будущее Ноя заключалось не в ковчеге, а на той новой почве воскресения, которая должна была появиться после судов. Его великая будущая миссия предназначалась для новой земли, которая уже во всех своих областях ожидала его служения. В течение всего периода катастроф у Ноя не было иной задачи, как вполне довериться Тому, Который взял в Свои руки ключи от ковчега и Который отделил его от той жизни, которая до сих пор окружала его на почве Каинового развития истории. Если до сих пор своим настроением сердца и своими шагами веры Ной постоянно свидетельствовал как проповедник праведности против всего духовного направления своего времени, то отныне от него уже не требовалось служить в этом направлении.

Существуют времена судов, когда даже пророки Божии умолкают на какой-то срок. Они выполнили свое последнее служение, предупредив об угрожающей погибели настроенную на самое себя эпоху. Но так как голосу их не внимали, то они вынуждены были предоставить мир самому себе. Подобно пророку Илии, находившемуся у потока Хорафа, и они пребывали в каком-то уголке мира, который служил им ковчегом спасения в течение месяцев и даже лет великих судов; в этом уголке мира, в этом ковчеге спасения Бог не поручал им никакого внутреннего дела. Вдохновляющий молчал, а потому и пророки Его оставались без поручения. Они желали бы, как и пророк Иеремия, чтобы глаза их превратились в источники слез, чтобы им оплакать все горе и все бедствия своего народа. Однако они в состоянии были лишь бессильно взирать на происходящее.

Подобные времена молчания пророческих голосов всегда бы-

ли самыми мрачными в истории человечества. Они лишены были всякой возможности видеть выход из терпящей крушения действительности. Этот выход могли видеть только те личности, которые сами нашли его в свете Божием.

Итак, с наступлением потопа для Ноя началась суббота. Потому что во время суда, как такового, ему нечего было делать} прежде же он невыразимо страдал посреди господствовавшей несправедливости своей эпохи. Для того чтобы судить созревший для гибели мир, Бог никогда не пользуется служением Своих избранных и пророков. Силу их и преданность Он хранит для выполнения более возвышенных задач. Потому что в них Он обладает теми внутренне родственными Ему как по существу, так и по образу мышлений и общей нравственности органами, посредством которых Он в состоянии действовать спасительным образом. Для того, чтобы осудить в мире все то, что вполне удалилось от Его Божественной праведности, Ему достаточно самого мира. Все то, что однажды самовозвеличилось в грехе, то и будет осуждено в свое время посредством того же греха. До сих пор всегда и повсюду зло в истории наказывало само себя.

Для того, однако, чтобы по милости Его извлекать из падения прошлого благословения для будущего, необходимы такие мужи, как Ной, Авраам, Моисей, Иеремия, Павел и все известные или оставшиеся неизвестными свидетели Иисуса Христа, которые до наших дней, да и в наши дни готовят путь для нынешнего и грядущего Царства Божиего. Человечество способно рождать из собственного духа революции для судов над собою же, а вот реформации, которые приводят к возрождению его, даруются ему только посредством вдохновений пророков Божиих.

Ковчег спасения означал, однако, для Ноя еще нечто большее; он не только отделял его от того древнего мира, который окружал его до сих пор, но он отделял его от судов. Живя посреди судов, он видел, что он тем не менее вне досягаемости их. Волны, сила и могущество которых сокрушали все существующее, подымали его ковчег все выше и выше и с каждым новым днем суда возносили его в ту сферу, которая находилась вне суда. Как ни противоречиво может звучать все это, но несомненно, что можно пережить суд над миром, находясь, все же вне суда.

Так и Ной видел, что наступает суд, что подымаются воды потопа, но он видел также и то, что он не погибает в них. Тот же исторический процесс, который погреб в волнах суда весь древний мир, привел его к тому дню, когда Бог повелел

Своим ветрам веять над водами. В начале указанного выше отрывка сказано: "И вспомнил Бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились" /Бытие 8,1/.

Ковчег лишил Ноя возможности видеть все те ужасные процессы, которые теснейшим образом были связаны с этой катастрофой. Очи его должны были постоянно обращаться к Тому, Кто посредством обетования завета гарантировал ему спасение. Если бы Ной осмелился покинуть эту скалу, на которой душа его обрела покой пред лицом приближающегося потопа, он, несомненно, душевно погиб бы от всех тех ужасов, которые пережил мир, подвергнутый судам.

Для того чтобы устоять во время судов над миром, необходимо не только внешняя защита, но необходима также и не сокрушенная духовная и душевная сила. Эти силы Ной мог почерпнуть единственно из того источника, из которого он черпал свою ориентировку в период, который предшествовал судам. Если даже все вокруг него изменилось, то Бог, Который так дивно открылся ему для его же спасения, оставался все Тем же и в дни судов, Каким Он был и до судов. Существует такое общение Бога с человеком, которого не могут нарушить и суды над миром.

У Господа всех судов существуют средства и пути для того, чтобы общаться с избранными Своими и во время судов. Даже если разрушены видимые храмы и жертвенники, то для тех, кто поклоняется Господу в духе и истине, это совсем не означает разрыва в общении с Богом. Суды могут лишить их в крайнем случае лишь внешних форм их поклонения, но отнюдь не существа их. Союз с Богом делает человека навсегда односторонним. В нормальные или в ненормальные времена он остается в зависимости от Бога, а потому и не зависит от окружающего мира.

Как ни велики всегда катастрофы мировой истории, они никогда не перерастают величия Божиего. Как в своем наступлении, так и в своем движении они не зависят от Бога, совершаясь только в положенных Им пределах. Как только они устранят из мира все то, что в течение длительного времени являлось препятствием для наступления царственного господства Божиего на земле, они угасают в самих себе, предоставляя жизни, которая была спасена посредством их, необходимый простор и необходимое служение.

Времена судов как таковые не в состоянии создавать новое, потому что они не заключают в себе созидательных сил. Они достаточно сильны, чтобы разрушать и самое могущест-

венное, даже до основания, все то, что создано человеческим вдохновением. Однако создать новый мир они не могли. Приносить жертвы всесожжения, строить хижины, насаждать виноградники, пасти стада, выращивать сады, засевать поля, убирать урожай и воспитывать грядущие поколения для будущего - все это вне возможности периодов судов. Это всегда великая миссия того Ноя, который однажды, благодаря дивным делам Божиим, перемещен был из погибающего мира на очищенную судами землю.

Вот поэтому друзья Божии никогда не ожидали ничего нового от судов, которые несли с собой в мир только гибель и уничтожение и никогда не были носителями новой жизни; они знают, что в силу внутреннего закона во всех мировых событиях жизнь возникает только посредством передачи жизни; силы Божии могут вытекать только из вдохновения вечности.

Как органы Его Духа, они не были никогда носителями кровавых событий и не были представителями порабощающих реакций, являясь всегда только толкователями служащей любви и органами творческих сил жизни в мировой истории.

2. Ной ожидает конца судов

Бытие 8,6-14

Когда первый суд над миром выполнил свое потрясающее служение, тогда источники бездн и хляби небесные опять закрыла рука Того, Кто открыл их. Когда Ной заметил, что воды потопа стали убывать и показались вершины гор, он стал страстно ожидать конца пережитых судов. Нам сказано о нем следующее: "По прошествии сорока дней, Ной открыл сделанное им окно ковчега" /Бытие 8,6/.

И Ной почувствовал ту всецело ненормальную сторону катастрофы, вызванной постигшим землю потопом. Однако времена судов не являются вечными. Они являются всегда лишь болезненной необходимостью для того, чтобы устранить Каиново развитие истории и в Ное спасти землю и земле господство Бога в будущем.

Не Ной был спасен для ковчега, а ковчег должен был спасти Ноя для свободы новой жизни, где каждый получит возможность неограниченно развивать все свои дарования для созидания нового будущего. Не в ковчег, а вне ковчега находилось будущее поле деятельности Ноя.

Само собой разумеется, что Ной ожидал этого нового поля деятельности, которое уже должно было появиться из ока-

завшейся позади его ночи. На этом именно основании он и послал вестника той жизни, которая заключалась в ковчеге. Посредством него он хотел узнать, убыли ли уже воды потопа с поверхности земли. Первым посланником был ворон: "И выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды" /Бытие 8,7/.

На языке Библии эта птица принадлежит к нечистым животным, потому рука приносящего жертву не может принести ее в жертву Господу. Ворон летал, прилетал и улетал, садился, очевидно, на плавающие трупы, но в ковчег уже не возвратился.

Тот, кто сознательно пережил времена судов, знает, как душа жаждет окончания их. Ощупью она посылает щупальца свои в далекий огромный мир, чтобы узнать, не появляется ли уже заря нового дня, когда все более и более будут ослабевать все разрушающие и губящие силы и когда вновь появятся новые формы и новые отношения, которые способны будут сообщить жизни новые возможности для существования и простор для созидания и вне ковчега. Ибо, хотя он и сослужил великую службу, потому что пронес праведную семью через дни погибели, он все же не мог превратиться в то великое поле деятельности, в котором заключалось будущее спасенной семьи.

И наша душа располагает сипами, которые могут сообщить ей точные сведения о всех мировых событиях. Однако, если она, в качестве соглядатая, пошлет в мир неосвященный образ мышления, он уже более не возвратится к ней, даже и в том случае, если еще не закончились времена судов. Он найдет достаточно пищи для своей жизни и в обреченном на гибель. Он не делает разницы между приговоренным к смерти и тем, чего жаждет Бог, пытаясь появляться то в одном, то в другом доме, опять обретая неограниченную свободу. Стремление его не особенно направлено к грядущему новому; он более радуется своей вновь обретенной свободе, которая так была ограничена ковчегом во времена судов.

Все то, что может проявляться в человеке в качестве отдельных нечистых чувств его души, в конечном итоге составляет весь образ его мышления и настроенности, несмотря на то, что сам человек был спасен во время судов над миром. Возможно ли, чтобы человек лишь в той степени осуждал все ужасы мировой войны, в какой сам он понес потери? Возможно ли, чтобы человек всегда видел спасение в возвращении к тем противным Богу средствам власти, посредством которых человек погреб в могиле себя и свой род? Возможно ли, чтобы рука его беспощадно обагрялась кровью его брата, как будто

желая мнимого спасения своему народу и своей стране?

Люди подымают мятежи, чтобы подавлять мятежи; люди освящают преступление против ближнего в закон и в права для самих себя, чтобы на этой почве основывать новое будущее; люди борются против обладания имуществом, лишая других этого имущества, они пытаются освободить ближнего от рабства, порабощая его в то же самое время. Люди все еще не поняли, что в мировой истории никак нельзя изгнать веель-зевула веель-зевулом. Люди все время восторгаются вещами, которые приводили к суду, все еще пытаясь спасти все то, что навсегда обречено смерти. Тот, кто по своему образу мышления и по своему образу внутренних настроений чувствует себя, как дома, и посреди явлений, которые привели к мировой катастрофе, тот возвращается к ним же, как только обретет свободу, которую весьма ограничивал ковчег во время судов.

На все эти возможности и способности души, посредством которых она стремится взвешивать явления жизни, быть может освещает нам одно сообщение из Евангелия. Когда Иисус послал однажды Своих учеников на побелевшую жатву Своей эпохи, Он дал им поручение, сказав, чтобы они приветствовали каждый дом, в который войдут, словами: "Мир дому сему". К этому поручению Он прибавил затем и разъяснение: "Если будет там сын мира, то почиет на нем мир ваш" /Луки 10, 5-6/. В этих словах выражается та истина, которая уже освещена в выше приведенных рассуждениях. Тот, кто из источника своей внутренней жизни посылает в мир чистое и освященное, тот обнаружит, что он может приобресть мир и покой лишь в тех лицах и отношениях, в которых заключается элемент чистоты и освященности. Тот же, кто никогда не осуждал в своем сердце всего того, что Бог осудил в жизни народов посредством своих страшных судов над миром, тот и после пережитой мировой катастрофы будет чувствовать себя в посланных вестниках своей души как дома в среде всего того, что было осуждено только что совершившимися судами. Итак, ворон не мог принести Ною известия о том, началась ли новая жизнь там, где до сих пор господствовала смерть.

Вот поэтому Ной после ворона послал голубя, чтобы увидеть, не исчезли ли окончательно воды с поверхности земли. Голубь не нашел место покоя для своих ног, а потому возвратился в ковчег: воды потопа покрывали еще землю. Ной протянул руку и принял голубя обратно в ковчег. Он подождал еще семь дней, а потом опять послал голубя. К вечеру голубь возвратился, и вот в клюве его, как знамение пробудившейся жизни, масличный лист. Так Ной узнал, что воды начали убы-

вать с поверхности земли /Бытие 8, 9-11/.

Голубь как второй вестник не нашел ни пищи, ни места покоя на земле для ног своих, доколе она находилась под знамением судов. Вот поэтому он возвратился опять в ковчег после того, как Ной первый раз выпустил его. Когда же миновали семь последующих дней, Ной посылает его в мир второй раз, и тогда-то голубь принес в своем клюве масличный лист. Это была первая весть о жизни на той почве, на которой до сих пор неограниченно господствовала смерть.

Начиная с того дня, когда ветры Божии стали веять над волнами судов, душа Ноя почувствовала утреннее веяние. Кому однажды приходилось путешествовать ночью на юге, тот знает, какая душная атмосфера окружает путешественника во время ночной тишины. Но как только начинает приближаться утро, подымается свежий ветерок и освежающе веет над покоящейся землей. Глаз путешественника начинает тогда посматривать на восток и наблюдает, не занимается ли уже утренняя заря нового дня. Так и душа Ноя посматривала каждую неделю. Когда же голубь приветствовал его масличным листом - первым признаком пробужденной жизни на омолодившейся земле, он узнал, что там, где во время судов царили смерть и уничтожение, теперь опять появилась жизнь. Поэтому этот масличный лист оказался для него этой страстно ожидаемой утренней звездой, которая возвестила ему о близком восходе солнца нового дня мира; это было первое пасхальное приветствие воскресшей земли, которая восстала из судов и смерти для новой жизни.

Этот масличный лист является и для нас ожидающих, как и Ной, конца переживаемых судов дивным пророческим Евангелием. Он возвещает нам о том, что суды над миром не уничтожат земли, а только очистят ее. Поэтому крещение потопом предстояло выполнить только следующую задачу - прогрести все то, что оставило сферу праведности Божией и, таким образом, оказалось опасностью для будущего. Когда это совершилось, жизнь вновь восторжествовала над смертью, а очищенный судами мир начал ожидать служения Ноя и его сыновей. Все богатства земли стремились к тому и тосковали о том, чтобы праведная душа вновь начала праведно господствовать над ними и управлять ими. Каждый цветок хотел опять цвести, каждый луг хотел опять зеленеть, виноградные гроздья хотели опять созревать, а пажити - приносить урожай. Руки Ноя должны были заново подымать сокровища земли, чтобы они, как строительные камни, могли послужить созиданию жизни. И вот первым приветствием этой пробудившейся и ожидающей жизни был для Ноя зеленеющий масличный лист.

Этим приветствием масличного листа заканчивались все прежние суды над миром. Если бы это было иначе, мир еще долго не мог бы окончательно освободиться от постигшей его катастрофы. Если бы после каждого суда не следовала более высокая жизнь и новое откровение дивного богатства благодати Божией, человечество не обладало бы сегодня более полнотой света и жизненных благ, которых отныне не способен уничтожить никакой суд над миром. Ибо все то, что родилось от вечности, что возникло благодаря вдохновениям свыше в течение тысячелетий - все это неразрушимые строительные камни для грядущего Царства Божиего на земле.

Если не погибает никакая морская волна, если не гибнет никакой звук воздыханий творения, то не погибнут и все те духовные ценности, которые история человечества всегда приобретала из общения с Богом. Они служили не только краткое время своей эпохе для нравственного созидания нынешней истории человечества, но они продолжают действовать, пока не обретут своей субботы в новом творении Божием. Будущее нравственного господства Иисуса Христа совершится не только в небесах, но и на земле. Земля не вознесется до небес, но небеса снизойдут на землю, чтобы она вновь наполнилась славой Бога и Помазанника Его.

Какое пасхальное Евангелие содержится для нас в этом масличном листке после первого суда над миром. И та вечная ценность, которая заключается в наших благах, тоже не гибнет в последних мировых катастрофах, а сохранится на будущее. Перед нами простирается новая эпоха и ожидает служения спасенных душ во всех своих областях. Если сегодня Церковь истинных христиан пред лицом всех потрясающих явлений судов вновь возносит к небесам вопрос: "Не в сие ли время, Господи, восстанавливаешь Ты царство Израилю?"
- то от своего превознесенного Главы она получит прежний старый ответ: "Не наше время знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетельствовать в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли" /Д.Ап. 1,6-8/.

Бог никогда не подвергал мира произволу, чтобы спасти избранных Своих, но Он всегда призывал избранных Своих к тому, чтобы они вели мир к своему избавлению. Потому что Царство Божие заключается не только в будущем, но и в настоящем. Если ученики Иисуса дышат Духом Христа, если они крещены в Его жизнь, если они воздыхают Его страданиями,
- тогда их нынешнее служение свидетелей в мире является не

в меньшей степени Царством Божиим, нежели то, которое наступит в будущем. Разница только в том, что некогда служение их будет совершаться в великой славе, в то время как ныне оно совершается в великой слабости. В настоящее время мы носим это сокровище в глиняных сосудах, "чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам" /2 Кор. 4,7/.

Будет ли наше служение совершаться в области духовной или душевной, социальной или культурной, хозяйственной или политической жизни, если оно совершается в Духе Иисуса, оно является не теряемым вкладом в наступление господства Божиего на земле. Даниил в своей горнице молитвы с открытыми окнами в направлении к Иерусалиму не в большей степени был посвященным рабом Божиим, нежели в кресле первого министра Вавилонской державы. Если прошедший через суды мир находит место для служения праведных Богу свидетелей, они всегда готовы послужить ему своими святейшими благами к его же спасению, не обручаясь, однако с его духом. Хотя они в мире, но они не от мира сего.

Хотя эти ожидающие и молятся в Духе своего Учителя: "Да приидет Царствие Твое", - они видят уже в наши дни масличный лист, признак более высокой жизни, более праведных принципов и более оправданных надежд, зная, что воды нынешних судов убывают и что местами уже обнажается новая почва для последующего будущего, где опять зазеленеет вся маслина.

V. НОЙ ПОСЛЕ ИОТОПА

1. Первые шаги веры Ноя

Бытие 8,14-20

Не смерти, а жизни принадлежит будущее. Не судам, а праведности принадлежит земля. Не творению, а Творцу принадлежит человек. Уничтожение никогда не было подлинным смыслом судов Божиих над миром; в нем погибали только те принципы и те произведения человека, которые потеряли характер праведности Божией, а вместе с тем и свое будущее. Те же ценности, которые возникли благодаря общению человека с Богом даже в тяжелейших судах над миром оставались вкладом в грядущее Царство Божие на земле.

Ной не обманулся. Пусть ожидание его продолжалось месяцами, наконец, все-таки вновь восставшая земля привет-

ствовала его свежим масличным листом. Приветствие ее воскресения свидетельствовало о присутствии в ней жизни, которую суд на некоторое время затормозил, но так и не смог связать навсегда.

Когда Ной получил эту пасхальную весть земли, он подождал еще семь дней. Затем он в третий раз выпустил голубя, однако тот уже не возвратился более в ковчег. Тогда Ной раскрыл крышу своего ковчега - и со всех сторон стала приветствовать его пробужденная жизнь на той земле, на которой временно господствовала смерть. Отныне Ной стал дышать утренним воздухом новой эпохи, не наслаждаясь еще, однако, ее свободой; свободу эту мог раскрыть перед ним один только Бог. Подобно тому, как ключи от закрывшегося позади Ноя ковчега находились в руке Божией, так и путь к свободе тоже находился единственно в руках Божиих.

В то время как Ной продолжал еще ожидать, находясь в ковчеге, он опять удостоился великого откровения Божиего, которое гласило: "Выйди из ковчега ты, и твоя жена, и твои сыновья, и жены твоих сынов с тобою. Выведи с собою всех животных, которые с тобою, от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов пресмыкающихся по земле: пусть разойдутся они по земле, и пусть плодятся и размножаются на земле" /Бытие 8, 16-17/.

Души, подобные Ною, научились в своей жизни идти в ногу с Богом. Они не покинут преждевременно предопределенной для суда земли, чтобы вместе с своим Богом укрыться в ковчеге; они умерли для Каинового мира, не имея места спасения в ковчеге. Они не бегут от мира, чтобы спастись от него, потому только, что мир давно уже осужден для них, еще задолго до того, как он подвергнется осуждению. Но души, подобные Ною, и не покидают преждевременно ковчега, чтобы приветствовать землю свободы, которой они призваны служить. Как ни тяжело им ожидать, они оставляют ключи в руке Божией. Они выходят из ковчега только тогда, когда Бог предоставляет им "открытую дверь". Они ведь знают, что Бог гораздо лучше их знает, когда наступит то мгновение, чтобы вновь возделывать ту землю, которая прошла через суды очищения.

Мы уже видели, каким значением обладала для Ноя эта зависимость от Бога еще до потопа. Жизнь, построенная на общении с Богом, находит свое будущее единственно в постоянной зависимости от Бога. Только тогда, когда Бог открыл дверь ковчега, читаем: "Вышел Ной, и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним".

Будущее человечества не заключалось в ковчеге, а на но-

вой земле. После того, как ковчег сослужил свою услугу Ною во время судов, он потерял для него и для его семьи всякое значение. Если бы Ной остался в ковчеге, он в той же малой мере мог бы служить Богу в последующем будущем для осуществления Его спасительных планов и намерений, как и погибшие народы старого мира вне ковчега. В спасении его посредством ковчега дело касалось, безусловно, гораздо большего, нежели только его личного сохранения от судов над миром. Необходимо было спасти его для того, чтобы он мог послужить осужденному миру для его дальнейшего нового спасения; не в средствах спасения, т.е. не в ковчеге, Ной должен был найти ту почву, на которой Бог хотел постоянно благословлять его, нет, Он хотел благословлять его на очищенной, новой земле.

Вот поэтому то было всемирно-историческое мгновение, когда Ной вступил на очищенную судами землю. Во что же превратит землю этот муж Божий, ту землю, которая теперь открыто простиралась перед ним и ожидала его служения?

Ответ на этот вопрос дает нам следующее сообщение: "И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого, и из всех птиц чистых, и принес во всесожжение на жертвеннике" /Бытие 8,20/. Посредством этого жертвоприношения Ной хотел выразить все то, что двигало его душой пред лицом всех уже находившихся позади переживаний, но и пред лицом простирающихся перед ним задач. Все ужасные явления гибели мира находились теперь позади него. Окончательно также и тяжелое время ожидания в ковчеге с сопряженной с ним душевной борьбой. Новое будущее с необозримыми возможностями для служения и для благословений простиралось отныне перед ним. И вот Ему, Совершителю спасения, предназначалось первое служение Ноя на новой земле.

Как правильно поэтому поступил Ной, что не построил жертвенника для ковчега, а построил его для Господа, Который дал ему этот ковчег; как правильно, что он не остановился на средствах спасения, а остановился у ног Господа спасения. Это как будто на первый взгляд и само собой разумеется. Тот же, кому ведома история человечества, знает, как часто люди воздвигали жертвенники избранными Богом средствами, а не Богу, избравшему все эти средства. Как часто случалось позже, что после испытанной помощи Божией дело спасения вызывало в нас больше удивления, поклонения, преданности и служения, нежели Сам Господь, Который даровал нам это дело спасения ради нашего же спасения. Люди почитали святое, но люди не почитали Святого; люди создавали

культ вещей, вместо того чтобы поклоняться Самому Богу.

Как случалось прежде с коленами Израиля, так случалось потом и с народами мира. Когда люди стали поклоняться медному змею, посредством которого Израиль спасался от смертельных укусов змей. Бог повелел сжечь его. И все святое, что временно служило в истории человечества делу его спасения и благословения, непременно подвергнется однажды осуждению, как только оно перестанет приводить к Богу, а станет увлекать от Него.

Если бы люди глубже поняли это, тогда не было бы столько мертвой ортодоксальности, которая в течение столетий соблюдает культ священных вещей, не зная истинного поклонения и отдачи Богу и живя без общения с Богом. Люди бесконечно много заботятся о храме, но в то же время так бесконечно бедны общением с Господом храма. Люди очень твердо держатся собственного исповедания Бога, хотя у них нет никаких личных опытов в общении с Богом. Люди защищают священные традиции, но живут они без откровения Божиего. Люди защищают священную Книгу, но отрицают ее живое Слово.

Когда Ной вступил на появившуюся из судов землю, он посвятил ее своим жертвоприношением Тому, по благодати Которого она была спасена. Посредством камней для жертвенника, посредством самого жертвоприношения и посредством личности приносящего жертву Ной выразил отдачу всего мира Богу, всего творения и самого человека. Совершаемые в состоянии истинной отдачи Богу жертвоприношения не были мертвым формализмом, а языком души, которая всегда пыталась выразить пред Богом то самое глубокое и самое святое, что только было в ней, притом не одними словами, но видимыми действиями.

Чрезвычайно знаменательно, что в последствии в Израиле никогда не пользовались созданной природой возвышенностью в качестве алтаря; приносящий жертву должен был воздвигнуть жертвенник из собранных им камней, для того чтобы он мог принести на нем свою жертву. Таким образом выражалась та мысль, что природа по своей сущности не способна возвыситься к Богу. Истинного поклонения Богу она достигает только в душе человека, который увлекает ее к Господу в своем поклонении и в своей отдаче. Посредником природы пред Богом является поэтому человек, служащий Богу. Увлекая ее в своем жертвоприношении в самое священное служение своей души, он возносит ее выше ее естественной ступени существования, так что и она становится участницей поклонения Богу в Духе и истине.

Тот, кто избрал бы, подчиняясь ветхозаветному порядку жертвоприношений, для своих жертв естественную высоту, тот своим поступком продолжал бы оставаться на уровне окружающей природы. Так совершали свои жертвоприношения народы, которым не ведомо было внутреннее общение сердца с Богом. Они знали о Боге лишь то, что ему необходимо приносить жертвы. Всякий раз, когда Израиль опускался в своем служении Богу к языческому жертвенному культу, народ приносил свои дары именно на высотах. Внутренне умершему и живущему без общения с Богом всегда достаточно исключительно внешних форм жертвоприношений.

Построив на вновь возникшей земле жертвенник Господу, Ной, как родоначальник будущего, посвятил этим актом землю как место, на котором грядущие и посвящающие себя Богу народы и роды человечества будут примыкать друг к другу, как камень к камню, пока они не превратят всей земли в место истинного поклонения.

Древнееврейский корень слова "жертвенник" не означает "умерщвления жертвы с намерением ее уничтожить"; скорее она должна служить Господу в качестве "трапезы". Если вообще понимать жертву как "трапезу", тогда она окажется "пищей огня Божиего на земле". Жертвовать - значит всегда входить в Божественную вечную жизнь. "Приносящий жертву приносит не животное, а себя в животном". Когда он приводил жертву к жертвеннику, когда он возлагал свои руки на нее, когда он убивал ее, когда собирали ее кровь, чтобы окропить ею жертвенник, а затем, когда все животное предавали огню на жертвеннике, это означало, что посредством всех этих действий приносящий хотел засвидетельствовать, что все его существование, вся его жизнь предаются Богу и всепобеждающей силе Его Божественной воли.

Ной принес не только, как некогда Каин и Авель, жертву хвалы, но и жертву благодарности и жертву всесожжения, потому что на языке жертв своей души он хотел выразить гораздо большее, нежели только хвалу Богу и признание Бога. Он хотел, чтобы сам он и окружающее его творение навсегда были освящены Богу и навсегда были посвящены Ему.

Посредством этого посвящения Ной начал великое лежащее перед ним дело своей жизни. Однако самым первым его делом была отдача Богу, отдача Творцу. Жизненный путь его повел его сперва к жертвеннику, а затем в его хижину и в виноградники, которые он насадил впоследствии, а не наоборот. Все то, что он ни предпримет в жизни для созидания своей семьи, все должно исходить от этого жертвенника, на котором

он принес в жертву себя и все творение. Настроение его сердца возвестило уже в те древние времена великую истину, которую позднее Иисус выразил следующими словами: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам".

Дивным светом была озарена позднее эта истина в постановлениях израильских законов о праздниках. Катехизисом Израиля был календарь, потому что месяца года были теснейшим образом сопряжены с великими переживаниями его истории и спасительными делами Бога. В одном из постановлений читаем: "Семь седмиц отсчитай себе; начинай считать семь седмиц с того времени, как появится серп на жатве /Втор. 16,9/. Когда Израиль в "своей земле" праздновал праздник своего политического воскресения в месяце колосьев, ранние хлеба, как правило, уже созревали и ожидали серпа жнецов. Однако прежде чем серп приступил к жатве нового хлеба, пройдет праздник Пасхи и начнется праздник опресноков. Столько времени продолжалась для жнеца суббота; прежде чем Израиль начнет ежегодно наслаждаться свежими плодами своей земли, ему предстоит вспомнить о своей первоначальной нищете, а так же о том, что у него не было родины, и о том, что он ел на чужбине свой хлеб со слезами и в позорном порабощении.

Но и тогда еще, когда израильтянин, уже радуясь жатве, пожинал созревший хлеб и радовался плодами своей земли, он все еще обязан был в течение целых шести дней есть хлеб нищеты, чтобы понять и возвещать другим о том, что весь народ его обязан этой полнотой благословений и процветания, самостоятельностью и свободой единственно Тому, Который призвал его к общению с Собой и послушанию закону. Все это даровано было Израилю для того, чтобы у него была возможность оказаться народом - собственностью Божией, царством посвященных Богу священнических душ среди прочих народов /Исход 19,5-6/. Не земля свободы, которой владел теперь человек, не богатые поля, которые цвели теперь для него, были богами и благами Израиля; все это лишь средства в руках народа, который призван был к тому, чтобы свидетельствовать в практической жизни свою преданность выражающему волю Божию закону и, таким образом, Самому Богу.

Как только Израиль начал усматривать богатство своей земли и свою свободу в расширении политической власти, а свое будущее - в захвате земель, так он тотчас же терял свою почву и родину и спасал для своей жизни не что-нибудь иное, а единственно только закон.

Своим посвящением Ной хотел выразить не что-нибудь иное, а только то, что жизнь его и будущее его посвящаются не собственному сердцу, а Господу и Его явленной воле, когда он построил на очищенной судами земле жертвенник для своего всесожжения. Чего бы достигло человечество, если бы оно в духе этого своего предка возделывало свои поля, насаждало виноградники, строило города, создавало свою культуру и благословляло свое развитие.

2. Великое откровение Божие

Бытие 8,21-9,6

После того как Ной обратился к Богу посредством своего жертвоприношения, Бог проговорил к Ною. В действительном общении с Богом молитва и откровение попеременно сменяют друг друга. Это то дарование и то принятие, в котором состоит тайна нашего общения с Богом. Вот поэтому Иисус сказал однажды Своим ученикам, когда посредством образа виноградной лозы уяснял им органическую жизненную взаимосвязь с ними: "Пребудьте во Мне, и Я в вас..., ибо без Меня не можете делать ничего" /Иоан. 15,4-5/. Жизненное общение человека с вышним миром никогда не является только культовой повинностью пред Богом, а тем внутренним общением, когда душа отдает Богу все то, чем владеет, и получает от Него то, что Он предлагает ей.

Если Писание говорит так много об откровении, относящемся к этому общению человека с Богом, то оно определяет таким образом тот Божественный свет и жизнь, которые человек получает непосредственно от Бога. Фактически откровение является не чем иным, как самодарованием Бога человеку. Ту полноту жизни и света, мира и искупительной силы, которой обладает Бог, Он пытается даровать путем откровения и тем, которые обрели в Нем свою жизнь. Такой личностью, с которой мы до сих пор познакомились, был Ной. Тайна, которая так существенно отличала его от погибшей эпохи, состояла в его общении с Богом и в его хождении пред Богом.

Общение, которое созидается на такой взаимной самоотдаче, в своем богатстве беспредельно. Бог ведь никогда не исчерпывает Себя в Своем творении и никогда не исчерпывает Себя окончательно во всех Своих откровениях, как бы обильны ни были в истории спасения человечества. И в Своей полноте откровений Бог так же бесконечен. Поэтому Богу необходимо было сообщить Ною великое, когда Ной возвестил Ему своим

жертвоприношением, что и он, и новое творение хотят быть не чем иным в будущем, как только местом откровений Божиих. Бог открыл тогда Ною четыре великих дела: решение сердца Божиего, Божие благословение, Божию программу для будущего и Божие знамение завета.

Первая тайна, которую явило Ною откровение Божие, состояло в решении сердца Божиего: "И обонял Господь /Иегова/ приятное благоухание, и сказал Господь /Иегова/ в сердце Своем: не буду больше проклинать землю /адамах/ за человека, потому что помышление сердца человеческого - зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал" /Бытие 8,21/.

Это было откровение, о котором, к удивлению, не сказано: "И сказал Бог Ною". Великое решение Божие не истреблять более человечества судами потопа возникло в Самом Боге. И все же Ной узнал о нем, а через него узнало об этом и все человечество. Хождение пред Богом, какое совершал Ной, дивным образом вводит всегда человека в тесное отношение с Богом. Когда однажды Мариамь и Аарон осуждали Моисея за его жену ефиоплянку, которую он взял себе из дочерей мадиамского священника Рагуила, Бог призвал их в Свое присутствие и сказал им: "Слушайте слово Мое: если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем, - он верен во всем дому Моему. Устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит; как же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея? И воспламенился гнев Господа на них, и Он отошел" /Числа 12,6-9/.

Бог вовлекает Своих друзей в Свои дела, которые прежде всего волнуют Его сердце. В общении с Богом они с течением времени приобретают ясное понимание внутренней сущности образа Господа и становятся способными слышать биение пульса Его души. Они слышат то, чего не слышат другие; Бог раскрывает, доверяя им, перед ними будущее, чего Он не может сделать по отношению к другим. О жертвоприношении Ноя сказано: "И обонял Господь /Иегова/ приятное благоухание, и сказал Господь /Иегова/ в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого - зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся" /Бытие 8,21-22/.

Ради понимания этого дивного откровения Божиего, дарованного Ною, нам необходимо обратить внимание на некоторые

выражения. Мы уже видели в одном из предыдущих глав, что имя "Ной" обозначает "достигшее покоя движение". Этот корень слова употреблен здесь для обозначения того понятия, которое обычно переводят словом "приятный", чтобы таким именно образом определить жертву Ноя "как приятное благоухание" Господу. Теперь же это древнееврейское выражение употреблено в значении исполнения желания, в значении удовлетворения, однако это совсем не говорит о том, что это благоухание по своему существу приятно Богу.

Для выражения "благоухание" в подлинном тексте употребляется слово "дух". Благоухание относится к тому человеческому чувству, которое непосредственно ощущает мельчайшие эфирные частички далеких предметов. Поэтому слово "дух" или "благоухание" употребляется также и в отношении "самых легких ощущений" души. Итак, если это слово в целом и в общем обозначает только "ощущение самого легкого выражения", то ведь жертва Ноя, которую он принес Богу, была фактически не чем иным, как "легким, намекающим выражением согласия" выполнять явленную ему волю Божию /по С.Р.Гиршу/. По своему существу жертва Ноя не была уже ведь выражением полной отдачи воле Божией, а лишь только указанием на отдачу воли, которую Бог хотел обнаружить в жизни Ноя.

Самое совершенное и самое завершенное исполнение этого прообраза полнейшей отдачи воли человека Богу обнаруживаем в Том, Кто был гораздо величественнее Ноя. Сам Христос Своей собственной жизнью явился жертвой Своему Отцу и сказал: "Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовил Мне. Всесожжение и жертвы за грех не угодны Тебе. Тогда Я сказал: вот, иду... исполнить волю Твою, Боже" /Евр. 10,5-7/.

Соединившись с вторым Адамом, с Главой нового человечества, мы уже не приносим более заместительных жертв из животных в качестве выражения отдачи нашей жизни Богу, но приносим уже самих себя. Войдя во второй, более высокий завет с Богом, мы, безусловно, понимаем глубокий символический язык ветхозаветного домостроительства, которое указывало на Христа и приводило к Нему, однако наше сыновнее общение с Отцом не зависит уже более от этого посредничества символических действий. Тот, кто вместе со Христом перемещен уже в сферу небесного, находится в великом домостроительстве спасения в условиях непосредственности и для своего общения с Богом. Он уже не нуждается более в священных жертвенниках и в жертвоприношениях, не нуждается также и в священных временах и в священных действиях или обрядах, потому что повсюду в своей жизни он находит тот

храм, откуда в духе усыновления он может взывать: "Авва, Отче!" /Рим.8,15/.

Далее Бог сказал: "Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся" /Бытие 8,22/. Результаты геологических и физико-географических исследований подтверждают, что наша земля в допотопный период обладала другими свойствами и другим видом.

Можно предположить, что земля перед потопом находилась в состоянии постоянного цветения и плодоношения. Предания сообщают даже, что ее засевали лишь однажды в сорок лет. К сожалению, мы не находим подтверждения этому. Но мы знаем, что допотопная земля со всей совокупностью своих благ и условий жизни предоставляла человеку возможность достичь долголетия, богатеть и жить в роскоши и избытке. К сожалению, люди до потопа оказались способными всего лишь на то, чтобы жить в состоянии греха и страстей, так что Бог вынужден был прибегнуть к общему уничтожению рода человеческого, и все же эти люди достигали совершенно непонятного нам преклонного возраста.

"В будущем все должно было измениться. Различные времена оформления земли, которым Бог повелел внезапно осуществиться, смена цветения и увядания, жизни и умирания, расцвета для существования и наличия смерти, по райски веющий весенний ветерок и ледяные объятия отвердевания - все это отныне должно было занять свое место в существовании земли. Сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не должны, чередуясь, последовательно сменять друг друга, а одновременно проявляться на земле. Земля должна была теперь принять такой образ, чтобы одновременно существовали на ней все времена года, всякая пора дня и всякий климат, здесь день, там ночь, здесь весна, там осень, здесь лето, там зима; нам предстоит теперь видеть не только различие местностей, но и временное чередование с тех пор, как земля разбита на зоны, страны и области" /по С.Р.Гиршу/.

С тех пор человек оказался в зависимости от этой постоянной изменчивости лица земли. В своем существовании он испытывает теперь и различные помехи, которые тормозят беспрепятственное развитие, которое, очевидно, вполне возможно было в допотопный период. Теперь уже недостаточно совершать посев однажды в сорок лет, чтобы наслаждаться полным достатком; ныне человеку указано, что он должен сеять и пожинать каждый день и каждый год.

Один только укороченный срок жизни человека и разделение народов препятствует тому, чтобы человеческое зло способно

было обресть прежнюю власть над всей совокупностью жизни. Порабощение, заставляющее одних страдать и воздыхать, разбивается о свободу, в которой живут другие. Превратившееся в религию безбожие, потерявшее свою душу как по отношению к Богу, так и по отношению к ближнему, теряет свою сокрушительную силу, сталкиваясь с теми, которые в своей жизни являются знаменосцами Евангелия Иисуса. Огрубение и одичание нравов, которые для одного народа являются чем-то обычным и даже законом, видит свой приговор в нравственном здоровье, в котором пребывают и живут другие.

Таким образом, Бог оказался в состоянии попустить существование зла на земле, чтобы оно от случая к случаю встречало свой суд в самом себе, не препятствуя наступлению Его Царства

3. Благословение Ноя

Бытие 9,1-7

После того, как в предыдущей главе уже было освещено решение сердца Божиего, Господь наделил Ноя еще тем Божественным благословением, в силу которого и он, и сыновья его должны возделывать землю и овладеть будущим. "И благословил Бог /Элохим/ Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю. Да страшатся и да трепещут вас все звери земные..." /Бытие 9, 1-2/.

Перед Ноем простиралась великая миссия, но внутренняя сила для выполнения ее заключалась в благословении , которое дал ему Бог. Благословение Божие никогда не было только благословенным словом, они всегда являлись благословенными делами Божиими. Потому что всякое благословение Божие по своему существу является дарованием силы Божией. Вот поэтому благословенные люди всегда обладают полномочиями, которые другие ищут напрасно. Находясь под этим благословением Божиим и совершая служение в силу его полномочий, должно было отрегулироваться и отношение Ноя к окружающему его миру.

Посредством этого благословенного акта Господь опять поставил Ноя и его семью в условия того всеобщего благословения, которым Он одарил все творение и в котором находился человек сразу же после своего сотворения, когда ему предстояло возделывать землю /адамах/, однако уже лишь в той степени, в какой это было возможно после падения Адама. В неисчерпаемости Своей любви Бог достаточно величествен,

чтобы вполне освободить от проклятия прошлого новый порядок Его отношений к человеку, чтобы это проклятие не было препятствием для благословения, которое станет отныне уделом человека в его общении с Богом.

Это почти слово в слово те же выражения, которые однажды содержали творческое благословение для человека и которые Господь избрал здесь вновь для того, чтобы благословить Ноя и послать его на выполнение великой стоящей перед ним мировой задачи и мировой миссии. Это благословение Божие является источником силы для всякого здорового существования, для всякого истинного созидания. Оно объемлет собой всю область человеческой жизни с ее свободным нравственным развитием: брак, семья, общество и собственность.

"И благословил их Бог /Элохим/, и сказал им Бог /Элохим/: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле" /Бытие 1,28/. Так звучало первое творческое благословение, которое некогда Бог даровал первому человеку и которое вновь положил для Ноя и его семьи на все будущее время. В понятии "плодитесь" заключается тайна брака; в понятии "размножайтесь" - тайна семьи; в понятии "наполняйте землю" - тайна общества; в понятии "владычествуйте" - тайна служения; в понятии "обладайте" - тайна собственности.

"Плодитесь" - это тайна брака. Это святая святых во всей области человеческого сожительства; оно призвано осуществлять естественный закон Божий приношения плодов, который Бог положил для всего органического творения. Речь здесь совсем не о маловажном, а о полномочиях войти в действия Божий, в силу которых человек способен посредством зачатия и рождения создать то дитя, которое является единственным плодом, созданным по его образу, и самым высоким, что способен человек "излучать" в мир из недр всего своего существа в качестве родственной ему духовно и душевно жизни.

Эту высшую способность человеческой жизни Бог описал и ограничил понятием брака. Брак является основанием истории мира. Благо всего народа и будущее истории зависит от него. С исчезновением брака в том виде, в каком даровал его Бог, исчезают все благословения, которые сопряжены с ним для всего народа и для его будущего. Речь здесь не о произвольном рождении двух полов, а о добровольном союзе мужчины и женщины в течение всей жизни, который находит свое выраже-

ние в основании семьи и дома.

Благословенный Богом брак находит свое соответственное продолжение в семье, подчиняясь повелению Божиему: "Размножайтесь!" Семья является единственным местом воспитания всякой вновь пробудившейся жизни. Там где нет этой родительской заботы о новорожденной жизни, там непременно погибает предоставленное самому себе дитя. Однако не только телесное развитие и сохранение ребенка зависит от любви родительских забот; в гораздо большем объеме зависит от нее внутреннее существо ребенка. В древне-еврейском выражении "размножать" заключается не только понятие того, что родители должны повторять себя в своих детях, но дети, в свою очередь, должны быть "духовным и нравственным подобием" своих родителей.

Чистота брака и святость семьи предоставляли собой издревле единственное основание для здорового созидания человеческого рода и для всемирно-исторической миссии народа. "Не в кабинетах царей, не на полях сражений, не в промышленных мастерских, не в деловых конторах, не в аудиториях и школах наук и искусств, даже не в храмах для богослужений и богопочитания, - а в домах и только в домах решается счастье или несчастье, расцвет или бедствие народов и людей".

Всякое великое будущее зависит от чистоты прошлого. Только там, где рождаются чистые люди, где зачинается дитя в горячей материнской и отцовской любви, где во дворцах или в хижинах величайшим сокровищем жизни является чистый семейный очаг, где, благодаря нравственному примеру и святому духовному воспитанию, в подрастающем ребенке образуется душевное благородство, - только там созревали в семье, в тишине ее те созидательные силы, которые позже способны будут, достигнув полноты мужественности и женственности, создавать будущее, которое окажется величественнее предшествовавшего прошлого.

Брак и семью нельзя заменить каким-то суррогатом. Там где безнравственность обращает в ложь чистоту брака, где святость семьи и целомудрие дома становятся посмешищем в мировоззрении народа, где дети не рождаются более в атмосфере истинной любви родительского дома, - там не спасутся от гибели ни национальная политика, ни мудрая дипломатия, ни развитие промышленности и рост ремесел, не развитие наук, не забота об искусствах, ни церкви, ни гуманные стремления народа; все это непременно погибнет. Или же брак и семья вместе с дарованными им детьми явятся счастьем и благословением для будущего всего народа, или же суррогаты их

запишут проклятие и гибель в историю того народа, который пользуется ими, чтобы воздвигнуть на этом греховном основании свое будущее.

"И наполняйте землю" - это тайна общества, народа и государства. Из семей возникают поколения, из поколений - народы, из народов - государства. Каждый брак начинается самоограничением обоих членов брака. Отныне в нем существует для каждого отдельного члена только половинные права, половинное место, разделенное развитие и служение. В значительно большем объеме проявляется это самоограничение в семье. Сосуществование многих членов семьи обуславливает соответствующее самоограничение каждого отдельного члена.

В свою очередь, именно в этом самоограничении и состоит крепость каждого отдельного члена и крепость созидаемого целого. Наступит день, когда вся семья окажется в состоянии совершить то, чего не в состоянии совершить отдельный член.

В значительно большей степени истина эта относится к государствам, если они не уничтожают друг друга, подобно хищным животным, а служат друг другу как благословенные Богом члены великой семьи народов. Там где пренебрегают этим Божиим законом самоограничения брака и семьи в жизни народов и государств, там всегда совершается это великое зло за счет отдельной личности или даже всей совокупности народа. Соответствующее плану Божиему и находящееся под творческим благословением Его повеление "наполняйте землю" мыслимо и приносит благословение только на том основании Божием, когда народ способен найти свое высшее благо в укреплении ближнего соседнего народа. Самоограничение в пользу ближнего, а также в семейной жизни приведет однажды к непредвиденному подъему всего целого.

"И обладайте ею," - все то, что человек в состоянии, благодаря прилежанию и трудолюбию своих рук, приобресть себе из благ земли, является его собственностью. Бог установил такой порядок, что земля должна служить человеку, как своему господину и царю, полнотой своих богатств, предоставляя ему возможность выполнить те задачи, которые он получил от Бога в области брака, семьи и народа. А для земли это усвоение человеком ее богатств и благ не является насилием, которому она вынуждена подчиниться, а освобождением ее сил ради цели ее более высокого назначения. Как охотно, например, роняет дерево осенью свои плоды в руки, которые протягиваются к нему, чтобы взять эти плоды. Если человек почитает заключенные в природе законы Божий, тогда она с радостью отдаст человеку свои богатства и отве-

тит своему господину, возделывающему ее, полнотой своих благословений, которые она заключает в себе.

Приобретение имущества в соответствии с предопределением Божиим и в соответствии с его ограничениями является нравственной обязанностью человека. И если человек пытается выполнить эту обязанность в пределах, установленных Богом, тогда и на нем покоится неподдающееся учету благословение. Иисус мог сказать в Своей нагорной проповеди следующее: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю" /Матф. 5,5/. Кто не стремится жить хищением имущества у своего ближнего, может жить только тем, что он возьмет у земли из ее богатств в качестве своего имущества. Однако приобретение имущества не является самоцелью, а только задачей извлечь из недр земли ровно столько, сколько возможно и потребно. Имущество накапливается не ради самого имущества, а ради того, чтобы оно служило человеку и помогало ему создавать семью, двигать общество вперед и укреплять жизнь народа. Как только эта цель Божия оскверняется жаждой богатства и эгоизмом человека, она лишается благословения Божиего и заключает в себе одно лишь проклятие для того, кто захватывает себе имущество и богатеет. Каким потрясающим является язык Библии и истории, обращенный к тем, .вторые грешат против самих себя, против своих семей, против общества и своего народа как раз в области приобретения имущества. Приобретение богатств превращается для них в рабство, прибыли - в проклятие, даже в могилу. Кто полагает, что он в состоянии пренебрегать законами Божиими, которые касаются приобретения собственности, имущества, пусть знает, что в жизни его оправдаются однажды потрясающие слова апостола Павла: "Не обманывайтесь, Бог поругаем не бывает" /Гал. 6,7/.

Это дивное творческое благословение должно было наложить на семейную жизнь Ноя и его сыновей, а также на ту общественную жизнь, которой предстоит произрасти от них, новую печать Божественного посвящения. Это благословенное посвящение должно покоиться не только на жертвоприношении Ноя, но и на его пажитях, на его садах, виноградниках, на его шатрах и стадах - на всем, что служит ему для того, чтобы вновь превратить землю в обитель для семьи, в родину для народов и в арену для откровения славы Божией. Освобожденная судами от Каинового проклятия, вся земля должна превратиться в храм Богу, в котором праведный человек, как подобие Божие, должен выполнить свою мировую миссию.

Находясь под этим творческим благословением Божиим, че-

ловек должен был отрегулировать и свое отношение к окружающему творению. И оно должно было помогать ему решать задачи нравственного порядка в творении Божием. Поскольку человек действительно является хозяином на земле, он непременно должен обладать властью укрощать животных и вовлекать их в сотрудничество с собой.

Отныне тварь должна оказаться в распоряжении его и служить ему даже пищей. Но в этом отношении Бог поставил известные пределы, сказав: "Только плоти с душею ее, с кровью ее, не ешьте" /Бытие 9,4/. Таким образом, человеку дано было установление и касательно того, что он должен употреблять в пищу, и никто не мог нарушить этого установления, не подвергая себя проклятию. Понятие "душа" обозначает здесь подлинную индивидуальность, как личность всякой твари. Эта индивидуальность хранит все тело посредством крови. Ибо тело является " вестником" души. До тех пор, пока душа посредством крови способна соединяться с телом, до тех пор весь организм является живой индивидуальностью. Поэтому не душа находится в крови, а кровь в душе, и душа владеет ею. Как только душа лишается этого средства, она теряет свое господство над своим организмом, а он превращается в плотскую материальность, лишенную духа подлинной индивидуальности.

Все побуждения и возбуждения твари заключены в ее душе, в ее душевной индивидуальности. Организм в своих многообразных особенностях служит душе только как орган, чтобы она могла по возможности проявить все то, что она же заключает в своей сущности. Таким образом, это Божие постановление не утверждает ничего иного, как только то, что человек не должен есть "живой" плоти, в которой заключена жизнь животного. Употребление в пищу мяса с кровью сообщило бы человеку все возбуждения и движения духа и жизни животного. Но тогда человек озверел бы. Чтобы человек не озверел, он должен употреблять в пищу лишь то, что не содержит в себе более духа животного - мясо, но без господствующей в нем крови.

После того, как Бог упорядочил отношение человека к окружающей твари, Он привел также в порядок и отношение человека к человеку. "Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его. Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию" /Бытие 9,5-6/.

Здесь и обнаруживается то безмерно огромное достоинство человека в очах Божиих. Перед Ноем простирался мир с вели-

чайшими возможностями для развития, с избытком жизни и плодоносящим процветанием - и все это принадлежало ему. Он должен был пользоваться всем этим и наслаждаться всем. Даже животный мир, и тот был в его распоряжении. Он лишен был только права распоряжаться человеком, тем созданием, которое носит в себе образ Божий и которое является его братом. Более того, он не обладал правом распоряжаться самим собой, потому что человек принадлежит Богу. Он носит в себе образ и подобие Божие и, благодаря благородству своей души, высоко возносится над всякой тварью. Бог видит в человеке частичку своего существа. Как творение, человек способен на самое высокое общение с Творцом и с прочим творением. В то время, как животный мир может общаться посредством своего одушевленного тела лишь с другими телами, человек, как дух, общается с другими духами.

Поэтому тот, кто сознательно лишает себя жизни или лишает жизни ближнего, несет ответственность перед Богом в полном объеме. Кто обагряет свои руки кровью брата, тот убивает в нем и самого себя. Потому что всякая минута жизни человека свята и дорога в очах Божиих. Кто сокращает себе или другому эти минуты, того раньше или позже Бог привлечет к ответственности. Убежать от Бога нельзя. Или же суд настигает убийцу ближнего и, вопреки воле его, обременяет его, или же сам преступник, совершенно изменив свои чувства и сущность, добровольно преклоняется под тяжестью собственной вины и находит прощения у Бога.

Этому приговору Божиему подвергается и то убийство, которое человечество очень часто облагораживало и которое оно даже награждало. Когда Бог раскроет однажды книги истории мира, истории государств и героев, революций и полей сражений, то вся эта история предстанет пред нами в совершенно ином свете. Пусть никто не думает, что Бог будет поруган в этой области посредством того, что будут обойдены Его святейшие права на жизнь человека.

Я знаю, какой тяжелой проблемой является эта истина. В истории и в жизни народов было достаточно попыток прийти к какому-то другому пониманию этой проблемы. Однако ни одна попытка так и не привела к истинному миру и покою. Мир и покой находит только тот, кто просто преклоняется под мощью этой фундаментальной истины Божией. Путем нарушения и пренебрежения того пламенного письма-закона, посредством которого Бог определил отношение человека к человеку и народа к народу: "Не убей!" - нельзя создать ни постоянного счастья, ни длительного безопасного будущего, как для отдельного че-

ловека, так и для мира народов. Счастье и будущее, как отдельной личности, так и целых народов, могут покоиться только на Божием основании. И среди народов стали умножаться люди, которые останавливались перед этим пламенным письмом, чтобы прочесть его, а затем, склонившись и бия себя в грудь, говорили: "Боже будь милостив ко мне грешному!" Им и принадлежит будущее. Потому что "кроткие наследуют землю" /Матф. 5,5 и 9/.

4. Завет Божий в облаках

Бытие 9,7-17

Мы уже видели, как Бог с помощью двух великих принципов, которые Он дал во спасение Ною и человечеству, навсегда попытался определить отношения человека к твари и отношения человека к человеку. Человек не должен, употребляя в пищу кровь животного, опускаться до уровня животного; отсюда и это запрещение употреблять в пищу кровь животных. Человек не должен также губить образа Божиего в ближнем, отсюда и это запрещение не налагать рук ни на себя, ни на ближнего, на брата. Это принципы фундаментальной природы человека, и люди и народы в течение тысячелетий не могли нарушить их, не подвергая себя тем судам, которые навсегда сопряжены с преступлением их.

После того, как были начертаны эти Божественные линии, Бог предложил Ною программу дальнейшего культурного развития для будущего, Ной же посредством своего жертвоприношения возвестил, в каком духе он намеревается добывать сокровища земли, возделывать поля, пасти стада, пожинать урожаи и наслаждаться благословениями земли. Все вопросы должны были разрешаться в общении Ноя и его потомков с Богом.

Мы видели также, что общение с Богом, в котором Ной постоянно упражнялся, при всей многосторонности человеческой жизни в свете Божием не исчерпывается. Чем обильнее обогащается жизнь всякими вопросами и служением, тем богаче становится и откровение Божие в человеке, благодаря его общению с Богом. Очень часто самые великие откровения Божий становились доступными человеческому глазу только тогда, когда на почве мрачного жизненного опыта человека они могли сиять Божественными красками. Так и обнаружившаяся после потопа радуга во всем великолепии своих цветов могла быть видна только среди тех облаков, которые принесли прежде

земле смерть и погибель; теперь же она принесла людям дивную весть завета. До сих пор Бог еще не сообщил Ною самого высокого. Он не сообщил ему еще завета благодати в облаках.

Правда, понятие завета было уже знакомо Ною. Он постиг его с того часа, когда Бог даровал ему его в качестве абсолютного обетования для его личного спасения. Новый, однако, завет благодати в облаках не носил более личного характера, а касался всего творения. Характеру каждого откровения Божиего свойственно стремление, несмотря на то, что оно как будто вначале касается отдельной личности, охватить целое. Дарованное Аврааму обетование превратилось в обетование для всего народа, а обетование, дарованное народу, превратилось в пророчество для всего мира. Начало Церкви положено в призвании нескольких рыбаков, а вот заканчивается она сонмами, стоящими перед престолом Бога и Агнца, и сонмов этих никто не мог перечесть. Откровение Божие соразмеряется каждому явлению жизни. Оно достаточно мало для того, чтобы его мог постичь отдельный человек, но в то же время оно достаточно велико для того, чтобы предназначаться для всей совокупности.

"И сказал Бог Ною и сынам его с ним: вот, Я поставлю завет Мой с вами и потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами, и со скотом, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными; поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли" /Бытие 9, 8-11/.

Подобно тому, как человек оказался в состоянии выразить перед Богом глубочайший элемент своей души только в символических действиях, так и величайшее откровение Божие только тогда будет воспринято и понято во всем своем объеме, когда Бог облечет его в ощущаемый чувствами образ. Только посредством скинии откровения в пустыне и храма Божиего в Иерусалиме Израиль мог постичь величие вести Божией о том, что слава Божия и Его милостивое присутствие обитает не только на Синае, но и сопровождало также странствовавших в пустыне и ныне обитает среди тех в Иерусалиме, которые и в пустыне, и на родине не хотят быть не чем иным, как только народом священников Божиих на земле.

Так и здесь Бог облек все величие Своего долготерпения и спасающей любви в образ радуги в облаках. Но не образ по своей сущности является истиной Божией, он только отражает ее и делает ее понятной и доступной человеку. Вот поэтому

откровение Божие время от времени претерпевало воплощение в преходящий образ - "и Слово стало плотью", - чтобы оно могло обитать среди нас и быть понятным нам.

Всякое очеловечивание откровения Божиего является в то же время и покровом для него. Потому что ни один из преходящих образов не достаточно велик для того, чтобы возвестить величие Божие. Тот же храм, который своим существованием символически представлял сынам Израилевым пребывание славы Божией в их среде, одновременно скрывал в своем Святое-святых присутствие этой славы от взора поклоняющихся во дворцах храма израильтян.

К сожалению, человечество всегда забывало об этом, и потому оно часто преклоняло свои колени перед храмом вместо того, чтобы преклоняться перед Господом храма; оно почитает крест, но потеряло Распятого; оно проявляет заботу о священном, но забыло Освящающего; оно ищет языков Пятидесятницы, но увековечило букву и распяло живое Слово.

Вот поэтому об этом откровении завета сказано: "Вот, знамение завета, который Я поставлю между Мною и между вами, и между всякою душею, которая с вами, в роды навсегда: Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами, и между всякою душею живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти" /Бытие 9,12-15/.

Бог не нуждается в знамениях, которые напоминали бы Ему о решении, которое Он принял в Своей милостивой любви. Но вот человек нуждается в таком знамении завета, чтобы в переменах жизни они напоминали ему о великой вести завета Божиего, который несет ему милосердие.

Чтобы истолковать эту весть завета, нам недостает слов; многие истины Божий необходимо гораздо глубже пережить внутри, нежели облекать в слова. Всякий раз, когда человек удостаивался таких внутренних переживаний, душа его приобретала гораздо больше, нежели описание могло бы предложить ей. Поэтому попытаемся представить себе только следующие черты этого завета благодати.

Во-первых, Бог был дающим. Завет не был договором, который Бог заключил с человеком, а только актом дарующей благодати. "Я хочу" поставить Свой завет с вами, и "Я хочу" видеть Свою радугу в облаках, которая является знамением того, что потоп уже не постигнет более всякую плоть на земле.

Как, должно быть, драгоценна жизнь человека в очах Божиих, что Он уже заранее, несмотря на внутреннюю удаленность человека от Него, ставит его на все будущее время под покров Своей благодати. Когда человек поймет однажды, что это великая благодать для него, если солнце приветствует его, если луга зеленеют для него, если леса шумят для него, если дети благодарят его, если люди почитают его, -тогда он поймет и то, что жизнь его и действия его не являются созданием его собственного духа, но что все в нем покоится в воле Божией. Он увидит тогда, что жизнь его под благодатью даже и тогда, когда самые мрачные времена настигают его. Где бы не проявлялась радуга, она всегда очерчивает на небесах совершенный круг, стремящийся охватить и землю, чтобы на ней именно найти свое незавершенное завершение. Когда же благодать, которая отражается ныне во всей своей полноте в игре цветов радуги, возвратит погибшее творение в полное жизненное общение с Богом, тогда радуга явится замкнутым совершенным кругом вокруг престола Бога и Агнца /Откр. 4,3/.

Всякий раз, когда дело касалось того, что Бог заключал завет с человеком, а человек - с Богом, основой этого завета всегда был акт благодати Божией во спасение человеку. Бог никогда не успокаивался на том, что человек совершал для Него, всегда стремясь к тому, что Он может сделать для человека. В отношениях человека с Богом Бог всегда является дающим, а человек - получающим, Бог всегда является любящим, а человек - возлюбленным. Посмотрим на дальнейшую историю человечества: в завете Бога с Авраамом речь идет о непосредственном господстве Божием в истории Израиля; в завете с Моисеем - об обетовании Божием в среде избранного народа; в новом завете Иисуса - о новом творении Божием в сердцах людей, - во всех этих случаях Бог всегда был дарующим и прощающим, а человек всегда оставался получающим и помилованным.

Бог в Своей благодати всегда находил путь к человеку, человек же никогда не находил пути к Богу. Он приходил к Богу только потому, что прежде уже Бог приходил к нему; спасением его всегда была сострадательная благодать; освящением его были творческие жизненные силы Божий в нем. Сам человек, учитывая все свое благочестие, никогда не пришел бы к Богу, и, учитывая все освящение своей плоти, никогда не ходил бы свято пред Богом. Итак, искупление всегда совершал Бог, оно исходит от Него, а человек только получает его.

Во-вторых, радуга являлась в тех облаках, которые прежде принесли земле суд и погибель. Последнее слово Божие во всех Его великих судах - всегда благодать: радуга в облаках. Это говорит вот о чем: посреди облаков, несущих жизнь и смерть, проявляется всегда присутствие света. Таким именно образом наглядно представляется человеку вечная истина: даже во времена судов истории присутствует сохраняющая благодать.

Не связал ли в конечном итоге Бог с величайшим судом, который когда-либо видела история, со смертью Христа на Голгофе, величайшее искупление, которого мог ли бы когда-нибудь удостоиться человек без Христа? Не мог ли Павел осветить дивным светом Божиим всю тайну Голгофы: "Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего?"/Рим. 4,25/. Разве в облаке смерти Страстной пятницы не сияет уже радуга благодати пасхального утра? Разве мир не обязан своим искуплением Распятому, Которого отверг Израиль и Которого пригвоздил, как злодея, ко кресту?

Подлинно нам недостает слов и красок, чтобы изобразить радугу завета в облаках. Искупленные, однако, смотрят на нее и склоняют свои колени в поклонении, но не перед радугой завета, а перед Богом завета.

Греху и нравственному вырождению никогда не предоставлялась отпускная. Кто же перед лицом радуги в облаках решится сказать: "Так будем же грешить, чтобы на этом фоне благодать проявилась еще могущественнее", - тот во всем объеме испытает осуждение и погибель, которые принесет ему это облако, тот никогда не увидит радуги в нем. Несмотря на то, что, начиная днями Ноя, радуга продолжает сиять в облаках, с тех пор в течение последовавших тысячелетий пронеслось по сцене истории мира много народов и наций -и исчезло, потому что все они погибли в облаке осуждения. Мера злодеяний их переполнилась, и земля уже не могла более носить их, она извергла их, чтобы освободить место грядущим родам и народам. Радуга никогда не устраняет облака, она только сияет в облаке для тех, которые могут быть спасены от судов, для будущего.

VI.. НОВОЕ ПАДЕНИЕ И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ

1. Сыновья Ноя и их значение

Бытие 9,18-21

Во что превратится земля под господством праведного Ноя, земля, которая была очищена судами и ожидала служения его во всех своих областях?

Все то, о чем сообщается нам далее в свете Божием, предлагает нам весьма потрясающий ответ. В истории человечества не стало светлее, хотя жизнь Ноя была весьма светлой до сих пор. Наоборот, в мире становилось все более мрачно, пока вновь все развитие его не обрело своего конца в той ночи Ура Халдейского, от которой было одно лишь спасение для будущего - оно состояло в том, что Бог призвал Авраама, и тот стал "пришельцем" на земле. Совсем немаловажное, а новое великое падение является ответом истории на наш вопрос. Ной упал, упал и Хам, пал Нимрод, пал Вавилон - и все они потеряли вместе с своим падением предназначавшуюся им мировую миссию и свое будущее.

Прежде, однако, чем мы займемся этими мрачными главами, обратим хотя бы бегло свой взор на сыновей Ноя. Имена их очень часто упоминаются; они опять перечисляются перед падением Ноя. "Сыновья Ноя, вышедшие из ковчега, были: Сим, Хам, Иафет. Хам же был отец Ханаана. Сии трое были сыновья Ноевы, и от них населилась вся земля" /Бытие 9,18-19/.

Имена трех родоначальников нового человечества обнаруживают перед нами характерные черты носителей их, от которых потомки их уже никогда не смогли отречься. В одном из предыдущих глав мы уже упоминали, что Ной сравнительно поздно основал свою семью. Мы полагаем, что причиной этому был страх перед одичанием нравов той эпохи. В период всеобщего нравственного падения гораздо труднее сохранить семью нравственно здоровой, нежели самому остаться честным посреди всего нечестного. Мы можем поэтому понять Ноя, который во всей своей внутренней жизни был направлен к Богу; он приступил только к основанию семейной жизни, когда нашел внутренне духовно родственную себе душу среди дочерей из рода Сифа. Когда жена родила ему трех сыновей, он назвал их Сим, Хам и Иафет. Уже эти три имени указывают на то, что развитие человечества будет впредь совершаться в трех различных направлениях. Первым из сыновей называется Сим. Это слово обозначает просто "имя", понятие какого-то объекта. Подлинная мудрость человека всегда состояла в том, что он учился постигать сокровеннейшую сущность вещей в мире и называть их именами, которые соответствовали бы их характеру. Он различает начальствующее от подчиненного, духовное от плотского, небесное от земного. Имя "Сим" указывает на острый дар наблюдения, которым обладал тот, кто носил это

имя.

Последующим историческим исследованием не трудно было установить, что роду человеческому, родоначальником которого является "Сим", весьма свойственно острое наблюдение действительности земного и небесного, ему свойственны и великие вдохновения Божий, которые Бог даровал Израилю и миру; ему же пришлось также понести огромные жертвы имуществом и жизнью ради законов и постановлений Божиих, но он способен был также видеть и самые светлые перспективы искупления и Царства Божиего на земле. Колыбель всех великих пророков Божиих находилась в шатрах Сима.

Все развитие человечества обязано своими величайшими благами и жизненными мировоззрениями вдохновениям Божиим, которые получали сыны Израилевы ради собственного спасения и ради спасения мира. Следовало бы взвесить каждому в тишине ту мысль, чем оказалось бы наше время, если бы оно лишено было бы того богатства света Божиего, которое хранится для нас в Ветхом и Новом Заветах. Кто хотел бы пренебречь этой полнотой утешения для нашей души, этой полнотой величайших перспектив для нашего будущего? Даже самый враждебный антисемитизм не в состоянии уничтожить страниц мировой истории, которые постоянно возвещают человечеству: свет миру пришел из шатров Сима.

Вторым названным сыном Ноя является Хам. Имя его обозначает "горячий" или "возбужденное дыхание чувств". Родственные корни слов обозначают зародыши, которые содержат в себе возможности для существования чего-то другого. Если эти зародыши, которые уже заложены в существе, достигнут своего развития, тогда возникнет беспокойное движение, брожение. Поэтому в этом слове заключено еще и понятие "черный", "обожженный, загоревший". Когда волнение становится пламенным, тогда оно сжигает все, что на его пути, и не производит ничего нового. Но образовавшееся внутри движение может привести к "рождению", но тогда уже возникнет новое, другое. Вот поэтому это слово проявляет в древнееврейском языке родство с понятием "рождение". Основной, однако, характер его выражается словами "возбужденное движение чувств".

Течение древней мировой истории показывает нам, что род Хама никогда не жил в духовной атмосфере жизни Сима. Потомки его порою приходили в соприкосновение с светом, достигающим их из хижин Сима. Однако они никогда не раскрывали себя вполне навстречу этому свету. Самое высокое, что они способны были дать когда-то миру, - это Египет, Вавилон и

Ханаан, которые населяли те народности, которых "земля не могла более носить", потому что они осквернили землю; наступил день, когда суд постиг эти народы, "и земля свергнула с себя живущих на ней"/Левит 18,25/.

Хам оказался самым многодетным из своих братьев. Из 72 имен, которые перечислены в родословной, хранящейся в 10 главе книги Бытия, дающие нам весьма ценный ключ к пониманию развития Ноевой эпохи, 31 имя принадлежит родословной Хама. Если внимательно проследить эту родословную, мы встретим там вскоре Нимрода, "мятежника", который создал в Вавилоне власть насилия над своими братьями.

Так, например, все имена сыновей Хуша, первенца Хама, по своему значению теснейшим образом сопряжены с осаждением городов, с битвами, с борьбой и всякими несчастьями. Другой ветвью, происшедшей от Хама, является Мицраим - сыновья Египта, которые изучали движение звезд и умели строить пирамиды кровью угнетенных народов, но они так и не смогли найти Бога выше звезд и вечности за негибнущими пирамидами. Ни Вавилон, ни Египет не смогли поэтому передать великому будущему тех пребывающих ценностей, которые являются "солью земли" для развития человечества.

Своего третьего сына Ной назвал Иафет . Основное значение корня этого имени - "открытый". Это слово родственно по своему смыслу с понятием "прекрасное". Мы увидим позднее в благословении Ноя, что он даст Иафету обетование, в силу которого Бог будет открывать умы и уши, гарантируя ему влияние на сердца других. Итак, характер его существа - откровенность, но с ней слегка связано "красноречие, способное и убедить и обмануть". Откровенность и восприимчивость приводили потомков Иафета всегда к активной жизни.

Сегодня Иафет в своих потомках и народах является самым могущественным носителем истории, который принял на себя, правда, только отчасти и только формально высшие блага Сима. Потому что все великие культурные народы Европы, происшедшие от чресл Иафета, исповедуют Бога Сима и воздвигают Ему бесчисленные храмы и жертвенники.

Иными являются потомки Хама. Потомки Хама всегда поднимали величайший шум в истории древнего мира. Это были люди, которые всегда и всецело руководствовались чувствами, а потому многократно проходили по сцене истории, проявляя грубое насилие и жажду чувственных наслаждений.

Иафет, напротив, при всей грубости и жестокости своих нравов воспитывал в себе и более высокие идеалы; он открыл себя тому свету, который исходил из хижин Сима. В то время,

как потомки Хама полностью погибали от своих собственных грехов, не оставляя после себя сколько-нибудь существенного фактора в нынешней истории мира, оба другие колена - Иафетово в эллинизме и Симово в иудействе - оказались подлинными образователями и наставниками европейских народов.

И все же, все то, что сыновья Ноя отдали будущему в качестве естественного наследия, могла создать и новая история человечества при содействии долготерпения Божиего, однако грядущие роды не смогли унаследовать духа искупления, в котором жил Ной. Вот поэтому и новый мир в своем развитии, руководимый своим собственным духом, подвергался судам, обретая искупление лишь в той степени, в какой люди, подобные Ною, обретали благодать у Бога. История спасения не переносится и не передается естественным /плотским/ путем, она должна передаваться от поколения к поколению, снова и снова переживаемая как великое дело Божие.

Сыновья Ноя уже не были тем, чем был отец их в своей отдаче Богу. Поэтому уже в ближайших поколениях обнаружился тот мир, духовное направление которого вновь привело к судам. Правда, катастрофы судов способны были на какое-то время затормозить сатанинское развитие в истории, но все же они не были в состоянии самостоятельно уничтожить противное Богу направление духа. Оно постоянно пробивалось в том народе, отцы которого самым дивным образом были спасены во время судов. Это тот потрясающий факт, о котором свидетельствует нам история развития поколений Ноя.

2. Падение Ноя и его позор

Бытие 9,20-23

Всякое падение порождается искушением. В творении же Божием нет почвы, на которой человек не подвергался бы искушениям. Даже и очищенная судами земля может оказаться почвой искушения для искупленного человека. Князь тьмы упал в вышнем мире света. Адам потерпел свою невинность в раю. Каин убил своего брата у жертвенника. Саул потерял свой царский венец и царское облачение во время жертвоприношения. Сатана искушал Иисуса на крыле иерусалимского храма. Анания и Сапфира пали на том пути, на котором другие достигали своей отдачи Богу.

Всякий дар в творении Божием может оказаться для человека предметом искушения, даже самый высокий. Он или служит ему, или обольщает его. Израиль погиб вместе со своим свя-

тилищем. Когда Израиль попытался найти в нем то, что можно найти в одном только Боге, оно оказалось для него толчком к погибели. Так случилось, что пал и Ной, опьянившись плодами своих рук. Сын его Хам пал, наслаждаясь падением своего ближнего. Потомок Хама Нимрод пал, когда злоупотребил своим душевным превосходством, превратив его в средство насилия, чтобы поработить своих братьев. Пал и Вавилон, пытаясь увековечить свое имя и добыть гарантии для своего будущего.

Предохранение от падения не следует поэтому искать в дарах. Оно заключается единственно во внутреннем отношении человека к Богу. Правда, Бог пользуется то одним, то другим средством для охраны человека, но подлинные гарантии всякой охраны заключаются в постоянной зависимости человека от Бога.

В падении Ноя, Хама, Нимрода и Вавилона заключены четыре великих и главных формы, в которых всегда до сих пор проявлялось падение человечества. Ной злоупотребил даром, находящимся вне его и который опьянил его. Падение ближнего содействовало еще более тяжелому собственному падению Хама. Нимрод пал, научившись злоупотреблять своим превосходством, своими дарами и способностями ради порабощения своих братьев. Вавилон пал, научившись злоупотреблять своим превосходством, когда вновь почувствовал себя сильным и когда полностью захватил в свои руки дело своего избавления и дело будущего.

Какая, однако, страшная трагедия заключается для нас, людей, в том факте, что даже искупленный человек способен вновь упасть, что всякое пережитое человеком искупление способно вести его к совершенству, но еще не является совершенством.

Правда, Ной не впал опять в старое направление духа прежней эпохи, от которой он был спасен дивным образом. Его падение не принципиальное изменение образа его мышления. Если бы Ной предвидел, что может случиться впоследствии, он никогда не радовался бы так соку виноградной лозы, что опьянел от него.

И все же, какая печальная разница обнаруживается между тем Ноем, который по повелению Божиему вошел вместе с своими сыновьями в ковчег спасения, и тем Ноем, который, опьянев от плодов виноградной лозы, показал своим сыновьям свою наготу. Но так уж всегда было в истории человечества: на всякой вновь завоеванной ступени жизни располагались новые опасности. И искупленный человек познает их лишь тогда, когда заново падает.

Некогда Ной был достаточно силен, чтобы противостоять всей эпохе, которая опьянила себя великими культурными достижениями собственного духа. Однако тот же Ной пал, когда на вновь обнажившей после судов земле насадили виноградную лозу. В своей жизни он достигает того, что послужило к суду его современникам. Однако падение его обнаружило тот факт, что он, как искупленный человек, пусть в весьма тонкой форме, но способен на те же грехи. Может быть, следует в общих контурах установить великую истину что до сих пор в истории спасения искупленный человек прежде всего падал от опьянения благословениями той новой почвы, на которой насадило его великое дело Божие.

Ной укрылся в шатре, когда почувствовал, что наслаждение благословениями виноградной лозы произвело в нем нежелательное действие. Если бы Хам, потерявший благочестие, не последовал за отцом в шатер, то, может быть, никто так и не увидел бы падения Ноя. Однако то, что совершил в свое время Ной, скрывшись в свой шатер, чтобы не обнаружить своего опьянения, позднее в истории не всегда повторяли искупленные души. Как часто приводило опьянение в какой-либо области религиозной и духовной жизни точно к тем же болезненным явлениям, с которыми сопряжено опьянение и в плотской жизни.

Всякое опьянение, как правило, производит прежде всего неестественное чувство блаженства; оно прямо ведет к неестественному упованию на собственные силы, возбуждает в большинстве случаев неестественное сознание силы и обнаруживает вполне неестественную жажду деятельности и мероприятий. Те же явления характерны и в отношении к опьянению искупленного человека.

Как только искупленные начинают опьянять себя дарами, которыми они владеют, дарами виноградной лозы, которую они насаждают, жертвоприношениями, которые они приносят, положением, которое они занимают, опьянение их, как правило, выражается в неестественном чувстве блаженства.

Само собой разумеется, что Ной радовался, когда видел, как созревают виноградные гроздья. Но был ли этот плод для него свидетельством того благословения, которое находилось для него на новой земле? Бог даровал ему решительно все, чтобы все это служило ему и его сыновьям. Существует оправданное и святое чувство блаженства, когда искупленные видят, что Господь облагодетельствовал их и использует их. До тех пор, пока они остаются трезвыми, радость их не переступает тех границ, в которых проявляется всякая радость

в Господе. Потому что всякое переживание Бога в какой-то области всегда приводит к дивной и глубокой радости в Духе Святом; такой радости не способен дать мир.

Как ни глубоко проявляется радость сердца в Духе Святом, она никогда не делает человека неестественным во всем своем существе. У кого была возможность познакомиться с жизнью освященных рабов Божиих, тот видел, что они во всей своей жизни оставались освященными, но никогда не были неестественными .

Насколько мы в состоянии постичь в Евангелии образ Иисуса, мы заметим, что Он был самым естественным на земле человеком. Чистой радостью Он радовался о воробье, сидящем на крыше, о лилии на полях, потому что все они говорили Ему что-то об Его Отце. Он жил в таком отношении к Отцу Небесному, как никто до Него и никто после Него. Радость в Духе Святом никогда не бывает в области неестественного.

Но в жизни искупленных может проявляться неестественное чувство блаженства. Оно всегда начинается опьянением. Когда Израиль в своей радости о пережитом избавлении из постыдного египетского рабства опьянил себя, он создал себе праздник Господу и устроил пляски вокруг золотого тельца /Исход 32,1-7/. Когда Давид опьянил себя успехом своего царствования, он повелел исчислить Израиля, наслаждаясь тем чувством власти и могущества, которое послужило позднее народу к его гибели.

Многие мрачные стороны истории христианской Церкви, начиная ее первыми началами и вплоть до наших дней возвещают нам, что преувеличенная духовность непременно закончится однажды чувственностью. Потому что такого рода духовность является неестественным чувством блаженства опьянения душ. Она продолжается лишь столько времени, пока не минует опьянение, за которым часто следует весьма мучительное отрезвление.

Неестественное чувство блаженства заключает в себе часто неестественное упование на собственные силы. В самом начале опьяневшие проявляют откровенность и любовь, которые превосходят всякую меру естественности. Но очень часто опьянение заканчивается не без скандала. Почти никто не хочет верить тому, что это не только явления, которые происходят в области плотской жизни. Они не менее очевидны и в области духовной жизни. Как часто общение святых падало, опьянившись общением святых. Откровенность, любовь перерастали свойственную Духу Святому меру и терялись вне естественности и во взаимном восхищении друг другом. Но явленная в

опьянении откровенность нередко приводила к тому, что каждый из них обнажал те стороны своего существа, которых другой не в состоянии был выносить долго. Вот поэтому очень часто погибало и благословенное общение, потому что души переставали более взаимно понимать друг друга, опьянившись благословениями.

С этими явлениями теснейшим образом сопряжено и неестественное сознание силы. Если наблюдать за опьяневшими, то можно увидеть, что они потеряли в своих суждениях всякую меру трезвой деятельности. Энтузиазм их не знает никаких пределов. Самоуверенность их способна и горы передвигать. Им не ведомы опасности, которыми они не могли бы овладеть. Так они живут иллюзиями и отрицают действительность.

Все это относится не только к плотской области жизни. Как часто в стране Израиля энтузиазм народа превосходил его силы. Когда однажды во дни первосвященника Илия Израиль противостоял у Авен-Езера филистимлянам, расположившимся у Афека, с прибытием ковчега в стан возникло в народе такое великое ликование, что даже филистимляне пришли в страх от него. Сражение, однако, закончилось тяжелейшим поражением Израиля, так что даже ковчег завета оказался добычей врага, чтобы эта великая святыня Израиля, это Святое-святых его украшало храм Дагано /1 Царств 4,5 и след/.

Существует такая сила веры, которая очень похожа на иллюзию, но которая в своей сокровенной сущности весьма отличается от нее. Это та сила, которая решается действовать только на основе полученного от Бога поручения, и потому она побеждает мир. Когда Петр доверился слову Господа, повелевшему ему идти к Нему по волнам, Петр оказался в состоянии идти по воде. Вот поэтому верою совершаются все решающие шаги, которые приготовляли новые пути для наступления Царства Божиего, но вера эта рассматривала еще несуществующее, как уже существующее. Страдания, которые сокрушали других, переносились и побеждались, потому что души считались с Тем, Кто может проявить в совершенстве Свою Божественную силу и на почве нашего бессилия. Все созидание Царства Божиего покоится единственно на этой основе веры. Верою отдельный человек воспринимает то искупление, какого не в состоянии предложить ему мир; верою он достигает того мира, который дарует его душе покой и посреди борьбы и страданий жизни.

У этой побеждающей мир веры нет ничего общего с неестественным воодушевлением. Энтузиазм является скорее тем верным барометром, который указывает на непосредственный

поворот в духовном настроении души. Тот же народ, который однажды приветствовал Господа мира пальмовыми ветвями, кричал через несколько дней: "Распни, распни Его!" Вот поэтому Господь не ожидает от Своих последователей воодушевления, а лишь трезвой отдачи воли и подчинения Его жизни и Его истины. Тому же, кто хотел бы следовать за Ним в необдуманном восторге своих чувств. Он говорит: "Лисицы имеют норы, и птицы небесные - гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову" /Луки 9,58/. Жизненный путь требует всегда от каждого из учеников Иисуса не воодушевления, а отдачи.

Теснейшим образом сопряжена с неестественным сознанием силы и неестественная жажда деятельности и предпринимательства. Кто переоценивает свои силы и потерял истинную меру действительности, тот приступает к мероприятиям, которых он никогда не в состоянии осуществить. Как часто рабы Божий в своем служении потерпели крушение. Существуют пределы и в труде, которых не должен перешагнуть ни один из рабов Божиих, если из его служения должен произойти пребывающий плод.

Бог попустил Ною упасть. Мы опять останавливаемся здесь перед одной из величайших тайн искупления. Человек достиг искупления своей неискупленной природы на основе своего же падения. В падении обнаружилось, в какой мере действуют еще в нем его собственные силы, которых он еще не осудил сознательно.

Петр только тогда смог освободиться от собственного самопознания, когда трижды отрекся. Однако Сам Господь бодрствует над часами такого испытания и просеивания Своих учеников, чтобы не оскудела вера их. То, чего Он хочет достичь в них это отделение пшеницы от плевел. Искупленные должны быть освобождены от всего, что "они" несознательно перенесли с собой из старого мира в новый. Потому что они призваны к свободе в Духе, а не порабощению плоти. Плоть приводит к смерти, в то время как Дух приводит к жизни и к будущему.

Мы уже знаем, что в мире вполне возможно подобное опьянение. Ведь все Каиново направление духа жило в состоянии этого самоопьянения. Но мы совсем не ожидали от Ноя того, что и он однажды опьянеет от плодов своей собственной виноградной лозы и от благословений новой земли. Открытие, что все новое в великой истории мира опять-таки начинается с падения, является для нас самым подавляющим из всего, что может предложить нам образование всей истории спасения человечества.

И все же никто не в состоянии изгладить этой истины из страниц истории. Если бы мы не знали, что Бог силен на почве всякого падения воздвигнуть более высокую жизнь, нежели та, что была до падения, мы могли бы тогда усомниться в окончательной победе господства Божиего на земле. И молитва: "Да приидет Царствие Твое", - так и замерла бы на наших устах. Но вот Царство Божие наступило и победило, несмотря на наше падение. И как ему принадлежит победа над прошлым, так будет ему принадлежать и победа над будущим, пока все царства не станут Царством Бога и Христа Его.

3. Падение Хама и его проклятие

Бытие 9,22-27

Еще ни одному жизненному пути ни в духовной, ни в плотской жизни, несмотря на весь свой полет ввысь и на свой идеализм, не удалось обойти падения. Только Один, назвавший Себя Сыном Человеческим, мог сказать: "Кто обличит Меня в неправде?" Он был совершенным откровением Бога во плоти и потому может быть образцом призванному к совершенству человечеству. Но вот все, что было до Него, - все обнаружило однажды свое падение, все новое падение.

Следует сказать даже больше. Все новое всегда носило в своей сущности зародыши, которые всегда приводили развитие человечества к катастрофам судов, если в ходе истории этим зародышам предоставлялось место и если они становились господствующими принципами жизни.

Пред лицом этих потрясающих ощущений можно было бы усомниться в человечестве и в его окончательном спасении, если бы, с другой стороны, не известно было бы, что Бог тем не менее силен во всяком падении пробудить новую и более высокую жизнь. То последующее, что Бог всегда извлекал из осуждения и смерти, всякий раз содержало в себе гораздо больше света и жизни, нежели предыдущее.

Поэтому, само собой разумеется, что некогда из величайшего падения истории человечества, которое совершится в царстве антихриста, воскреснет царственное господство Иисуса, Царство мира и правды во спасение всей земле.

В падении Хама нам повествуется о второй форме падения: "И увидел Хам, отец Ханаана, наготу своего отца, и, вышедши рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду, и, положив ее на плечи свои, пошли задом, и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели

наготы отца своего" /Бытие 9,22-23/.

Падение Ноя повлекло за собой и падение его сына. В то же время это падение предоставило возможность двум другим сыновьям Ноя для развития их более высоких добродетелей. Каждый грех способен вызывать возбуждение в указанных двух направлениях. Хама он обольстил к еще большему греху, Симу и Иафету дал повод для проявления самых благородных поступков. Когда Ной заметил, что наслаждение благословениями опьянило его, он убежал в свой шатер.

Хам, однако, вошел в шатер и посмотрел на своего отца. Затем он поспешил выйти из шатра и рассказал о случившемся своим братьям. Слово, которое употреблено здесь в древнееврейском тексте в смысле "рассказывать", выражает идею представления, наглядного изображения, некоторого повествования, которое превращается в целую историю. Следовательно, имеется, очевидно, в виду то обстоятельство, что Хам не только лично полюбовался тем, что увидел, он, вероятно, полагал, что в рассказе его найдется нечто такое, что позабавит его братьев, чем они смогут полюбоваться. Так случилось, что Хам пал, любуясь грехом ближнего.

Может быть, может показаться совершенно несущественным то обстоятельство, что именно здесь упоминается о том, что Хам был отцом Ханаана, т.е. того человека, который в истории явился родоначальником ханаанских народов. В своем последующем историческом развитии Израиль оказался между двумя народностями, происшедшими от Хама - между Египтом и Ханааном. В Египте он наблюдал "социальное", а в Ханаане - "нравственное" вырождение. У могилы обеих стран Израиль должен был постоянно вспоминать о том, где были заложены первые начала того исторического развития, которое вынуждено было привести к подобному вырождению и сопряженному с ним отвержению. В потомках Хама все более и все полнее насаждалось лишь то, чем питалась душа самого Хама.

Ни один народ древности не знал столь чистых отношений между родителями и детьми, как сыновья Иакова, в сердцах которых Сам Бог мог начертать: "Почитай отца твоего и матерь твою... чтобы хорошо тебе было!" Потому что на отношениях детей к родителям созидается все человечество. Родители являются по образу своего мышления, настроения, по своему характеру, целям и стремлениям дающими, а дети их - получающими. Когда же сын теряет эту восприимчивость и становится Хамом, который может радоваться от невольного падения своего отца, тогда и в этом сыне начинается снижение, которое в последующем развитии заканчивается полнейшим вы-

рождением.

В Симе и Иафете мы встречаемся с совершенно другим сыновним положением. Они нашли средство для того, чтобы прикрыть падение своего отца, которым так любовался Хам. Таким образом, оба они обнаруживают тот дивный закон жизни, который гласит, что можно встретиться с грехом ближнего, не оскверняясь, однако, этим грехом ближнего. Там, где глаз злого человека любуется злом в ближнем, там глаз праведника находит ту руку, которая в состоянии покрыть ошибку ближнего и готова служить ему. Люди, которые повсюду в жизни и в истории видят лишь зло, превращая его в материал для своих повествований, никогда не выполняют положительной миссии для созидания будущего. Никто не видит так ясно зла, как диавол. Но увиденное им превращает его в клеветника, в обвинителя всех нас и в противника всего творения Божиего /Захария 3,1-3/.

Когда Ной проснулся от своего опьянения и узнал, что причинил ему его младший сын, он сказал: "Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих". И далее сказал Ной: "Благословен Господь Симов; Ханаан же будет рабом ему. Да распространит Бог Иафета; и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему" /Бытие 9, 25-27/.

Так Ной, проснувшись от своего падения, оказался пророком. Существует и такое падение, которое служит человеку к жизни и не приводит его к смерти. Кто падает в помышлениях своего сердца, как об этом засвидетельствовал нам Ной в своем испытанном хождении пред Богом, тот совершен -но иначе оценивает свое падение, нежели Хам, который смаковал падение своего ближнего. Существует огромная разница между тем, падает ли человек потому, что наслаждается грехом ближнего, или потому, что грех обольстил его. Мгновенное действие может быть таким же, но последствия всегда существенно различны.

Когда Ной вновь обозрел в своем сердце все происшедшее, перед ним открылись перспективы для грядущего развития, каких до сих пор он не видел. Перед его духовным взором возник тот величайший образ грядущей истории мира, который дивным образом воплотился в действительность в течение последовавших тысячелетий.

Следовало бы прежде обратить внимание на то обстоятельство, что Ной называет Хама своим самым младшим сыном, в то время как он обычно называется вторым по счету. Это, может быть, можно было бы объяснить тем предположением, что все эти исторические откровения и повествования всего пред-

назначались для народа израильского. Для Израиля Сим, как подлинный родоначальник, был самым главным. Потомки Хама, напротив, представляли позднее в Египте и в Ханаане для всего Израиля величайших противников, с которыми ему предстояло постоянно бороться в течение всего своего исторического развития. С народами Иафета Израиль вступил в соприкосновение уже в последний период своей истории.

Все то, что увидел Ной в своих сыновьях, принадлежит к области "весьма глубокого и весьма далеко простирающегося явления жизни, которое когда-либо в состоянии был наблюдать открытый Богом глаз смертного". В главе, посвященной сыновьям Ноя, мы видели, что в Симе преобладал "духовный элемент", в Хаме - "чувственный", а в Иафете -"задушевный и восприимчивый". В образе действий своего самого младшего сына Ной увидел проявление того принципа, о котором он сказал, что он не может и не должен быть определяющим в истории. Чувственность, которая не в состоянии овладеть собой пред лицом видимой слабости ближнего, которая не обладает уважением к человеку, которому она обязана своим существованием, не способна пользоваться свободой и господствовать. Ханаан навеки останется рабом своих братьев. Как ни мрачна простирающаяся перед нами история мира в своем развитии, она все же подтверждает во всех своих областях, что жизнь, которая не в состоянии владеть собой, не способна добыть себе постоянной свободы и не способна господствовать. Страсти всегда приводили к порабощению как отдельных личностей, так и народов.

Пусть не покажется нам странным, что Ной проклинает Ханаана, сына Хамова, когда говорит о нем, что он "раб рабов будет у братьев своих". Мы видим здесь, что и благословение, и проклятия проявляются самым очевидным образом только в детях. Ной проклинает не Хама и благословляет не Сима, а говорит о двух противоположных развитиях истории, которые обнаружатся в их детях. "Кто не хочет быть наказанным в своем сыне, пусть почитает своих родителей", - такое глубокое и содержательное предостережение заключено в словах Ноя.

Рассматриваемый здесь предмет в качестве закона семьи должен рассматриваться и как закон развития народов. Когда младшие поколения, подобно Хаму, потеряют всякое уважение к прошлому, когда они не могут более найти в исторической действительности никаких пребывающих и непреходящих ценностей для будущего, тогда они могут временами останавливать свой взор на наготе минувшего, но будущее будет видеть их

лишь как рабов в хижинах Сима и Иафета. Хам и мог родить только Ханаана.

После Хама Ной обратил свой пророческий глаз на своего второго сына и сказал: "Благословен Господь, Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему". Следует обратить внимание на тот факт, что Ной, глядя на потомков Сима, говорит: "Благословен Господь, Бог Симов". Считают невозможным, чтобы человек мог оказаться однажды в состоянии благословлять Бога, в то время как само собой разумеется, что Бог благословляет человека. И все же это вполне возможно и совершилось однажды через потомков Сима. В древней истории не было такого народа, который в такой чистоте носил бы образ Божий в своей душе, который так сознательно пользовался бы полученным светом Божиим в качестве норм жизни и поведения для своего народа и государства и который обладал бы таким ясным представлением об окончательном господстве Божием над всякой плотью земли, как потомки Сима.

Мы уже подчеркивали, что высшие жизненные блага Бог даровал миру через Израиля. В то время, как Авраам, Моисей, Иеремия, Даниил и все другие пророки так настроились по отношению к Богу, что Он смог доверить им спасительные ценности непреходящего характера, и они благословляли Бога, становились соработниками Божиими в деле спасения человечества и в подготовке Его грядущего господства на земле.

Относительно того, что Сим, как и его отец Ной, состоял в личном сердечном общении с Богом, мы можем прийти к выводу на основании слов, которыми Ной свидетельствует здесь Боге. В своем благословении Ной называет Бога "Богом Силовым". Сим, очевидно, пережил так много драгоценного в своем общении с Богом, что он, как позднее и Авраам, оказался благословенным у Господа. И если впоследствии в истории Израиля постоянно называли Бога Богом Авраама, Исаака и Иакова, то делали это потому, что каждый из них в отдельности пережил так много великого в своем общении с Богом.

От Сима Ной переходит к Иафету и говорит: "Да распространит Бог Иафета; и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему". Древнееврейский корень слова, положенный в основу имени Иафет, обозначает весьма многое - "открытый ум, открытая душа для всех внешних впечатлений" .

В основном тексте это слово употреблено даже в глагольной форме, которая обозначает "открывать умы, души". Ной хотел возвестить Иафету, что Бог обеспечит ему и его потомкам влияние на других. И действительно, восприимчивость, с одной стороны, и влияние на других, с другой стороны, во

все времена являлись существенной чертой всех потомков Иафета. В хижинах Иафета было достаточно места для воспитания духа, для красоты, для музыки и искусства.

Эта восприимчивость образа жизни привела к тому, что потомки Иафета раскрылись для высших благ из жизни Сима, а потому сегодня являются в мире подлинными носителями и хранителями всех тех ценностей, которые Бог мог доверить человечеству с течением его развития. Потому что всегда в тех народах, в которых виден свет Бога Сима или в которых Бог Сима виден в Своем свете, - в этих народах исчезает блеск других богов, а языческие святилища и храмы обращаются в развалины.

Вот в таких могучих контурах пророческое око Ноя видело простирающееся перед ним будущее. Он видел в Божественном свете, как характер его сыновей сообщает развитию человечества определенное направление. От потомков Хама Ной не ожидал великого расцвета будущего человечества. Господство и свобода не могут порождаться страстями Хама. Произвол его господства, его постоянная погоня за людьми неизменно приводили к тому, что сам он оказывался в рабстве. Кто господствовал, порабощая других, тот неизменно всегда воспитывал своих рабов в своих будущих повелителей.

Но были великие времена и в древней, и более новой истории, когда потомки сынов Ноя были рабами других народов и воздыхали под бременем, которое они взаимно налагали друг на друга. В древние времена было подготовлено, таким образом, то великое посланничество Божие, которого удостоился мир во Христе, в своем Спасителе и Избавителе. "Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего /Единородного/, Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы - сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!" Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через /Иисуса/ Христа" /Галатам 4,4-7/.

Тоска по грядущему Избавителю жила как в Израиле, так и в других народах. Это ожидание, это банкротство в жизни отдельных личностей, народов и государств подготовило ту почву, на которой Иисус мог принести Своим Евангелием нечто совершенно новое в избавление воздыхаемому человечеству. Как ни мало и ничтожно, как ни презренно и отверженно оно было в своих началах, Царство Божие преодолело иудейство и язычество в древнем мире и создало совершенно новое будущее.

В этом Царстве Божием заключены все силы для искупления настоящего. Оно не потеряло ни своих вновь творящих сил, ни своих светлых перспектив на будущее. Правда, представители его часто жизнью своей отрицали его сущность, но Царство Божие непоколебимо стоит в этом мире, как то несокрушимое творение Божие, которому единственно принадлежит будущее.

4. Падение Нимрода и его принципы

Бытие 10,6-12

В Нимроде мы знакомимся с третьей формой падения, которая может постичь потомков спасенного народа. Нимрод пал, злоупотребив своим даром ради порабощения своих братьев. До сих пор сыновья Ноя были не чем иным, как родоначальниками народов, которые распространились по земле, чтобы возделывать ее поля и добывать ее сокровища. В Нимроде, внуке Хама, вносится в эти народы совершенно "новая потенциальность в развитии их". Нимрод начал с того, что был "силен на земле". Он дышал духом Каина и Ламеха и вознес подвиг в особое призвание, находя в нем подлинную цель своей жизни.

Чрезвычайно знаменательно, что он был внуком Хама, который мог любоваться падением своего отца. Хаму не известен был дух того священства, который покрывает вину ближнего любовью и который пытается помочь упадшему. Внук его Нимрод приступил к тому, чтобы мудростью и силой подчинить себе окружающих. Древнееврейское слово, которое употреблено здесь в смысле "силен" /герой/, фактически означает насилие над другими, так что ближний, подвергающийся этому насилию, уже не в состоянии подняться.

Мы уже видели, правда, в связи с другим случаем, что каждый дар или благословляет нас, или обольщает. Он благословляет нас тогда, когда мы благословляем других этим даром. Он обольщает нас тогда, когда силой своей приводит нас к тому, что мы что-либо похищаем у более слабых.

По своей сущности каждый дар может быть святым и ценным. Не было бы ничего худого в том, если бы Нимрод лишь в большей степени, нежели другие, обладал интеллигенцией и силой. Ясное светлое суждение может служить лишь тем людям для правильной ориентировки, которые в данный момент не в состоянии разобраться в самих себе и в переменах жизни. Но это же суждение может превратиться в эгоистическую мудрость у тех, которые из всего пытаются извлечь выгоды и достичь

преимуществ. Крепость способна помогать людям и народам, защищать права и справедливость, поддерживать и подымать слабых. Но она способна также быть жестокой и бездушной, а также беззастенчивой несправедливостью и порабощать и грабить то, что в сравнении с ней является более слабым. Богатство может быть источником бесконечных благодеяний, утешением для многих страдающих и строительным материалом для здоровой культурной и хозяйственной жизни. Но оно может также ожесточать сердца, порабощать бедных, облагораживать эгоизм и лелеять похоти. Решающим элементом во всяком даре является образ мышления, которому он служит. Под господством угодного Богу образа мыслей он подымает и носит, благословляет и утешает, облагораживает и обогащает. В служении же человеческому самолюбию он ослабляет и обирает, унижает и порабощает все, на что только в состоянии оказать свое влияние.

Какое настроение сердца воспитывали в себе отцы Нимрода, мы могли видеть на примере Хама. Поэтому естественным представлением является и тот факт, что там, где прежде была потеряна нравственная совесть, со временем исчезает и социальная свобода.

В жизни же Нимрода определяющими были не нравственные побуждения, а беспощадное самолюбие, об этом можем судить на основании сказанного о нем далее: "Он был сильный зверолов пред Господом; потому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом" /Бытие 10,9/.

Древнееврейское слово, которое употреблено здесь в смысле "сильный", употребляется также и в отношении охоты. Однако очень часто его употребляли и в переносном смысле для обозначения "охоты на людей".

Эти четко выраженные черты характера проявляются в Нимроде. Сила сочеталась в нем с коварством, поэтому он оказался "сильным звероловом", который умел улавливать окружающих с помощью своих тайных планов и идей. Дар его, внутреннее превосходство и его героизм осквернились его хитростью и коварством. В нем проявилась та несчастная жажда насилия и господства, которая с тех пор постоянно утверждалась в развитии истории народов. Она приводила к господству тиранов, под бременем которых современники истекали кровью и нищали. Человеческая жизнь теряла свою ценность, жертва народов не представлялась слишком великой, когда дело касалось того, чтобы удовлетворить жажду славы и господства, роскошь и жестокость коронованных душ наподобие Нимрода.

В тексте Библии, однако, с высказыванием о силе Нимрода дважды сочетается выражение "пред Господом". Нимрод называется "сильным звероловом" пред лицом Господа. Совершенно не понятно, кажется, как можно сочетать духовное направление с настроением сердца Нимрода, как можно действия его определять как явления, происходящие "пред Господом". Потому что слова эти в Писаниях Ветхого Завета всегда употребляются в отношении людей, которые сознательно выполняли явленную им волю Божию. Никогда они не выражают образа мыслей или действий, которые не соответствовали бы воле и планам Божиим. Поэтому слова "пред Господом" можно толковать как "во имя Божие" по отношению к делу, которое совершается с виду вполне благочестиво и угодным Богу образом.

Но именно потому, что Нимрод сумел придать своим действиям видимость благочестия, обольщение достигло своей вершины и в этом явлении. Ибо то понятие Бога, которое воплощалось в имени "Иеговы" /Ягве/, еще долго не изглаживалось из памяти развитых тогда народов. Явление потопа было слишком велико, язык судов был слишком могуч и спасение отцов слишком дивно, чтобы можно было забыть обо всем этом на протяжении нескольких поколений. Кому, однако, известны развития исключительно духовных личностей и духовных движений, тот знает, как легко могли внешне культивироваться язык и мировоззрения тех великих времен, которые послужили отцам во спасение в последующих поколениях, хотя они уже перестали, в свою очередь, дышать духом своих отцов.

Вот поэтому мы здесь встречаемся с возникновением того злоупотребления именем Божиим, которым постоянно занимались сильные и герои в духе Нимрода. Чтобы скрыть от слабых отвратительность образа своего мышления, они умели облекать свои действия в видимость угодного Богу. Нимрод был первым, кто начал угнетать своих ближних "во имя Божие". Он явно умел скрывать самолюбивое насилие под видимостью благоугодного Богу, вызывая, таким образом, признание во имя Божие. Он украшал свои планы святыми фразами, чтобы вводить в заблуждение ходящих пред Богом.

В этом злоупотреблении именем Божиим в последующие времена так широко упражнялись, что фараоны и кесари, возгордившись, считали себя даже заместителями Бога или даже богами на земле и от своих народов требовали не только тяжелейших жертв имуществом и кровью, но и богопочитания и поклонения

Итак, мы стоим здесь у колыбели того человеческого царствования, носители которого облекались видимостью Божест-

венного, однако, они никогда не дышали Духом Божиим. Правда, и в хижинах Сима, и в эпоху христианства среди князей и царей народов Иафета встречались такие личности, которые, несмотря на скипетр и корону, не носили облачения "Нимрода" и меча "Амалика", желая быть не чем иным, как только истинными слугами своего народа по поручению Божиему. Как и всякий другой дар, так и государство, и царствование могут быть неисчислимым благословением для своего народа. Но они могут также превратиться и в проклятие, от которого будет воздыхать человечество. Из образа мыслей и настроений Нимрода всегда возникает только Вавилон. В царствовании его заложены первые начала того исторического мирового Вавилона, который в течение тысячелетий развития человечества превратился в тип противных Богу принципов. В самолюбивой душе Нимрода родились вдохновения для того безбожного мирового господства, которые обретут свое окончательное завершение и суд в антихристе и его мировой державе.

Какая кровавая драма вытекала всегда из этих вдохновений! Они приводили человечество в невыносимое рабство и подвергали его не находящим названия бедствием, они оскверняли самое святое в человеческой жизни и превращали людей, как и имущество, в предмет своего хищения. Если даже некоторые из подданных их и отдельные из властителей их и склонялись в свое время перед помазанниками Божиими, государства, как таковые, только украшали себя видимостью христианства, в душе же их всегда пребывал зверь.

Однако управление Божие в великих мировых событиях приводило всегда к тому, что один зверь всегда наносил смертельную рану другому зверю. Таким вот образом Бог защищал мир от возникновения все порабощающей мировой монархии. История предлагает нам весьма удивительный вывод: всякая власть, когда она достигает высшего потенциала своего могущества, становится слепой, а потому пренебрегает в сознании своей силы всякой более высокой мудростью. Поэтому однажды она подчинится пусть и более слабой, но обрученной с мудростью власти.

До сих пор еще ни один из завоевателей мира не смог создать длительной мировой монархии. Каждая как будто и удавшаяся попытка едва ли переживала своего основателя. Их "евангелие" правда, обещало мир, но наступление ее всегда приносило с собой меч. Тогда дети становились сиротами, тогда плакали матери, тогда сокрушались сердца стариков, а хижины и дома горели, как "известковые печи".

Один из библейских пророков-провидцев увидел однажды ха-

рактер внутренней сущности Нимродовой мировой монархии и изобразил ее потрясающими словами. Это был тот великий пророк Исайя, который во дни царя Езекии жил в Иудее. Он возвестил своему народу о том, что он видел и слышал среди народов. Послушаем и мы нечто из того, что ему необходимо было сказать своему народу! Он говорит:

"Вот, сильные их кричат на улицах;
послы для мира горько плачут.
Опустели дороги;
не стало путешествующих;
он нарушил договор, разрушил города, -
ни во что ставит людей.
Ныне Я восстану, говорит Господь,
ныне подымусь,
ныне вознесусь.
Вы беременны сеном, разродитесь соломою;
дыхание ваше - огонь, который пожрет вас.
И будут народы, как горящая известь,
как срубленный терновник, будут сожжены в огне".

/Исайя 33,7-8 и 10-12/.

Это потрясающий образ, пророк видел его уже в жизни народов в свои дни. Послы мира плакали, потому что тщетно пытались видеть Бога в жизни народов. Потому что там где обитает Бог, там пребывает мир, а среди народов его эпохи господствовали бедствия и несчастье. Там где обитает Бог, там пребывает мир, а народы терзали друг друга в войнах. Там где обитает Бог, там пребывает жизнь и благословение, а жизнь народов не могла найти себе места убежища, и смерть не редко была избавительницей от переносимых страданий сердца и бедствий.

Что же так переплавляло тот мир, который видел Исайя? Народы полагали, что они в состоянии обеспечить себе счастье, покоряя мир, но при этом они губили себя и теряли уже имеющееся свое счастье. Они забывали, что всякое спасение для настоящего и будущего должно исходить только изнутри, а поэтому правда и мир должны быть в созидании самым первым, основным и незаменимым материалом. Потому что с безнравственностью всегда погибает культура. Око пророка видело, как вырождались люди, и даже Ливан чувствовал, что опускается, и терял свое плодородие; Сарон превращался в пустыню, а Висан и Кармил сбрасывали свое украшение - листву.

Однако чего не видели тогда послы мира, то видел пославший их Бог. Там, где земля теряет свою надежду, восходит

утренняя заря спасения Божиего. Опьянение человека должно миновать, должны исчезнуть и мечты его об абсолютной человеческой славе, чтобы предоставить место правде и силе Божией.

Когда человек останется у развалин своего собственного творения, когда мнимое созидание счастья приведет к постыдному обнищанию и бедствию, а внутренне обанкротившийся человек окажется перед крушением своей жизни и дела, - тогда возвысится Бог. Тогда Он повелевает своим пророкам открывать новое, а носители Его правды вносят в историю мира непреходящий вклад для грядущего господства Его на земле.

Пророк слышит, как Бог возвещает народам потрясающую истину: "Вы беременны сеном, разродитесь соломою; дыхание ваше - огонь, который пожрет вас". Болезненный великий результат истории мира, начиная с момента предпринятого Каином строительства городов и охоты Нимрода за народами и вплоть до настоящего времени, является подтверждением той истины Божией, что человек в своей ложной настроенности зачинает сеном, рождает солому, и дыхание его - огонь, который и пожрет его. До тех пор, пока человек не будет видеть в Боге и в своем ближнем самого высокого на земле, до тех пор, пока не будет склонять свои колени в поклонении перед самим собой и перед преходящими богатствами, он будет искать свое спасение там, где оно будет погребено. Целые народы с воодушевлением, следуя своим идеалам, проходили по великой сцене истории мира, пока идеалы эти не стали им сетью, а творения их не превратились в места обжига известия и культуры их - в тернии, которые пожрал огонь.

Вот что думает Бог о созидаемой в духе Нимрода истории мира. И блаженны те, которые в сердцах своих и в своей жизни решаются признать правоту Божию. Они освободятся от духа Нимрода и обретут покой в Духе Того, Который учил нас молиться Отцу Небесному: "Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как и на небе!"

Пророки Божий никогда не видели судов Божиих, в которых не проявлялась бы благодать Его; они никогда не видели гибели, в которой не заключался бы элемент воскресения; они никогда не видели царств земли без грядущего Царства Божиего, никогда не видели антихристовой монархии без грядущего на ней Царства мира Иисуса Христа.

Так и наш пророк нашел те слова, чтобы возвестить о делах Божиих в их подлинном величии. Он обратился к своему народу, который трепетал в своей душе пред лицом великих

исторических событий: "Глаза твои увидят Царя в красоте Его, узрят землю отдаленную. Сердце твое будет только вспоминать об ужасах: "где делавший перепись? где весивший день? где осматривающий башни?" Не увидишь более народа свирепого, народа с глухою, невнятною речью, с языком странным, непонятным. Взгляни на Сион, город праздничных собраний наших; глаза твои увидят Иерусалим, жилище мирное, непоколебимую скинию; столпы ее никогда не исторгнутся, и ни одна вервь ее не порвется. Там у нас великий Господь будет вместо рек, вместо широких каналов; туда не войдет ни одно весельное судно, и не пройдет большой корабль; ибо Господь - судья наш, Господь - законодатель наш, Господь - царь наш: Он спасет нас /Исайя 33,17-22/.

Это пророческое видение грядущего; его могли видеть лишь те личности, которые знакомы были с сущностью Божией. Тот, кто носит в себе этот дух пророческой надежды, не ожидает более спасения для народов от созидаемой в духе Каина городской культуры или от царствования, совершаемого в духе Нимрода. Все его страстное стремление обращено к господству Бога на земле, господству духа над материей, к господству Помазанника над людьми.

Это господство Божие все более и более явно и очевидно для видящего, но оно сокрыто для мечтающего и спящего. Подобно тому, как с неотразимой необходимостью появляются один за другим суды, как следуют одна катастрофа за другой из внутренней жизни народов, так с той же неотразимой внутренней необходимостью появится в свое время слава того Царства Божиего, о котором народы будут свидетельствовать:

"Господь - судия наш,
Господь - законодатель наш,
Господь - царь наш:
Он спасет нас".

5. Падение Вавилона и смешение языков

Бытие 11,1-9

В характере Хама, в политике насилия Нимрода мы видели уже те новые принципы последующей истории, которая должна была оказаться роковой для созидания человечества. У Хама не было души священника, а у Нимрода - души политика. Хам не понимал того, что необходимо покрывать грехи ближнего; он поступил наоборот: непроизвольное падение ближнего он превратил в забавный рассказ для своих братьев и для буду-

щего. Это всегда противно Богу. Нимрод обнаружил свои преимущества, и они явились для него средством, порабощая ближнего, для основания и утверждения своего благополучия и своей славы. Это также противно Богу.

Вот так случилось, что в земле Сеннаар образовалось то царство, которое должно было приобресть типическое значение для грядущего развития истории. С тех пор Вавилон является во всей истории спасения типом и носителем той мировой власти, которая воплощает в себе все противные Богу принципы, которая под видом спасительного и благоугодного Богу возводит их в норму для своего господства и для своего будущего. Духовный Вавилон остается поэтому в великой истории развития человечества центром развития всякой власти, чтобы обосновать то мировое господство, которое возвело самоизбавление и самопрославление в высочайшие нравственные принципы истории. Мы знакомимся с существенными характерными чертами этого Вавилона, благодаря тем сведениям, которые оставлены нам в связи со строительством Вавилонской башни.

С основанием Вавилона появляется в поле зрения человека новое единство. Нимрод не сумел объединить всех потомков сыновей Ноя под своим господством. Когда он положил основание своему царству в земле Сеннаар, Ассур, сын Сима, уже удалился из той земли, направился к северу и основал там Ниневию и другие города /Бытие 10,11/. Если Нимрод нашел свою славу и свое счастье в своих завоеваниях, то Ассур искал и то и другое в градостроительстве и в своей культуре. Однако, несмотря на различие стремлений этих народов, существовала единая связь, которая объединяла их друг с другом в одну семью народов. Это был язык, это были воспоминания.

Божественный момент, который некогда соединял отцов нынешних народов в одну семью Божию на земле, угас уже во многих народах. Однако воспоминание о великих переживаниях отцов еще не умерли, хотя люди уже почти не жили в духе своих отцов. Этот контакт на основе одного языка и воспоминаний о великой катастрофе минувшего оказался средством для создания нового единства в земле Сеннаар. Здесь на основе сотрудничества всех народов предполагалось создать несокрушимую базу для единства и будущего всего человечества. Принципы этого великого создания воплотились в основании города, в строительстве башни и в стремлении "сделать себе имя". Чрезвычайно знаменательным в строительстве Вавилонской башни является тот факт, что ни в одном из народов и носителей тогдашней истории не сказано того, что сказано было некогда об Енохе и Ное: "Он ходил пред Богом". Великая

программа будущего, изданная Нимродом для того, чтобы осчастливить все народы, очевидно опьянила их и может быть, даже и тот святой остаток, который был у Бога в то время.

Никогда Нимрод не смог бы побудить всех людей отказаться от своей личной свободы и пожертвовать своими силами ради общей дели, если бы от него лично не исходили побуждения, инициатива, которая захватила всех и которая вызвала у всех преданность новому великому делу культуры будущего. Так, благодаря вдохновениям его духа, было создано то новое единство, которое должно было отныне соединять всех в единую мировую державу.

Этой характерной черты Вавилон не мог уже более отрицать с тех пор во всей мировой истории. И цель Вавилона в единстве, и душа Вавилона в стремлении к общему целому; Вавилон хочет облагодетельствовать всех, облагодетельствовав самого себя. Но единство Вавилона лишает прав отдельный род и народ, а цель Вавилона приводит к катастрофам в истории.

Эти черты обнаруживаются в высшем развитии власти, когда исторический Вавилон конца времен откроется в своей самой сокровенной сущности как царство антихриста на земле. Это будет величайшее творение, которое когда-либо создало человечество собственными силами. И, может быть, созданное окажется столь ослепительным и столь подобным тому, что угодно Богу, что даже те, которые ожидают господства Божиего на земле, не смогут вначале распознать подлинного характера этого великого человеческого творения.

Новое единство было создано с целью самоизбавления; все то, что один человек мог сообщить другому в качестве избавления и гарантий для обеспечения будущего, звучало следующим образом: "И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли" /Бытие 11,4/. Люди полагали, что уже нашли то средство, с помощью которого все смогут объединиться в одно вечное государство народов. Ибо именно в том, что люди сделали самоцелью всеобщее универсальное государство, они усматривали в нем сохраняющую силу, прогрессирующее оздоровление, избавительную цель для всего будущего.

Мы не знаем, какие планы сочетались .с строительством башни до небес. Может быть, люди полагали строительством башни на прочном фундаменте из обожженных кирпичей, которая своей высотой способна будет на штурм небес, создать себе место убежища на тот случай, если человечество снова под-

вергнется истреблению потопом. Если эта именно мысль оказала свое влияние в деле объединения тогдашнего мира для единых действий, то факт этот обнаруживает лишь тот элемент, который с тех пор всегда оказывался в истории существенной базой для объединения и для единых действий человечества. Люди, очевидно, пытались обойти повторение гибели от вод нового потопа, полагая воздвигнуть башню, которая будет в состоянии сопротивляться волнам судов.

Но это только самоизбавление. Люди трепетали перед судом и пытались избежать повторения его, стараясь спасти самих себя. Вместо того, чтобы задаться вопросом, что привело некогда мир Каина к катастрофе, чтобы затем уже внутренне освободиться от ложных принципов и от противного Богу духа своей эпохи, люди пытались самостоятельно избежать нового суда Божиего.

Не внутренним раскаянием в противных Богу принципах руководствовался мир в своем развитии и в своих новых достижениях своей культуры, а единственно мыслью избежать повторения судов в будущем.

При этом мир не предполагал, что как раз, благодаря своим новым созданиям, возникает основание для нового последующего осуждения его. Ибо суды над миром рождаются в душе человека, а не в достижениях его культуры. Существует только одно средство избежать суда, и оно заключено в душе и в духе человека. Кто внутренне осуждает все то, что приводит мир к осуждению, кто вновь обретает то положение и отношение к Богу, к ближнему, к творению, к которому призван человек, тот нашел то основание, которого не сможет поколебать ни один суд. Пусть мир заново идет навстречу катастрофам, такой человек, как некогда и Ной, устоит и посреди судов и не будет осужден.

Далее, древний мир прежде всего сочетал с идеей самоизбавления и идею самопрославления: "Сделаем себе имя! ". И в этом слове обнаруживается совершенно противный Богу образ мышления и противное Богу направление духа. Правда, и Божий план спасения стремится привести человечество к единству но и к единстве в духе и истине . И намерения Божий состоят в том, чтобы даровать человеку полноту власти над его творением, но единственно на том основании, когда человек вполне освободится от собственной природы и добровольно подчинит себя Богу. Только полное соединение с Богом приводит к господству над творением. И творение учится повиноваться тому, кто склонился пред Богом.

Вдохновения, которые некогда исходили из земли Сеннаар,

позволили народам увидеть все то, что они в состоянии совершить и что помогло им осознать, какая огромная мощь заключена к объединении всех сил человечества. Если эта мощь направлена к одной цели, то она, несомненно, окажется в состоянии преодолеть мир и создать себе вечное будущее. Обладая этим именно сознанием, люди сказали тогда: "Построим себе город и башню, высотою до небес; и сделаем себе имя".

С тех пор люди подчинили все свои силы тому, чтобы создать мировой город и воздвигнуть башню высотой до небес и, таким образом, сделать себе имя. Но кому же тогда они хотели противопоставить свое имя? У тогдашнего мира был только собственно он, т.е. мир, и его Бог. Слава поэтому должна принадлежать только им самим, т.е. тогдашнему обществу в целом, всей совокупности, противопоставляя эту совокупность общества как Богу, так и отдельному члену ее, человеку. Но в этом случае это великое творение культуры не должно было оказаться средством служения общества отдельному ее члену. Наоборот, служение обществу в целом превратилось в самоцель, которой будут приносить в жертву отдельную личность. Слава общества превратится в идола будущего, которому будут жертвовать все и всех.

Таким образом Ноева Бога благодати хотели заменить идолом человеческого самопрославления. Что самым суровым образом осуждали в жизни отдельного человека, то в Вавилоне считалось высшей нравственностью для всей совокупности общества. Все то, чем обладала отдельная личность: сила и кровь, интеллект и имущество, счастье и радость - все это она должна была принести в жертву для прославления всего общества в целом. Достигшие нас предания, относящиеся к тем дням, гласят: "Если человек терпел несчастный случай при строительстве, они не принимали этого к сердцу; если же падал на землю кирпич, они подымали вопли: чем же мы сможем заменить его?"

Это предание вполне характеризует нам то внутреннее замешательство первой мировой державы, которую люди строили без Бога. И где с тех пор в истории мира обнаруживались творения в духе Вавилона, то они строились на славе целого общества, шагая через миллионы трупов и притом, хвалясь в своем безумии, утверждали, что это все служит обществу .

Очевидно и в земле Сеннаар, благодаря великой культуре, приступили к делу, для которого все последующие поколения должны были приложить свой труд. Ведь еще и сегодня стоят в Египте, унаследовавшем идеи и планы Нимрода, пирамиды как свидетели того, что каждый фараон начинал строить их, всту-

пив только на престол. Это строительство усыпальницы царской славы непрерывно продолжалось до момента смерти фараона, при этом фараон не задавался вопросом, сколько человеческого счастья и сколько жизней было загублено теми жертвами, которых требовала такая постройка человеческой славы. Такие творения всегда считались славой всего народа, всей его совокупности, в действительности, однако, они были не чем иным, как только прославление тех Нимродов, которые умели на основе своих вдохновений сплетать из крови и сил подчиненных им народов лавровый венец на свое чело.

"И сошел Господь, - так сказано в древнем библейском повествовании о строительстве Вавилонской башни, - посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие"/Бытие 11,5/. В этом снисхождении Бога заключалось спасение для будущего, потому что Бог сказал: "И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы они не понимали речи другого" /Бытие 11,6-7/.

Это был суд над Вавилоном, но и благодать, явленная для будущего. Едва ли мы решимся представить себе, что случилось бы с историей мира, если бы постройки славы Нимрода не подверглись смешению языков. Мир давно превратился бы в невыносимый ад, который не только пожирал бы отдельного человека, но и всю совокупность человечества. И сказал Бог, что это то первое дело, которое люди задумали выполнить; если бы они достигли успеха в этом деле, они, несомненно, шагнули бы к большему. Спасение будущего заключалось, поэтому снова в суде над настоящим.

Вавилонская башня и снисхождение Бога с тех пор являются двумя великими факторами мировой истории. Вавилон снова и снова приступал к строительству своей славы, пленяя своим евангелием народы и порабощая их ради собственного самопрославления. Но на всякую из таких попыток Бог отвечал в истории человечества Своим нисхождением. Оно всегда означало суд над Вавилоном, а потому и избавление народов.

Мы хотели бы еще раз вспомнить ту великую драму, осуждение Вавилона, в связи с величайшей исторической драмой конца времен, которая воспроизводится перед нашей душой в дивной панораме Откровения Иоанна. Там мы видим исход великой борьбы между строительством Вавилонской башни и нисхождением Божиим. Это тот же исход, который мы уже обнаружили в борьбе Бога против Амалика, а эта борьба ведется от поколения к поколению.

Цель всей борьбы света с властями тьмы не маловажна - это единое господство Бога над народами мира. Все то, что Бог всегда производил Своим нисхождением, было не чем иным, как образом, который противопоставлялся сущности и характеру Вавилона. В Апокалипсисе Иоанна Вавилон выступает в невиданном еще до сих пор развитии власти и в ослепительном блеске на арене истории. Но он тотчас разрушится, когда только Бог снизойдет с другого горнего здания - нового Иерусалима, - который отныне становится скинией Бога среди человеков. Потому что там, где восседает Бог, рушатся башни Вавилона, угасают вдохновения человечества, которое настроено на само себя. Так заканчивается история мира, несмотря на свои бесчисленные катастрофы и суды, в искуплении мира, которое налагает на творение Божие новую печать и новый характер: "Се, творю все новое!"

Содержание

Содержание